

91(98)

17-129

ЗЕМЛЯ ФРАНЦА-ИОСИФА

725
дней

149955

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач. _____

Зак. 596

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВСЕВМОРПУТИ**

Полярная библиотека

Вышли из печати:

Р. АМУНДСЕН

Плавание на судне „Йоа“

Цена в перепл. 12 руб.

Р. БЭРД

Над Южным полюсом

Цена в перепл. 12 руб.

Последняя экспедиция

А. Вегенера в Гренландию

Цена в перепл. 9 руб.

А. ГРИЛИ

Три года в Арктике

Цена в перепл. 8 р. 50 к.

К. РАСМУССЕН

Великий санный путь

Цена в перепл. 7 руб.

В. СТЕФАНССОН

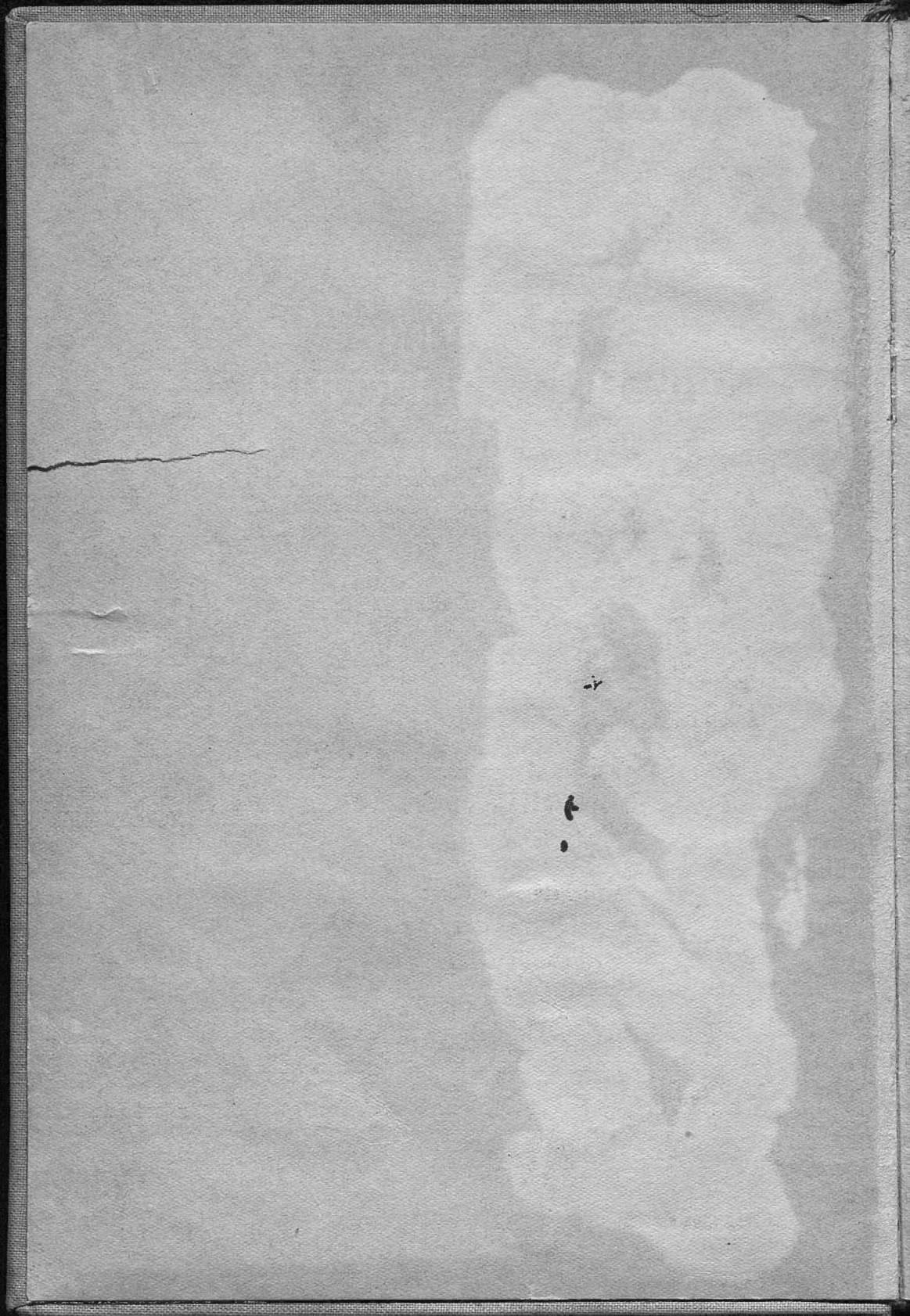
Гостеприимная Арктика

Цена в перепл. 14 руб.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Ленинград, Фонтанка, 34

Издательство Главсевморпути

ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ЮЛИУС ПАЙЕР

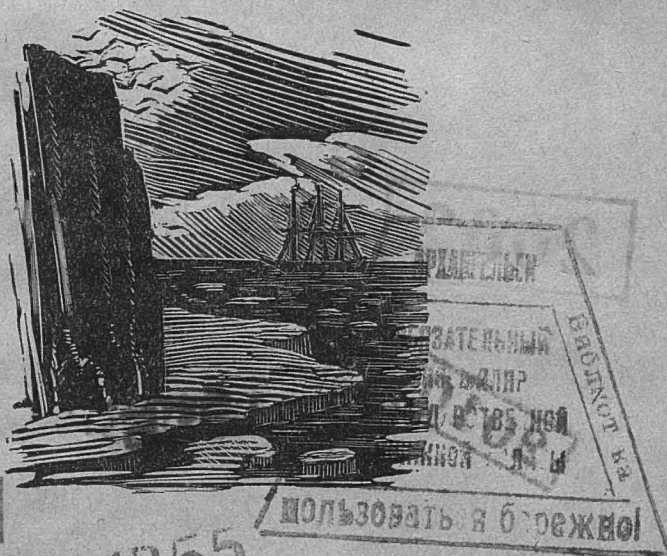
C 98(98)
17/24

725 ДНЕЙ ВО ЛЬДАХ АРКТИКИ

АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ
ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
1871 — 1874

Перевод и редакция
И. и Л. Ретовских

1948

1966 г.

пользовать в б.режисе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ • ЛЕНИНГРАД • 1935

05408к

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

91 (88)

DIE ÖSTERREICHISCH-UNGARISCHE
NORDPOL-EXPEDITION

in den Jahren 1872 — 1874

nebst einer Skizze der Polar-Expedition von 1871

von
JULIUS PAYER

WIEN, 1876

2002

2010

1355

Нейтрализация

20 10 г.

Юлиус Пайер.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более шестидесяти лет отделяют нас от эпохи, в которую было совершено последнее крупное географическое открытие в европейском секторе полярной области: в 1873 году экспедицией Карла Вейпрехта и Юлиуса Пайера к северу от 79° северной широты был обнаружен и обследован обширный архипелаг, названный ими Землей Франца-Иосифа.

Австро-венгерская экспедиция была снаряжена по тому времени образцово, а руководство ее было вверено опытным полярникам и испытанным, отважным исследователям. Изучение Земли Франца-Иосифа — прямая заслуга Пайера и его спутников, но открытие этого архипелага — дело простого случая. В конце лета 1873 года экипаж зажатого льдами «Тегетгофа», дрейфовавшего в течение целого года сначала в северо-восточном, а потом в северо-западном направлении, неожиданно увидел сквозь лопнувшую завесу тумана очертания берегов неизвестной земли.

Двумя годами раньше Вейпрехт и Пайер совершили в Баренцовом море — называемом ими Новоземельским — рекордноскоростную поездку для ознакомления с ледовым режимом его. Уже во время этого плавания исследователи видели несомненные признаки существования в северном направлении какой-то земли, тем не менее действительное открытие ее экспедицией 1872—1874 гг. было совершенно случайным. «Открытие земли совершилось не нашими ста-

раниями, ее подарил нам счастливый каприз пленившей нас льдины», — говорит об этом событии Пайер.

Идейным руководителем австро-венгерской экспедиции был неутомимый пропагандист дела изучения полярных областей, крупнейший географ второй половины девятнадцатого века — Август Петерманн.

По мысли Петерманна, экспедиция должна была направиться в северную часть Новоземельского моря, до сих пор ни разу не посещавшуюся кораблями, предполагавшими там скопление тяжелых льдов. Трудно оценить по достоинству энергичную деятельность Петерманна по организации и пропаганде полярных экспедиций, но замечательно при этом, что главный источник энергии Петерманна состоял в ошибочной гипотезе, предполагавшей существование свободного от льда Полярного моря.

Какие грандиозные перспективы открывала эта теория для дела международного сближения! Она предполагала существование кратчайшего пути между материками Старого и Нового Света, и оставалось только доказать реальность его. Ради такой цели стоило постараться, и Петерманн не жалел слов и сил в поисках за средствами найти эти доказательства.

Перспективы ослепили маститого географа, он не доглядел, что эта древняя гипотеза¹ покоится на шаткой основе, что наиболее веские аргументы в пользу ее по существу чрезвычайно мало доказательны. Мнения моряков, наблюдавших в высоких широтах, «куда ни кинешь взор, одну лишь чистую воду», — служили главной опорой этой теории. Другое «доказательство» существования свободного от льда полярного моря состояло в том, что за участки такового принимались большие, довольно постоянные полыньи, наблюдавшиеся неоднократно в разных частях Полярного моря, а именно: обширная полынья в Восточно-Сибирском море, виденная Геденштромом, полынья в канале Кеннеди (Мортон) и участки чистой воды к северу от Шпицбергена.

¹ Теория открытого Полярного моря была создана несколько веков тому назад голландским географом Планцием в эпоху, когда никто собственными глазами не видел этого моря. Гибкая молва и богатая фантазия рассказчиков приукрасили эти неизвестные страны сказочными красотами. Мимо этих красот, через полюс, должен был пролегать кратчайший путь в Китай. «Все экспедиции к северному полюсу происходят в конце концов от этой гипотезы, имеющей впрочем ныне лишь очень мало сторонников», — говорит Пайер. Он глубоко прав: в этих словах кроется тайна очень многих полярных экспедиций, — в том числе и австро-венгерской, — имевших, по уверению их организаторов и руководителей, чисто научный характер.

Интересно, что и сам Пайер, выступающий в своей книге против этой устарелой доктрины, не был во время экспедиции вполне свободен от очарования этой заманчивой гипотезы. Когда, следуя вдоль берегов Земли Рудольфа, санная экспедиция увидела впереди на севере водяное небо, его охватили сомнения. Немного времени спустя Пайеру удалось со своими спутниками взобраться на береговые возвышенности Земли Рудольфа: «с вершины мыса мы имели возможность определить размеры обнаруженного нами водного пространства. Оно оказалось не морем, а окруженной старым льдом большой полыней. Умеренно плотный молодой лед покрывал ее местами».

Действительность рассеяла иллюзию. Но в том, что иллюзия могла существовать, мы имеем доказательство того, что в семидесятых годах прошлого века теорию открытого Полярного моря нельзя было еще считать нелепой выдумкой. «Известная логическая последовательность, — говорит Пайер, — содержалась в убеждении в возможности существования открытого Полярного моря. Сторонники ее указывали, что лед образуется в приполярной области в какой-то определенной, а вовсе не в беспредельной массе. А так как это определенное количество льда выносится из центральной области в более южные широты более или менее равномерно, то, следовательно, в течение по крайней мере одного-двух летних месяцев, т. е. в период ледового минимума, когда не происходит новообразования льда, Полярное море должно быть относительно свободно от льдов. Однако, такое, доступное для кораблей, центрально-полярное море было бы в действительности мыслимым только в случае равномерного стекания льдов по радиусам от полюса по всем направлениям. Природа — враг подобного рода правильностей, и потому равномерная убыль льдов невозможна — помехой ей являются ветры, противные течения и лежащие на пути земли».

После путешествия на «Тегетгофе» Пайер окончательно освободился от симпатии к гипотезе Петерманна. Возвратившийся из тяжелого путешествия усталый исследователь стал пессимистом. Он не только вполне основательно отрицает устарелый взгляд на проходимость центрального района Полярного моря, но относится скептически вообще к плаванию в Ледовитом море. Борьба со льдами — вещь бесполезная, она не по силам человеку, — этот мотив звучит во многих местах Пайеровского сочинения.

Итак, Пайер отверг теорию существования открытого Полярного моря, теорию, без которой не существовало бы его

собственной экспедиции. В среде сторонников своего взгляда Пайер находил таких крупных ученых и мореплавателей, как Гудзон, Баффин, Филлипс, Чичагов, Бухан, Франклин, Парри, Коллинсон, Скоресби, Мак-Клинтон, Кольдевей, Торелль, Норденшельд и другие. Окончательно убежденный в неправильности взгляда Петерманна, Пайер старается выручить «полярного папашу»¹ и доказывает, что он вовсе не был того мнения, будто существует совершенно свободное от льда центральное полярное море, а только считал, что оно «должно быть с некоторыми оговорками пригодным для мореплавания». Повидимому, однако, дело обстоит несколько иначе, и мы можем заявить вместе с профессором Э. Гельвальдом, что на этом примере прекрасно видно, к каким значительным результатам может иногда привести разработка по существу неверной гипотезы.

Инициатива Петерманна в деле организации поисков «ворот в центрально-полярную область и к северному полюсу» состояла не только в пропагандировании идеи, но и в собирании денег на осуществление задуманных им предприятий. Обе германские полярные экспедиции к восточным берегам Гренландии, находившиеся под начальством капитана Кольдевея,² были проведены на средства, сколоченные Петерманном из частных пожертвований. Однако, избранный этими экспедициями путь проникновения в Полярное море оказался неудачным: путешественники встретили в районе Гренландского побережья тяжелый паковый лед, шедший из области Полярного бассейна непрерывным, нескончаемым строем. Неудача второй Германской экспедиции объясняется также тем, что Кольдевей в 1869 г. не захотел послушаться совета Петерманна и не направил ни одного из бывших в его распоряжении кораблей в район Новоземельского моря. Холодное полярное течение вдоль восточного побережья Гренландии имеет постоянный характер и представляет собой непреодолимое препятствие для мореплавания; характерно, что «ученому китолову» — Скоресби младшему — за все двадцать лет плавания в Гренландском море удалось всего лишь один раз достигнуть побережья земли. Из этих данных Петерманн сделал единственно правильный вывод, что путь к полюсу должен пролегать в другой части обширного Полярного моря. Этими «воротами» могли бы быть еще

¹ Так называет Петерманна Вейпрехт в одном из своих писем к знаменитому географу.

² Во второй германской экспедиции на «Германии» в 1869—1870 гг. принимал участие Пайер, руководивший санными поездками вглубь Гренландии.

Берингов пролив, район Шпицбергена и пролив Смита, омывающий Гренландию с запада. Однако, второй пролив, неоднократно посещавшийся судами, оказался также очень трудно проходимым, а значение пролива Беринга не может быть большим в силу его мелководья, узости и южного положения. В области Шпицбергена неоднократно делались попытки проникновения в область полярного моря, удавалось проникнуть до 82° сев. широты, но дальше оказывались непроходимые льды.

Тогда Петерманн обратил свои взоры на область, расположенную между Шпицбергеном и Новой Землей. Теплое, компенсирующее течение должно было, по его мнению, проходить именно здесь. Только здесь, и нигде больше, должны были находиться столь горячо желанные «ворота». Однако, в те времена существовало странное предвзятое мнение о высоколедовитом характере этого участка моря. Основывалось оно опять-таки на отдельных высказываниях малокультурных зверобоев, встречавших здесь будто бы непроходимые льды. Это вредное мнение необходимо было во что бы то ни стало опровергнуть. Как велико было, однако, в те времена влияние таких случайных высказываний, видно хотя бы из того, что на основании единичных наблюдений делались широкие обобщающие выводы в отношении абсолютной непроходимости другого моря — Карского, получившего даже совершенно незаслуженно прозвище «ледяного мешка».

Первая научная экспедиция в северную часть «Новоземельского» (Баренцова) моря направилась в 1869 году с зоологом Э. Бессельсом на борту, причем удалось достигнуть $76^{\circ}45'$ сев. широты. Следует отметить, что в задачи экспедиции Бессельса вовсе не входило достижение высоких широт, так что этот успех следует считать лишь попутным. Петерманн нашел в данных Бессельса первое подтверждение своего взгляда, что именно здесь, в области между Шпицбергеном и Новой Землей следует искать «ворота к полюсу». Петерманн предложил отправить в это море большую экспедицию, Вейпрехт и Пайер откликнулись на его призыв и предложили свои услуги.

В 1871 году вышла в море рекогносцировочная экспедиция под начальством Вейпрехта с Пайером на борту, чтобы проверить правильность новой теории Петерманна о влиянии гольфстремных струй на ледовый характер Новоземельского моря и лежащих за ним областей.¹ Петерманн считал, что

¹ Описание этой экспедиции приводится в несколько сокращенном виде и помещено в первой главе настоящей книги.

воды Новоземельского моря должны быть гораздо менее ледовиты, чем это предполагалось до сих пор на основании рассказов промышленников. Влияние Гольфстрема не может, согласно Петерманну, теряться вдруг, где-то на полпути к Новой Земле, а должно распространяться далеко по всей территории моря, причем одна из мощных ветвей его должна отклоняться на север в районе к востоку от острова Надежды. Эта теория впоследствии полностью подтвердилась, и в настоящее время мы не только знаем точное распределение различных ветвей этого теплого течения и характер колебания температур его, но сделали уже практические выводы, обеспечив полную безопасность мореплавания в водах всего Баренцова моря от побережья материка до берегов Новой Земли и Земли Франца-Иосифа.

Труд Петерманна, составляющий, по словам профессора Гельвальда, эпоху в географии морей, в настоящее время оценен по достоинству и послужил источником целого ряда новых плодотворнейших идей и открытий. Справедливость требует, однако, признать, что Петерманн несколько переоценил влияние Гольфстрема, приписывая ему существование знаменитой полыньи к востоку от Новосибирских островов.

Первое подтверждение выводов Петерманна о влиянии Гольфстрема на ледовый режим Новоземельского моря дали рекогносцировочная экспедиция 1871 г. на «Исбьерне», проведенная Вейпрехтом с большим умением и смелостью. Наблюденное им в этом море состояние льдов Вейпрехт описывает в следующих словах: «в течение трехмесячного плавания в этих водах мы совсем не встречали — если не считать единичных айсбергов — льда, который мог бы быть назван паком. Обнаруженный нами лед не представляет непреодолимого препятствия для крепкого корабля, управляемого энергичной рукой. Этот лед попросту нельзя даже сравнивать со льдами, встречающимися у восточных берегов Гренландии». «Если недавно не слишком подходящему кораблю, каковым была «Германия», удалось пробиться сквозь тяжелые гренландские льды и вернуться обратно, то легко представить себе, каких успехов можно было бы достигнуть, плавая на старательно построенном пароходе серьезно продуманной конструкции в таком льду, как этот. Плавание этого года дало новое средство достижения полюса, о существовании которого до сих пор даже не предполагали; благодаря легкому характеру здешних льдов этот район сулит повидимому значительно более благоприятные условия плавания, чем встречавшиеся на всех испытанных уже путях».

Из этих слов Вейпрехта следует, что он перед отправкой в большую экспедицию тоже не был вполне равнодушен к гипотезе о проходимости Полярного моря в связи с малой ледовитостью его. Оба начальника экспедиции — Вейпрехт и Пайер — считались с возможностью, что мнение Петерманна может еще оказаться правильным, и потому Вейпрехт в своем отчете о плавании 1871 года считает нужным обратить на это обстоятельство особое внимание. Несколько ниже он говорит, правда, что «мы, конечно, не воображаем, что из того, что мы нашли под 79 параллелью свободное от льда море, следует делать немедленный вывод, что, следуя этим путем, с первого же раза легко будет добраться до самого полюса. Однако мы убеждены, что хорошо снаряженная экспедиция могла бы под энергичным руководством достигнуть в этом участке Ледовитого моря гораздо более высоких широт, чем в любом из прочих районов его, но лишь при условии, что на пути к полюсу отсутствует конгломерат островов, могущих служить льду опорной точкой. В этом случае пришлось бы воспользоваться нартами».

Таким образом вопрос о достижении полюса с помощью корабля интересовал в момент отправки экспедиции не только Петерманна, но и обоих начальников экспедиции. В связи с этим необходимо обратить внимание на существовавшее между Вейпрехтом и Пайером разделение власти: первый был начальником на море, на судне, а второй был начальником во время санных поездок — будь то на суше или на льду. Такое разделение было очевидно особенно важно в случае, если бы корабль подошел на близкое расстояние к полюсу, а дальнейшему продвижению помешали бы льды. В этих условиях можно было бы сделать попытку достижения его с помощью нарт. Пайер проявил в деле снаряжения санных партий большую распорядительность и умение, основанные как на собственном опыте, так и на данных пионера этого дела — Мак-Клинтока.

Однако, если мы познакомимся с инструкцией, составленной Вейпрехтом и Пайером и содержащей план работ экспедиции, то увидим, что в ней учтена, правда, возможность попытки проникновения к полюсу, но основной задачей экспедиции является не больше, не меньше, как прохождение Великим северным морским путем из Атлантического океана в Тихий вдоль азиатского побережья.

Мысль о совершении такого перехода не была новой, но после неудач многочисленных экспедиций шестнадцатого — семнадцатого века она была заброшена и забыта, и попытка отыскания морского пути в Китай и Индию вдоль северного

побережья Сибири не возобновлялась в течение нескольких столетий.

Пайер и Вейпрехт собрались в свою экспедицию в небывало короткий срок: с момента организации австрийского полярного общества — а следовательно, со времени основания экспедиции — до выхода ее в море прошло всего лишь пять месяцев. Немногим старше была мысль об отправлении австрийской экспедиции Северовосточного прохода: Вейпрехт предложил план ее на заседании Академии наук 7 декабря 1871 года. Он изложил перспективы большой экспедиции на двух пароходах к Северному полюсу и, отметив огромную дороговизну такой экспедиции, перешел к изложению плана другого путешествия, конечной целью которого должно было быть достижение Берингова пролива. Вейпрехт рисовал картины будущих географических открытий, ознакомления с арктической природой и режимом сибирских морей. Он доказывал, что такая экспедиция, совершенная на одном корабле, должна будет продлиться не более трех летних периодов с двумя зимовками во льдах.

Свою речь Вейпрехт кончил обращением к национальной Академии наук, которую просил оказать содействие осуществлению плана «восточной» экспедиции во имя науки и во имя чести австрийского флага. Соединение идеи о службе науке и заботы о «поддержании славы своего народа» — характерные черты для любых экспедиций, отправляемых под флагом буржуазного государства.

В 1871 году Австро-Венгрия впервые выступила на поприще экспедиционной работы к северу от полярного круга. Проявленный ею интерес к делу изучения Арктики — явление, имеющее глубокие корни в политической ситуации того времени. На примере Августа Петерманна мы можем убедиться, как в лице буржуазного ученого идут нога в ногу стремления к открытиям новых научных истин с ярко-шовинистическими настроениями, ведущими к проповеди империализма. В одной из своих статей, вышедшей еще в 1870 г., Петерманн говорит: «В течение пяти лет я непрерывно трудился и приносил величайшие жертвы во имя того, чтобы помочь снять позорное пятно, легшее на Германию в результате ее бездеятельности в области научных исследований морских экспедиций, ставящих нашу страну на одну ступень с Турцией и Грецией». Слова почтенного географа были сказаны во время, брошенное им семя упало на благоприятную почву — молодой германский империализм после победы над французами в 1871 году искал поля для своего развития. Германская экспансия распространилась

при поддержке ученых и на моря. Первые научно-исследовательские германские экспедиции 1868—1869 гг. были направлены в полярные области, но вскоре немцы отступили из этого бесплодного края и направили свою захватническую деятельность со всей энергией в сторону стран, сулящих им большие выгоды, могущих служить одновременно местом сбыта товаров и добычи сырья, районом колонизации и военной базой. Таким путем немцы захватили в свои руки одну за другой африканские колонии: Камерун, Того, Югозападную и Восточную Африку, области в Новой Гвинее, Океании и Китае. На этом примере ясно видно, что призыв научного деятеля к организации научных работ воспринимается буржуазным капиталистическим государством как стимул и используется как ширма для империалистической экспансии, экономической войны и захвата территорий с оружием в руках.

Вейпрехт был дальновиден, когда предложил Венской Академии наук поддержать вторую из выдвинутых им экспедиций, сразу отказавшись от осуществления первой, якобы, по причине ее дороговизны. Он ясно сознавал, что рассчитывать на получение необходимой поддержки для экспедиции к полюсу будет очень трудно, и потому ратовал за Северовосточный проход, так как освоение этого пути могло заинтересовать широкие круги правящих классов страны.

В упомянутой выше инструкции, составленной, повидимому, накануне выхода экспедиции в море,¹ Вейпрехт дает определение преследуемых экспедицией задач с большей осторожностью, чем сделал это в своей декабрьской речи.

«Задача экспедиции, — говорит Вейпрехт, — состоит в исследовании неизвестной области к северу от Сибири. При благоприятных ледовых условиях надлежит пройти до Берингова пролива и вернуться через него. Достижение этой цели является идеалом, и оно должно постоянно иметься в виду, а так как возможность достижения Берингова пролива зависит главным образом от воздействий со стороны системы великих сибирских рек, то достижение высоких широт должно считаться вопросом второстепенной важности, и добиваться его следует лишь при особо благоприятном стечении обстоятельств».

«Чтобы избежать дробления сил, — говорится дальше в инструкции, — решено сделать попытку достижения северного полюса лишь в том случае, если достижение Берингова

¹ Петерманн получил экземпляр инструкции по почте из Тромсе 14 июля 1872 г.

пролива в упомянутый срок (2 зимы и 3 лета) будет по всей видимости обеспеченным. Исходной точкой экспедиции назначается северный берег Новой Земли. Само собой разумеется, что следует по возможности избегать приближаться к уже известным берегам Сибири...».

Из этих слов инструкции видно, что достижение полюса авторами ее не считалось невероятным, хотя в общем на это дело они смотрели не слишком оптимистично, считая впрочем своим долгом быть подготовленными ко всяким возможностям. У нас нет морального права винить Вейпрехта и Пайера в несерьезности составленной ими инструкции, предусматривающей одновременно достижение Тихого океана и Северного полюса, — ведь сведения о природе Полярного моря были в то время чрезвычайно неопределенны и крайне скудны. Очень смутны были представления Пайера и Вейпрехта о тех трудностях, которые ожидали их на избранном ими пути, да и сам путь этот рисовался им в очень неопределенных чертах. В одном из писем, посланных уже из экспедиции, Вейпрехт пишет: «Задача экспедиции состоит в том, чтобы проследить обнаруженную прошлым летом чистую воду в направлении на восток и на север, а также обследовать арктические моря к северу от Сибири». Пайер сообщает в письме, что «экспедиция не рассчитывает ни на обнаружение свободного от льдов Полярного моря ни на достижение Берингова пролива, хотя последнее и представляет, так сказать, идеал нашего путешествия. Достижения полюса мы не будем добиваться». Из всего этого ясно, что первоначальный проект Вейпрехта остался на бумаге непронутым, но что вместе с тем у автора и его соратников было очень мало уверенности в выполнимости этого плана. Вне сомнения оставалось в конце концов только то, что судно пойдет в восточном направлении и будет уклоняться в ту или другую сторону по пути наименьшего сопротивления.

Несмотря на короткие сборы экспедиция успела прекрасно оборудоваться, так что могла служить в этом отношении настоящим образцом. Наиболее замечательной была предшествовавшая ей посылка специальной рекогносцировочной экспедиции. Действительно, немногие морские полярные экспедиции до и после Вейпрехта и Пайера имели возможность посылать вперед разведывательные отряды на предмет предварительного ознакомления с районом будущей работы. Специально построенное деревянное судно показало себя в ледовом плавании с самой лучшей стороны, выдерживая чудовищный напор льда. Большое количество и богатый ассортимент доброкачественного продовольствия,

а также наличие достаточного запаса противоцинготных средств позволили сохранить здоровье экипажа в более или менее удовлетворительном состоянии. Команда корабля была подобрана удачно и состояла из людей, преданных своему делу, хотя и совершенно не имеющих опыта в арктических плаваниях.

Собранной Петерманном у частных лиц суммы в 210 000 гульденов вполне хватило на удовлетворение всех нужд по снаряжению и проведению экспедиции. Бремергафенские коммерсанты решили воспользоваться представившейся им возможностью и драли с экспедиции тройную цену за поставляемый товар. Возмущение Вейпрехта вылилось в следующие слова, помещенных в периодической печати того времени: «В Бремергафене меня так основательно нагрели, что я поклялся представить это дело на суд общественности. Об этом я заявил совершенно открыто самим бремергафенским предпринимателям. Однако пляс начнется только после моего счастливого возвращения. Я хочу показать настоящее лицо этих обманщиков, считающих себя образцами настоящей солидности. Всего лишь одного человека узнал я здесь, который может быть назван вполне честным купцом».

Мы с своей стороны скажем, что Вейпрехт еще счастливо отделался: В истории полярных экспедиций известны многочисленные случаи, когда недоброкачественность купцов и посредничающих лиц простиралась так далеко, что само качество продаваемых экспедиции товаров было неудовлетворительно. Фабрикант Гольднерг снабдил экспедицию Франклина испорченными мясными консервами, и страшная вина в гибели всей экспедиции ложится в первую очередь на этого наглого предпринимателя.

Экспедиция Вейпрехта и Пайера представляет собой таким образом редкое исключение среди полярных экспедиций буржуазных стран, почти всегда очень недостаточно обеспеченных. В условиях капиталистического хозяйства государство финансирует только те экспедиции, которые сулят значительные экономические выгоды предпринимателям. Экспедиции же в Арктику не могут дать верного и быстрого дохода, и потому капиталистические государства, уяснившие себе эту истину, редко решаются поддерживать предприятия такого рода.

История полярных путешествий богата унижительными положениями их руководителей, выпрашивающих деньги у толстосумов и чиновников государства. Особенно тяжело приходилось крупнейшему полярному исследователю — Руалу Амундсену, постоянно боровшемуся со своими креди-

торами. Ему никогда не удалось бы осуществить своих знаменитых полетов к Северному полюсу, если бы не нашелся состоятельный любитель приключений Эльсворт, которому захотелось разделить славу с великим норвежцем. Экспедиция Пайера и Вейпрехта тоже имела своего «Эльсворта», финансировавшего большую часть ее. Можно не сомневаться, что, не случись ученого мецената графа Вильчека, и Земля Франца-Иосифа не была бы открыта Пайером, совершенно так же, как, не случись американца Эльсворта, и не увидел бы Северный полюс пролетающей над ним «Норвегии» с Амундсеном на борту. То и другое стало возможным лишь благодаря случайной встрече настойчивости авторов проектов экспедиций с соответствующими настроениями частных людей, обладающих большими средствами.

В противоположность случайному характеру экспедиционной работы в Арктике и Антарктике, производимой капиталистическими странами, советская экспедиционная деятельность протекает в рамках строгой плановости. В советских условиях отпадают все ограничения, характерные для исследовательской деятельности представителей буржуазных государств. Обширный, почти всеобъемлющий план освоения Арктики, составленный созданным в 1932 г. Главным управлением Северного морского пути, делает возможным постановку любых вопросов, имеющих для Арктики научное и хозяйственное значение, и исключает отказ от решения их перед лицом могущих возникнуть затруднений.

Вернемся, однако, к экспедиции Вейпрехта и Пайера.

Действительность сложилась иначе, чем предполагали путешественники и их идейный руководитель. 14 июля 1872 года «Тегетгоф» покинул Тромсе и, пройдя Нордкап, вступил в Ледовитое море. Вскоре корабль встретил первый лед, а 21 августа был уже крепко зажат льдами у северозападного побережья Новой Земли. Вейпрехт в своем письме, доставленном гр. Вильчеком на родину, уже прямо говорит о возможности зимовки у берегов Новой Земли. Гр. Вильчек тоже считал зимовку экспедиции близ северной оконечности Новой Земли весьма вероятной. Оба они ошиблись очень много.

В течение двух лет не было никаких сведений об экспедиции, и только 3 сентября 1874 г. пришла весть об их благополучном возвращении в Европу. Всю первую зиму «Тегетгоф» подвергался страшному напору льдов, дрейфуя в северном направлении. Случилось то, что Пайер считал заведомо невозможным: ведь еще в июне 1872 года он писал: «...зимовки в открытом море среди льдов, как известно, не-

выполнимы». 31 августа 1873 года неожиданно открылись берега Земли Франца-Иосифа, но начать планомерное изучение ее удалось только 10 марта 1874 года. Был произведен ряд санных экскурсий, в результате которых удалось нанести на карту конфигурацию Земли Франца-Иосифа. Во время обеих зимовок среди экипажа были случаи серьезных заболеваний, в марте 1874 г. умер от цынги машинист Криш. Третья зимовка грозила гибелью, поэтому Пайер и Вейпрехт решили бросить корабль и вернуться на родину по льду и по полыньям с помощью саней и лодок. В течение 96 дней мореплаватели скитались по льду и волнам, пока не натолкнулись, наконец, в районе залива Пухового на Новой Земле на русское промысловое судно, доставившее их в норвежский порт Варде.

Необходимо отметить, что произведенные Пайером определения вершин Земли Франца-Иосифа и нанесенные на карту контуры открытых им островов оказались, к сожалению, очень не точны. Так, в настоящее время известно, что Земля Франца-Иосифа занимает меньшую площадь, чем предполагал Пайер, и не идет дальше 82° сев. широты, но зато тянется значительно дальше на запад. Совершенно не существует усмотренных Пайером Земель Петерманна и короля Оскара. Далее, Земля Франца-Иосифа не состоит из двух больших массивов, как полагал Пайер, — Земли Зичи и Земли Вильчека, а из очень значительного числа островов. Определенные Пайером высоты оказались во всех случаях значительно преувеличенными.

Все эти неточности и погрешности были вызваны тем, что Пайер путешествовал по архипелагу в зимний период, когда трудно было отличить море от земли, проливы от заливов и долины от перешейков. В результате составленную Пайером карту Земли Франца-Иосифа пришлось впоследствии значительно переработать и видоизменить.¹

Итак «идеальная цель» экспедицией достигнута не была: в восточном направлении Вейпрехту и Пайеру не удалось проникнуть дальше Баренца, посетившего северозападное побережье Новой Земли почти тремя столетиями раньше их. Берингов пролив остался с северной стороны таким же далеким и недостижимым, каким был и до австро-венгерской экспедиции. И все же «экспедиция на «Тегеттгофе» составляет эпоху в истории полярных исследований», как говорит проф. Гельвальд. «Хотя смелые путешественники и не до-

¹ В приложении помещены карты Пайера и новейшая. Разница между ними выступает при сравнении достаточно отчетливо.

стигли задуманной ими цели, тем не менее они вызвали к жизни вопрос, который в течение целых столетий был предан забвению: вопрос о Северовосточном проходе—и в этом их главная заслуга. То, что не было суждено исполнить этим храбрецам, удалось осуществить их последователям, поставившим себе задачей преследование той же самой цели.

Как известно, Северовосточный проход был пройден всего лишь пять лет спустя (1878—1879 гг.) знаменитым Норденшельдом на небольшом пароходе «Вега». Можно, впрочем, усомниться в том, что Норденшельд был «последователем» идеи Вейпрехта и Пайера—по всей вероятности она возникла у него самостоятельно,—что же касается осуществления поставленной задачи, то оно было по тому времени блестящим. Весь путь почти до самого Берингова пролива «Вега» прошла в одно лето и вынуждена была остановиться на зимовку всего лишь в 180 километрах от ворот в Тихий океан.

После Норденшельда Северовосточный проход был вторично пройден в том же направлении Амундсеном в 1918—1920 гг., проведшим во льдах две зимы. В обратном направлении, т. е. с востока на запад, в 1914—1915 гг. прошла Великим северным путем экспедиция Вилькицкого. Блестящего успеха добилась первая советская сквозная экспедиция, поставившая себе задачей не просто пройти этим путем, но во что бы то ни стало провести весь рейс в течение одного лета, одного навигационного сезона. Под начальством проф. О. Ю. Шмидта ледокольный пароход «Сибиряков» в 1932 году прошел из Архангельска северным путем в Тихий океан. Вышедшая в следующем, 1933 году экспедиция на «Челюскине» потерпела неудачу, но, — как говорит О. Ю. Шмидт, — поход этот оказался «величайшим триумфом нашей страны. Формально он кончился тем, что погиб ценный корабль, политически же показал с удивительной яркостью, что такое Советская страна, на примере челюскинцев в лагере и особенно летчиков, которые их спасли, показал всему миру, что такое СССР». Наконец, в 1934 году на ледорезе «Литке» с великолепным результатом был повторен переход Вилькицкого из Тихого океана в Атлантический: весь путь был проделан в одну навигацию.

Это оживление в исследовательской и мореходной деятельности в сибирском секторе Арктики стало возможным лишь в советское время, когда в освоении Великого Северного морского пути оказалось заинтересованным все государство в целом, а не отдельные, случайные предприниматели.

Во времена Пайера и Норденшельда мысль об освоении Арктики должна была показаться не только дерзкой, но и нелепой. В ту, еще столь недавнюю, эпоху люди еще не знали ни техники ледокольного дела и полярных полетов, ни техники радиопередач, в те времена не существовало еще полярных станций и нечего было думать о выработке долгосрочных прогнозов ледового режима в полярных морях, но труднее всего было бы представить себе полярным деятелям семидесятых годов тигантский масштаб работы, развернутой советским правительством в арктической области, и огромный энтузиазм, которым горят арктические работники в нашей стране. Немудрено, что сам победитель Северовосточного прохода, Отто Норденшельд, высказался не в пользу его проходимости и против его экономического значения. И тем более понятным должно нам показаться отрицательное отношение к разрешению проблемы проходимости Северовосточного прохода со стороны Пайера, который вместе с Вейпрехтом, как мы видели, потерпел полную неудачу при попытке открытия его.

Свое убеждение Пайер высказывает очень определенно. «Давно выяснено, — говорит он, — что китайский чай, японский шелк и пряности с Молукков никогда не приплывут к нам вместе со льдинами. Нынче никто больше не верит в коммерческую ценность проходов». Что касается китайских, японских и молуккских товаров, то сейчас, конечно, трудно определить, займемся ли мы когда-нибудь перевозкой их великим северным торговым путем, но зато мы знаем, что уже в 1933 году из Архангельска в устье реки Лены было на нескольких транспортах впервые в истории мореплавания заброшено в адрес Якутской республики огромное количество товаров советского производства. Мы знаем также, что из года в год в восточной части Великого северного пути совершают рейсы пароходы, доставляющие из Владивостока на Колыму продовольствие, промышленные товары и машины и забирающие оттуда сырье.

Пайер оказался недалеким. Ослепленный собственной неудачей, он не сделал из известного факта существования малоледовых годов неизбежного и простого вывода, что в такие годы возможно хотя бы частичное прохождение Северным морским путем или по крайней мере далекое проникновение вглубь сибирских морей. Вместо этого Пайер забывает о надеждах, с которыми двумя годами раньше выходила в море его собственная экспедиция, и безапелляционно заявляет, что объявленные премии за открытие Северовосточного и Северозападного проходов «оказа-

лись гарантированными от выплаты столь же надежно, как если бы эти деньги были запрятаны на луну».

Страх перед суровой природой полярных стран и недостаточное знание способов борьбы с нею составляли серьезнейшую причину неудач очень многих экспедиций прежних времен. Зимовка среди снега и льдов считалась предприятием чрезвычайно рискованным и очень вредным для здоровья участников ее.

В до-пайеровские времена боялись не только цынги, но и льдов, как таковых. За двести лет до плавания «Тегеттгофа» некто Мартенс, циркульник с гамбургского китоловного судна, писал: «моряки решаются вводить свои корабли во льды с тем же риском, с каким можно решиться бросить на пол стакана, который иногда остается целым». «Тегеттгоф» провел первую зиму вдалеке от берегов, уносимый вместе со льдами морским течением. Прекрасно построенный корабль выдержал, правда, напор льдов, но такой дрейф меньше всего входил в программу путешествия. Только гениальный Нансен мог решиться двадцатью годами позже на подвиг добровольного дрейфа в специально рассчитанном на такое плавание судне.

Можно считать, что только на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий благодаря смелой и самоотверженной работе великих норвежцев Нансена и Амундсена, не боявшихся проводить во льдах по несколько лет сряду, окончательно уничтожен страх перед полярной природой и окончательно установлены правила жизни в полярных условиях. Нансен и Амундсен доказали возможность безопасного плавания во льдах; победив цынгу, они доказали непреложно, что при подходящем, богатом витаминами питании, при бодром настроении и интенсивной работе на чистом воздухе нечего бояться этой болезни. Опыт Нансена и Амундсена широко использован многочисленными советскими экспедициями и, в еще большей мере, обширной сетью советских полярных станций. Любопытно, как сильно изменилось в пользу Советской страны соотношение в количестве существующих полярных станций. В 1872 году Вейпрехт писал: «тогда как на севере Америки мы имеем длинный ряд зимних наблюдательских станций, по эту сторону полюса мы не имеем ни одной, если не считать единичных, расположенных в Сибири около самого полярного круга». В настоящее время количество советских полярных станций превышает общее количество станций всех остальных государств. Зимовочный опыт этих станций целиком подтвердил мнение о безвредности для человеческого организма полярной жи-

мовки, проведенной в подходящих условиях. В настоящее время у нас существует много специалистов-зимовщиков, избравших работу в Арктике своим основным делом. Такие люди, проработав на станции год, часто просят оставить их еще на год и чувствуют себя при этом прекрасно.

Чрезвычайно важно и интересно ознакомиться со взглядом Пайера на настоящее и будущее полярных исследований. Путешествия, в которых принимал участие сам Пайер, давали подобно большей части полярных плаваний тех времен сравнительно скромные географические результаты. Только со времени открытия Северовосточного прохода Норденшельдом резко расширяется область работ полярных экспедиций. Поэтому прав Пайер, когда он констатирует на сегодняшний день незначительность произведенных географических открытий. Он находит, что за последние три столетия в Арктическую область удалось проникнуть лишь немногим дальше мореплавателей шестнадцатого-семнадцатого века, но что вместе с тем за этот период значительно возросли безопасность и удобства плавания в арктических водах. «Средства покорения полярной природы в настоящее время стали гораздо совершеннее,— говорит Пайер,— и все-таки, несмотря на наличие пароходов, мы достигли в отдельных точках Арктики границ достижимого».

Во времена Пайера паровая машина рассматривалась обычно лишь как вспомогательное средство передвижения, а главным считался попрежнему парус.¹ И потому Пайер, не сумевший предугадать будущее развитие пароходостроения и приспособления новых пароходов к плаванию во льдах, придерживался взглядов старого исследователя Парри, не знавшего еще паровой машины и утверждавшего, что «никогда не будет возможно мореплавание в полярном море за пределами непосредственной близости от берегов земли».

Скептицизм Пайера в отношении будущего ледового мореплавания оказался не оправдавшим себя. Так, Пайер считает густой, сплоченный лед—и тем более сплошной покров нескрывшегося льда—совершенно непроходимым: «пробраться сквозь густой, паковый лед невозможно; успеха можно здесь добиться только выдержкой и спокойным выжиданием»; вообще же говоря, «если есть чистая вода, то по ней пройдет всякий, если же ее нет, то не пройдет ни-

1. Первые винтовые пароходы работали в Арктике в 1845 году: это были корабли экспедиции Франклина «Эребус» и «Террор». Оба парохода погибли во льдах, разделив трагическую судьбу со своим экипажем, погибшим от цынги, голода и холода.

кто». Это положение считалось неопровержимой истиной до тех пор, пока на сцену не выступили пароходы-ледоколы. Судя по одному высказыванию Пайера, говорящего о плавании на судах «нынешней конструкции», можно думать, что он допускает возможность совершенствования и изменения ее, но от идеи активного продвижения во льдах — ломания льдов, Пайер очевидно очень далек. В частности он относится отрицательно к пользованию во льдах железными пароходами, по его словам совершенно не выдерживающими напора льдов. Деревянная конструкция ледового корабля, как известно, прекрасно оправдала себя на примере пассивного нансеновского «Фрама», но еще больший успех выпал на долю построенных из металла ледоколов, активно форсирующих лед, что доказано рядом блестящих советских экспедиций. Ледокольная практика показала, что корабли этого типа способны в случае отсутствия сжатий продвигаться вперед даже в тяжелом десятибалльном льду. Когда в 1932 г., огибая Северную Землю с севера, ледокольный пароход «Сибиряков» встретил у восточного берега ее широкие полосы годовалого не вскрывшегося льда, он пробился сквозь эти перемычки, форсируя стальным носом нетронутые трещинами сплошное ледяное поле. Такого рода переходы «по сплошному льду» возможны, следовательно, на небольшое расстояние для сильных ледокольных пароходов. Не вполне правым оказался также Пайер, когда он отрицает возможность «просверливания и пропиливания проходов во льду». Такие попытки известны в практике полярных экспедиций, и в частности антарктической экспедиции на «Бельгике» в 1897—1898 гг. Пропиленная во льду улица, ведущая от корабля до области открытого моря, сомкнулась, правда, на следующий день после завершения этой гигантской работы, но спустя некоторое время льды снова разошлись и корабль, плененный льдами больше года, вышел на чистую воду.

Особого внимания заслуживает, наконец, замечание Пайера о том, что «огромное значение имело бы в ледовом плавании использование воздушных шаров. Польза от подъемов их с борта судна даже на высоту менее ста футов могла бы быть очень значительной, так как они способствовали бы быстрой ориентировке и помогали бы решать, проходим ли данный участок покрытого льдом моря. Не может быть сомнений, что первый корабль, который сумеет использовать это вспомогательное средство, получит от него чрезвычайную выгоду». Высказывая эту передовую мысль, Пайер предвосхитил нынешнюю совместную работу

ледокольного корабля или зверобойного судна с самолетом-разведчиком, работу, которая с наибольшим успехом проводится в Советском секторе Арктики.

Научные наблюдения, произведенные на борту «Тегетгофа» и во время санных экспедиций, были весьма многосторонни и охватывали вопросы географии, земного магнетизма, метеорологии, морской гидрологии, и гидробиологии, геофизики и состава наземной флоры и фауны. Большая часть этих исследований представляет длительные серии наблюдений, производившихся с большой тщательностью и упорством. Все письменные материалы экспедиция благополучно доставила на родину, но большую часть собранных коллекций пришлось, к сожалению, бросить вместе с кораблем. Работы эти представляли огромный интерес, особенно потому, что место наблюдений относилось к району, в те времена совершенно неизученному. Собранные материалы были впоследствии использованы для ряда важных специальных исследований.

Открытые Пайером во время санных поездок новые земли имеют очень большое значение как в вопросе распределения в Баренцовом море и сопредельных бассейнах теплых струй Гольфстрема и холодных течений полярного происхождения, так и в практическом деле организации регулярных рейсов в этом море. Советское правительство оценило надлежащим образом значение Земли Франца-Иосифа, входящей в Советский полярный сектор, и особым актом включило в 1926 г. эту необитаемую страну в состав владений Советского Союза. Организованная в 1929 году первая радиостанция в бухте Тихой на острове Гукера была вскоре превращена в полярную обсерваторию, где производятся круглогодичные наблюдения над элементами геомагнетизма, состоянием атмосферы и стратосферы, режимом моря, скоростью течения ледников и проявлениями жизни на суше и в морских глубинах. Метеорологические ледовые и гидрологические сводки используются впоследствии для борьбы с бурями и льдами и дают материал не только для ледовых прогнозов, но и для предсказаний погоды на далеком Севере и даже в более южных широтах. Земля Франца-Иосифа стала местом добычи морского зверя и, вместе с тем, одним из лучших на севере районов для туристских экскурсий. В будущем Земля Франца-Иосифа станет, возможно, промежуточной станцией для трансполярного сообщения по воздуху. Трудно перечислить все научные и практические проблемы, связанные так или иначе с существованием Земли Франца-Иосифа. Во всяком случае эта полярная пу-

стыня оказалась для Советского государства не пустым местом, оно сумело уже использовать часть производительных сил этого архипелага и использует их в будущем до конца наравне с производительными силами всех прочих районов Советской Арктики.

Перевод книги Пайера сделан с сокращениями в тексте, касающимися некоторых описаний Земли Франца-Иосифа и Новой Земли, многочисленных медвежьих охот, ряда относящихся к снаряжению технических деталей и нескольких исторических отступлений. Все отпечатанные на меловой бумаге рисунки, кроме портрета Пайера, взяты из оригинального труда его и представляют собой подлинные работы самого Пайера, выполненные им на месте и не подвергавшиеся впоследствии никаким изменениям или дополнениям. Перу Пайера принадлежат также две схемы, помещенные на стр. 162 и 164. Портрет Пайера взят из французского перевода данной книги, вышедшего в 1878 году.

И. и Л. Ретовские

ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1871 ГОДА

ПУТЕШЕСТВИЕ НА «ИСБЬЕРНЕ»

Неудача второй германской полярной экспедиции, работавшей в 1869—1870 годах у берегов Гренландии, заставила перенести центр тяжести полярных исследований в область Новоземельского моря. Интерес к этим исследованиям пробудился к этому времени также в Австро-Венгрии. По инициативе графа Вильчека было решено принять посильное участие в изучении Арктики. Материальная база Австро-венгерской полярной экспедиции состояла в первую очередь из пожертвованных Вильчеком 40 000 гульденов.¹ Условия

¹ Из этой суммы 2 000 гульденов были израсходованы на рекогносцировочную поездку 1871 года; 8 000 гульденов были выданы на посылку в 1872 году небольшого корабля с графом Вильчеком на борту, задача которого состояла в закладке на Новой Земле продовольственного депо и угольного склада; 30 000 гульденов пошли в счет расходов по большой экспедиции, направившейся в 1872 году в Новоземельское море и поставившей себе целью пройти вдоль северных сибирских берегов. Значительную материальную помощь оказали экспедиции также город Франкфурт и герцог Заксен-Веймарский.—Примеч. автора.

Пайер говорит только о суммах, пожертвованных Вильчеком, замалчивая остальных жертвователей. А. Петерманн, идейный руководитель экспедиции, сообщает, что большая часть пожертвований колебалась между 100 и 5000 гульденами, а весь сбор составил 200 000 гульденов.—Примеч. переводчика.

плавания в Новоземельском море¹ очень мало известны, поэтому необходимо было до отправки большой экспедиции снарядить предварительную, так как только в этом случае можно было гарантировать, что ассигнованные суммы пойдут на выполнение реального плана, на достижение достойной цели. Лейтенант Вейпрехт и я совершили в 1871 году это плавание, позволившее считать отправку большой, многолетней экспедиции крайне желательной. В дальнейшем будет описан ход этой рекогносцировочной поездки.

Мотивировка нашего плана состояла в следующем. Последние экспедиции как будто достаточно убедительно доказали, что проникнуть в центральную часть Арктики через Баффинов пролив, Берингов пролив, вдоль гренландского побережья или со стороны Шпицбергена не представляется возможным из-за непреодолимых препятствий, в изобилии встречающихся на этих путях. Главнейшее из них состоит в наличии мощных холодных течений, с которыми приходится сталкиваться кораблю, избравшему один из этих путей. Холодные течения исполняют по отношению ко льду функцию сточных каналов, так как они выносят колоссальные массы его в более низкие широты. Вдоль омываемых холодными течениями побережий застревает на мели и в полосе прибоя большое количество льдин. На основании многочисленных наблюдений норвежских, русских и немецких, частично научных, частично промысловых экспедиций можно заключить, что воды Гольфстрема теряются не в районе Нордкапа,² а проникают значительно дальше на восток.

При этом Гольфстрем оказывает, повидимому, огромное согревающее влияние на такие места и широты, которые до сих пор представлялись лежащими совершенно изолированно от него. Примером такой области может служить северо-восточное побережье Новой Земли. Исходя из этих соображений, можно было прийти к выводу, что всякая экспедиция, направляющаяся вместе с теплым течением Гольфстрема, должна будет встретить на своем пути меньше препятствий, чем экспедиция, идущая против холодного течения, выносящего навстречу кораблю колоссальные ледяные массы. К востоку от Шпицбергена находится страна, названная Землей Гиллиса,³ которую полярным путешественникам не раз приходилось видеть, но к достижению которой

¹ Так раньше иногда называлось Баренцево море.—Примеч. переводчика.

² Северная оконечность Европы.—Примеч. переводчика.

³ Существование этой земли очень сомнительно. Об этом см. ниже.—Примеч. переводчика.

никогда еще не предпринималось серьезных попыток. Эта страна лежит как раз в направлении струи Гольфстрема. Поэтому можно допустить, что подобно тому, как не трудно достигнуть 80° сев. широты в районе Шпицбергена, так и у западных берегов Земли Гиллиса можно встретить пространство чистой воды. Если берега этой земли уходят далеко на север, что представляется, судя по шведским наблюдениям, вполне вероятным, то можно надеяться, что, избрав именно этот путь, удастся проникнуть дальше на север, чем каким бы то ни было другим.

Станным образом вся область моря, лежащая между Шпицбергенем и Новой Землей, оставалась до сих пор совершенно неизученной. Несмотря на господствующие здесь, видимо, очень благоприятные условия плавания, в эту область не было отправлено ни одной экспедиции. В течение долгих лет стремился д-р Петерманн направить по этому пути хорошо снаряженную экспедицию для достижения высоких широт. На долю лейтенанта Вейпрехта и мою выпало счастье осуществления этого проекта. Средства, бывшие в нашем распоряжении, были достаточны для снаряжения рекогносцировочной поездки с целью выяснения, действительно ли настолько благоприятны в Новоземельском море климатические и ледовые условия, как об этом говорит теория. Достижение высоких широт не входило в наши задачи в силу недостаточного снаряжения экспедиции и оборудования судна. По этой же причине нечего было ждать от этой поездки сколько-нибудь значительных географических открытий. Целью намеченных наблюдений было выяснение температурного режима моря и воздуха, характера течений и состояния льдов. На основании этих данных мы должны были дать прогноз успешности плавания 1872 года. Временем выхода экспедиции из Тромсе была назначена середина июня; в половине сентября экспедиция должна была сюда возвратиться. Снаряжена была она только на этот срок.

Для экономии мы наняли в Тромсе, на самом севере Норвегии, небольшое парусное судно, вполне подходившее для наших целей. Пароход был бы, конечно, для нас очень кстати, но наем его увеличил бы расходы путешествия вчетверо (5700 талеров). Шхуна «Исбьерн», что значит белый медведь, была совершенно новым, крепким судном, выходящим в свой первый рейс. На борту были две маленьких шлюпки и одна большая — так называемый фансбот. Команда состояла из капитана Кьелсена, гарпунера, четырех матросов, плотника и повара. Все они были норвежцами, благодаря чему нам пришлось изучить их язык. Весь экипаж

был таким образом на три человека больше, чем принято иметь на таких маленьких судах. Это объяснялось тем, что мы предполагали достигнуть Земли Гиллиса со стороны пролива Вальтер-Тименс с помощью шлюпки в случае, если бы этого не удалось сделать на судне при подходе с юга. Необходимым инструментарием¹ снабдили нас Морской отдел и Военно-географический институт. Провизией мы запаслись на четыре-пять месяцев. Необходимо отметить, что мы не имели формального права, согласно договору, непосредственно распоряжаться судном и командой; оно сохранялось за капитаном Кьелсеном. Тем не менее, фактическим руководителем судна был Вейпрехт.

Мы осведомились о состоянии льдов в районе наших будущих работ. Сведения, полученные нами, были очень разноречивы. Все прежние попытки добраться до Земли Гиллиса были безрезультатны. Большинство людей, знакомых с ледовыми условиями в Новоземельском море, начиная с китоловов и кончая доктором Петерманном, считали, что достичь эту землю почти невозможно.

Ледовый прогноз в текущем году был также неблагоприятным. Весна этого года была в северной Норвегии очень суровой, а из этого делался вывод, что скопление льдов на севере должно было быть весьма значительно. Впрочем, нам приходилось слышать, будто лед находится уже в 20 норвежских милях от Нордкапа. Действительно, целыми неделями дули северные ветры, препятствовавшие выходу из шхер нескольким парусникам и даже одному пароходу. Учитывая все это, мы решили сначала направиться к острову Надежды и отсюда уже повернуть вдоль кромки льда к востоку. Продолжительность похода во льду зависела бы в этих условиях от состояния льдов, которое под влиянием Гольфстрема могло бы еще улучшиться. Так как достигнуть Земли Гиллиса в текущем году было не невозможным, то попытку проникнуть к северу следовало произвести никак не восточнее 40° долготы.

20 июня в пургу мы покинули Тромсе. Около Рисе, у выхода из шхер, мы встретили промысловую флотилию из Тромсе. Суда стояли на якоре в ожидании перемены погоды; среди них были корабли, покинувшие Тромсе четыре недели тому назад.

¹ Он состоял из 1 астролябии, 1 секстана с искусственным горизонтом, 1 буссоли, 1 теодолита, 3 хронометров (из них 1 карманного), 1 батометра, 3 барометров и 6 термометров (все проверены Гидрографическим институтом в Поле), 3 ареометров и прибора для измерения морских глубин.—Примеч. автора.

Крупные и мелкие скалистые острова Финмаркенского побережья окружены голыми утесами. Высота их достигает в среднем 2500 футов. Древесная растительность отсутствует. Изредка встречается береза, но не в виде рощи или леса, а только отдельными кустиками. Бесчисленные острова, сложенные из гнейса, представляют каждый в отдельности в миниатюре самую Норвегию. Каменистые берега населены редкими и бедными семействами, отрезанными от всего мира, почти не общающимися между собой. Живут они преимущественно рыбной ловлей. Тромсе и Гаммерфест — в их представлении лучшие города в мире. Около Санде мы задержались на два дня из-за противного ветра. 20-го мы наконец вышли в море. На следующий день земля исчезла из наших глаз.

Чем дальше продвигались мы со свежим ветром к северу, тем чаще встречались нам киты. 28 июня ночью мы столкнулись с первым льдом, который казался почти родным полярному исследователю. Лед был редкий, занесенный сюда северными ветрами. Он ярко блестел в туманном воздухе. Мы находились к юго-востоку от Медвежьего острова на $79^{\circ}40'$ сев. широты и 21° вост. долготы от Гринвича. Лед был настолько разреженный, что Вейпрехт, не раздумывая, двинулся вперед с тем, чтобы установить, на какой широте он образует сплошные массы. Мы сделали 40 миль в легком пловучем льду и только на $74\frac{1}{2}^{\circ}$ сев. широты и 23° вост. долготы встретили сплошной лед. 30 июня нам пришлось убедиться в совершенной беспомощности маленького парусника, попавшего в подобные условия. Наступившее безветрие лишило наш корабль управляемости. Несмотря на все старания сняться со льдов путем заноса ледяных якорей, подтягивания на тросах и отталкивания баграми, это нам не удалось, и в этот же день мы оказались в ледовой ловушке. В течение десяти дней плена мы по очереди испытывали на себе туманы, штормы и тяжелую мертвую зыбь.

Окруженные мощными льдинами, мы, в этот период, находились в постоянном напряжении. «Исбьерну» пришлось в течение нескольких дней переносить такие сильные сжатия, что положение его становилось очень опасным. 4 июля с юго-востока налетел сильный шторм, уплотнивший лед. Покрытое льдом море обычно не волнуется, но на этот раз вода пришла в сильное колебание. В послеобеденное время до нас доходил сквозь туман грохот волн, разбивающихся о внешнюю кромку льда. Чем громче доносился шум прибоя, тем больше становилась качка. Попытки забраться глубже в лед, чтобы уйти от волнения, ни к чему не привели. Всю ночь

напролет море вокруг нас бушевало. Сначала сжатые поля треснули концентрическими кругами, потом обломки образовали настоящий ледяной вал. Под давлением нажимающих льдов затрещал и угрожал поломкой руль. Пришлось крепко привязать его. Наконец, задрожал и заскрипел весь корпус корабля. Лед выжал его из воды и приподнял. Группа льдин подошла вплотную к шлюпбалкам, сорвала с них лодку, подмяла ее под себя и раздавила на части. Команда ни на минуту не бросала батров; стоя у брашпиля, люди посредством тросов подтягивались к льдинам. Главная задача состояла в том, чтобы избежать встречи с очень большими полями, чтобы не попасться в ловушку и не быть раздавленными.

К вечеру туман рассеялся, и нашим глазам представилось великолепное зрелище. Непосредственно перед нами было сильно волновавшееся открытое море. Льдины колебались и раскачивались на волнах во все стороны. Каждая из них была для нас опасна, как риф. Море играло льдинами и айсбергами, сталкивая и переворачивая их. Лед трескался, дробился и рассыпался на мелкие куски. Шаг за шагом море подступало к нам все ближе. В полночь все вокруг нас находилось в бешеном водовороте. В жуткой пляске проносились мимо айсберги, удары льдин в корпус корабля заставляли его трещать и тнуться. Судно защищала образовавшаяся вокруг него густая ледовая каша. Когда шторм стих, появились большие массы льда и покрыли море сплошной пеленой, вплоть до самого горизонта, так что утром следующего дня с палубы корабля нельзя было увидеть чистой воды. Засыпанное обломками льдин море представляло собой страшную картину разрушения. Как ни ужасно было пережитое нами, оно было пустяком по сравнению с тем, что нам пришлось испытать в этом же море год спустя.

Начался новый день. Снова засияло солнце, но какая была перемена в окружающем нас льду! Море успокоилось; невысокая зыбь замирает у ледовой кромки, кругом обломки льдин, взгромоздившиеся и повисшие друг на друге. Мертвая тишина. Небо чистое. Бесчисленные торосы выделяются на горизонте в виде синеватых теней, а ровные пространства между ними под лучами солнца приобретают серебристый блеск. Волнение моря стихает, расходятся льдины, едва заметные трещины превращаются в каналы. Небо снова заволакивается тучами,¹ море становится свинцового цвета,

¹ В районе кромки льда воздух обычно пропитан туманом, а небо чаще всего покрыто тучами. Зависит это от столкновения более теплого, морского воздуха с холодным, идущим от льдов.—Примеч. автора.

а на севере появляется над горизонтом светлая полоса — «ледяное небо».

Только 10 июля кораблю удалось протиснуться при попутном ветре, распустив все паруса, сквозь еще довольно сомкнуто лежащие льдины и достигнуть открытой воды. Пройденный нами лед был довольно тяжелый; одна из льдин достигала толщины 35 футов.

Прерванный путь вдоль кромки льда в северо-восточном направлении был возобновлен.¹ Но перед нами выросли новые препятствия — штиль, восточное течение, восточные ветры, а в середине июля даже сильные штормы. Все это очень затрудняло наше продвижение вперед. Путь пролегал частично через пловучие льды, частично по внешнюю сторону кромки, в зависимости от обстоятельств. При этом мы узнали, что лед Новоземельского моря не имеет даже отдаленного сходства с тяжелыми гренландскими льдами. Здесь преобладали однолетние льдины. Айсберги были небольшого размера, а количество их по направлению к востоку постепенно уменьшалось, и на 40-ой долготе они исчезли совсем.² Сюда мы прибыли 21 июля, пройдя при этом вдоль кромки от 74° до 75½° сев. широты. Здесь мы снова вошли во льды.

Пловучий лед был всюду, миновать его было бы легко только пароходу. Для нас же пройти сквозь льды было много труднее, так как этому мешали восточные ветры, частые штили и почти непрерывный туман. Кроме того, суденышко наше было мало приспособлено для такого плавания и к тому же мы не могли целиком распоряжаться командой. Наконец, последняя причина нашего возвращения на запад, с целью поисков другого, более удобного входа во льды, состояла в том, что нам предстояло обследовать еще очень большую площадь и мы не могли отдавать слишком много времени на изучение одного участка. 22 июля мы нашли новую бухту во льду на 35° долготы. На 15 миль проникли мы вглубь льдов и везде видели одни лишь легкие однолетние льдины, которые лежали местами настолько тесно, что казалось, будто судно скользило под всеми парусами на саях по белому снежному полю. В таких условиях, конечно, немыслимо было лавировать или заниматься поисками открытых водных путей. Вследствие сильной

¹ Глубина моря сильно уменьшилась; мы находились в области мелководья Медвежьего острова; измерение показало глубину в 90 метров. — Примеч. автора.

² Несколько недель спустя мы наблюдали обратную картину. — Примеч. автора.

мертвой зыби,¹ вызванной сильнейшей волной, идущей с юго-востока, нам пришлось повернуть обратно в югозападном направлении к кромке льда. Второй причиной возвращения назад было приближение с юговосточной стороны большого шторма.

Относительно менее благоприятными оказались ледовые условия Новоземельского моря на 29° долготы. Проникнув до 76½° сев. широты вглубь льдов, мы встретили высокие торосы и тяжелый лед. С трудом избежали мы при наступавшем безветрии опасности оказаться снова в ледовом плену.

За это время мы успели понять, что с нашими средствами и командой, состоящей не из добровольцев, нельзя претендовать на достижение большего, чем простая рекогносцировка. Несмотря на благоприятное состояние льдов мы оказались вынужденными отказаться от достижения с помощью корабля высоких широт и Земли Гиллиса.

Если бы мы продолжали попытки проникнуть вглубь льдов, то нам пришлось бы отказаться от мысли о возвращении домой еще этим летом. Провизией мы были обеспечены только до середины октября. Поэтому нам не оставалось ничего другого, как попытаться достигнуть Земли Гиллиса с помощью лодки. Необходимо было узнать, действительно ли эта страна имеет то значение, которое приписывается ей шведами, и заслуживает ли она посылки специальной экспедиции. Для этой цели необходимо было сначала отыскать надежную стоянку для судна. Удобным мог оказаться только мыс Ли в проливе Вальтер-Тименс. Мы повернули на запад, по направлению к Стор-фиорду. Лавировка вдоль кромки в бесконечном тумане и на сильной зыби при неблагоприятном ветре — операция очень неприятная, требующая постоянного внимания. Нередко на горизонте со всех сторон появляется ледяное небо. Выясняется, что мы попали в большую полынью.² Случается, что наступает

¹ Здесь, среди льдов, она усилилась из-за уменьшения глубины. — Примеч. автора.

² 1 августа нас окружило ледяное небо на 76°31' вост. долготы. Кажется, что мы попали в ледяной мешок. Был штиль. Лед, гонимый течением, упреждал запереть нас. С трудом удерживались мы в открытой воде, а когда подул слабый ветерок, сделали наудачу попытку пройти на юго-восток. Впоследствии выяснилось, что этот выход был единственным, остававшимся еще в нашем распоряжении. Здесь мы столкнулись с китобойным судном, следовавшим вдоль кромки от Новой Земли к Шпицбергену. Мы доставили промышленникам большую радость, обменяв на некоторое количество рома камни и окаменелости, собранные ими на Новой Земле. — Примеч. автора.

безветрие как раз в такой момент, когда судно, подхваченное сильным течением, уносится в самую ледовую гущу. Много трудностей пришлось нам испытать прежде, чем мы наконец увидели сквозь туман вытянутое плато острова Надежды. Вейпрехт определил, что на шведских картах местоположение его в широтном направлении расходится с действительным на 40 минут. Действительное положение югозападного мыса приходится на $76^{\circ}29'$ сев. широты и 25° вост. долготы. Мы направились, временно отклоняясь от нашего курса, к северу с восточной стороны острова, предполагая достигнуть отсюда Земли Гиллиса. Целый день лавировали мы между стамухами¹ в тумане. Сорвавшийся с востока штормовой ветер отнесся нас все больше к западу, разыгралась зыбь, и мы чуть было не разбились, ударившись вдруг о кромку льда. Пробыться здесь оказалось невозможным, и мы были вынуждены вернуться к прежнему плану устройства базы в проливе Вальтер-Тименс. Остров Надежды был окружен поясом плотных льдов, шириной в несколько миль. Сильное югозападное течение мешало всяким попыткам достижения острова. К западу от него мы встретили кромку на 76° сев. широты. Кромка состояла из тяжелого, плотно лежащего пака.² Обращало на себя внимание большое количество небольших айсбергов или обломков их, заключенных в паковом льду; расстояние от Тысячи Островов до южного мыса Шпицбергена ($76\frac{1}{2}^{\circ}$ сев. широты) было пройдено сравнительно быстро.

5 августа рассеялись тяжелые грозовые тучи. Мы определили наше местонахождение и с неудовольствием констатировали, что находимся к юго-западу от мыса Лукаут. До сих пор мы продвигались постоянно в густом тумане, теперь же, миновав климатическую границу, образуемую южным мысом, мы попали в область, почти непрерывно освещенную солнцем. Область эта охватывает всю западную сторону Шпицбергена, вплоть до Земли Принца Карла. Вокруг южной оконечности западного Шпицбергена проходит течение, идущее из Стор-фиорда сначала на юг и поворачивающее затем на север. У вершины этого течения, перед южным мысом, расположено около 20 островов различной величины, не считая массы разбросанных вокруг подводных скал и рифов. Морские карты этого района крайне недостаточны. Здесь

¹ Стамухами называют севшие на мель айсберги.—Примеч. переводчика.

² Паком называют тяжелый, многолетний лед, образовавшийся в Поллярном бассейне и выносимый в береговые моря идущими с севера холодными течениями.—Примеч. переводчика.

разбилось много судов, преимущественно шпицбергенских рыбаков. Мы пытались трижды проникнуть с попутным ветром в Стор-фиорд, но течение оказывалось сильнее и каждый раз относило нас мили на четыре к западу от южного мыса. Во время этих попыток мы увидели западное побережье Шпицбергена. Оно имеет настолько приветливый вид, что даже не кажется арктической страной.

10 августа из Стор-фиорда стало выносить массу льдов, идущих с огромной быстротой вдоль по течению. Вскоре они забили все западное побережье. Только 13-го нам удалось при попутном ветре издалека обойти южный мыс и пробиться несколько к востоку. 14 августа вечером мы увидели вдаль остров Эдж и направились к нему, лавируя между все уплотнявшимся пловучим льдом. При этом мы натолкнулись на двух финских китобоев, которые сообщили нам о состоянии льдов в Стор-фиорде. Выслушав их, мы решили изменить прямой курс на мыс Ли и направиться сначала к западному берегу фиорда. Тем временем лед становился все плотнее. Судно наше уже очень сильно пострадало от сжатий и бесчисленных толчков и ударов. Оно черпало воду,¹ подводная часть форштевня² расщепилась, так что куски дерева отламывались и уплывали. Многие планки в корпусе судна оказались вдавленными. Чтобы представить себе силу ударов, которыми мы пробивали себе дорогу во льду, достаточно указать, что железные обручи дюймовой толщины, которыми форштевень был скреплен в Тромсе, отскакивали после такой операции как щепки.

Лавируя против северных ветров, мы достигли 16 августа 77°30' сев. широты. Мы находились вблизи Китовой бухты в разреженном льду. Противный ветер лишал нас всякой возможности достигнуть мыса Ли раньше чем через неделю. В таких условиях трудно было придерживаться первоначального плана пробраться к Земле Гиллиса на лодках от мыса Ли, ввиду того, что такое путешествие заняло бы не меньше трех недель, а это неминуемо кончилось бы зимовкой. Это соображение, а также учет недостатков нашего

¹ Удивительно, как бесцеремонно и грубо маневрируют норвежские промысловые суда во льдах. При каждом ударе нашего судна об лед, достигавшем иногда очень внушительной силы, матросы спокойно говорили: «вот и освежили корабль!» Такой способ оживлять или освежать судно, повидимому, не что иное, как своеобразный народный обычай, родственный, например, глотанию битого стекла при цынге; этот последний обычай распространен, согласно Норденшельду, среди шпицбергенских промышленников.—Примеч. автора.

² Нос судна.—Примеч. переводчика.

По Ледовитому морю в полярную ночь.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Деболобова

снаряжения заставили нас уйти из Стор-фиорда и вернуться к оставленной раньше кромке льда.

В этих условиях наиболее выгодной была задача проследить, какие изменения произошли в состоянии льдов к востоку от Шпицбергена в течение последних недель. Можно было надеяться, что наблюдения эти удастся продолжить и дальше на восток, вплоть до берегов Новой Земли, то есть на протяжении 660 миль. Этим было положено начало второй половины нашего плавания. 16 августа мы пробились сквозь льды Стор-фиорда и через два дня снова достигли острова Надежды. Мы высадились на юго-восточной части этого мало известного острова. Здесь мы обнаружили необычайно сильное течение, со скоростью до 2 миль в час идущее на юго-запад. Нужна была большая осторожность в маневрировании фансботом при подходе к берегу, так как вокруг острова разбросано много рифов и кошек, не нанесенных на карту.¹ На берегу было много плавника, состоявшего из сибирской лиственницы и сосны.²

Поразительно была перемена, которая произошла в состоянии льда к востоку и к западу от нас: он исчез. Мы бросились в поиски за ним с намерением еще раз проникнуть в него возможно глубже. В бурную погоду лавировали мы 19, 20 и 21 августа против северного ветра, дувшего уже в течение нескольких недель. Попытки продвинуться к северу были мало успешны, тем более, что оттуда шло течение, постоянно относившее нас на юг. С момента оставления Стор-фиорда температура воды превышала воздушную. 22 августа мы обнаружили на $76\frac{3}{4}^{\circ}$ сев. широты и $28\frac{1}{2}^{\circ}$ вост.

¹ Как только мы вступили на плоскую, покрытую бедной растительностью землю, мы увидели четырех белых песцов, которые испуганно вскочили и бросились бежать вверх по склону. Вскоре, однако, песцы, повидимому, сочли свою поспешность необоснованной, потому что присели на месте и стали забавляться своим хриплым лаем, который китобой считают криком дьявола. Жизнь этих животных, повидимому, состоит из сплошных преступлений, о чем свидетельствует масса разоренных гнезд и остатки съеденных птиц.—Примеч. автора.

Кошками называют подводные рифы. Немецкое название, дословно переводимое как «волноломы», основано на свойстве подводных рифов разбивать волны, рассыпающиеся при этом в брызги и пену.—Примеч. переводчика.

² Плавником называются: лес, бревна, доски, обломки кораблей и всякие прочие деревянные предметы, выносимые в море реками или попадающие сюда с судов. Плавник очень распространен на побережьях островов Ледовитого моря, куда он заносится морскими течениями. Зимующие экспедиции, случайные промышленники и рыбаки используют плавник в качестве топлива, а иногда и строительного материала для хижин.—Примеч. переводчика.

долготы очень мелкий пловучий лед, поднимавшийся на 1—2 дюйма над поверхностью воды. Он шел отдельными полонами, не представлявшими препятствия для нашего продвижения вперед. Такое же состояние льда оказалось и на $77^{\circ}12'$ сев. широты 22 августа. Ничто не мешало нам продвигаться к северу, кроме неблагоприятного ветра, с которым приходилось бороться в течение 22 и 23 августа.

Но самым серьезным препятствием были сомнения относительно разумности такого продвижения в позднее время года, высказываемые капитаном и командой. Это было обидно, так как трудно было сомневаться в близости земли. Всего в 40 милях от нас, хотя и не видная из-за тумана, лежала Земля Короля Карла. Мы оказались вынужденными 24 августа повернуть от севера на восток. С этого момента стало постоянно возрастать количество встречавшихся айсбергов, хотя еще несколько недель тому назад мы не видели здесь ни одного.

Чем дальше мы продвигались к востоку, тем больше к северу отступала кромка льда. Мы могли надеяться, что нам удастся проникнуть ближе к полюсу, чем кому бы то ни было из плававших в этом море. До сих пор для начала осени принималась крайняя северная граница льдов на 76° сев. широты. Нам удалось проникнуть до 78° сев. широты на 42° вост. долготы, не повстречав ни единой льдинки (30 августа). Таким образом «Исбьерн» прошел целых 100 миль в совершенно неизвестной области. Однако, температура воды успела в течение 24 часов упасть на 2 градуса, а цвет ее изменился, превратившись из синего в мутно-зеленый. С каждым моментом следовало ожидать появления пакового льда. Кое-где уже было видно ледяное небо. Появились киты, не преследуемые промышленниками в этой части моря.

31 августа утром мы увидели шесть гаг — предвестников близкой земли.¹ Синеватая тень на горизонте привлекла всеобщее внимание; однако, мнимая земля скоро расплылась в туман. Нам казалось, что предстоят важные открытия, но осуществлению их препятствовала наша недостаточная оборудованность. Нас могло бы отнести неизвестным течением, но возможно было также смыкание льдов на юге, которое отрезало бы нам путь к возвращению в Европу. Мы не могли быть уверены, что не попали в далеко растянувшийся к северу ледовый фиорд, берега которого могли сомкнуться в любом месте. Очень вероятным было, что мы

¹ Известно, что гаги улетают на юг значительно позднее — не ранее второй половины сентября месяца.—Примеч. автора

попали в тупик. 31 августа ночью (78° сев. широты) мы натолкнулись на разреженный лед, местами лежавший более плотно, но нигде не образовавший сплошной массы. Паровое судно прошло бы сквозь этот лед без труда, но для нас он был серьезным препятствием.

Следуя вдоль уходящей на северо-восток кромки, мы пересекли 1 сентября утром широту 78°30'. В связи с заходом в столь высокие широты заметно посветлели ночи. Между тем температура упала ниже нуля, палуба судна покрылась слоем снега, а такелаж оброс стекловидным слоем льда. Сильный северный ветер прогнал туман и открыл картину, полную ослепительного блеска и красок, свойственных только дальнему Северу. С одной стороны небосвода ярко пылало солнце, пронизывая лучами тяжелые облака тумана, с другой светил месяц; на севере блестело подобно северному сиянию ледяное небо.

Мы достигли 78°38' сев. широты.

Продвижение вперед могло быть успешным только при условии плавания на пароходе и притом с целью зимовки у берегов какой-нибудь неизвестной земли, поэтому мы решили повернуть к востоку. Спустившийся туман и большая волна с северо-запада заставили нас все больше отклоняться к юго-востоку. Впервые встретили мы плавник в этих — столь высоких — широтах. Мы находились в части моря, поверхностная температура которого значительно превышала температуру воздуха. Однако, последняя вдруг поднялась, и наступила оттепель. Цвет воды колебался между синим и мутнозеленым. Несколькими днями раньше мы миновали участок моря, отличавшийся огромным богатством низших животных — берое. Неожиданно встретили мы здесь большое количество финнвалей.¹

Нам предстояло убедиться, есть ли чистая вода, по которой мы передвигались, лишь результат случайного загиба кромки льда, или она составляет просто часть моря, свободного от льда. Последнее предположение казалось рискованным, так как до сих пор никому никогда не удавалось перешагнуть в этой части моря через 76°30'. Чтобы удостовериться в этом, мы повернули 1 сентября в сторону от кромки и достигли по чистой воде 75°52' сев. широты и 51°44' вост. долготы. Отсюда мы предполагали снова вернуться на север,

¹ Финнваль много смелее, сильнее и проворнее гренландского кита. Стоимость его составляет лишь около 1500 талеров, так как ус его менее ценен и количество его меньше. Литке говорит, что эти животные достигают иногда длины 110 футов; встретившиеся нам экземпляры были примерно половинного размера. — Примеч. автора.

чтобы исследовать положение льдов в восточном направлении, но столкнулись с сопротивлением капитана. Возвратившись таким образом к поискам кромки, мы обнаружили ее снова 5 сентября на $78^{\circ}51'$ сев. широты и 56° вост. долготы. Из-за тумана трудно было различить, насколько лед проходим; он не был тяжелым, но лежал плотно. Большое волнение и ветер имели направление, перпендикулярное к кромке, что вынудило нас повернуть от нее в сторону.

Идя юговосточным курсом, мы переступили $77\frac{1}{2}^{\circ}$ сев. широты и 59° вост. долготы, не повстречав при этом льдов. Дальнейшее продвижение к востоку не входило в наши планы. В создавшихся условиях возвращение к кромке льда было бы бесцельно, поэтому мы направились к берегам Новой Земли, чтобы запастись в одной из западных бухт дровами и пресной водой. На пути к югу нам пришлось выдерживать сильный югозападный шторм. Время начала этих штормов совпадает с временем окончания парусных плаваний. В начале сентября ночь длится здесь уже несколько часов, и в это время совершенно невозможно маневрировать среди льдов на парусном судне. Для парохода эти условия плавания, возможно, еще некоторое время остаются приемлемыми.¹

По вине штормов мы вынуждены были, однако, держаться вдалеке от берегов, непрерывно лавируя. Течением нас беспрестанно относило на северо-восток, и, несмотря на наше горячее желание, нам так и не удалось высадиться на Новой Земле, которую мы едва различали в далекой дымке. В ночь с 12 на 13 сентября мы находились в месте стыка экваториального и полярного воздушных течений. При этом мы имели возможность наблюдать ураганный характер этой встречи. Барометр упал на два дюйма, а море вело себя так странно, что при свежем ветре корабль не слушался руля. 14 сентября мы находились на широте Маточкина Шара, но не могли стать на якорь, так как идущая с северо-востока метель скрыла с наших глаз побережье.² Замечательной была происшедшая тем временем перемена на небе. Его заволокли тяжелые грозовые тучи, обычные в полосе пассатов. Каза-

¹ На $77\frac{1}{2}^{\circ}$ сев. широты температура воды была 5 сентября $+3^{\circ}\text{C}$, а на $76\frac{1}{2}^{\circ}$ сев. широты 8 сентября в виду мыса Нассау даже $+4,5^{\circ}\text{C}$. — Примеч. автора.

² В этот день на палубу села совершенно обессилевшая пуночка. Она позволила себя поймать безо всякого сопротивления. Как всегда бывает в таких случаях, птичка умерла спустя несколько часов. — Примеч. автора.

лось, что вот-вот они разрядятся. 15 сентября мы увидели первое северное сияние в виде дуги, проходящей через зенит. Недостаток в дровах и воде, а также окончание в последний день сентября срока аренды судна вынудили нас, окончательно отказавшись от посещения Новой Земли, воспользоваться попутным ветром для возвращения.

В этот день заболели трое из наших семи человек, причем один из них — цынгой. Под самым берегом Лапландии мы из-за северо-восточного шторма легли на сутки в дрейф. Лишь 20 сентября вошли мы в Тана-фиорд к востоку от Нордкапа и взяли здесь воды. Печальные утесы Танахорна и отвесные скалистые берега были так же пустынные, как необитаемые острова Ледовитого моря. 24 сентября «Исбьерн» обогнул Нордкап и 4 октября бросил якорь в Тромсе. Вейпрехт остался на судне. Что касается меня, то я покинул его вместе с одним матросом, говорившим по-норвежски и по-лопарски, еще в Тана-фиорде, и обратный путь до Тромсе мы проделали через внутреннюю Лапландию. В пути мы пользовались оленьими нартами по сухой земле и узкими лодками по мелководным рекам.

В плане этой экспедиции не стояло ни открытие новых земель, ни достижение высоких широт, а только исследование Новоземельского моря с точки зрения пригодности его в качестве пути для проникновения в центр еще неисследованных полярных областей. Эта пригодность могла бы быть следствием влияния Гольфстрема или других факторов. Результаты нашего путешествия, в достижении которых выдающаяся роль принадлежала лейтенанту Вейпрехту, привели нас к выводам, что имеется много данных в пользу реальности этого пути.

Результаты эти состояли из четырехчасовой серии наблюдений над температурой и плотностью воды Новоземельского моря как на поверхности, так и на различных глубинах, из метеорологических наблюдений, из замечаний о местонахождении течений и плавника, из двойной, частично даже тройной серии измерений морских глубин и, наконец, из сборов грунта на различных широтах между Шпицбергом и Новой Землей. К этому следует добавить поверхностную съемку островов, расположенных вблизи южного мыса на Шпицбергене, неологические коллекции и проч.

В противоположность к отпугивающим заключениям наших предшественников, неуспех которых на этом пути частично объясняется недостаточностью экспедиционного снаряжения и выбором для плавания наименее благоприятного

времени, наши наблюдения приводят к следующим выводам:¹

I. Новоземельское море не забито непроходимым льдом, часто бывает свободно от него приблизительно до 78° и соединяется в это время со свободным от льда Карским морем.

Лейтенант Вейпрехт говорит об этом следующее:

«Наблюдавшееся нами существование открытого полярного моря будут несомненно пытаться объяснить или случайностью или особо благоприятными ледовыми условиями текущего года. В ответ на это достаточно указать, что ознакомление с сообщениями судов, промышлявших в этом году моржа у Шпицбергена и Новой Земли, а также факт значительной потери в судах свидетельствуют о том, что 1871 год нельзя считать благоприятным в ледовом отношении, а, наоборот, весьма неблагоприятным. В этом году почти невозможно было плавать в Вибе-Янс-Уотер, а в Карское море можно было проникнуть только через наиболее южный из проливов — Югорский Шар. Поэтому причиной наблюдавшегося нами состояния льдов оставалось бы считать случайное преобладание благоприятных ветров. Однако, наш метеорологический журнал показывает, что за время с 4 августа по 5 сентября дули только северные ветры или ветры северных румбов, не считая двенадцати вахт, т. е. в общей сложности только двух дней, когда дули ветры другого направления. Упомянутые северные ветры часто достигали значительной силы. Совершенно ясно, что эти ветры никоим образом не могли отодвинуть льды к северу. Что же касается легкого характера встречавшихся нам льдов, то можно было бы возразить, что мы видали только кромку льда. Но, во-первых, нам часто удавалось проникнуть так далеко внутрь льдов, что о кромке не могло быть и речи, а во-вторых, характер кромки всегда выражает тип лежащих за нею льдов. В тех случаях, когда ветер дует против кромки, льды смыкаются здесь даже плотнее, чем в более глубоких частях, а для того, чтобы встретить среди льдов участки чистой воды, необходимо раньше пробиться сквозь плотный наружный барьер».

II. Наиболее благоприятное навигационное время падает в этом море на вторую половину августа и длится до начала сентября. В этот период плавание осложняется наступлением ночи, штормов и образованием молодого льда, но все

¹ В последующем оказалось, что некоторые наши взгляды того времени были неправильны. — Примеч. автора.

же ледовый покров моря достигает в это время своего минимального развития.

III. Новоземельское море представляет собой мелководный бассейн, являясь естественным продолжением сибирских равнин. На Крайнем севере мы нашли глубины, немногим превышавшие 180 метров, а недалеко от юговосточной оконечности Земли Гиллиса — всего лишь 90 метров.

IV. Земля Гиллиса представляет собой не материк, а состоит, повидимому, из одного или нескольких островов.¹ Обнаружение на Крайнем севере (около 79° сев. шир.) покрытого илом плавника, водорослей и животных, обитающих только вблизи суши, уменьшающихся морских глубин, пресноводного льда и покрытых щебнем айсбергов указывает с некоторой определенностью на существование земли² к северо-востоку от Земли Гиллиса.

V. Наличие сибирского плавника исключительно в наиболее северной части посещенной нами области указывает, повидимому, на существование здесь восточного течения.

VI. Окончательно решить вопрос о влиянии Гольфстрема на образование благоприятных навигационных условий в восточной части Полярного моря пока не удастся. Все же состояние льдов, наблюдавшиеся температуры воды, цвет ее и состав населяющих животных как будто говорят в пользу влияния со стороны Гольфстрема. Возможно, что сильнее всего сказывается это влияние у западных берегов Новой Земли в начале сентября. В пользу этого говорят наши данные: в июле и августе температура морской воды к северу от Маточкина Шара на 74° сев. шир. постепенно понижалась с +6° Р. до +2° Р., а на широте 75° и еще дальше к северу держалась около 0° Р. и еще ниже; в начале сентября (шестого числа) мы наблюдали на 78° широте +3° Р., а четырьмя днями позднее на 75½° сев. шир. +4° Р. Воздушная температура во всех этих случаях была значительно ниже. Не исключена также возможность, что Гольфстрем придерживается в начале и середине лета новоземельского прибрежного района и только к осени распространяется дальше к западу.

Действительно, произведенные наблюдения в восточной части Новоземельского моря показали существование теп-

¹ Существование Земли Гиллиса, о которой Пайер говорит в такой определенной форме, подвергается серьезным сомнениям. Нобиле на «Италии» и «Красин» проходили в 1928 году место, обозначенное на карте Землей Гиллиса, и никакой земли не видели. — Примеч. переводчика.

² Открытая позднее Земля Франца-Иосифа. — Примеч. автора.

лого слоя, под которым залегает непосредственно более холодный. Неодинаковая плотность воды этих слоев обуславливает, повидимому, отсутствие взаимного перемешивания их. Слой теплой воды становится, очевидно, по направлению к северу все менее мощным. Вблизи Нордкапа он обладает мощностью в 150 футов при температуре почти 7°C . Для Новоземельского моря очень характерны туманы; кроме того случаются даже грозы — оба эти признака тоже говорят о влиянии теплого течения. Постепенное похолодание этого теплого слоя по направлению к северу, уменьшение его мощности и столь характерный для Гольфстрема распад его на отдельные слои с равной температурой отражаются в показаниях трех серий наблюдений, произведенных на различных широтах Вейпрехтом с помощью максимальных и минимальных термометров Казелла.¹

72°30' сев. шир. 44° вост. дол.

12'	до	114' + 4°8 Ц
		144' + 2°5 Ц
		174' + 2°0 Ц
		204' + 1°5 Ц
		234' + 1°3 Ц
		264' + 1°0 Ц
		294' + 0°5 Ц
		360' + 0°5 Ц
		450' ± 0°0 Ц
		600' — 0°4 Ц
		800' — 1°3 Ц

¹ В настоящее время Новоземельское — или, как его называют сейчас, Баренцево — море, можно считать одним из наиболее изученных морей. Гидрология Баренцева моря освещена в капитальном труде Н. М. Книповича «Основы гидрологии Северного Ледовитого океана», обнимающем около 1000 страниц текста и вышедшем в 1906 году. Книпович дает схему направлений струй Гольфстрема, широко разветвленных на площади этого моря. Основаны выводы Книповича на большом количестве сериальных наблюдений, подобных Вейпрехтовым, но более полных и выполненных с помощью более совершенного инструментария. После Книповича в Баренцевом море работал ряд океанографических и промысловых экспедиций, среди которых наибольшего внимания заслуживают разные советские экспедиции, организованные б. Институтом по изучению Севера и нынешним Арктическим институтом, б. Океанографическим институтом (б. Пловучим морским институтом), а также германские экспедиции на «Цитене» и «Метеоре». Все эти экспедиции дали большой вклад в познание режима Баренцева моря, а некоторые из них значительно расширили круг своих работ, проникнув с исследовательскими целями в соседние моря, считавшиеся во времена Пайера совершенно недоступными. — Примеч. переводчика.

77°26' сев. шир. 44° вост. дол.

6' до 30' +2°2 Ц
36' +1°8 Ц
45' +0°3 Ц
60' +0°3 Ц
75' -0°9 Ц
90' -0°8 Ц
120' -1°6 Ц
180' -1°8 Ц
360' -1°6 Ц

76°40' сев. шир. 55° вост. дол.

6' до 36' +2°5 Ц
48' +1°0 Ц
60' ±0°0 Ц
72' -0°6 Ц
90' -0°6 Ц
120' -1°3 Ц
180' -1°2 Ц
300' -1°2 Ц

В заключение необходимо привести некоторые климатические данные по Новоземельскому морю. Средняя воздушная температура в посещенном нами районе была в конце июня и в июле немного ниже +2° Ц, в августе около +1,5° Ц, а в сентябре +3° Ц. Повышение температуры в этом последнем месяце следует, впрочем, приписать имевшему место резкому отступлению кромки льда к северу. Максимальная воздушная температура составляла +6° Ц, минимальная —2° Ц. В исследованной в 1871 году области до середины августа преобладали восточные, северо-восточные и югозападные ветры. За ними шли северные, а в начале сентября южные ветры. Штормовая погода была в конце июня, середине июля, в начале августа и в начале сентября. Исключительно велико было количество туманов, в чем выражалась родственность этой области с Шпицбергенской. Не менее 90% нашего путешествия прошло среди тумана или при низких облаках, причем 60% этого количества приходится на туманы. Всего лишь 26 экспедиционных часов прошли при совершенно безоблачном небе, тогда как число часов, пришедшихся на туман, снегопад и дождь, — не менее тысячи.

В результате нашего опыта и наблюдений оказалась крайне желательной посылка в Новоземельское море хорошо снаряженной экспедиции, как с целью достижения высоких широт, так и прохода северо-восточным водным путем. Этот последний путь был избран следующей Австро-венгерской полярной экспедицией, у которой был только один корабль. Эта экспедиция вовсе не предполагала встретить на своем пути чистую воду, так же как и не считала возможным

добраться до полюса с помощью саней или лодок. Экспедиция только считала, что легче и успешнее окажется попытка проникновения в центрально-арктическую область, если для этого избрать какую-нибудь точку между Новой Землей и Шпицбергенем, основываясь при этом на наблюдениях 1871 года, показавших здесь наличие неожиданно легких льдов. Причиной этого можно было бы считать еще и то огромное влияние, какое оказывают великие сибирские реки на мелководные моря благодаря мощному притоку их теплых вод. Ход вызываемых этим притоком течений до сих пор неизвестен, но можно ожидать, что в районе берегов, находящихся под столь мощным влиянием, едва ли может образоваться тяжелый паковый лед. Это подтверждают также все наблюдения русских, находивших здесь даже в самое холодное время года свободные от льда полыньи. Миддендорф нашел 26 августа 1844 г. Таймырскую бухту совершенно свободной от льда, мы сами убедились в том, что северо-восточный проход был доступным до 60° вост. долг., а по Мак'у даже до 81° вост. долг. (на $75^{\circ}45'$ сев. широты). От Новой Земли до Берингова пролива все море, исключая узкой, шириной в несколько морских миль, прибрежной полосы, совершенно неизвестно. Никогда еще ни один корабль не бороздил вод этого необозримого полярного моря.¹

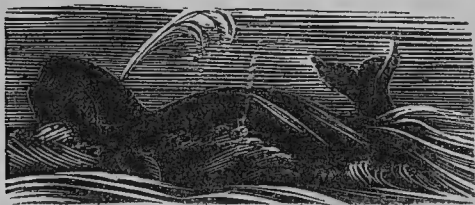
В план экспедиции входило проникнуть во второй половине августа (время, когда северное побережье Новой Земли свободно от льдов) в восточно-северо-восточном направлении. Определить заранее места зимовок не представлялось возможным. Эти точки могли оказаться у северной оконечности Азии (мыс Челюскина), у Новосибирских островов, или где-нибудь у берегов новооткрытой страны. В идеале для нас было возвращение через Берингов пролив, представлявшееся, впрочем, маловероятным. Мы не ставили себе задачей достижение полюса, так как не было возможности совместить эти оба задания. Все прочие детали плавания не предусматривались, так как они, несомненно, зависели бы от местных условий.

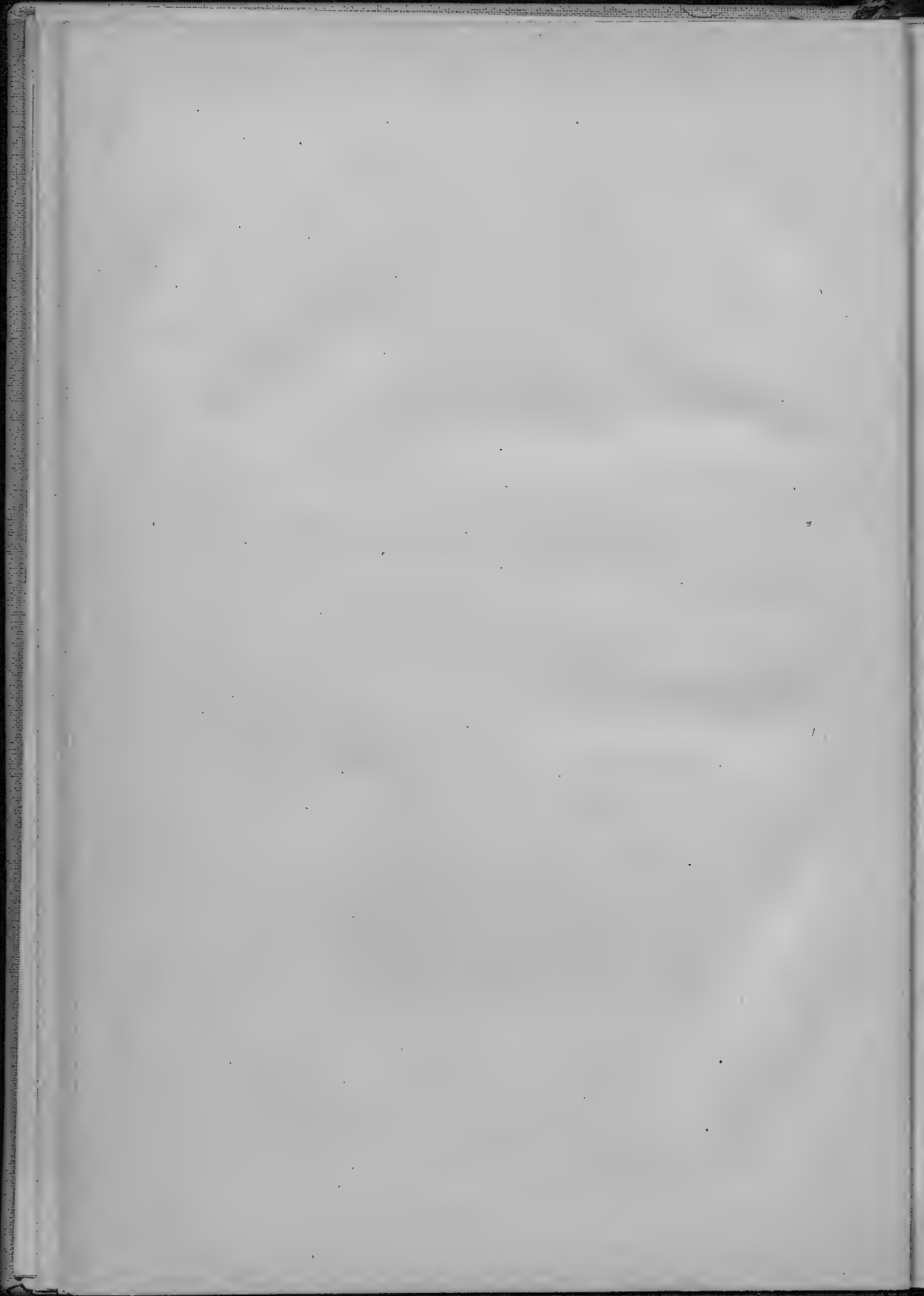
Главная задача экспедиции состояла таким образом в географических открытиях. Определение магнитных постоянных, метеорологических средних и т. п. представляло, ко-

¹ Пайер, относившийся после возвращения из своих плаваний к идее осуществления морского прохода на корабле из Атлантического океана в Тихий северным путем резко отрицательно, не сумел предугадать, что уже спустя три года после опубликования им этих слов аналогичная попытка Норденшельда увенчается блестящим успехом — Северо-восточный проход будет пройден. — Примеч. переводчика.

нечно, для этой огромной области, лишенной всяких наблюдений, само по себе высокую научную ценность. В задачи экспедиции входили также наблюдения над северными сияниями и сборы разнообразных коллекций. Трудности при встрече со льдом, особенно в районе мыса Челюскина, вполне учитывались экспедицией. В случае потери судна, экспедиция должна была постараться достигнуть сибирского побережья с помощью лодок с тем, чтобы в дальнейшем подняться по одной из великих рек в более южные области. Полезным могло бы оказаться для экипажа погибшего судна небольшое продовольственное и угольное депо, которое граф Вильчек предполагал основать летом 1872 года на северном побережье Новой Земли. Во всех выдающихся точках предполагалось соорудение каменных пирамид, в которые должно было вкладываться сообщение об избранном экспедицией направлении.

До возвращения экспедиции поздней осенью 1874 года она была совершенно отрезана от Европы. Не в честолюбии или в страсти к приключениям заключены мотивы, побудившие нас взяться за это труднейшее предприятие. Прелесть необычайного слабеет при повторении. Наряду с желанием услужить науке расширением наших познаний мы сознавали необходимость оправдать те надежды, которые сами возбудили.

ЭКСПЕДИЦИЯ 1872—1874 ГГ. ПЛАВАНИЕ НА «ТЕГЕТТГОФЕ»

В ОТКРЫТОМ МОРЕ

Труден путь к твердыням полярного мира. Путешественник, вступающий на него, должен напрягать все свои умственные и физические силы, чтобы добыть хотя бы скудные сведения из этой таинственной страны. Необходимо вооружиться неограниченным терпением, не боясь неизбежных разочарований и неудач, и продолжать преследовать свою цель даже тогда, когда она сама становится игрушкой случая. Цель эта должна состоять не в удовлетворении честолюбия, а в расширении знаний. Годы проводит полярный путешественник в тяжелом изгнании, вдали от своих друзей, среди лишений, окруженный опасностями и угнетаемый одиночеством.

Однажды в 1868 году, во время съемки Ортлеровских альп, в мою палатку, разбитую в горах, попал газетный листок с сообщением о германской экспедиции Кольдевея. Вечером я прочел у костра пастухам и охотникам, сопровождавшим меня, лекцию о северном полюсе. Удивительным казалось мне, как это могут существовать люди, обладающие какой-то особой способностью переносить кошмары холода и тьмы. Тогда я и не подозревал, что уже в следующем году я сам буду участвовать в полярной экспедиции. Не больше

оснований могло быть также у Галлера, одного из моих тогдашних охотников, к предположению, что он будет меня сопровождать во время моего третьего путешествия. То же можно сказать и о тех двадцати трех человеках, которые рано утром в июне 1872 г. поднялись в Бремергафене¹ на палубу корабля с тем, чтобы окончательно связать с ним свою судьбу. Все эти люди дали общую подписку в том, что они отказываются от помощи со стороны спасательных экспедиций, даже в случае невозможности возвращения собственными силами. Широкой целью нашего путешествия было открытие Северовосточного прохода, а ближайшей задачей — исследование частей моря или земель, расположенных к северо-востоку от Новой Земли.²

Стоял ясный день. Никакой авгур не смог бы усилить оживлявшие нас радостные надежды. Друзья из Австрии и Германии пришли попрощаться с нами. Тих и скромн был наш отъезд; таким всегда должно быть еще невыполненное обещание. В шесть часов утра «Тегетгоф»³ прошел шлюзы, затем спустился по реке Везеру на буксире городского парохода. Плыя по реке, мы испытывали глубокое удовлетворение людей, приступивших, наконец, к выполнению годами подготавливавшегося плана. Перед нами проходили те же поляны, деревья и дуга, которые так восхищали нас однажды при возвращении из Гренландии. Но мы смотрели спокойно на то, как все меньше и меньше становилась земля позади нас. Вечером германское побережье исчезло из наших глаз. И тут мы, наконец, задумались над тем, какой окажется наша новая жизнь в тесных судовых помещениях. Каждый из нас хотел работать в возможно большем согласии. Однако, уже сейчас мы убедились в том, что часто наше путешествие будет зависеть от непредвиденных случаев и обстоятельств, кажушихся на первый взгляд незначительными. Находясь в районе мелководного гельголандского фарватера, мы оказались без паров при полном штиле. Что стало бы с экспедицией, если бы мы не заметили своевременно, что под килем осталось всего несколько футов воды!

¹ Порт в Германии на Немецком море.—Примеч. переводчика.

² См. Предисловие к русскому изданию.—Примеч. переводчика.

³ Название судна дано по имени Вильгельма Тегетгофа, австрийского адмирала, организатора морских сил Австрии и победителя итальянского флота при Лиссе в 1866 году. Название судна отражает таким образом империалистические настроения командования экспедиции.—Примеч. переводчика.

Корабль наш имел 220 тонн водоизмещения. Он был снаряжен на 2½—3 года и имел около 30 тонн лишнего груза на борту, благодаря чему сильно ощущался недостаток в помещении. Однако, каюта, занятая Вейпрехтом, Брошем, Орелом, Кепесом, Кришом и мной, была гораздо удобнее той, в которой мы в количестве 8 человек находились в Гренландской экспедиции. Чрезмерной была загрузка парохода углем (130 тонн); этого запаса должно было хватить не только для наших ежедневных нужд, но и для того, чтобы поддерживать пар в течение полных 50—60 суток стоянки во льду.

Судно и машина (100 лошадиных сил) показали себя с превосходной стороны, как во время пробной поездки 8 июня, так и во время всего дальнейшего путешествия. Ветры в Немецком море мало благоприятствовали нам, и поэтому понадобилось много времени для достижения норвежского побережья.

В моем дневнике этот переход описан следующим образом: «Преследуемый легким южным ветром, прокладывает «Тегеттгоф» свой одинокий путь через бесконечное море. Над нами синее северное небо, воздух солнечный и мягкий. Вдали виднеются скопища бесчисленных рифов, опоясывающих скалистые берега Норвегии. Изредка прилетит чайка или сядет на верхушку мачты какая-нибудь другая птица, уставшая от далекого пути. Иногда мимо судна проплывет с страшной быстротой акула. Изредка на горизонте покажется парус. И это все... и никакой другой жизни, никакого события. Каждый чувствует, не высказывая этого, что он вступает в серьезный период своей жизни. Сегодня еще мы можем надеяться на осуществление своих желаний, потому что никому из нас не известно будущее. Одно чувство оживает всех, это — сознание, что в борьбе за научные цели мы служим чести нашей родины и что за каждым нашим шагом там, далеко, будут следить с живейшим участием. На «Тегеттгофе» можно услышать все языки нашей родины: немецкий, итальянский, славянский и венгерский. Судовой язык у нас итальянский.¹

¹ Австро-Венгрия довоенного периода прозывалась «молочной империей». Необычайная смесь различных национальностей в составе населения страны была характерной особенностью этого государства. Пайер, говоря о «чести своей родины», не может забыть ее своеобразного национального состава, отраженного в многоязычной команде корабля. Отдавая дань казенному патриотизму, он, повидимому, чувствует искусственность государственного организма, названного им родиной.— Примеч. переводчика.

«Веселье царит среди команды. Легкий ветерок несет по направлению к морю, над которым горит полуночное солнце, веселые, радостные песни, распеваемые по вечерам итальянцами; однообразный ритм пения далматинцев будит воспоминания о их солнечной родине, которую они скоро променяют на страну, настолько на нее не похожую, что она не рисуется даже их фантазии. Какое мирное начало многолетнего путешествия в Северном ледовитом море! Через несколько недель заскрипит лед, отираясь о ребра «Тегеттгофа», и кристальные айсберги окружают его. С трудом корабль будет прокладывать себе дорогу через ледовую пустыню. Временами он будет тесно зажат льдом, иногда сможет свободно передвигаться в прибрежной воде, временами же окажется окруженным зловещим «ледяным небом».¹

Экипаж «Тегеттгофа» состоял из 24 человек:

лейтенант Карл Вейпрехт	} руководители экспедиции
поручик Юлий Пайер	
лейтенант Густав Брош	
мичман Эдуард Орел	
врач Юлий Кепес	
машинист Отто Криш	
боцман Пьетро Лузина	
матрос Антонио Занинович	
» Антонио Катаринич	
» Антонио Скарпа	
плотник Антонио Вечерина	
матрос Антонио Лукинович	
» Джузеппе Латкович	
» Пьетро Фаллезих	
повар Иоганн Ораш	
кочегар Иосиф Поспишил	
матрос Джорджо Стиглих	
» Винценцо Пальмих	
» Лоренцо Марола	
» Франческо Леттис	
» Джакопо Суссих	
охотник Иоганн Галлер	} собачники
» Александр Клотц	
капитан Олаф Карлсен — ледовый начальник и гарпунер.	

¹ «Ледяным небом» называется отражение больших ледовых странств на небе. Это отражение в виде молочно-белой светлой полосы над горизонтом бывает видно на далекое расстояние и служит вернейшим признаком наличия льда в этой части моря.— Примеч. переводчика.

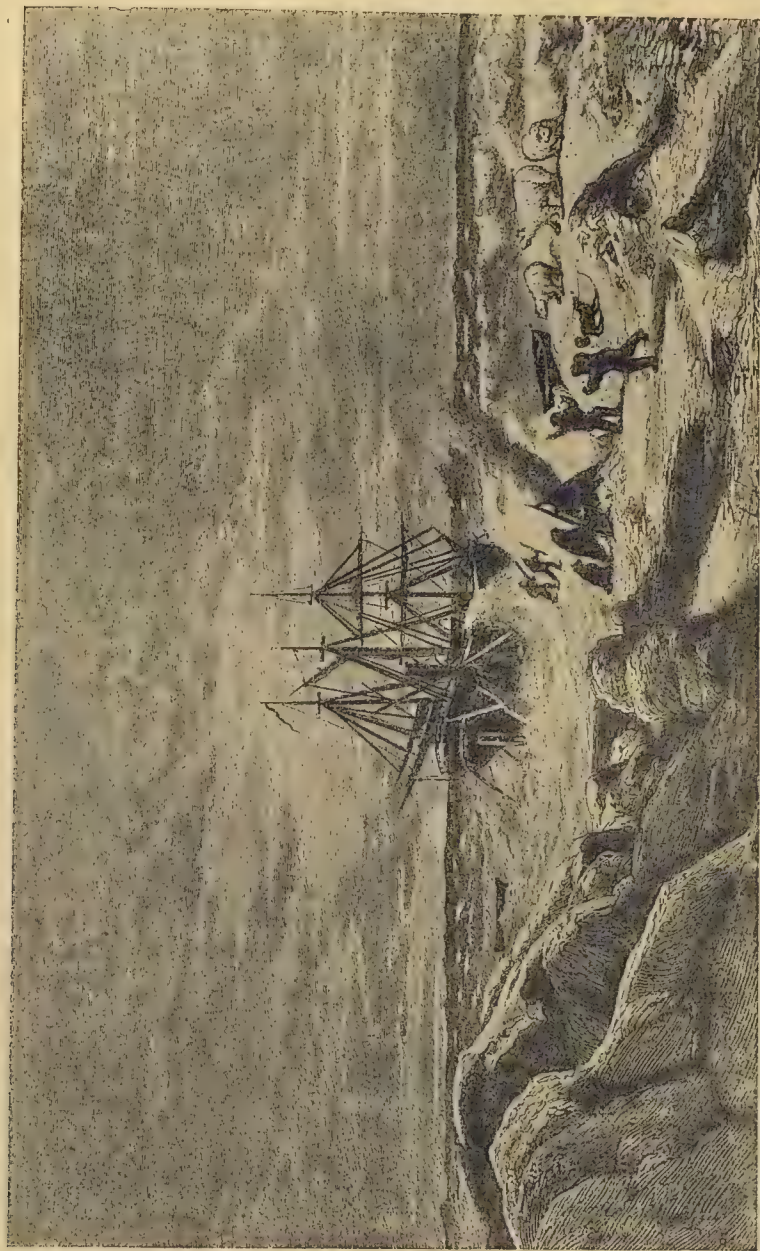

Измерение морской глубины.

В тисках льда.

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Прощание с солнцем.

Кабинет Севера
Обл. библиотеки
им. А. Н. Радищкова

На судне было восемь собак; из них две из Лапландии, остальные из Вены.

Бурная погода задержала нас на некоторое время у Лофотенов, так что только 3 июля мы прибыли в Тромсе. Дальнейшее наше путешествие задержалось на неделю из-за некоторых необходимых дополнений в снаряжении судна.

В корабле, начиная с Бремергафена, показалась течь. В Тромсе корабль был исследован водолазами, разгружен, зачищен и снова загружен. Мы пополнили наши угольные запасы, на борт приняли норвежскую промысловую лодку и гарпунера, капитана Олафа Карлсена.

6 июля мы получили последние вести из Австрии, письма и газеты. Получен был также изданный русским правительством указ, изготовленный в 2 экземплярах для Вейпрехта и меня на случай нашего разделения. Этот документ должен был сыграть большую роль в случае потери нами судна и возвращения через Сибирь. Такой исход нашего путешествия был вполне вероятен, если учесть огромную протяженность труднейшего Северовосточного прохода.

Пока лейтенант Вейпрехт заделывал течь, некоторые из нас поднялись на скалистую вершину, возвышающуюся над лабиринтом фиордов Тромсе. Это восхождение было совершено с целью сравнения наших анероидов с ртутным барометром. Лапландец Дилкоа был нашим проводником.

Как ни необходимо было нам получить сведения о состоянии льдов в этом году, однако в данное время мы не могли их добыть, так как еще ни один из китобоев не вернулся с мест ловли на севере.

В воскресенье утром 14 июля мы покинули эту тихую, маленькую столицу севера. Пассажиры гамбургского почтового парохода, заходившего как раз в это время в гавань, приветствовали нас долгими криками. Мы двинулись под парами по узким каналам мимо скал Санде и Рисе по направлению к открытому морю. За лоцмана служил нам капитан Карлсен. При выходе из шхер нашел туман и закрыл собой грандиозную скалистую башню Фугле. Здесь мы погасили огонь в машине и подняли паруса.

Началось последнее короткое морское путешествие, которое суждено было совершить «Тегеттгофу». 15 июля мы шли под парусами мимо берегов Норвегии на север. 16 июля оказался в далекой синеве Нордкап.

СРЕДИ ПЛОВУЧИХ ЛЬДОВ

Уже несколько недель подряд неблагоприятные ветры тормозили наш путь. Волнение не прекращалось. 23 июля, благодаря вдруг наступившему падению температуры и туманной, дождливой погоде, мы поняли, что близок лед, ожидавшийся много дальше к северу. Действительно, 25-го вечером на $74^{\circ}15'$ сев. широты при $+0^{\circ}2\text{ Р}$ в воздухе и $+1^{\circ}\text{ Р}$ в воде мы впервые увидели его. Лед был благоприятно расположен, так как северные ветры последних дней разбили его на отдельные полосы. Кромка его представляла собой таким образом полнейшую противоположность той сплошной ледяной стене, которую мы встретили в 1869 году у Гренландии и в 1871 году к востоку от Шпицбергена.

Озадаченные южным положением льда, мы утешали себя тем, что имеем дело не с плотными массами льдов, а со скоплением льдин, которые, возможно, попали сюда из Карского моря через Маточкин Шар. Однако, очень скоро мы убедились в том, что находимся в настоящем Ледовитом море. Было ясно, что условия плавания в 1872 году изменились по сравнению с предыдущим годом в самую неблагоприятную сторону. Уже накануне лейтенант Вейпрехт велел закрепить на грот-мачте бочку. Теперь она стала непрерывным местопребыванием вахтенных офицеров.

26 июля, в то время, как мы продолжали наш северо-восточный курс, лед стал плотнее, оставаясь пока еще проходимым. Нигде не было видно тех сплошных полей льда, которые нас встретили у Гренландского восточного побережья и огромная опасность которых для мореплавателя была отмечена еще Литке.

Температура воздуха и воды резко упала. В течение следующих двух недель она держалась почти постоянно ниже точки замерзания, одинаково днем и ночью.

Новоземельское море характерно непостоянством погоды, свойственным в наших широтах апрелю месяцу. Снежные бури непрерывно чередовались с великолепными ясными днями. Термометр с зачерненным шариком показал 3 августа $+36^{\circ}\text{ Р}$, при $+3^{\circ}\text{ Р}$ воздуха в тени, что указывало на интенсивность прямой солнечной радиации. В такие дни необозримые площади льда блестели ослепительным светом.

Начавшаяся охота дала нам кайр и тюленей для камбуза. К их черному мясу даже наши далматинцы привыкли чрезвычайно быстро.

Постепенно лед становился плотнее. 29 июля ($74^{\circ}44'$ сев. широты, $52^{\circ}8'$ вост. долготы) мы могли продолжать наш

путь только работая машиной. Уже нельзя было избежать тяжелых ударов, во многих случаях судно могло продвигаться только тараня лед с разбега. Этим способом нам удалось пробиться в большую полынью ночью с 29 на 30 июля ($+3\frac{1}{2}^{\circ}\text{Р}$ воздуха), когда лед стал перед нами совершенно сомкнутым барьером.

Без препятствий, будто по озеру, двинулись мы по блестящей поверхности воды. Берега этого «озера», однако, состояли не из цветущих роц, а из подвижных бледных ледяных образований, которые приняли фантастические очертания, закутавшись в нахлынувший туман и растворившись в нем. Наше непосредственное окружение потеряло благодаря этому и формы и краски, только слабые тени вырисовывались в тумане. Казалось, что впереди — пустота. Еще несколько часов тому назад мы видели, как горело полуденное солнце, отражаясь на гористой пустыне Новой Земли, длинная береговая линия которой в результате рефракции высоко приподнялась над ледовым горизонтом. Синее небо, недавно еще такое нежное и покрытое сияющими в солнечном свете высокими облаками, стало серым и печальным. Такие неожиданные перемены в природе нигде так сильно не действуют на настроение, как здесь, в Ледовитом море, где все красоты исходят от солнца.

Вот уже несколько дней, как мы вступили в мир, для большинства из нас чуждый. Часто нас окружают густые туманы, и только изредка удается нам увидеть далекую землю, покрытую снегом и окаймленную негостеприимными голыми скалами. При сером небе, ночью, трудно представить себе что-нибудь печальнее хруста умирающего льда. Медленно и гордо, будто на параде, тянется вечная очередь белых гробов-айсбергов к своей могиле, к южному солнцу. Несмолкаемый шелест замирающей мертвой зыби превращается на секунду в прибой в пещерах отдельных льдин. Со свисающих краев высоких торосов монотонно стекает талая вода. Иногда будто в огонь, с шипением, падает в море снежный ком и исчезает в воде. Роскошные водопады талой воды, подобные матовым завесам, с шумом сбегает с ледяных гор, трещающих и распадающихся под потоком солнечных лучей. Море вскипает на месте падения гигантов, а морские птицы, лениво отдохавшие на темени их, испуганно поднимаются и кричат, но вскоре снова слетаются стаей на вершине другого ледяного колосса.

Когда мы на лодке пересекаем неподвижное зеркало полыньи, мы всегда должны быть на-чеку. Случается, что рядом с нами вынырнет, наподобие черной блестящей горы,

огромный кит. Корабль, проникающий в эту таинственную пустыню, странным обликом своим напоминает образ «Летучего голландца». ¹ Густой столб дыма, идущий из трубы, держится мощным черным слоем целыми часами над льдом, пока постепенно не расплывется. Когда солнце в полночь опускается почти до горизонта, замирает вся жизнь, а айсберги, скалы и глетчеры становятся розовыми от лучей, так что мы не чувствуем пустыни, которую они так радостно оживляют.

Солнце достигло своей низшей точки. Оно начинает подыматься, и постепенно его яркий блеск превращается снова в ослепительное сияние. Только звери и птицы отдыхают еще. Медведь нежится еще некоторое время лежа за какой-нибудь ледяной стеной, стаи чаек и чистиков спокойно сидят на краю льдины. Они как бы ушли в себя, со спрятанной под крылом головой. Кругом ни единого звука! Из воды выныривает умная голова тюленя. Может быть это его преобразили давно забытые морские сказания в водяную деву? Быстро пролетают стаи кайр, коротко ударяя крыльями над пловучими островками льда. Приближение судна вызывает кругом неожиданное оживление и движение; со скалы срывается разбуженное семейство люриков — птичек величиной не больше воробья — и с писком качается на волнах.

Вечно переменчивое море! Сейчас твоя поверхность чиста. Когда-то, в течение столетий, по твоей глади бродили целые флотилии китобойных кораблей. Теперь ты покинуто, лишь изредка навестит тебя одинокий парус корабля, вышедшего на промысел в погоне за прибылью; еще реже заглянет сюда судно, идущее в море с научными целями.

Мы пересекли по льду, ² впереди оказался опять сплошной барьер льда. Когда мы врезались в него, лед кругом нас сжался, и мы оказались в ловушке! Судно закрепили за одну из льдин. Выпустили пар, который со свистом прорывался в туманный воздух. Лед тем временем, смыкаясь все сильнее, постепенно заделал все ячейки в сетке из водяных каналов и вскоре стал таким плотным, что мы с помощью доски могли по нему путешествовать в любом направлении.

30 июля «Тегетгоф» оставался в том же положении. Не было заметно никакого течения, ни движения плотно сдвинутых льдин. Был штиль и туман. Напрасно пытались мы в течение следующего дня проломить льдину, лежащую пе-

¹ Легенда о «Летучем голландце» — летающем по воздуху корабле, населенном духами, — была в старину очень распространена среди невежественных моряков. — Примеч. переводчика.

² Открытое пространство воды среди льда. — Примеч. автора.

ред носом корабля. 1 августа (74°39' сев. широты, 59° вост. долготы) все еще стоял штиль; в состоянии льда не было никаких перемен. 2 августа команда решила попытаться стащить судно с помощью тросов и ледяных якорей, но это ни к чему не привело из-за небольших размеров соседних льдин. Вечером поднялся свежий бриз, который, казалось, должен был освободить нас. Однако, пройдя несколько кабельто-вов,¹ мы снова встретили большую льдину, перегородившую нам путь. Одновременно стих и ветер. Наконец, когда лед немного разрыхлел, была заведена машина, и в следующую ночь мы, идя под парами, проломили широкий ледяной барьер, отделявший нас от береговой воды Новой Земли. 3 августа утром мы проникли в береговые воды шириной до 20 миль. Мы находились к северу от Маточкина Шара и направились дальше на север в виду гористого берега. Таким образом мы прошли ледяной пояс в 105 миль шириной. Земля была похожа на Шпицберген. С интересом осматривали мы ее живописные глетчеры и горы, которые достигают от 2 до 3 тысяч футов высоты.

Далеко вокруг не было ни одной льдинки, стояла сильная мертвая зыбь, воздух был необычайно теплый (+4° R). Только вечером пошел дождь. 4 августа спустился туман и началась пурга, заставившая нас крейсировать в районе к западу от полуострова Адмиралтейства. В ночь с 6 на 7 августа был большой снегопад. Палуба совершенно побелела. На севере и на западе показался густой лед, а так как температура воздуха даже при югозападных ветрах была постоянно ниже нуля, то стало ясно, что лед растянулся и в этом направлении.

7 августа вечером мы подошли с западной стороны полуострова Адмиралтейства к белому барьеру. Вокруг был лед. Лишь далеко на севере, по ту сторону широкого ледяного пояса, рефракция показывала наличие чистой воды и колеблющиеся в мареве очертания Черного Носа. 8 августа, после полудня, лед вокруг нас (75°22' сев. широты) стал настолько плотным, что мы снова были вынуждены обратиться к силе пара. Но к вечеру поднялся противный ветер, и «Теттгоф» не смог даже с помощью пара пробиться сквозь широкую полосу сплошного льда. Поэтому мы остановились с застопоренной машиной в ожидании того, что лед разойдется. Около самого берега нами была опять замечена чистая вода и на ней шхуна. Каждый из нас заторопился с пи-

¹ Морская мера длины: около 200 метров.—Примеч. переводчика.

санием писем к своим на родину. Однако, шхуна ушла вглубь бухты Гвоздарева. В 10 часов 30 минут вечера ветер стих, лед немного разошелся, и мы смогли продолжать наш путь под парами в северо-восточном направлении. Мы шли против солнца. Чистая гладь отдаленных каналов горела чудесным карминовым цветом. Разделяющие эти каналы ледяные гряды имели вид темнолиловых полос, и только ближайшее окружение казалось бледным и холодным. С трудом проби-вался «Тегеттгоф» сквозь плотные массы льда и в полночь достиг открытой воды.

9 августа мы шли под парусом прибрежной водой, совершенно свободной от льда. Только отдельные айсберги от тридцати до сорока футов вышиной встречались на нашем пути.

Небольшие размеры их и относительная многочисленность указывали на их происхождение от новоземельских ледников, повсюду сползающих к морю. Поверхность этих айсбергов часто оказывалась покрытой щебнем. 10 августа опять пошел мелкобитый лед, между которым наше судно лавировало на пути к северу. До полудня мы чуть было опять не застряли; в течение четырех часов подтягивались мы на тросах и в конце концов освободились. 11 августа мы продолжали беспрепятственно наш северный курс сквозь разреженный лед.

Земля, от которой мы до сих пор были удалены на 8—12 морских миль, резко снизилась с 3000—2000 до 1500—1000 футов и потеряла при этом свой живописный характер. В полдень 12 августа мы вынуждены были из-за густого тумана заякориться за льдину. Размеры льдины позволили нам начать обучение собак бегу в упряжи.

Вблизи Панкратьевых островов вдруг совершенно неожиданно на горизонте появилось судно, которое старалось привлечь наше внимание выстрелами и подъемом флага. Как велики были наши удивление и радость, когда мы увидели австро-венгерский флаг на мачте «Исбьерна» и смогли приветствовать на палубе «Тегеттгофа» полчася спустя графа Вильчека, коммодора Штернека, доктора Гефера и господина Бургера. Они пришли на «Исбьерне» (нашем экспедиционном судне плавания предыдущего года) от берегов Шпицбергена и уже в течение двух дней держались в виду нас.

То, что им удалось на простом паруснике, к тому же очень недостаточно снаряженном, следовать за «Тегеттгофом», пробивавшимся вперед с трудом с помощью машины, было доказательством их решительности. Они отправились

оборудовать обусловленное продовольственное депо на мысе Нассау, подвергая себя при этом большой опасности.¹

Только в 2 часа ночи вернулись наши гости к себе на «Исбьерн». Оба судна отправились совместно вдоль берега на север. Путь был свободен, льда не было. Лишь 13 августа утром мы натолкнулись у 76°18' сев. широты и 61°17' вост. долготы на довольно густой лед. К этому присоединились туман и буря. Обоим кораблям пришлось стать на ледяной якорь, зацепившись за береговой припай около 1 мили шириной. Суда стали на расстоянии двух кабельтовых друг от друга. Недалеко к югу лежали острова Баренца. Новоземельские промышленники дали им мрачное прозвище «Трех Грюбов», из-за их холмов, своеобразной формы. К северу высился сверкающий белизной исполинский айсберг. Он был для нас провозвестником новых стран, так как мощность его противоречила происхождению от ледников Новой Земли.

Продолжительные западо-югозападные ветры, густой лед, туман, снегопады, устройство предположенного продовольственного депо и необходимость точного определения его географического положения заставили нас в течение восьми дней задержаться в районе Баренцовых островов. Для нас вновь представилась приятная возможность посетить землю. Мы отправились туда на двух собачьих упряжках.²

Вынужденное безделье у островов Баренца дало нам возможность принять ряд необходимых мер для ожидаемой борьбы со льдом. Дело в том, что корабль во льду всегда должен быть готов к тому, что его может в течение нескольких минут раздавить. Был приведен в готовность четырехнедельный запас продовольствия, боевых припасов и про-

¹ Четырьмя днями раньше Вейпрехт писал: «С Вильчеком нам, конечно, больше не удастся увидаться. Он никогда не сможет пройти через тот лед, что остался позади нас или что лежит на севере впереди нас». — Однако «Исбьерн» добрался до мыса Нассау. В 1872 году этот корабль повторил рейс предыдущего года от острова Надежды вдоль кромки льда на восток, проведенный тогда под начальством Вейпрехта. На подступах к Новой Земле экспедиция Вильчека встретила сплоченный лед на неожиданно низкой широте. Она обогнула кромку с юга, и вошла в новоземельские воды на 72,5°. Дальше экспедиция пробиралась на север вдоль берега вплоть до места встречи с «Тегеттгофом». На переход от острова Надежды до мыса Нассау «Исбьерн» потратил больше месяца. — Примеч. переводчика.

² Автор приводит описание Новой Земли, данное геологом проф. Геффером, участником экспедиции на «Исбьерне». Мы опускаем это описание ввиду того, что в настоящее время в русской специальной литературе имеются гораздо более подробные и полные описания геологии и истории прошлого Новоземельских островов, чем мог дать профессор Геффер в 1876 г. — Примеч. переводчика

чего материала. Каждому были вменены его особые обязанности в случаях крайней необходимости. Вокруг всего корпуса судна были спущены тяжелые балки-кранцы, благодаря которым давление льда должно было бы распределяться на большую поверхность и вместо раздавливания вызывать выжимание судна. Теснота на палубе несколько уменьшилась. Ходьбе мешали только многочисленные нарты, собранный плавник и колеса, а привязанные собаки образовывали многочисленные засады. Тем, кого они не полюбили, приходилось делать далекие обходы. Не имея крыши над головой, бедные животные сильно страдали в условиях суровой погоды. Однако, скоро они должны были получить каждая по будке. Сумбу и Пекель, обе наши лопарки, переносили все невзгоды лучше других и неподвижно спали, целиком занесенные снегом.

14 августа появилась угроза со стороны надвигающегося сплошного пака. Он прижал нас вплотную к береговому припаю и даже положил «Исбьерна» немного на бок. Вечером к судну подошел медведь, которого убили проф. Геффер и капитан Карлсен. На следующий день граф Вильчек, большая часть команды, я и наши собаки отправились со всеми нартами через береговой лед к островам Баренца. Мы везли всю провизию, предназначенную для депо, состоявшую из 2000 фунтов ржаного хлеба в бочках и 1000 фунтов гороховой колбасы, запаянной в жестяных ящиках. Здесь депо было заложено в большой расщелине между скалами. Вход в трещину был завален огромными обломками скал. Этим мы обезопасили себя от медведей, а на порядочность русских и норвежских рыбаков мы могли рассчитывать, так как знали, что только в случае крайней нужды они воспользовались бы нашими запасами. Это же депо должно было служить первым пристанищем экспедиции в случае потери судна.

20 августа мы доставили с берега еще немного плавника и увидели с вершины острова поляну, покрытую пловучим льдом, расположенную близко от берега в направлении на север. Возвращаясь к судну, мы столкнулись с медведем, который немедленно обратился в бегство, испуганный большим числом охотников.

20-го же августа произошла некоторая подвижка льда, позволявшая надеяться на возможность возобновления плавания. На следующий день мы пришли на борт «Исбьерна», чтобы попрощаться с графом Вильчеком и его спутниками. Это прощание не было обычным. Если расставание людей, уже и так отрезанных от остального мира, волнует больше

обыкновенного, то в наших условиях это имело свои особенности, серьезнейшие причины. По отношению к графу Вильчеку это прощание означало одновременно и благодарность за помощь делу, осуществление которого должно было начаться со следующим шагом. Мы сознавали, что граф Вильчек имел большие основания ждать от нас многого. Ведь он не только обнаружил редкую готовность к жертвованиям в пользу нашей экспедиции, но и не побоялся подвергнуть себя опасности, стараясь обеспечить жизнь участников экспедиции в случае катастрофы. Сознание принятой ответственности вызвало в нас стремление отдать все силы достижению великой цели. Картина этого расставания часто впоследствии вставала перед нашими глазами.

В хмурую погоду, при свежем северо-восточном ветре, прошли мы мимо «Исбьерна» к северу. Вскоре корабль, скрытый туманом, исчез из наших глаз. Трудности, встреченные «Исбьерном» на пути в Европу, известны; нас же его судьба начала сильно волновать несколько позднее, когда мы сами очутились в тяжелом положении.¹

Тем временем перспектива в отношении цели нашего путешествия сильно ухудшилась. Нечего было и думать проделать весь далекий путь до мыса Челюскина в текущем году, как мы сначала предполагали. Мысль о зимовке к северу от Новой Земли казалась нам, однако, невыносимой. Тем временем свободной воды становилось все меньше, а плотность льда все возрастала, особенно у берега. В полдень мы вошли в полынью. Но уже в следующую ночь сплошной ледяной барьер преградил нам путь. Мы оказались вынужденными стать на ледяной якорь в ожидании разрежения льдов. Укрепившись за льдину, мы выпустили пар из котла.² Пять моржей прыгнули при нашем приближении в воду и исчезли в ней.

Этот день был для нас роковым. Почти сразу же после закрепления судна за льдину лед стал нажимать со всех сто-

¹ Трудности эти не были велики, по крайней мере на участке до устья реки Печоры. Всего лишь четверо суток потратил «Исбьерн» на переход от места прощания с «Тегетгофом» до Гусиной Земли. В этом районе уже не было льдов. Дальнейший путь пролегал через Костин Шар на юг, к Печоре. Здесь в области Гуляевских кошек, корабль застала буря. Однако, вскоре судну удалось укрыться в глубь Печорского залива. Весь переход длился всего лишь одиннадцать дней.—Прим. переводчика.

² Наше положение было тогда около 76°22' сев. широты и 62°3' восточной долготы.—Примеч. автора.

рон и плотно запер нас. Вскоре вокруг нас воды совсем не стало, и судно наше распрощалось с ней навсегда! — Большое счастье человека в том, что он способен переносить превратности судьбы, испытывающие его нравственную силу целыми годами, и что он не знает заранее всех тех разочарований, которые она приготовила ему. Если бы мы знали в тот вечер, когда льды сошлись вокруг «Тегеттгофа», что отныне наше судно обречено безвольно следовать прихоти льдов, что настоящим кораблем оно уже никогда не будет, — мы могли бы впасть в отчаяние. Только много позже для нас стало ясно, что из свободных исследователей мы превратились в пассажиров льдины.

Не зная будущего, мы со дня на день годами ждали избавления. Сначала мы искали его в часах, потом в днях и неделях, затем в определенных периодах года и переменах погоды и, наконец, в милости грядущих лет. Но час избавления не пришел совсем! И все же, несмотря на непрерывные разочарования, в нас не угасал свет надежды и давал силу переносить все страдания.

ДРЕЙФ В НОВОЗЕМЕЛЬСКОМ МОРЕ

НАЧАЛО ДРЕЙФА

Обычная температура конца августа в Ледовитом море близка к точке замерзания. Однако, на этот раз она постоянно держалась от 3—6° Р ниже нуля. Воздух был резкий и холодный, шел сильный снег. Солнце светило редко, уже несколько дней как оно в полночь заходило за горизонт. Судно покрылось льдом, все указывало на то, что зима началась. Окружающие нас ледяные массы состояли только из небольших глыб, и мы надеялись на то, что восточные ветры их вскоре снова разгонят. Между тем, случилось обратное: низкая температура, штиль и снегопад скрепляли обломки льда все сильнее, и в несколько дней все смерзлось в одну крепкую льдину, в середине которой оказалось неподвижно закрепленным наше судно.¹

Неописуемо однообразным было это окружение, состоявшее из сплошного белого покрова. Отдаленная от нас на не-

¹ Вейпрехт говорит об этом: «Вместо восточных ветров, ожидаемых мною с полной уверенностью после продолжительных известных бурь предыдущих недель, наступил штиль, прерываемый западными бризами. Они давали массу снега, который, в соединении с быстро падающей температурой, крепко спаял пловучий лед. До 9 сентября никаких перемен не было: весь лед кругом лежал плотно спаянным, воды не было видно ни в каком направлении». — Примеч. автора.

сколько миль гористая поверхность Новой Земли была покрыта свежим снегом.

В таких условиях стало невозможным достигнуть сибирского побережья в текущем году. В случае скорого выхода из льдов трудно было рассчитывать найти зимнюю стоянку на Новой Земле. Однако, учитывая эту возможность, мы использовали наше вынужденное безделье для окончания всех подготовительных работ. Нам хотелось сразу после захода в такую стоянку начать санные поездки, хотя значение их было бы не велико, так как Новая Земля достаточно хорошо известна. Тем временем мы медленно, но неуклонно дрейфовали вдоль земли на северо-восток. Направление дрейфа оставалось почти неизменным, повидимому потому, что он находился под влиянием течения, которое у северных берегов Новой Земли уже неоднократно наблюдалось. Все яснее представлялась нам мрачность нашего положения и сознание того, что мы в плену. Уже 1 сентября температура упала до -9°P , исчезли открытые полыньи, которые, впрочем, и прежде встречались лишь единично и были очень небольших размеров. Уже на шесть часов заходило солнце, а образование молодого льда достигало в течение одной только ночи такой мощности, что у нас осталась единственная надежда на разрушающее действие сильных бурь, обычных для периода равноденствия.

2 сентября прошла трещина через наше ледяное поле, которая достигла кормы судна и расширилась затем до канала. Наша льдина снова распалась на части, причем судно оказалось в плену в середине наибольшей из глыб. 3 сентября ночью корма «Тегеттгофа» впервые была легко приподнята напором и подпором льда. Тогда мы не имели еще никакого представления об ужасе его позднейших атак.

Печальным казалось наше положение, но опасность не представлялась значительной. Обреченные на безделье, мы находили развлечение в катаньи на коньках на молодом, пока еще свободном от снега льду, покрывавшем многие из новообразовавшихся полыней слоем до 2 дюймов толщины. Кроме того мы занимались метеорологической наблюдательной службой,¹ дрессировкой собак, доставкой льда на камбуз для приготовления воды, варкой звериного сала и наблюдениями над местностью. Мы были бесконечно одиноки, даже белая чайка и серые буревестники встречались редко, а медведь, подошедший 5 сентября к судну на 40 шагов, убе-

¹ Она производилась Брошем, Орелом, Кришем, Лузиной и Карлсеном.—Примеч. автора.

жал из-за неопытности наших охотников. Становилось все холоднее и мрачнее. 2 сентября впервые оказалось необходимым зажечь в половине десятого вечера лампу в кают-компании, а с 3 сентября мы начали топку внутренних помещений судна, в которых уже некоторое время температура доходила до 0°P . 11 сентября на ночном небе загорелись первые огневые ленты северного сияния.

9 и 10 сентября свирепствовал нордостовый шторм. Он отогнал нас на запад и раздробил нашу льдину, уменьшив ее до размеров нескольких моргов.¹ Однако, все попытки уничтожить ее путем пилки и взрывания кончились неудачей. Взрывание порохом оказалось одинаково безрезультатно, как во льду, так и под ним в воде. Целыми оставались даже старые сросшиеся трещины, а распиленные с большим трудом льдины смерзались почти моментально снова. Бесполезным было также применение паровой силы, с помощью которой мы старались дать нашей льдине самостоятельное движение или добиться отделения отпиленных частей.

Не помогло также то, что мы до 7 сентября поддерживали открытую канаву вокруг судна. Эту канаву, благодаря которой судно лежало будто в доке, мы поддерживали путем ежедневного разрушения новообразовавшегося вокруг судна льда. Но ледяное поле не раскололось. Темные полосы на небе все еще указывали на близость открытой воды и вселяли в нас надежду. Но вскоре сомкнулись уже и каналы. Одновременно неожиданно низко упала температура: 16 сентября было 15 градусов мороза, 19-го температура упала до $18,6^{\circ}\text{P}$. ниже нуля. Вместе с тем участились снегопады и сильные пурги. Пока еще около нас образовывались трещины; они давали нам возможность охотиться на тюленей. В конце сентября вновь образующиеся полыньи стали так быстро покрываться ледяной шугой, что мы не могли пробраться через них на наших лодках. Картина, окружающая нас, менялась, но это чередование в открывании и замыкании водяных каналов было в нашей однообразной жизни только безобидным зрелищем, потому что в высоких валах нагроможденного льда мы еще не чувствовали угрожающей нам опасности.

22 сентября образовалась трещина в тридцати шагах от судна. Спешно убрали мы все имущество, лежавшее еще на льдине: нам казалось, что пришла минута освобождения. Однако, желанное событие не наступило. Нас относил все

¹ Старинная мера площади, равная 25,5 ара.—Примеч. переводчика.

далее на северо-восток. 2 октября мы пересекли 77-ю широту.

Правда, в начале октября после непродолжительной бури открылась за кормой судна большая полынья. Мы немедленно взялись за прорытие канала через нашу льдину. Но спустя два дня полынья замкнулась.

С болью осознали мы нашу неудачу, и хладнокровие, которое нам удалось сохранить, было очень относительным!

Минуты волнения и радости доставляли нам только встречи с белыми медведями. Первого медведя убили 6 октября и мясо его разделили главным образом между собаками. Мы еще не научились считать мясо этих животных самой драгоценной частью нашего продовольствия. Предыдущей ночью появился также один песец, первый за эту экспедицию. Очевидно, он пришел с Новой Земли, а любопытство привело его вплотную к судну, откуда его прогнали собаки.

Оружие необходимо для всякого, кто отходит от застрявшего во льду судна хотя бы на небольшое расстояние. В каждой экспедиции бывали комичные положения из-за небрежного отношения к этому правилу. Иногда случался и грустный конец. Я сам однажды получил напоминание, правда безобидное, о необходимости быть осторожным. Это было 11 октября, когда я один отошел от судна без оружия для работы по постройке ледяной башни. За мной увязалась только лопарская собачонка — Пекель. Так как я работал наклонившись, то не мог наблюдать за окружающим. Когда же, услышав лай Пекеля, я поднял голову, то увидел близко от себя медведя. Он приближался ко мне, пофыркивая и потряхивая головой. В ожидании того, что люди, занятые на палубе, увидят мое затруднительное положение, и в расчете на то, что мой враг не заметит моего смущения, я ограничился тем, что протянул к нему руку. Однако, видя, что это ни к чему не привело, я несколько раз громко крикнул: «медведь!» Теперь только я увидел Клотца, находившегося тоже на палубе и направлявшегося к ружейной стойке. Продолжая это с таким стоическим спокойствием, что я понимал, что рассчитывать на чужую помощь нечего, и представил приближившемуся на 15 шагов медведю славу победителя, обратившего своего противника в бегство. К тому же оказалось, что «второпях» Клотц взял незаряженное ружье. И хотя я, получив в конце концов ружье, ранил и прогнал своего врага, этот случай все же послужил мне уроком того, что при встрече с медведем следует всегда рассчитывать только на самого себя, даже находясь при этом вблизи от судна. Шум привлек на палубу офицеров и команду. Нача-

лось дикое преследование с массой выстрелов и криков. Однако, опыт говорит, что такие преследования чаще всего бывают безрезультатными, даже тогда, когда медведь часто приостанавливается и оборачивается, как это было и в данном случае.

Чайки и песцы бывают обычными спутниками белого медведя, потому что они питаются остатками его добычи. В ожидании того, что нас вскоре посетят эти животные, мы расставили на нескольких выступах нашей льдины капканы; однако, уже на следующий день капканы исчезли, сорванные песцами.

В первых числах октября температура мимолетно поднялась до нескольких градусов ниже нуля. Такие перемены случались только, когда дули югозападные ветры и когда временно вскрывались полыньи вокруг нас. Все короче становился день, раскаленным шаром закатывалось солнце, окруженное красноватыми клубами тумана, поднимающегося из-за гребней черно-синего льда.¹ Все более темные сумерки следовали за исчезновением солнца. 29 сентября прилетела на наше одинокое судно с берегов Новой Земли пуночка. Она попрыгала немного на палубе и снова исчезла. Только единичные чайки не улетели еще, продолжая посещать места с открытой водой в нашей окрестности. Поддерживая себя короткими ударами крыльев над верхушкой мачты, они пристально смотрели на нас сверху и вдруг с хриплым криком стрелой бросались прочь, к югу. Что-то грустное было в этом отлете птиц; все живое, казалось, старалось покинуть огромную страну тьмы, в которую мы вступали.

Для того чтобы отвлечь внимание от страшного однообразия нашей жизни, мы решили найти себе занятие и напали на мысль настроить вокруг судна домов. Строительная деятельность широко развилась на нашей льдине. В одном месте отламывали и отпиливали тяжелые ледяные доски, которые потом отвозили на собаках на место постройки, в другом — выстраивались кристальные стены домов и массивной башни. Снег, смешанный со снеговой водой, заменял нам цемент. Тяжелые работы впустую давали нам в награду хороший сон.

Продвигаясь в течение этого времени пассивно на север, мы все дальше отходили от Новой Земли. В виде красивого горного хребта в миниатюре, с закругленными сопками и долинами, изобилующими ледниками, лежала земля, пока еще на близком расстоянии от нас. Почти ежедневно подымались

¹ Эффект освещения.—Примеч. автора.

над ней огромные солнечные круги с боковыми солнцами — обычные предвестники бурной погоды или сильного снегопада. По направлению к северу земля становилась ниже, и там, где она, отходя к востоку, спадала, она превращалась в глетчерную пустыню, незначительно возвышающуюся над уровнем моря.

Топография северной части Новой Земли представляет собою картину полнейшего хаоса. В течение столетий рыбаки давали неверное изображение ее несложных очертаний. Только до мыса Нассау была произведена настоящая съемка, сделанная Ф. Литке. Но уже начиная с островов Баренца, карты очень часто не соответствуют действительности, поэтому крайне желательна посылка небольшой экспедиции для их исправления.¹

12 октября мы увидели только низкую горную цепь в тридцати милях к югу. Потом земля исчезла. Одинокая пустыня встретила нас; мы входили в нее на неопределенное время.

ПЕРВЫЕ ЛЕДОВЫЕ СЖАТИЯ

Наступила осень. Дни становились короче. Ничто не изменилось вокруг нас. Неделю за неделей дрейфовали мы на окруженном льдами судне медленно на северо-восток. Изредка раздвигалась какая-нибудь трещина, доходила до размеров полыньи и снова замерзала, образуя каток для конькобежцев. Спокойно и безразлично лежало перед нами Ледовитое море. Наша льдина, казалось, объединяла в себе все удобства зимней тавани. Однако, от внимательного взгляда не могло бы ускользнуть наличие многих показателей ненадежности нашего положения. Соседние поля трескались, всюду плавал нагроможденный в результате сжатий лед, но наша льдина пока еще не развалилась. А так как всегда бы-

¹ Мы сами никогда не могли выяснить, какая точка носит название мыса Нассау. — Примеч. автора.

В настоящее время пожелание Пайера может считаться удовлетворительно выполненным. Большая доля гидрографических работ в прибрежных водах Новой Земли пришлось на послереволюционный период и произведена советскими гидрографическими институтами. — Примеч. переводчика.

вадет легко найти объяснение несчастью соседа, мы спокойно продолжали нашу постройку «Вавилонской башни» и домов.

Скоро все должно было стать по-другому. Вечером 12 октября мы заметили, что лампа в кают-компании качается и что наша льдина тоже шевелится. В следующую ночь мы услышали сильное движение во льду. Ужасным и решающим для экспедиции был день 13 октября. Число 13 вообще играло в истории экспедиции удивительную роль, давая тем самым богатую пищу суеверию. Так, комитет экспедиции был образован 13 февраля, 13 января был положен киль судна, 13 апреля судно было пущено со стапеля, 13 июня мы покинули Бремергафен и 13 июля вышли из Тромсе. Наконец, мы вошли в лед после 13-дневного путешествия, и сегодня, 13 октября, температура была 13° Р ниже нуля!¹

Утром, когда мы сидели за завтраком, льдина дала трещину, которая пришлась поперек судна. Мы выбежали на палубу и убедились, что находимся в середине сжатия. Оно уже охватило корму. Жалобно кряхтел руль, который в первую очередь подвергся напору льда. Мы крепко привязали его, потому что было не под силу поднять его на палубу.

Сопротивляться было бесполезно, и все-таки казалось трогательным, как человек напрягал свою пигмейскую силу для борьбы с силами природы! Мы спрыгнули вниз, на лед. Глыба под нашими ногами дрожала, и воздух наполнялся в буквальном смысле рычанием и стонами. Мы быстро спрятали все имущество, лежавшее за бортом судна. Подобно паукам, исправляющим разорванную паутину, скрепляли мы широкими швами отдельные льдины с помощью тросов и ледяных якорей. Кроме того мы набивали трещины снегом в надежде, что мороз закончит наш труд. Но такое шитье разрывалось от одного вздоха Ледовитого моря. Лед под-

¹ Совпадение чисел действительно редкое. Однако, остается удивляться, что Пайер просто констатирует этот факт, не комментируя его и не выявляя своего собственного отношения к предрассудку. Можно думать, что он сам находился под впечатлением предрассудка и не способствовал прекращению рассуждений на эту тему, которые несомненно велись в среде зимовщиков. — Впрочем, в одном случае Пайер допускает неточность: как было указано выше, из Тромсе «Геттгоф» вышел не 13, а 14 июля. Чрезвычайно интересно, что говорит по этому поводу Вейпрехт в одном из своих писем, отправленном 12 июля 1872 года с графом Вильчеком на родину: «Послезавтра мы выходим в море. Собственно говоря, мы могли бы отшвартоваться уже завтра, но ввиду того, что судно было пущено со стапеля 13-го числа и покинуло Бремергафен тоже 13-го, я не хочу прибавлять еще одну такую цифру в счет, представляемый нами судьбе». — Примеч. переводчика.

нялся против нас, будто народ во время восстания. На месте ровных полей выросли угрожающие горы. Из слабого стога возникали звон, треск и гул, переходившие в тысячеголосый злобный рев. Подобно бесчисленным полкам дьяволов, одетым в белое платье невинности, насмешливо вопило все кругом.¹ Наша льдина оказалась разбитой. Она разлетелась на отдельные глыбы, громоздящиеся друг на друга. Горы ледяных обломков возвышались над судном на много саженей. Находя вплотную на судно, они отталкивали прочь дубовые кранцы футовой толщины, как бы насмехаясь над их назначением. Огромные массы льда вдруг низвергались в пропасть, увлекаемые мощным водяным валом под судно. Таким образом под ним скопилось все больше и больше льда, и корабль начало выпирать кверху.²

Небо было в тумане, в северной части его рисовалось семь сказочных гор, образованных синими тучами. Начались торопливые приготовления к оставлению судна в случае его перелома, что произошло бы неизбежно, если бы оно не поднялось достаточно высоко. Мы спустились в каюту и стали одеваться. Впереди было неизвестное. Захватили с собой только оба флага и те мелочи, расстаться с которыми труднее всего. Все остальное имущество пришлось бросить на произвол судьбы. Тяжело было думать о ценности вещей в эти минуты, когда рушились наши надежды. В то же время мы обязаны были помнить даже о мелочах. Казалось, что темные силы окружили нас. Доски отчаянно скрипели, судно поднялось и снова резко наклонилось. Все полетело, покатилося, двери сдвинулись с мест, а людям казалось, что настал момент, когда все рухнет, чтобы уступить место расходящимся стихиям.

В 12½ часов сжатие достигло страшной силы. Все трещало и грохотало, как во время пожара. Команда, посланная вниз обедать, бросилась сейчас же на палубу. Судно стало все больше ложиться на левый борт, и, для того чтобы сохранить палубу от нависшего над нею льда, мы скалывали верхушки глыб и сталкивали их прочь.

Как и раньше, сжатие то возрастало, то ослабевало. В 1 час дня, когда опасность стала меньше, мы пообедали внутри судна. Корпус корабля дрожал. Теперь давление

¹ Кто не пережил этого, тот не поверит, как правдиво это сравнение. Мы всегда называли эти звуки таким именем, поэтому я и сохраняю это несколько смелое сравнение.—Примеч. автора.

² Впоследствии это оказалось одной из главных причин, почему мы вынуждены были оставить судно; оказавшееся вследствие этого в вечном плену.—Примеч. автора.

пришлось поперек судна. Мы бросились на палубу с остатками еды в руках и стали распределять между собой спасательные работы. Мрачный контраст был между нашим молчаливым действием и неистовством льда! Лейтенант Вейпрехт снаряжал лодки, офицеры Брош и Орел готовили провизию, доктор Кепес укладывал аптеку, тирольцы открывали пороховой склад и выносили боевые припасы и ружья. Я складывал нарты, палатки, спальные мешки и раздавал команде шубы, в которые люди начали кутаться.

Таким образом все оказались готовыми к путешествию — к какому, куда, не знал никто. Вокруг нас не сохранилось ни одного кусочка ровного льда. К тому же ни одна глыба, ни одна льдинка не находилась в покое, все дыбилося, крутилось и гремело. Мы не могли вынести нарты на лед из боязни, что пучина их немедленно поглотит. В этом обстоятельстве был кошмар нашего положения. Куда было нам бежать? Ведь мы оказались бы без малейшего запаса провизии, если бы судно затонуло. И каким образом мы достигли бы по ледяному бездорожью, не имея самых необходимых вещей, земли, отдаленной на тридцать миль?

Наши собаки были неразлучно с нами. Они вскочили на ящики и глазели на движение льдов. Мы привязали их. Сумбу потерял все свойства своей лисьей натуры. Его обычно хитрый взгляд принял выражение боязливой покорности. По собственной инициативе он протягивал каждому проходящему свою лапу. Второй лопарский пес, маленький Пекель, был привязан на левом борту к штормтрапу; я отдал ему свою еду, а он с лаем прыгал на меня, лизал мою руку и вопросительно поглядывал на лед.

В 4 часа дня сжатие стихло; спустя еще час наступила тишина. Мы смогли спокойнее осмотреться. Плотник сбросил снег с палубы для осмотра швов между балками. Они оказались пока в порядке. Шпангоуты и бимсы¹ еще держались, и в трюмы проникло еще не очень много воды. Такое благоприятное положение следовало отнести за счет крепости нашего судна и закругленности его контуров. Только это последнее свойство обусловило возможность подъема судна, тогда как тугая набитость трюмов увеличивала сопротивляемость корпуса. Судно немного выпрямилось, так что хождение по трапу не представляло уже труда. Только железные обручи, защищающие винт, оказались сорванными. Вечером удалось откачать воду из трюма с 13 дюймов — нормальный уровень, — до уровня в 6 дюймов.

¹ Балки, связывающие борта судна между собой. — Примеч. переводчика.

Мы спустились отдохнуть в каюту. Довольные исходом, но все-таки озабоченные смотрели мы в будущее. Мы научились подобно населению страны, расположенной над очагом землетрясений, подозревать каждый шорох. Впереди была долгая зимняя ночь. Предстояло еще вынести ужасные холода, и не исключалась возможность оказаться заброшенными в неизвестные части земного шара. Но самым скверным была неуверенность в успешности нашей экспедиции и в благополучном ее исходе. Ночью все спали одетые, хотя раздававшиеся стоны слабо и редко сжимающегося льда беспокоили нас мало. Такие волнения испытывали мы почти ежедневно в течение ста тридцати дней.

Счастьем надо было еще считать, что первые напоры льда пришились на светлый период. Смятение и гонка были бы вместо спокойной подготовки, если бы это случилось полярной ночью. 14 октября утром во время общей еды все были серьезны. Каждый видел перед собой перспективу многих опасностей и лишений во время предстоящего дрейфа в Ледовитом море среди зимней ночи. С каждым наступающим днем нас все больше и больше угнетала мысль о бесславном конце экспедиции. Возможно быстрое восстановление нашей льдины было сильнейшим желанием всех нас. Только сильный мороз и снегопад, думали мы, сможет скрепить между собой этот хаос обломков и спаять их в одну новую глыбу. Поэтому возможное улучшение связывалось нами с дальнейшим развитием зимы. Мы еще не знали и не испытывали на себе того, что достаточно одного значительного мороза даже без ветра, чтобы вызвать новое тресканье ледяных полей. У нас было еще другое утешение, состоявшее в том, что сжатия должны будут прекратиться, как только мы пройдем восточную границу Новой Земли. После этого мы сможем свободно дрейфовать в Карском море, вдали от неподвижных барьеров из суши. Однако, и эта надежда была обманчива: нас понесло на северо-восток и притом не в Карское море. Кроме того сжатия бывают как вблизи земли, так и в середине Ледовитого моря. В нашем случае главной причиной сжатий могли служить именно ледяные массы, идущие из Карского моря.¹

Хотя начавшийся период был полон жутких моментов, но

¹ Предположение Пайера, повидимому, правильно, так как в Карском море существует поверхностное течение, вызываемое притоком Обь-Енисейских вод. В особо ледовитые годы, каким был 1872—73 г., лед, поджимаемый речными водами с юга, должен сворачивать в сторону меньшего сопротивления, т. е. в Баренцево море.—Примеч. переводчика.

читателя утомило бы точное хронологическое описание наших ежедневных переживаний и впечатлений. Поэтому я привожу лишь немногочисленные выдержки из моего дневника того времени, которые выражают чувства, испытываемые кучкой людей на борту «Тегеттофа» и превращавшие их существование в подлинный кошмар.

14 октября. В 8½ часов вечера образовалась новая трещина позади судна по направлению к рулю. Треск. В одну минуту все оказались на палубе в шубах, с аварийным свертком в руках. И так будет продолжаться в течение всей зимы. Что за жизнь!

15 октября. Все спят одетые. Рано утром в 8 часов новые сжатия, не такие сильные, как позавчера, но достаточные для того, чтобы поднять всех с коек и поставить в готовности на палубу. Снова поднесло много льда под приподнятую корму судна. Когда опять наступила тишина, каждый занялся шитьем мешка для имущества, которое хотел бы спасти в случае гибели судна. В моем мешке будет: 1 пара меховых и 1 пара нитяных перчаток, 1 пара снеговых очков, 6 карандашей, 1 полотенце, 3 записных книжки, дневник моего гренландского путешествия, тетрадь с рисунками, шерстяной шлем, 10 пулевых патронов, 2 пары чулок, 1 нож и принадлежности для шитья. Во время сжатия 13 октября мы совершенно забыли захватить карты Новой Земли; теперь я упаковал два экземпляра. В лодках находятся: 10 ружей, две тысячи патронов, 2 больших и 2 средних нарт, 1 палатка на 10 человек, 1 на 6 человек, 2 больших спальных мешка для восьми человек и 1 маленький мешок для шести человек. Хотя все наши спасательные приготовления были напрасны в случае гибели судна, потому что весь лед кругом крошился на мелкие части от сжатия, мы все-таки должны были делать вид, что верим в спасение, ради взаимного подбадривания. Вечером в 6 часов — первый восход луны. Полнолуние. Луна напоминает блестящую медную монету на темносинем небе. Вечером лед притих. Ночью снова спим без одежды.

16 октября. Беззаботный сон до 2 часов ночи. Потом снова сжатие. Все на палубу! Люди выбросили на лед оленье рога с Новой Земли, потому что, согласно морскому предрассудку, рога на борту судна предвещают несчастье. Снова тишина. От усталости я заснул. В 5½ часов утра новое сжатие в течение 20 минут, почти такое же ужасное, как 13 октября. Поспешность, с которой каждый выбегает из нижних помещений при первом треске судна, говорит о том впечатлении, которое этот шум производит на умы. Привыкнуть

к нему невозможно. Все столпились на палубе. Снова тишина во льду. В 7½ часов утра опять тяжелое сжатие, сорвавшее кранцы вместе с шлюпбалками, к которым они были прикреплены. Судно немного поднялось. Сегодня отгребли возвышающийся над бортом лед, чтобы он не свалился на судно. С собак уже в течение трех дней не снимают ошейников. После обеда я наполнил большой жестяной бидон спиртом, тогда у нас будет в готовности 152 бутылки алкоголя. Вечером небольшое сжатие. Ночью я нарисовал изумительный лунный вид. Что может быть мирнее и вместе с тем лживее этой картины в такой час!

17 октября (—14° Р). Ночью все были спокойны, кроме Лузины, который сообщил, что судно принимает все больше воды: впереди 16 дюймов, в середине 11. Наша сука «Земля» родила сегодня щенка. Но он замерз под большой шлюпкой, потому что мать, ослепленная любовью, отстраняла нашу помощь. Восточный ветер. Сильная пурга. В течение дня только один короткий треск в момент образования новой трещины в нагроможденном льду по правому борту.

18 октября. Мы становимся беззаботными: из лодок вынимаются одеяла, большинство решает раздеваться на ночь. После многонедельного перерыва сегодня снова выглянуло солнце. Его высота над горизонтом была только 2°25', температура —23° Р, широта 77°48'.

19 октября. Треск судна. Солнце взошло без четверти десьят, но скоро исчезло в морозном тумане.

20 октября. Корпус судна все еще лишен необходимой одежды из льда и снега, тогда как мы все торчим уже в шубах, оленьих пимах¹ и валенках. Вечером слабые боковые солнца.

21 октября. Ночью мы встревожились сильным грохотом и через несколько минут высыпали на палубу, закутанные в шубы. Образовалась трещина, идущая от шторм-трапа вдоль всего правого борта и соединившаяся с ранее возникшей трещиной за кормой судна. В течение одного часа трещина эта раздалась до 4 футов в ширину. Часами работали мы при ламповом освещении над заделыванием этой трещины снегом и глыбами льда. Можно было надеяться, что благодаря низкой температуре щель снова срастется сама собой. Вокруг луны был огромный круг. Луна освещала жут-

¹ Пимы — меховые сапоги выше колен, мехом наружку. Подошва тоже меховая. Пимы одеваются поверх лептов — таких же сапог мехом внутрь и несколько меньшей длины. Зимой носят оленьи пимы, летом — тюленьи, обладающие свойством полной непромокаемости. — Примеч. переводчика.

кую безлюдную пустыню. Снова тихо. Когда кто-нибудь спускается в каюту с палубы, все невольно вглядываются в него, стараясь узнать по выражению лица, что делается там, наверху. Всегда ждут с беспокойством известия, что лед приходит в движение. В 9 часов вечера снова движение во льду. Клотц потерял свое стойческое спокойствие. Пропала философическая важность его замечаний, когда соседи его, как и прежде, соскакивали при малейшем шорохе с коек, чтобы захватить свой скарб и убежать на палубу. Ежедневно замерзают помпы, их оттаивают кипятком. Но сегодня от перенапряжения лопнула ось от помпы.

22 октября (—26,5° P). Ночью движение льда. В 9 часов 30 минут восход солнца; меридианная высота — 1°41½'. Вечером щель открылась снова. Вокруг нас образовались трещины и маленькие полыньи. Морозный туман наполняет воздух. Сегодня выбросили на лед череп медведя, потому что люди утверждали, что он приносит несчастье.

23 октября. Ночью дикое движение льда. Высота солнца была сегодня немного больше одного градуса. Форма его была искажена рефракцией: оно было яйцевидное с быстро вибрирующими краями.

24 октября. Дневной свет настолько слаб, что лампы горят во внутренних помещениях почти в течение всего дня. У многих от мороза повреждены руки; это — следствие тяжелой работы по уборке части такелажа и приготовлению запаса провизии на палубе.

25 октября. После обеда попытка езды на собаках. Снег лежит между торосами¹ на небольших ровных площадках в таком огромном количестве, что погружаешься в него выше колен. Снег затвердел бы только после бури, а у нас все время штиль и легкие бризы. Вечером опять было движение во льду за кормой судна, причем сопровождалось это звуками самых высоких, сопранных тонов. Часто шум наступающего льда напоминает свист и рев бури среди скал или среди такелажа судна. В 8 час. 30 мин. вечера лед стал нажимать с левого борта и отделился от него так, что судно сначала заметно приподнялось, а потом опять опустилось приблизительно на фут. Опять возникает опасение, что лед не успокоится в течение всей зимы.

26 октября (—24° P). Сжатие в течение всей ночи. Захватив с собой оружие и фонарь, мы доставили на лед с помощью нарт две лодки, сто пятьдесят поленьев, 50 досок и уголь. Мы выбрали наиболее устойчивую льдину, на кото-

¹ Ледяные скалы. — Примеч. автора.

рой, как нам казалось, безопаснее всего построить домик. Усталость взяла верх, и, несмотря на треск судна, я заснул.

27 октября. В полдень солнце только немного поднялось над горизонтом. Начавшийся ночью сильный юговосточный ветер расширил трещину, расположенную в пятистах шагах от правого борта, до размеров большой полыньи.

28 октября. Сегодня солнце распрощалось с нами. Только верхней частью диска выглянуло оно над горизонтом и послало нам свои мягкие лучи, похожие на утешающий взгляд уходящего друга. Угольный дом готов. Нигде в мире нет менее надежного жилища. Буря может снести досчатую крышу, возвратившееся солнце растопит законпаченные снегом щели, случайный огонь может охватить и уничтожить стены домика, он может утонуть при сжатии льда. 2 часа дня. Вокруг нас скрипит разломанный и промоздавший лед, наша льдина немного поворачивается, скоро наступит сжатие.

29 октября. Ночью был шорох во льду, который нас, правда, не встревожил. Солнца уже нет, остался только розоватый свет на полуденном небе.

30 октября (-24°P). В половине четвертого утра раздался страшный треск. Мы соскочили с коек и скоро стояли, как всегда, одетые, на палубе с имуществом в руках. Образовались новые трещины, и лед быстро раздвигался. Две шлюпки и угольный домик отделились от нас валом наторошенного льда. В небольшую полынью сел чистик и был нами подстрелен. Это первая птица за долгое время.¹ Потом опять тишина. Но она уже не дает успокоения. Самый незначительный звук на палубе, каждое падение предмета пугает нас. В полдень, когда мы сидели за едой, послышался снова треск, перешедший в дикое уханье в самом корпусе корабля. Шипенье во льду было настолько сильное, что было слышно даже в каюте, и казалось, что все Ледовитое море через минуту превратится в сплошной кипящий котел. Все трещины выделяют густые пары. Почти каждая ночь проходит без сна. Ко всему привыкает человек, но к этим ежедневным ужасам и бесконечному повторению вопроса о том, когда же все кончится, мы не могли привыкнуть.

Один из нас очень справедливо заметил сегодня: «Я прекрасно понимаю, что при продолжительном повторении неожиданных угроз жизни можно сойти с ума». Опасности нас

¹ Повидимому это был запоздалый путник из числа тех, что отправились на юг, потому что известно, что на Новой Земле зимуют только совы, белые куропатки и вбрыны.—Примеч. автора.

не страшат: «расставаться не трудно, когда не знаешь, с чем расстанешься». Но наше положение гораздо хуже, потому что мы находимся под постоянной угрозой гибели и не знаем, когда это случится: сегодня, завтра или через год? Еще больше, чем опасность, нас угнетает плен, потому что в опасности даже слабые оказываются сильными при том условии, что они могут дать хотя бы пассивный отпор. Подняться с койки, схватить ружье и мешок и выбежать на палубу — стало механическим действием. Наклонившись над бортом, мы разглядываем с дрожащего, трепещущего судна, как переваливаются льдины. Ночью, неподвижно лежа, мы вслушиваемся во все возрастающий рев льда, в грохот напирающей стихии.

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Потонул вечный источник света. Шаль, сотканная из теней, легла на воздух и лёд. Ещё блестели и горели по краям барашки в желтом полукруге над горизонтом. Они несмело проплывали в пространстве, а на смену им от горизонта до стально-синего зенита потянулись длинные тучи. Вскоре наступила долгая ночь. В глубокой тени осталось Ледовитое море, резкой чертой отделенное от сумеречного неба.

Уже в начале ноября нас окружили глубокие сумерки. Сказочная красота окружающего скрашивала нам одиночество. Побелевшие от мороза ванты корабля вырисовывались как привидение на фоне серо-синего неба. Тысячекратно раздробленный лед, покрытый белым снегом, был чист, как эльбастр. Еще было видно, как на юге поднимался в полдень морозный пар из новообразовавшихся полыней и трещин; лиловой лентой уходил он вверх и исчезал в карминовой полосе неба.

Все приготовления к зимовке были закончены. Лейтенант Вейпрехт велел снять марсовые стеньги для уменьшения площади сопротивления ветру. Только единичные паруса были оставлены на месте, чтобы в случае неожиданного освобождения судна оно сохранило хотя бы отчасти свободу движения. Растянутую над верхней палубой парусиновую крышу мы не могли, к сожалению, продолжить на кормовую часть корабля, потому что постоянная готовность ко всяким слу-

чайностям требовала, чтобы корм оставалась открытой. Здесь лежал в полном порядке весь спасательный материал: провизия, боевые припасы, палатки, нарты и проч. Судно было окружено мощным валом из снега и льда. Этот вал приходилось постоянно исправлять после сжатий. Снег постепенно засыпал палубу толстым слоем. Покров этот способствовал сохранению тепла на корабле. Из-за нашей удаленности от земли мы не смогли предварительно покрыть палубу слоем песка, что воспрепятствовало бы подтаиванию снега под действием судового тепла.

В течение ноября температура только один раз значительно поднялась. Обычно она очень ровно держалась ниже -20°P и достигла 20 ноября своего минимума -29°P . Ветры, какого бы направления они ни были, всегда приносили с собой повышение температуры, вызывая перемешивание холодного воздуха с более теплым, находящимся над свободными от льда частями моря. Только штиль вызывал резкое усиление мороза. Ветер, усиление дрейфа, сжатия и образования новых щелей и полыней во льду стояли в естественной зависимости друг от друга. Отверстия между льдинами почти сразу закрывались молодым льдом, который замерзал в небольшой мороз, а при низкой температуре выделял на поверхности содержащуюся в воде соль в виде клейкого мокрого слоя. Это сильно затрудняло передвижение по такому льду на нартах и даже пешком. Только при интенсивном воздействии температуры не выше -16° до -20°P замерзал и этот слой соленого снега.

Непрерывно повторяющееся растрескивание и срастание ледового покрова было главной причиной усиления его мощности, а одновременно с этим причиной уменьшения мороза. Чем больше образуется трещин, а следовательно и льда, тем выше поднимается температура воздуха под влиянием теплой воды моря.

В начале этого месяца были темные ночи, потому что луна имела в это время южное склонение. Только огненные метеоры и северное сияние радовали нас своим светом. Хотя благодаря ясной погоде еще резко разграничивались утро и ночь, но все же темнота достигала уже в полдень такой степени, что даже ледяные туманы не были видны.

17 ноября вечером к судну через молодой лед подошел медведь. Мы услышали его ворчанье в каких-нибудь 15 шагах и выстрелили по нему, но без результата. 19 ноября утром целая рота вооруженных людей бросилась на черную неподвижную точку шагах в ста от судна. Это пятно оказалось просто глыбой льда потемнее.

10 ноября ущербленный месяц давал еще достаточно света, отраженного к тому же от белого снегового покрова, чтобы можно было читать даже мелкую печать. Но когда он немного затуманился, стало так темно, что нашего Сумбу, скачущего по ледяным холмам, приняли за песка, погнались за ним и наверное бы застрелили, если бы я не подоспел вовремя.

В первые дни ноября выпало много снега. Благодаря этому выравнились острые углы окружающих нас ледяных скопищ. Эти снегопады прошли без подвижек льда. Наше чувство уверенности в благополучном исходе сильно возросло от этого, а с ним проснулись и наши надежды, остававшиеся в основном непоколебленными даже в дни волнений. Но вот опять закрипели ледяные поля, образовавшиеся трещины засветились при луне, как серебряные реки. Особенно беспокойно прошла ночь с 20 на 21 ноября. На форштевень наступала целая гора обломков. Непрерывно надвигаясь со страшным гулом, она грозила похоронить судно. Ледяной вал, окружающий корабль, отделился от его передней части. С чувством беспомощности смотрели мы на это зрелище. Мы видели, как приближающийся колосс расщеплял самый мощный лед, и слышали его страшный треск. Счастливая судьба прекратила его наступление. Команде была выдана ночью чарка трюга, чтобы ослабить тяжелое впечатление от этих жутких моментов.

Кроме умственных занятий у нас были физические упражнения — небольшие вылазки с собаками через вздыбленный лед на расстояние морской мили. Обычно мы выходили с двумя маленькими нартами и, если не светила луна, то держали в руках заряженные ружья. Это было необходимо, потому что темнота и полнейшее отсутствие ровных поверхностей требовали величайшей осторожности при встрече с медведями. Выезжая один на собаках, я всегда держал в руках ружье с поднятым курком. Уже на небольшом расстоянии судно скрывалось из виду. Только точное наблюдение за следами в снегу позволяло ориентироваться и узнавать обратный путь. Такие вылазки были опасны еще тем, что не трудно было оказаться отрезанными при разделении дрейфующих льдин.

С дикой поспешностью мчались упряжки через трескающийся и колеблющийся молодой лед, покрывающий широкие полыньи. Наступающий ледяной вал с грохотом катился вперед. Собаки сознавали ненадежность молодых ледяных путей и ступали на них полные страха. Они ненавидели молодой лед уже из-за мокрого слоя, покрывающего его сверху.

Поэтому все собаки старались избегать таких прогулок, и между ними как будто была какая-то хитроумная договоренность в стремлении убежать, спрятаться в угольном домике или так перепутать постройку, чтобы распутать их было невозможно.

Пришел декабрь. Но наше положение не изменилось. Все более однообразной становилась наша жизнь. Не было ощущимой смены дней, только следование чисел и счет времени до и после обеда или сна напоминал о его существовании.

Один только лед не был спокоен. Без подвижки не проходило дня. В моем дневнике 12 дней декабря названы днями особых беспокойств. 20-го мы обсуждали во время обеда предстоящее празднование рождества в угольном домике, как вдруг произошло сжатие. Поспешив наверх, мы увидели, что домик завалился в образовавшуюся под ним трещину. Мы бросились спасать что возможно из спрятанного там снаряжения и доставили его к судну. Устойчивые морозы сковывали разбитые льдины, давая нам короткий отдых. Насколько быстро образуется ледяной покров, было видно по одной точке, где в промежутке с 30 октября по 20 декабря образовался лед толщиной в 34 дюйма.

Ежедневные температурные минимумы держались в декабре постоянно ниже -26°P . Месячная средняя была -24°P . Наиболее низкая температура наблюдалась 26 декабря -29°P . Только за несколько дней до рождества температура поднялась почти до -20°P . Заслуживает внимания, что более низкие температуры вызывались юговосточными ветрами, а более высокие бывали при северных ветрах.

Когда в середине декабря вернулась луна, наши вылазки удлинились до $1\frac{1}{2}$ морских миль от судна. Путь лежал через глубокий снег и ледяные валы до поблескивающих вдаль площадок на месте широких полыней, только недавно скованных льдом. Одинокая красота таких полыней, окаймленных темным кольцом торосов и освещенных яркими лучами серебристо-белого месяца, была очень тосклива. Здесь все было мертво и казалось заснувшим, а просыпалось только тогда, когда начинало шевелиться все гигантское ледяное тело. Кругом искрились алмазные блески, созданные морозом. Но когда исчезал свет луны, тогда наш мир состоял только из ветра, снега, темноты и мороза.

11 декабря, как только мы возвратились с одной из таких прогулок к кораблю и распрягали собак, наш Сумбу с громким лаем бросился к нам обратно. Непосредственно за ним шел медведь. В пяти шагах от шторм-трапа по левому борту

его застрелил мичман Орел.¹ Медведь был немедленно четвертован на льду, чем очень заинтересовались собаки. Чуткий Сумбу получил в награду не только сравнение с капитолийским гусем, но и праздничное блюдо в виде сердца и языка медведя. В то время мы еще не научились сами есть и то и другое.

Часто бывало нелегко отличить день от ночи по одному только слабому свету полуденной зари. Обычно небо бывало покрыто тучами. Северное сияние, даже в моменты наиболее интенсивной игры лучей, редко давало больше света, чем дает луна в первой четверти. Какой глубокой, однако, была бы ночь в полярных странах, если бы их покрывали вместо блестящей снежной пелены леса и поля! 20 декабря даже в 12 часов дня едва можно было прочесть самые крупные титульные листы книги. На расстоянии двух шагов уже нельзя было различить человеческих глаз, а в 50 шагах едва различались толстые ванты такелажа.

Велико влияние полярной ночи на настроение. Весь мир человека в это время ограничен светлым кругом от лампы. Однако, не одна только ночь связывает его, на подмогу тьме идут холод и бури. Они особенно тяжелы, потому что заставляют держать помещения в темноте даже после возвращения солнца. Несмотря на то, что кругом светло, нет возможности снять снеговой покров с судна и возобновить деятельность на вольном воздухе из-за морозов и пурги.

Культурный человек никогда не сможет привыкнуть к этой мрачной обстановке. Всегда будет он чувствовать себя чужим в климате, против которого он должен непрерывно бороться.

Эта страна — родина лишь немногих животных и таких людей, которые не знают лучших условий существования и проводят свою жизнь только в еде и сне. Презрение к холоду и привычка к лишениям — это только опоры физической самозащиты. Подлинная самозащита состоит в непрерывной работе. Тяжелое нравственное состояние от этой долгой ночи усиливалось для нас еще представлением об окружающем нас неизвестном, в которое мы вступали вслепую.

Без внешнего вмешательства состояние изоляции при неустанной умственной работе приводило к счастливому отсутствию мыслей о мрачной действительности. Но такое состояние было нарушено. Контраст между обеими зимовками,

¹ Медведь был только 5 $\frac{1}{4}$ футов длины; у него был хороший зимний мех и пустой желудок. — Примеч. автора.

проведенными нами на борту «Тегеттгофа», получил точное отражение в нашем душевном состоянии. Вызвано же оно было различием нашего внешнего положения в той степени, какая существует между безнадежностью и надеждой. Первая зимовка была ужасна, но не своими опасностями или тяжестью темных дней, а нравственными страданиями из-за отсутствия цели и деятельности, направленной на ее достижение. Об этих настроениях, во всяком случае в том виде, в каком испытывал их я, дает представление следующее место моего дневника:

«Без волнения констатируем мы на юге закон, гласящий, что интенсивность лучей выражается синусом угла, который они образуют с поверхностью предмета. Но как тяжело воспринимается эта истина в условиях далекого Севера. С каждым днем наш видимый горизонт становится уже, а окружающая природа бледнеет все больше и больше. Озера, полыньи и маленькие лужи покрылись ледяными мостами и засыпались снегом. Звезды даже днем сохраняют свою яркость.

«Птицы улетели, сонно бродит медведь. Ледяные горы застыли среди полей и остановились, как будто потеряли дорогу. Резкие ветры дуют по всем направлениям. Из темных трещин поднимаются туманы, становится все мрачнее, бешено ревет пурга, засыпая пустыню лавинами белого снега. Мороз сковывает ледяные частицы, и в результате недоступный полюс оказывается окруженным сплошной, огрошной массой льда. Еще в начале декабря в полдень поднималась короткая заря. Нежная розовая полоса под ее дугой плотно прикасается к краю льда; ее скорее отгадываешь, чем видишь. Но уже через час гаснут все огни, и черная пелена ложится под мрачным небосводом. В течение всего долгого темного периода путешественник живет одной лишь мыслью о возвращении регулярной смены дня и ночи.

«На нашем пути сквозь ночь, бесконечном, как путешествие через Сибирь, исчезновение солнца, сияние луны, отлет птиц и странствования тюленей и хищных зверей заменяют верстовые столбы.

«Пришло 21 декабря, середина долгой ночи. Сейчас полдень, но, несмотря на снег, темно, как в полночь.

«Не видно больше солнца, только слабая бледножелтая заря блестит на юге. Солнце находится на 11 градусов 40 минут под горизонтом, и для того, чтобы увидеть его, нужно было бы взобраться на гору, высотой в $18\frac{1}{8}$ немецких миль. Мы ничего не видим больше, ни медведя, ни человека, только ухом улавливаем приближающиеся шаги. Наше судно стало непохожим на себя. Мы узнаем его только находясь совсем

рядом, да и то в самых расплывчатых очертаниях. Мерцающая над морозной пустотой, высится безграничный небесный свод. Цветные фонари свешиваются с него, поддерживаемые космическими законами. Будто духи, беспокойные и стремительные, пролетают в пространстве падающие звезды. Созвездия бесшумно меняют свое положение и исчезают за чернеющими на горизонте торосами. На смену им поднимаются новые звезды. В круговороте стадевятидневной ночи не меркнут они, не гаснет их дрожащая улыбка. И это все... Безвольно носимся мы по неизведанным путям, и нигде кругом нет спасения от злой стужи. Мы осуждены сидеть на льдине, управляемой слепым случаем. Каждое колебание относит нас все дальше в тихую страну смерти.

«Ясная цель и надежда помогают людям побороть трудности любого рода. Но тяжело воспринимается добровольное изгнание из жизни, когда оно отдается в жертву без всякого смысла. А нашей участью стала ежедневная борьба за существование. Нам оставалось надеяться только на случай, только от него мы ждали освобождения корабля будущим летом и рассчитывали достигнуть берегов Сибири. Сибирь, надежда наша!

«Как сильно колеблются настроения под влиянием даже небольшой перемены! Взошла луна — и нет больше тьмы! Ведь на Севере луна представляет собой событие, жизнь, все, потому что она — единственное звено, соединяющее нас с далекой родиной. Сияние лунного света, падающее на самые ничтожные образования из льда и снега, зажигает их ярким блеском и сильно действует на человека. Луна смотрит на нас сверху и кажется нам возвратившимся другом. Она в непоколебимом спокойствии совершает свой путь. В своем свете она разворачивает перед нами непрерывный ряд картин, полных очарования. Луна поднялась над небосклоном на две недели. Сначала она имела вид кроваво-красного диска. У самого горизонта она приняла форму бокала, затем вытянулась в виде эллипса¹ и стала бледнеть, поднимаясь к ночи все выше и выше. Высоко на небе луна была ясной, серебристой и светлой».

Пришло рождество, а с ним и воспоминание о далекой родине, днях молодости, семье и отсутствующих друзьях. Только слегка беспокоило нас в полдень сжатие. В этот день мы ели изысканно-тонкий обед. Кроме того каждый обитатель каюты получил по целой бутылке настоящего вина.

¹ Явление преломления лучей, вызванное рефракцией. — Примеч. автора.

Карлсен и Лузина были нашими гостями. Команда получила по полбутылке настоящего и по четверти бутылки искусственного вина и, кроме того, по чарке грога, такого слабого, что его мог бы пить грудной младенец. Треска, медвежье жаркое, орехи и прочее редкое угощение придали нам веселость. Даже обычно ненасытные собаки настолько наелись, что в конце-концов выносили остатки пищи и закапывали их в снег.

Второй период полярной зимней ночи, хотя он и ближе к возвращению солнца, протекает в каждой экспедиции гораздо томительнее первого, считающегося до января. Только канун нового года и сам новый год — большие события в нашей однообразной жизни.

В последний день 1872 года мы никак не могли бросить удовлетворенного взгляда назад. Год был полон разочарований! В полдень последнего дня нас вспугнуло мимолетное сжатие, и мы заторопились на палубу. Но вечер прошел спокойно и весело. Все вместе ждали мы наступления первого часа нового года. С бутылкой шампанского в руках хотели мы встретить его с большими надеждами, которые всегда таятся в человеке.

Тирольцу Клотцу было поручено охладить бутылку во льду, снаружи корабля. Он поставил бутылку на 4 часа при температуре -23°P , и когда ее внесли в помещение, она оказалась лопнувшей, а все содержимое превратилось в льдину. В полночь команда корабля сыграла нам серенаду. Потом мы вышли в черно-синюю ночь и обошли судно с факелами, в свете которых поблескивали ванты. Ярко блестели края наших шуб. Красно-желтый свет падал на вздыбленный лед. Расщелины в нем напоминали нам о будущих тревогах.

Подумали и о собаках. Им разрешили по одиночке спуститься в кают-компанию, чего им всегда очень хотелось. Несчастных животных совсем ослепила лампа, которая им наверно показалась настоящим солнцем. Но вскоре все их внимание было направлено на обильные остатки роскошной трапезы. При виде еды любопытство, с которым они осматривали чудеса, имеющиеся в кают-компании, казалось вполне удовлетворенным. Все собаки вели себя скромно и спокойно и вернулись на свои места. Только Юбинал казался возмущенным нашим двуличием, выразившимся в том, что мы так долго кормили его сухой кониной и разбитыми медвежьими черепами, а сами в это время купались в избытке. Он залез в каюту лейтенанта Броша, нашел здесь гору макарон и накинулся на них. Чтобы мы не смогли ему помешать, он ворчал, пока не съел всего. Сумбу, наоборот, пострадал

Ледовое сжатие при северном сиянии.

Кабинет Севера
Обл. Вост. 4
Им. А. М. Д. Юова

из-за того, что матросы напоили его ромом и он не доглядел, как все собранные им за неделю и спрятанные в снеге припасы были украдены ночью другими собаками.

Итак, прошел уже целый год. Нам казалось, что выполнение всех наших желаний зависит только от освобождения из льдов. Новый год показал, однако, справедливость вечной истины, гласящей, что судьба идет неведомыми путями, что она полна грозных призраков и счастливых развязок. Солнце стояло еще очень низко. За период от 21 до 28 декабря оно поднялось всего на 9 минут над южным тропиком. До 6 января оно должно было подняться еще на 1 градус, до 18 января на 3 градуса и до конца этого месяца на 6 градусов.

ЖИЗНЬ НА КОРАБЛЕ

Как белое привидение тянется к небу наш корабль. Какая ирония! Назначение судна — плавать, а здесь оно беспомощно лежит на горе льда. На палубе лежит снег, а с вант свешиваются ледяные сосульки. Заглянем пока что внутрь корабля. Здесь расположились в двух помещениях двадцать четыре человека. Горят только две лампы. Наведем сначала офицерскую каюту в корме судна. Пока все спят, осмотрим обстановку, а потом познакомимся с жизнью людей.

Важное условие для арктических зимовок — сохранение здорового воздуха в жилом помещении и равномерное отопление его. Первое легко достижимо путем устройства отверстий внизу для входа воздуха и наверху для выхода его. К несчастью, при такой системе страдает второе условие. Устранение всех бед, которые при этом возникают, дается очень нелегко. Перечисление их пусть восполнит недостаточный опыт будущих путешественников.

Хотя наши приспособления имели много недостатков, но мы не испытывали того бедственного положения, в которое попадали прежние экспедиции из-за массового сгущения водяных паров в лед. Против этого врага мы боролись путем обкладывания судна снаружи снегом, укрыванием иллюминаторов и выкладкой стен в помещениях вулканизированными каучуковыми обоями. Кроме того, над спуском в кают-компанию были устроены навесы, представлявшие собой

настоящие конденсаторы всей той сырости, которую мы приносили в дом на своей одежде. Но, прежде чем рассказывать о неизбежных бедах, вызываемых образованием льда, сыростью и резкой переменой температуры, я считаю нужным отметить, что все эти неудобства переносятся легче, чем это может показаться на первый взгляд, и что бытовая сторона жизни на борту судна, даже в полярной экспедиции, не так тяжела, чтобы об этом стоило упоминать.

Сырость и обледенение жилых помещений — бедствие полярных экспедиций, с которым нужно бороться непрерывно. При этом и сырость и обледенение постоянно увеличиваются в течение зимы, особенно из-за неожиданных перемен температуры.¹

Сгущение паров усиливается также после разрыва снежного пояса вокруг судна, происходящего в результате сжатия. Пояс этот, как и само судно, служит как бы согревающим тулупом.

Обледенение стен и коек, удаленных от доступа теплого воздуха, стало чувствоваться уже в ноябре 1872 года. Одеало ночью примерзало к борту, а покрытые железом изгибы внутренних креплений блестели как сталактиты. Под койками образовывались маленькие ледники. Наши мероприятия против одолевавшей нас сырости состояли в двух разрезах в верхней палубе, над которыми мы установили две футовых трубы с жестяными воронками.

Температурная разница внутри помещений была часто очень значительна. Так, если температура воздуха в середине кают-компаний на уровне лица равнялась $+15^{\circ}\text{P}$ до $+22^{\circ}\text{P}$, то около пола она одновременно была немногим выше $+1^{\circ}\text{P}$, а ночью нередко опускалась и ниже точки замерзания.

Наибольшее зло, с которым нам пришлось бороться в течение зимы, состояло в отсутствии защитной парусиновой покрышки над кормой судна. У нас были специальные угольные печи, показавшие себя с лучшей стороны в предыдущей экспедиции. На такую печь шло в ноябре 1872 г. около 20 фунтов угля при внешней температуре -20°P . Освещение кают-компаний и кубрика было керосиновое. Ежедневное потребление керосина равнялось приблизительно $2\frac{2}{3}$ фунта. Всего на корабле было 2 больших и 2 маленьких лампы и палубный фонарь, горевший непрерывно на

¹ Парри рассказывает интересный факт о том, что по истечении четырех недель вынесли из нижних помещений «Гекли» около ста центнеров льда, образовавшегося почти только лишь от дыхания, паров пищи и сырости, приносимой с мокрым платьем. — Примеч. автора.

борту днем и ночью. Отдельные каюты освещались салом, причем в месяц уходило около бутылки. Свечи зажигались только ради особых работ, например рисования.

Рядом с печкой была большая, диаметром с голову, дыра во входной двери, для впуска свежего воздуха. Холодный ток, идущий снаружи, сталкивался с распространяемым печкой теплом. Холодный воздух располагался слоем в 2—4 фута над полом, выше его было тепло и даже жарко. Такое положение получилось из-за крена судна и расположения печи на подставке, вышиной в 1 фут. В результате в каюте, находящейся ближе всего к печке, постоянно господствовала тропическая температура от 30° до 44° R, тогда как в другой была температура северного полюса. Там чувствовали бы себя уютно гиппопотамы, но тяжело приходилось обитателю каюты, Орелу, который часто в отчаянии выбегал на палубу, в течение одной минуты испытывая на себе температурную разницу в 70° R. Здесь же, во второй каюте, замерзали на полу вода, лимонный сок и уксус. Обитатели этой каюты, лежа в постели, находились по шее как бы в холодной ванне. То же самое испытывали и все, сидевшие за столом. Однако, дыра в двери была совершенно необходима. Легче было переносить неприятную, пронизывающую вентиляцию, чем согласиться на уменьшение ее. Были еще другие нарушения равновесия температуры. Ночью мы не топили из санитарных соображений, и поэтому часто приходилось всем спать в холодной воздушной ванне. При большом морозе это было очень тяжело. Вот что говорится об этом в моем дневнике:

«Когда кто-нибудь спускается с палубы, температура падает и сквозь открытую дверь вваливаются клубы белого пара. Принесенная сверху и раскрытая книга дымится, как будто горит. Облака пара окутывают входящих. Случайная капля воды, падающая на их одежду, мгновенно превращается даже вблизи от печи в льдинку. Верхний слой воздуха в кают-компании часто нагревается так сильно, что при тихой погоде необходимо открывать палубные окна. Теплый воздух валит снизу, как дым из трубы».

Обстановка в кают-компании в соответствии со своим назначением очень проста. Здесь стоит большой рабочий стол, за которым также обедают. Его окружают спальные помещения — каюты. Они так малы, что их обитатели держат двери открытыми, чтобы иметь возможность дышать. В глубине кают-компании расположена библиотека, состоящая из четырехсот книг, причем половина их — научного содержания. Рядом с библиотекой установлены хронометры, педан-

тично отмечающие начало дня и ночи. Наконец, в виде неизбежного зла здесь же торчит мачта, а рядом с ней аптека. Наряду с научными трудами полярных путешественников на полках стоят книги по всемирной истории; «Петерманн's Миттейлунген» и Мильтоновский «Потерянный рай» лежат попеременно с бессмертными творениями Шекспира и целой серией романов. Все читают прилежно, даже благоговейно, особенно о далеком юге.

Из-за недостатка места все углы в кают-компании пришлось заполнить одеждой. Над печкой разбиты висячие сады, в которых выращивается кресс для больных цынгой. В этой жаре мог бы цвести кофейный куст, но в наших условиях она используется только для сушки мокрых рукавиц, разложенных на карнизах. Но уже пятью футами ниже не смог бы выжить даже самый выносливый из лишайников. Там наверху стоит еще лейка нашего садовника Клотца и несколько пузырьков с чернилами. Наверх же кладется пища, которую нужно оттаять перед употреблением, а также покрытые льдом инструменты. Наконец, раз в месяц сюда ставится боченок с вином, приготовленным из смеси снега, спирта, таннина, сахара и глицерина. Д-р Кепес совмещает с обязанностями врача должность виночерпия. Что же касается настоящего виноградного вина, то хотя стол, сиденье и этажерка наполнены бутылками, но его приходится только по $\frac{1}{5}$ бутылки на человека в неделю, не считая больных. Как уже было сказано, недостаток места в кают-компании вынудил нас очень ограничить запас вина. Часть его была в тщательно упакованном виде положена под пол кают-компании и замерзла уже в середине декабря 1872 года, потому что температура в этом помещении упала от -6° до -8° Р. Рома каждый получал по бутылке на 18 дней. Неиссякаем только запас местного напитка — талого снега. Большой кувшин, наполненный до краев, стоит всегда на столе. Под кают-компанией расположены склады спирта (700 мер) и керосина (1800 мер). Добраться до них возможно только через надежно закрытые трубы. Но в смысле безопасности они все-таки подобны вулкану.

Скопление такой массы горючего и 20 000 патронов, с горящими над ними лампами говорит о том, насколько велика пожарная опасность на таких кораблях. К этому присоединяется еще и трудность добывания воды в достаточном количестве; воду можно добыть только после часовой работы по разделке проруби. Но нам только один раз пришлось испытать опасность пожара. Это было 21 декабря, когда Карлсен случайно выстрелил в наш патронный склад.

Теперь обратимся к жизни на судне и к его обитателям.— Марола, наш стюарт, зажег дневную лампу и затопил печь. Те, кого не разбудил едкий угольный дым, просыпаются от возгласа: «Господа, без четверти восемь, пора вставать!». Проходит четверть часа, в течение которых люди стараются заставить стюарта забыть об их существовании. Но новый выкрик «Завтрак на столе!» нарушает молчание. В живописнейшей одежде выходят из кают их обитатели. Эти костюмы говорят о том, как поверхностно у человека то, что называется его культурностью.

Начинается дневная работа. Как всегда ходит по палубе вахтенный, следящий за тем, чтобы, чего доброго, не убыло льда в море. Тем временем в кают-компании занимаются чтением, рисованием, писанием и столярным делом.

Наш ежедневный рацион состоит из следующего: утром — какао и сухари с маслом, в обед — суп, консервированное мясо, овощи и черный кофе, вечером — чай с черными сухарями, сыр, масло и ветчина. Для будущего я бы советовал заменить вечерний чай супом. Многие продукты приходится предварительно оттаивать, потому что они замерзли и стали твердыми как камни.¹ Часами выстаивают банки с мясными консервами в кипятке, а некоторые вечерние блюда — на печке, но редко удается оттаять их до конца. Мы кладем на тарелки куски дымящегося сыра и масла, которое при замерзании выделило большие куски соли. Здесь же лежит ветчина, уже второй ломтик которой чрезвычайно напоминает явления вечной мерзлоты в сибирской тундре. Ножи подаются такие холодные, что часто крошатся от малейшего нажима.

Пользуюсь случаем отметить профилактическое значение свежего хлеба, известное уже со времен Парри и Росса. Выпечка его должна производиться в полярных экспедициях два раза в неделю. Однако, хлебопечение на борту так сложно, что в соединении со всякими прочими трудностями готовки оно делает должность экспедиционного повара самой утомительной.

Каждое воскресенье мы праздновали подлинным воскресением тела из тьмы керосинового дыма. Воскресный обед отличался от обычного чаркой вина и каким-нибудь мучным блюдом. Карлсен и Лузина были поочередно нашими гостями. Карлсен приходил каждый раз в своем парике, которого

¹ Уже ко второму ноября температура в верхних помещениях корабля опустилась до $-6,5^{\circ}\text{P}$, а в машинном отделении она оказалась 7 ноября еще вдвое ниже (-12°P).— Примеч. автора.

он не бросил даже во время обратного похода. Лузина, наш превосходный боцман, обычно с большим одушевлением начинал любой разговор. Застольные разговоры состояли главным образом из предположений и планов будущего, из догадок о том, что настанет время, когда нам придется оставить корабль, из бесед о земле Гиллиса и Сибири, или, наконец, из рассказов о белых медведях. Только изредка решались мы говорить о нашем пленении. Недостаток вина мы возмещали разговорами о нем. Политические события тоже были одной из любимых тем. Все наши сведения относились к прежним годам, и разные случаи, происходившие в 1870 году, служили предметом оживленных споров.

Человеческое существование в условиях полярной ночи однообразно в высшей степени. Нигде на земле изгнание не может быть таким полным, как здесь, во тьме, холоде и одиночестве. Люди, оторванные от всего, что способно вызывать желания, жаждут только одного — перемены. Наконец, правдивы слова Лессинга: «Мы слишком привыкли к общению с другим полом для того, чтобы не чувствовать ужасной пустоты при полном отсутствии прекрасного».

Человек ленивый, спящий даже днем, стал бы совершенно расслабленным от такой жизни. Действительно, нет ничего более губительного для полярной экспедиции, чем появление нравственной и физической немощи. В том, что люди безвольно предавались лени, была повидимому главной причиной гибели персонала зимовочных станций на Ян-Майене и в других местах, организованных в прежние столетия.

Существует вместе с тем весьма распространенное, но ошибочное мнение, будто многомесячный день в полярных странах тяжело переносится человеком. Наоборот, не непрерывный свет, а полное отсутствие его становится гнетущим, а период непрекращающегося света только усиливает жизненную энергию. Впрочем, в первую зиму нас меньше удручала темнота, чем постоянное взвешивание наших перспектив. Большое утешение мы находили в арабской поговорке, что «и это минет». Это было действительно ужасное время. Нам предстояло в лучшем случае возвращение в Европу с достижениями, состоящими только из собственного спасения.

Даже в вечерние часы, перед сном, мы не могли избавиться от грустных предчувствий. Обычно, в это время мы выходили на четверть часа на палубу и при 20—30° мороза выкуривали сигару, делясь друг с другом воспоминаниями минувших дней. Как часто мы при этом вскакивали, встрево-

женные новой подвижкой льда. Жизнь на льдине походила на жизнь на вулкане.

Долгая ночь больше влияет на человеческое тело, чем на его дух, что объясняется отсутствием движения. Такой тонкий наблюдатель, как Миддендорф, говорит об этом следующее: «Путешествия в холодные страны я считаю даже в самых скверных климатических условиях определенно менее опасными, чем путешествия в тропики. Первые, конечно, несравненно утомительнее, но менее опасны для жизни, если не считать трудностей, угрожающих кораблям, забирающимся далеко в ледовые массы. В тропиках никогда нельзя уберечься от неожиданной смертельной болезни, но чем дольше находишься там, тем больше становится опорная сила организма. Дальний север, наоборот, портит кровь, и после трех зимовок находились лишь немногие, которые могли бы вынести четвертую зиму». К вредному для здоровья влиянию полярной жизни относится еще следующее: постоянная задержка испарений из-за перегруженности шерстяной и водонепроницаемой одеждой, замедление обмена веществ вследствие недостатка питания (особенно, отсутствие свежей животной и растительной пищи) и, наконец, периодическое убывание света и тепла само по себе.

Состояние здоровья на борту в течение обеих зим оставляло желать лучшего. Цынготные заболевания рта и болезни легких проявлялись в различных формах, и почти не было дня без одного-двух больных. Я думаю, что большая часть вины за эти несчастья ложится на трудность нашего положения, а не на южную природу наших людей. Доктор Кепес прилагал все усилия для борьбы с этим злом. Люди в кубрике занимали по очереди хорошие сухие койки, а потом уступали их следующим. Койки, расположенные у входа, подвергались в большей степени льдообразованию, их высушивали теплым воздухом, подававшимся сюда с помощью подвижных рукавов. Недостаток в движении, резкие температурные колебания, плохое настроение, периодическая нехватка свежего мяса, сырость и обледенение помещений были причиной цынги, которая в первую зиму обнаружилась только в переполненном кубрике.¹ В это время у машиниста Криша появились первые симптомы легочного заболевания, которое было, повидимому, следствием простуды. С тех пор он обычно садился к печке и все жаловался на холод.

¹ В настоящее время известно точно, что среди всех этих моментов главная роль принадлежит авитаминозу, иначе говоря, отсутствие или недостаток в пище витамина С вызывает цынготные явления. — Примеч. переводчика

Наши средства борьбы против цынги были довольно ограничены, хотя у нас было несколько сот банок овощных консервов, бочка клюквы, захваченная нами из Тромсе, и больше сотни бутылок лимонного сока. Вино, как известно, тоже представляет собой важное средство против цынги. Поэтому в течение последних зимних недель мы стали выдавать команде два раза в неделю настоящее вино вместо искусственного. Но, из-за небольшого запаса, мы не могли давать им больше двух бутылок на восемнадцать человек. Нет сомнения в том, что цынга развилась бы в гораздо большей степени, если бы не убитые и съеденные нами в течение всего путешествия 67 белых медведей, — количество, не превзойденное ни одной экспедицией. Скорее доказательством нашего желания сделать все возможное в борьбе с цынгой, чем настоящим средством борьбы, было разведение кресса и капусты — редька не принялась — на висячей грядке над печкой.¹ Интересно было наблюдать, как растеньица после каждой перемены места снова тянулись к свету лампы.² Они росли до 3 дюймов вышины и, несмотря на серо-желтый цвет, имели вкус настоящего кресса. Действительная польза от этих насаждений была бы, если бы мы могли их размножить и осветить. Тиролец Клотц исполнял обязанности садовника. Но нельзя сказать, что он с любовью занимался этим делом. Оно состояло в еженедельном извлечении из земли каждого растеньица, очищении его, удалении корешков, перекапывании земли и новой посадке.

Арктический воздух не содержит в себе даже в суровые зимние морозы ничего вредного для здоровья. Только охота на медведя, особенно при ветре, требует большой осторожности. Выскакивать из теплой каюты в возбужденном состоянии на мороз, да еще бежать против ветра, крайне опасно для здоровья. Поэтому необходимо соблюдать большую заботливость при одевании. Чрезвычайно способствует сохранению здоровья в арктических экспедициях купанье по той причине, что иначе кожа лишается необходимого раздражения. Но неуверенность нашего положения превращала пользование баней в очень относительное удовольствие. Я вспоминаю несколько случаев, когда кто-нибудь из нас, купаясь в дюймовом слое тепловатой воды, вдруг выскакивал из холодной, темной бани, перепуганный неожи-

¹ У Парри принимались кресс и горчица даже летом только в каюте. — Примеч. автора.

² Явление, известное в ботанике под названием положительного фототропизма. — Примеч. переводчика.

данным сжатием льда. Нам пришлось отказаться от купанья, так как оно стало источником сырости в помещениях.

Для чужого человека, посетившего нас в эту зиму, наиболее интересным был бы осмотр помещения команды. Жизнь в тесном кубрике походила на жизнь в улье. Ежедневно в 5 часов вечера вся команда шла на прогулку, которая продолжалась до 6 часов. Остальное время проходило в учении, вахта, работах на борту и ничегонеделании. Наш запас славянских книг был, к сожалению, не очень велик, кроме того не все из команды умели читать. Для этих людей была очень характерна свойственная всем южанам безобидная шумливость. Мне кажется, что некоторые из наших людей в течение всей экспедиции не умолкали ни на минуту.

Итак, посетим нашу команду. Я приведу выписку из моего дневника:

«Мимо наполненной паром кухни мы проходим в кубрик. В тесном помещении живет 18 человек.

«Вот группа далматинцев. Эти люди одинаково сильны всюду: и здесь, и в тропиках, и в морском сражении; они умеют переносить всякие тяготы своей бедной жизни, не дающей им почти никакой награды. Для южан жизнь среди тьмы и морозов была первым тяжелым испытанием; ужасы удесят�ерялись фантазией при отсутствии знаний. Действительно, не легко было проводить почти все ночи без сна в наблюдениях за движением льда или просиживать долгую «полярную ночь» изо дня в день без настоящей умственной работы и все же не погибнуть, а усердно, подобно остальным, стремиться к общей победе, несмотря на отсутствие образования и выгоды. Что же больше можно сказать в похвалу им?

«Тогда как матросы на «Германии» спали по двое на одной койке,¹ у нас на «Тегетгофе» каждый имеет отдельную. Койки расположены в два ряда. Только боцман Лузина и гарпунер Карлсен, обогнувший в свое время Шпицберген и Новую Землю, занимают отдельные помещения.

Оживленный говор большого количества южан напоминает громоханье колес. Настоящая вавилонская башня! Лузина разговаривает по-итальянски с обитателями офицерской каюты, по-английски с Карлсеном, по-французски с докто-

¹ Экспедиция на «Германии» была в 1869—1870 годах и носила название Второй Германской экспедиции. Пайер был участником ее. Удобства для матросов были в этой экспедиции, как видно, еще меньше, чем на «Тегетгофе». — Примеч. переводчика.

ром Келесом и по-славянски с командой. Карлсен изобрел для разговоров со «славонцами», как он называет наших людей, наречие, состоящее из смеси норвежского, английского, немецкого, итальянского и славянского. Команда разговаривает между собой, исключая двух итальянцев, по-славянски, а на службе — по-итальянски. Штириец — повар — является духовным главой небольшой немецкой колонии. Сердце его более совершенно, чем его искусство. Охотнее всего он предоставляет работу самой плите. К этой же колонии принадлежит Поспишилл, родом из Моравии.

«Теперь обратимся к господствующему племени, к славянам.

«Вот Лукинович, вечный коллекционер всякого хлама, считающий сокровищем гвозди, пустые бутылки и фитили. Всем этим он наполняет свой мешок, который ему все равно придется оставить, если мы распрощаемся с судном. Вот замечательные певцы — Марола, наш стюарт, и Фаллезих, работавший на постройке Суэцкого канала. Дальше Вечерина и ревностный Пальмих со свирепым взглядом, веселые гиганты Суссих и Катаринич и, наконец, Скарпа, отличающийся любовью к отдыху от будущего утомления. За ними идут философы Латкович и Леттис, затем Ститлих, убежденный проповедник пассивного послушания и «недопустимости сопротивления», Занинович, пастух Галлер и вечно пророчествующий Клотц. Пятеро из этих мужчин оставили дома своих жен.

«Пророк Клотц, хотя не самый полезный член этого небольшого общества, но зато несомненно наиболее интересный. Его украшает возвышенное спокойствие, достойное евангелиста. Клотц крупнее, чем был Андреас Гофер,¹ и так же, как и тот, носит большую черную бороду. Клотц комичен своей невозмутимостью. Его натура такова, что он должен был бы погибнуть от голода везде, кроме своего родного Тироля. Там он был охотником, проводником, собирателем камней и одиноким мечтателем. Жизнь его была полна не только впечатлений, накопленных во время блужданий по горам, но и обыкновенного безделья. У себя дома он был известен как исключительно смелый альпинист. На судне он полезен своей ловкостью в лазаньи по вантам. Кроме того, на родине Клотц пользовался славой врача. Он носил больным пастухам целебные напитки. От этого занятия он и

¹ Известный борец за свободу тирольского народа, вождь восставших против австрийского гнета. Национальный герой тиролец. — Примеч. переводчика.

здесь не отказался. — Обязанности надсмотрщика над ружьями, охотника и погонщика собак разделяет с Клотцем Галлер. Он был моим спутником еще во время работ по съемке Ортлеровских и Адамелло-альп».

Ежедневные общественные работы команды ограничиваются борьбой со снегом и отбыванием вахт на палубе. Вахтенный несет также обязанности наблюдения над «пожарной прорубью» во льду. Кроме того, он доставляет снег и лед для оттаивания. Следует отметить, что люди научились очень тонко различать отдельные слои льда по количеству содержащейся в них соли, причем они делят эти слои на первый и второй сорт.

Чтобы в среде матросов не развивалось безделье, в январе месяце открыли для них школу. В ней некоторое время преподавали Вейпрехт, Брош и Орел итальянцам и славянам, а я взял на себя тирольтцев. Чтобы избежать возможных недоразумений, я со своими учениками переселился в избушку, построенную на верхней палубе. Здесь при температуре 20—30° ниже нуля я вселял знание в этих детей природы. Но брошенному семени трудно было взойти из-за совершенно неподходящего климата. Мое сообщение о положении и практической бесполезности северного полюса было принято с сильным разочарованием, так как в их представлении полюс был не математической точкой, в которой пересекаются многие линии, а какой-то страной, которую нужно завоевать. Когда в этом «классе» проверялась задача, выписанная на доске, то ученики должны были задерживать дыхание, чтобы говоривший, как из облака, учитель мог ее видеть. Решение задачи на деление прерывалось из-за того, что ученик должен был растереть снегом озябшую руку. Нет ничего удивительного, что в этих условиях школа не имела успеха.

Пища команды состояла главным образом из консервированного мяса, гороха и охотничьих трофеев, — в среднем приходилось по два медведя в месяц. Жареную медвежатину все очень любили. Вареную тюленину мы в начале презирали, и только голод исправил наши вкусы. Если не считать искусственного вина, то самым крепким напитком у нас была вода.

ЛЕДОВЫЕ СЖАТИЯ В ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

(Извлечение из дневника)

Напор льдов случался почти ежедневно, но и в часы спокойствия угроза сжатия не исчезала. В моем дневнике отмечен целый ряд этих тяжелых дней января: 3, 4, 5, 7, 10, 11, 12, 13, 15, 18, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 30 и 31. В промежутках слышно было беспрестанное потрескивание, дрожание и грохот судна. Благодаря продолжительности этих впечатлений наша жизнь наполнилась страшнейшими нравственными мучениями. 3 января мы услышали ужасный грохот, который продолжался так долго, что растрескался даже самый старый лед. Сжатие было настолько сильно, что покосился люк в главном помещении. 4 января сжатие не прекращалось в течение всего дня. 22 января сила его достигла небывалых размеров. Только что мы утром поднялись, как раздался страшнейший треск. За ним последовало сжатие. В кают-компании слышно было глухое рычание, дрожание судна напоминало трепет парового котла, находящегося под сильным давлением. На палубе нас встретил свистящий вой льда. Ужас охватил нас, когда мы почувствовали свирепую силу нападения. В десяти шагах от кормы лед поднялся до высоты горы. Вершины его мы не могли видеть и только угадывали ее по треску, раздававшемуся над самым кораблем. В темноте с большим трудом удалось поднести ближе к судну шлюпки и перебросить под левый борт всю вынесенную провизию, состоявшую из 1000 фунтов мяса, 300 фунтов пеммикана и 300 гороховых колбас. Лежавший на льду уголь удалось спасти только частично. Лед поглотил парусиновую палатку, а наша прорубь исчезла. Только после многих неудачных попыток нам удалось нащупать и пробить более тонкий слой льда и достичь воды. Мучительное состояние напряженности довело, мне кажется, многих до того, что они искренне желали гибели корабля.

Я не буду утомлять читателя описанием ежедневных кошмаров нашей жизни и включу сюда только одно место из дневника, дающее подлинную картину нашего положения.

«Наконец мы все-таки заснули. Под самым ухом трещат судовые балки. Просыпаешься и прислушиваешься к дикой атаке льда. Еще можно разобрать скрип шагов вахтенного. Шаги его спокойны и размеренны, значит опасаться нечего. Быстрый, нервный шаг заставляет насторожиться, и в ответ на это раздается треск в корпусе судна, а с палубы доносится крик, извещающий о том, что все кругом находится

в страшном движении. Так часто слышим мы эти слова, это вечное напоминание о том, что мы находимся на пороге смерти. Мы снова соскакиваем с кровати, торопливо одеваемся, схватываем аварийный мешок, заряжаем ружье и выбегаем на темную палубу. Невдалеке от корабля поднимается вдруг мрачная снеговая стена. Все ближе и ближе звон и шипенье, напоминающее грохот боевых колесниц, мчащихся сквозь пески навстречу неприятелю. Сила сжатия все возрастает. Уже совсем рядом с нами начинает дрожать лед. Сначала раздается как бы свист бесчисленных стрел, он переходит в визг, потом в смесь звуков от самых высоких до самых низких тонов. Лед взламывается концентрическими кругами вокруг судна, и обломки его громоздятся кругом. Необычайно короткий ритм отрывистого рева говорит о высшем напряжении стихии. Слышится сильный треск, и несколько черных полос разбегаются в беспорядке по снегу. Это новые трещины, которые через мгновение превратятся в зияющие пропасти. Часто на этом борьба заканчивается. С гудением сползают и рушатся горы льда, как здания во время землетрясения. Обломки ложатся с шумом, потом наступает тишина.

«Снова поднимается лед. Новые массы его нападают на нашу льдину и с тулом рушатся. Пласты выпирают, под страшным давлением они изгибаются дугой, пузырятся, демонстрируя свою эластичность. Сражение в разгаре! Вон там лежит многолетний, тигантский торос. В этой страшной борьбе он крошит своих меньших соседей, вращаясь всем телом. Но он погибает вместе с остальными от удара огромного айсберга, этого левиафана среди льдин. Айсберг прокладывает свой путь сквозь тысячи расколотых льдин, не обращая внимания на царящий вокруг хаос. Он дробит все, что становится ему поперек дороги. Горе кораблю, который ему встретится! Айсберг нагромождает ледяные валы и толкает их перед собой, как пену на гребне волны. Поток раздробленного льда окружает айсберг, ледяную пыль ветер уносит к небу.

«И среди этого хаоса — корабль! Он трещит, наклоняется и снова выпрямляется. Футовые кранцы смяты в лепешку. Люди на судне давно уже не работают, не сшивают больше льдин тросами. Они подходят с фонарями к трещинам и только заглядывают в них. Ночь скрывает выражение их лиц. На одних написана озабоченность, на других — мрачная решимость. Слов не слышно, понятны только крики. Все имущество — шлюпки, шарты, палатки, оружие и провизия — готово на случай гибели судна. Каждый думает

о гибели, не верит этому, но никто не отрицает возможности такого конца.

«Картина меняется. Борьба утихла. Всем дышится легче. Но как изменилось все кругом! Несколько минут достаточно было для того, чтобы равнину превратить в беспорядочную массу горных хребтов. Исчезли вчерашние плоские снежные поля, закругленные валы и засыпанные снегом холмы. Пропали даром все труды ветров, с такой старательностью сглаживающих всякие неровности грунта. Везде зияют свежие разломы сине-зеленого льда. Между стенами возникли пропасти, в глубине которых видна темная вода. Царит жуткая тишина. Каждую минуту борьба может начаться снова. Только кое-где кряхтит еще вал и потрескивает глыба. Издалека доносится неумолкаемый гул борьбы айсбергов. Постепенно все стихает. Кажется, будто в пустынную страну льда вернулось равновесие. Серебристые лучи луны расстилают свет над пустыней. Где еще в мире царит подобный хаос? Не сознавая собственной жестокости, владычествуют здесь законы стихии. Легкое дуновение южного ветра,¹ радостно приветствуемое моряками на юге, здесь угрожает гибелью их товарищам».

КОНЕЦ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Хотя солнце поднималось все выше, но в окружающей нас темноте не было заметно сколько-нибудь значительных перемен. Причина этого была в том, что мы и в январе продолжали дрейфовать по направлению к северу и место нашей зимовки пришлось ближе к полюсу, чем всех предшествовавших экспедиций.² Другая причина была та, что очень редко стояли безоблачные дни. Даже полная луна, поднимавшаяся в полдень довольно высоко, давала очень тусклое освещение. В пасмурные дни полдень проходил незамеченным, как, например, 18 января.

¹ Сжатия вызываются отчасти течениями, но главным образом ветрами. — Примеч. автора.

² Исключая одновременную экспедицию Галля. — Примеч. автора.

Мы проникли уже миль на четыреста вглубь Ледовитого моря и в продолжение пяти месяцев были во власти ветра и течений. Признаков изменения нашего положения не было заметно. Но мы все-таки радовались первым показателям возвращения света. В ясный день 10 января в полдень мы впервые определенно установили его появление. 19 января на южном горизонте уже за час до полудня загорелся яркий карминовый свет. В конце января утренняя заря стала заметна уже за несколько часов до полудня.

С появлением света мы ясно увидели разрушения вокруг нас. Повсюду были высокие горы ледяных обломков и глыб. Отойдя даже на близкое расстояние от судна, можно было увидеть только верхушки мачт, торчавших из-за ледяных валов. Сам корабль лежал на ледяном пузыре, приподнятый на 7 футов выше уровня воды. Выброшенный из воды на лед, он производил жалкое впечатление. Ледяной пузырь образовался вследствие многократных разрывов и смерзания одной глыбы; высоты своей он достиг в результате бокового сжатия и подползания под него других льдин. Все кругом изменилось до полной неузнаваемости.

Январь 1873 года оказался исключительно капризным. В течение первых двух недель температура неоднократно падала ниже -30°P , а 8, 13 и 14 января замерзала ртуть. Замерзла можжевельная водка, и только немного чистого алкоголя сохранилось в жидком виде. Несмотря на низкую температуру снег был мягким. Даже большие температурные колебания и сильные ветры этого месяца не оказали влияния на его свойства. 22—23 января температура вдруг поднялась до $-2,8^{\circ}\text{P}$. Всюду на судне началось таяние, и сырость пропитывала помещение и одежду. Следствием этих необыкновенных отклонений температуры было то, что средняя температура января оказалась -18°P , то есть на 10° выше, чем следовало ожидать.

К сожалению, медведи держались в течение последних недель вдали от судна. Только 12 января один большой медведь ($7\frac{1}{2}$ футов) осмелился подойти к нам на расстояние 10 шагов. Он упал, пораженный несколькими разрывными пулями. Однако его сила и живучесть были так велики, что он пытался бежать, несмотря на тяжелые ранения. Этот пример — лишнее доказательство того, как важно для одиночного охотника стрелять только наверняка, с тем, чтобы или убить врага одной пулей, или, в крайнем случае, смертельно ранить. Из сказанного становятся ясными достоинства разрывной пули для одиночного охотника. Следует только помнить, что полет этой пули несколько менее четок.

Охота с палубы корабля проводилась всегда с большой поспешностью и перерасходом патронов. Иногда на одного медведя приходилось по 30—50 выстрелов.¹

Немедленно после того, как медведь падал, на него набрасывались Сумбу и Маточкин. Взобравшись на спину убитого врага, они затевали между собой драку. Их сгонял Карлсен, приступавший к разделке туши. Все собаки собирались обычно поглазеть на эту операцию.

Печальным был, однако, для нас исход медвежьей охоты 29—30 января. В десять часов вечера, при полной темноте, к нашему судну приблизился медведь и с быстротой тигра набросился на Сумбу. Но собака ловко увильнула и призвала своим лаем вахтенного, машиниста Криша. Он выстрелил с палубы на расстоянии 10 футов и ранил медведя, но тот убежал. На шум выбежало еще несколько человек, и в совершенной тьме началась никчемная погоня по глубокому снегу. Я присоединился к ней, так как заметил, что Маточкин преследовал медведя по пятам. Преследование среди пурги становилось все слабее. В конце концов остались только я и Пальмих. Мы уже больше ничего не видели и не слышали. Только изредка до нас доносились отдельные жалобные звуки. Мы ускорили наш шаг, если можно назвать ходьбой нырянье сквозь густые клубы кружащегося снега. Наконец, в свете фонаря мы увидели на снегу скулящего Маточкина и в нескольких шагах от него — медведя, атакуемого Сумбу, который впивался ему в ногу, как только медведь трогался с места. Повидимому Маточкин подошел к медведю слишком неосторожно и близко, зверь его поймал и утащил с собой. Собаку могла спасти только срочная помощь. Стрелять можно было лишь подойдя вплотную, так как было невозможно рассмотреть мушку на ружье. Все старанья оказались напрасными. Медведь утащил собаку.

На следующий день около полудня, когда достаточно посветлело, лейтенант Брош вместе с тирольцами и со мной отправились узнать о судьбе украденного пса. Была метель. Снег был глубокий и мягкий, поэтому мы часто падали и проваливались. Вскоре мы сами стали белые, как снег, и покрылись ледяной коркой. После утомительного пути мы набрали, наконец, на следы крови. Сумбу бросился вперед, а

¹ Во избежание беспорядочной, бесполезной стрельбы рекомендуется разделить экипаж на несколько охотничьих бригад, стреляющих поочередно. Наиболее метким стрелкам дается персональное разрешение участвовать в каждой охоте. Такой порядок был введен и вполне оправдал себя в практике советских арктических экспедиций.—Примеч. переводчика.

Пурга среди пакового льда.

Кабинет Совета
Общественно-образовательный
ИМ. А. П.
1920

Гиллис из осторожности остался с нами. Мы прошли еще около $\frac{1}{3}$ мили. Показался Сумбу. Он был явно взволнован, с лаем бросился к нам и снова убежал вперед. В конце концов он остановился у группы высоких льдин и с вызывающим лаем кидался в их направлении. Мы ускорили шаги и взяли ружья на изготовку. Подойдя к льдинам шагов на двадцать, мы увидели выходящего из-за них медведя. Казалось, он был удивлен. Раздались выстрелы. Медведь упал, снова поднялся и с исключительной быстротой пополз с раздробленным позвоночником на передних лапах, по направлению к полынье. Он тащил за собой задние лапы подобно моржу, быстро передвигая передними по ровной поверхности молодого льда. Только после двух новых разрывных пуль медведь растянулся мертвым. Это была месть за Маточкина, труп которого мы действительно обнаружили за льдинами. Он лежал на спине, голова зарылась в снег, живот был разорван, а часть внутренностей съедена. Непосредственно рядом с собакой в снегу была глубокая яма; очевидно, в ней прошлой ночью беззаботно почивал медведь. Он был шести футов длины. Матросы разрубили его на части и доставили на судно.

Переход от января к февралю принес повышение температуры до $-1,8^{\circ}\text{P}$, сопровождавшееся градом. В начале февраля возобновились большие морозы, так что в корпусе судна начало «стрелять». Средняя месячная температура достигла -28°P . Ртуть неоднократно (6, 7 и 8 февраля) замерзала, а в последние 8 дней месяца она была в твердом состоянии. 17-го числа при -36°P замерз даже керосин в круглой лампе под парусиновой крышей. В результате лампа погасла. В феврале была максимально низкая температура (-37°P). Такой мороз переносился на воздухе с трудом. Тем временем солнечный свет стал уже настолько значительным, что 3 февраля в 10 часов утра можно было без фонаря считывать температуру с термометра, имеющего большие деления. Но только 20 февраля наступило время, когда мы смогли в 6 часов вечера производить метеорологические наблюдения без фонаря.

Все ярче становился полуденный свет на юге. В ясные дни можно было уже в семь часов утра увидеть утреннюю зарю. 14 февраля мы заметили ярко освещенное облако, проплывавшее над самым небосклоном; оно отражало лучи пока еще невидимого солнца. В середине февраля стало настолько светло, что льдины впервые снова отбросили тени. Несмотря на низкую температуру, мы охотно проводили часы на открытом воздухе, тогда как раньше по целым неделям

не выходили на палубу. Только теперь, с удлинением дня, мы увидели, каким темным, затхлым гробом было наше жилище. Очень хотелось снять защитные щиты со стеклянного каба, чтобы дать хоть немного естественного света в помещение. Но мы понимали, что, пока не прекратятся метели, мы должны сохранять неестественную темноту наших кают.

До сих пор мы с большой твердостью противодействовали всем проявлениям сонливости, и только сейчас почувствовали расслабляющее влияние долгой ночи. Все разговоры велись в то время о предстоящем возвращении солнца. Подвижки льда казались нам тогда значительно менее жуткими. Тем временем сжатия продолжались и в феврале, достигая большой силы в следующие числа: 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 17 и 18. Давно уже мы вступили, дрейфуя во льду, в область, никогда еще не посещавшуюся кораблями. Хотя дрейф нашего судна еще будет впоследствии описан, все же уже сейчас необходимо дать координаты пройденного «Тегеттгофом» пути.

Время	Сев. шир.	Вост. долг.	Время	Сев. шир.	Вост. долг.
21 августа 1872 г.			9 ноября	78°15'	69°42'
начало дрейфа . . .	76°22'	62° 3'	14	78° 8'	71°16'
1 сентября	76°25'	62°50'	18	78°10'	70°31'
4 "	76°23'	62°49'	28	78°13'	69°48'
11 "	76°35'	60°18'	4 декабря	78°19'	69° 1'
14 "	76°37'	60°50'	8	78°21'	69° 2'
21 "	76°28'	63° 9'	12	78°25'	68°57'
26 "	76°36'	64° 8'	16	78°22'	67°42'
27 "	76°38'	64° 4'	19	78°13'	67°11'
28 "	76°37'	64°10'	26	78°10'	68°19'
1 октября	76°50'	65°22'	2 января 1873 г. . .	78°37'	66°56'
2 "	76°59'	65°48'	19	78°43'	69°32'
3 "	77°4'	66° 1'	26	78°50'	71°47'
17 "	77°50'	69°22'	2 февраля	78°45'	73° 7'
18 "	77°48'	69° 8'	14	78°12'	72°20'
22 "	77°46'	69°26'	19	78°15'	71°38'
31 "	77°53'	69°12'	23	79°11'	—
5 ноября	77°53'	69°30'	27	79°12'	—

Движение это таким образом замедлялось тем больше, чем больше становился мороз, сковывавший льдом открытые участки воды, и чем дальше мы заходили в область влияния сибирского ледового дрейфа, идущего с востока на запад. Необходимо указать, что наш дрейф был, как пра-

вило, вправо от направления ветра и что судно наше вместе со льдиной в течение первых четырех месяцев повернулось только на один градус в азимуте. В конце января исчезли все свободные от льда участки. В результате этого подвижка ледяных масс не могла уже происходить за счет смыкания трещин, а только за счет сохранности ледяного покрова; иными словами, должно было произойти взаимное перекрывание льдин. Поэтому, если следствием сжатия первоначально было только образование новых каналов и растрескивание льдин, то теперь оно выражалось в сильных нагромождениях льда. Думается, что главной причиной нашего дрейфа был ветер и что значение морских течений было только второстепенным.

Но с этого времени наш дрейф получил постоянное северозападное направление. В результате такого счастливого изменения нашего пути мы могли надеяться попасть в район таинственной земли Гиллиса. Продолжение же нашего восточного курса привело бы нас в сторону, где перспективы открытия новых земель были меньше.¹ Даже освобождение судна из льдов и достижение мыса Челюскина имело бы меньшее значение, так как поиски зимней гавани у мелководных берегов Сибири заняли бы целиком весь остаток лета 1873 года. Наконец, в третье лето у нас не было бы другого исхода, кроме оставления судна и возвращения через Сибирь. Но пока мы еще надеялись на освобождение корабля в следующее лето и на возможность свободы передвижения. И действительно, среди нас не было ни одного, кто серьезно оспаривал бы эти предположения. Уверенные в том, что тесно сомкнувшиеся вокруг нас льдины еще разойдутся и исчезнут с нашего горизонта, мы решили сделать их вестниками нашей теперешней судьбы. В течение лета некоторые из этих льдин, по всей вероятности, уплывут к югу, и наши сообщения могут попасть в руки моряков. Исходя из этого, мы 14 февраля разбросали в окружности 1½ морских миль некоторое количество надежно закупоренных бутылок. Они содержали краткое сообщение о главнейших событиях экспедиционной жизни после нашей разлуки с прафом Вильчеком.

¹ Последнее предположение Пайера не оправдалось, так как именно продолжая январский курс «Тегетгофа» мы попадаем к открытой спустя несколько десятилетий Северной Земле. — Примеч. переводчика.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА И ВЕСНА 1873 ГОДА

19 февраля 1873 года должно было взойти солнце на нашей географической широте. Однако, благодаря сильной рефракции, составляющей для температуры в 30° ниже нуля $1^{\circ}40'$, мы смогли встретить первые лучи солнца тремя днями раньше. Возвращение солнца — событие исключительно праздничное в условиях полярных плаваний. В этой страшной пустыне возрождается древний культ солнца.

Собравшись, как на праздник, на вершинах торосов и на мачтах корабля, ждали мы прихода света. И вот, в одно мгновение разлилась волна его по всему небосводу, и солнце взошло, одетое в пурпур, и засияло над льдами. Молчали все. Нелегко было найти слова, выражавшие наши чувства. И совсем безыскусственно сошли с губ простого человека тихие слова: «благодарный день».

Только до половины диска поднялось солнце и остановилось как будто в нерешительности, стоит ли проливать свой свет на эту мрачную пустыню. И все-таки солнце, хоть оно и не может, как на юге, заставить подняться из снега цветы, оно — единственное живое явление в этом царстве смерти. Здесь, среди льдов, под его лучами зазвенят только ручейки талой воды, сбегające в море.

Мрачен вид развалившихся гигантских льдин, похожих на бесчисленных сфинксов. Они утопают в потоках света. Только сейчас, одновременно с возвращением солнца, пришел наш настоящий новый год. Что даст он нам?

Всего несколько минут продержалось солнце верхним краем своим над горизонтом. Свет его погас, и мрачный фиолетовый цвет окрасил даль. На сумеречном небе снова задрожали звезды.

Несмотря на напряженное волнение, с которым мы встречали возвратившееся солнце, мы были поражены переменой, произошедшей в нашей внешности в течение долгой полярной ночи. Наши осунувшиеся лица были страшно бледны. Большая часть из нас имела вид выздоравливающих после тяжелой болезни; носы у нас заострились; глаза глубоко впали. Однако, под благотворным влиянием дневного света, болезненный вид быстро исчез. Мартовское солнце скоро возвратило нашим лицам темный цвет загара. Вернулась также всеобщая веселость. С жадностью ловили мы теплые солнечные лучи. Построили ледяную избушку без крыши и с открытой на юг стороной. В хорошие, тихие дни выполняли из душных помещений здоровые и больные и забирались сюда, чтобы насладиться и распариться подобно яще-

рицам в горячих солнечных лучах. Внутри корабля царил все еще полная тьма. Для нас началась вторая часть полярной ночи.

Участились также посещения медведей. 20 февраля охота была неудачной. Зверь убежал. Пальмих, Галлер и Клотц бросились за медведем при ветре и температуре -32°P . Первый из них скоро вернулся с отмороженным лицом, а тирольцы пришли только через несколько часов. Они вернулись ни с чем, причем до такой степени отморозили ноги, что уже при возвращении на судно ступни совершенно онемели. Приходилось часами оттирать их снегом, чтобы вернуть чувствительность. Потом наступили сильные боли, на ногах появились опухоли величиной с кулак и пузыри. Непрерывно накладывались ледяные компрессы. Только через несколько дней больные стали поправляться.

22 февраля на утренней заре опять пришел медведь. Он был убит вахтенным Суссиком. На передней лапе у него была старая рана, из чего мы заключили, что это был тот самый медведь, которого мы преследовали несколько дней тому назад. Длина его была шесть футов, желудок почти пустой, в нем мы нашли только кусочек тюленьей шкуры. Суссик был безгранично счастлив своей удачей. В течение всего дня он пытался вытащить каждого на лед и демонстрировал поведение медведя. «Не будь меня, он всех вас слопал бы», — добавлял он, презрительно поглядывая на тех, кто промахнулся во время стрельбы.

Восход солнца в конце февраля бывал особенно ясен. Розоватый блеск придавал однообразным снежным равнинам исключительную прелесть. Но уже около полудня ложился морозный белый туман, закрывавший солнце целиком или превращавший его в тускло светящийся шар. 24 февраля при температуре -34°P мы были свидетелями своеобразного явления, вызванного рефракцией и туманом у горизонта. Солнце казалось плоским, оно было кирпичного цвета и не давало лучей. В условиях изменяющейся преломляемости световых лучей иногда случается, что солнце или луна по несколько раз всходят и снова исчезают или остаются некоторое время на одной высоте.

Конец февраля напомнил нам о карнавале. Матросы стали рядиться, причем каждый из ряженных рассчитывал получить немного рома. Искусственное веселье масок находилось в резком противоречии с действительным серьезным настроением, вызванным трудностями нашего положения.

Настал март, а с ним должна была проснуться весна. Но здешняя весна не похожа на южную. Вместо радостных

теплых красок молодых посевов и лесов, нас окружала ослепительно-белая пустыня, вместо ароматов цветов и весеннего воздуха подымались тучи колючих ледяных игл. Мертвым и сонным светом загорались почти ежедневно боквые солнца, видимые сквозь густой, морозный туман. Снег наполнял воздух; мелкой пылью носился он и тормозил испарение льда, подвигавшееся, несмотря на солнце, еле заметным образом. Все же влияние солнечных лучей уже начинало сказываться. Так, 3 марта термометр с зачерненным шариком показал в полдень на 6° Р больше, чем обычные измерители тепла. 6 марта эта разница равнялась уже 8-ми, а 8-го — 9 градусам. Этот день был безветренный и ясный, солнце зашло только после пяти часов. Мы с большой радостью наблюдали его все растущее значение в тепловом режиме льда. Еще 3-го числа было замечено, что снег перед носом корабля немного спал, а вывешенный на солнце ради опыта ледяной куб показал во второй половине марта ежедневную убыль, равную 0,01 всего его веса. Менее благоприятно было положение в самом море. Так, опущенный в воду на глубину 10 футов кубик льда за срок с 19 февраля по 5 марта показал увеличение объема на слой в $\frac{3}{4}$ дюйма. Средняя температура марта стала несколько выше ($-25,5^{\circ}$ Р), чем в феврале. В течение 16 дней она держалась около -30° Р, но поднималась иногда до $-14,4^{\circ}$ Р. Пурга и облачное небо бывали очень редко. Дневной свет становился с каждым днем интенсивнее. Тени, падающие от ледяных масс, становились все короче и чернее, а люди должны были надевать снеговые очки, если собирались несколько дольше оставаться на воздухе. 10 марта впервые в течение всей ночи не угасала красноватая заря, а в полночь было не темнее, чем в декабрьский полдень. С мачт, стеньг и тросов покатились с грохотом маленькие лавины, и корабль стал терять свое убранство из инея и льда. 22 марта совершенно освободился от снега обращенный к югу нос корабля, вернув себе черный цвет. 29-го, уже в 9 часов 30 минут утра, температура на солнце превысила теневую на целых 15° Р. 30 марта нам удалось впервые непосредственно наблюдать таяние снега на черных карнизах судового корпуса. Перечисление этих событий, как ни незначительны они на первый взгляд, должно показать, с каким вниманием полярный путешественник наблюдает за малейшими явлениями, причина которых — солнце. 19 и 27 марта приветствовали мы первых птиц. Это были маленькие чистики, несколько ранние гонцы еще далекого лета. Они пролетели над кораблем и опустились в поисках пищи на редкие, небольшие лужи

во льду. Насколько легко было им найти себе пропитание, можно заключить из того огромного количества рачков, которое находилось в каждой проруби. Роскошное северное сияние еще продолжало освещать темные ночи. Источником света оно, конечно, служить не могло, так как наиболее интенсивная игра лучей длилась очень недолго, но впечатление от его красоты, несмотря на ежедневное повторение, несколько не ослабевало.

Под влиянием изменившейся обстановки заметно улучшилось состояние здоровья людей на борту корабля. И только неожиданная болезнь доктора Кепеса (13 марта) взволновала всех. Лишь ему одному разрешалось во время болезни пользоваться нашим запасом медвежьего мяса, оказавшего на больного самое благотворное влияние.

С некоторых пор медведи, к несчастью, прекратили свои посещения. Только 15 марта подошел один мишка. Мы были предупреждены о его появлении лаем Пекеля и выстроились для его приема длинным рядом, спрятанные за торосами. Медведь пришел, как обычно, с подветренной стороны и отнесся с большим любопытством к нашим постройкам на льду. Затем он вскарабкался на узкий, высокий торос и уселся на его вершущке, балансируя всем телом и высоко подняв морду. Вид его показался некоторым охотникам до такой степени комичным, что они не выдержали и громко расхохотались. Медведь удивленно оглянулся, сполз со льдины и продолжал задумчиво приближаться, пока не рухнул в снег, пораженный пулей с близкого расстояния. К сожалению, это был опять не крупный зверь, пяти с половиной футов длины. Желудок его был совершенно пуст. 30 марта ночью около судна заметили второго медведя. Вахтенный промазал, и медведь и вахтенный оба удрали, — каждый в свою сторону.

Пришел апрель. С прежде острых, а теперь округленных и сглаженных краев льдин, с релингов, рей и такелажа, со всех выступов и углов спускались вниз ледяные иглы. Это таяние и умирание льда давало нам надежду на освобождение, но протекало оно невыносимо медленно. Что с того, что уже 2 апреля мы могли читать в полночь, что увеличилось число пролетающих чаек и чистиков, что разница между температурой на солнце и в тени была 6 апреля уже 18°, что зачерненный термометр показал 20 апреля +5° Р, что солнце вошло 11 апреля в 2 часа утра, а с 16-го осталось навсегда на небосводе? Какая польза от всего этого? Несмотря на вечный свет, кругом царил глубокая зима. Нас утомляла медленность процесса таяния льда и больше не

занимал вид боковых солнц, даже тогда, когда их было целых 8 штук, как, например, 1 апреля. В этот день явление было очень ярким и состояло из обычных боковых солнц и двух, удаленных каждое на 95° от нормальных. Через весь небосвод проходила горизонтальная светлая полоса, пересекавшая истинное солнце.

Мы были обречены ждать освобождения еще долгие месяцы. Ежедневно приходилось вооружаться терпением. Время мы проводили так: одни из нас построили новую ледяную башню, другие возобновили пристрелку по бутылкам и кружкам давным давно пристрелянных ружей. Я соорудил вместе с тирольцами искусственную дорогу через горы ледяных обломков, с перевалами и насыпями, подъемами и спусками. Эта дорога проходила вокруг судна, а длина ее равнялась трем милям. Постройка ее потребовала много-недельной работы с киркой и лопатой, а после каждого снегопада ее приходилось откапывать с большим трудом. Ежедневные прогулки по этой неровной дороге, сквозь хаос льдов, были не только полезной гимнастикой, но и послужили для натаскивания собак в беге в упряжи с нагруженными нартами. В то же время я сильно обогатил свою папку этюдами льда. Я приучил себя в штилевую погоду при любой температуре часами рисовать в одних легких перчатках.

Первые дни апреля мороз был -31°P , но в дальнейшем температура стала равномерно повышаться. В конце апреля дневной минимум не превышал -15°P , а 28-го температура достигла наибольшей высоты $-6,8^\circ\text{P}$. Средняя температура за весь месяц поднялась до $-17,5^\circ\text{P}$.

Погода изменилась. На место ясного неба пришли тучи, начались снегопады, уничтожавшие всякий след прежней деятельности солнца. Глубоким слоем лег снег на поверхность льда. Мы увязали в нем по колено. В этих условиях было бы немыслимо путешествовать на собаках, но по счастью мы в этом не нуждались. Среди изменений, вызванных смягчением погоды, наиболее важным для нас было несомненно возвращение дневного света во внутренние помещения на судне. 7 апреля мы сняли щиты со стекол каба и убрали парусиновую крышу с носовой части корабля. Возможность читать без тусклого искусственного света была огромным событием в нашей однообразной жизни. В течение пяти долгих месяцев в помещениях горели керосиновые и салынные лампы, все стены были черны от копоти, и нелегко было придать им снова приветливый и жилой вид. Но гораздо труднее было разгрузить трюм (кроме угольных

ям); необходимо было удалить толстую корку льда, выросшую всюду на стенах и представлявшую в талом виде серьезную угрозу для нашего продовольствия. Вскоре мы перенесли на судно бывшие на льду продовольственные запасы, так как с прекращением сжатий пропали основания для их хранения там.

Вокруг зимующего во льду судна накапливается со временем толстый слой различных отбросов, состоящий главным образом из угольной золы. Все эти предметы темнее снега, и, вследствие их большей нагреваемости, снег под ними подтаивает быстрее, благодаря чему они скоро погружаются вглубь льда. Такой процесс происходит только в случае изолированного положения предметов, а в случае большой мощности и значительной площади слоя последний образует в качестве плохого проводника тепла только защитную кору. Поэтому окрестности наши состояли из смеси малых и больших воронкообразных углублений и крупных ровных площадок, а когда прибавилась еще талая вода, то нас окружили озера и каналы, через которые мы перебросили доски для соединения отдельных островов.

Тем временем начались работы по откапыванию корабля. Снеговой вал, окружавший судно в течение зимы, был убран. Сняли твердый снеговой слой с палубы. При освобождении от снега кормы судна оказалось, что железные прутья, защищавшие винт, сорваны при сжатиях. Но эта потеря не была значительной, а так как в течение следующих месяцев вода в помещениях не особенно сильно прибывала, то мы могли думать, что корпус судна не испытал опасной деформации несмотря на приподнятое положение.

Наступившая с конца февраля тишина побудила лейтенанта Вейпрехта вынести на лед поблизости судна палатку и начать производить в ней срочные наблюдения над магнитными постоянными. Эти наблюдения надлежало произвести 22 апреля ночью. Находившийся на работе Орел вдруг заметил около себя белого медведя, бросил в него шапкой и стал звать на помощь. Прибежал вахтенный матрос и уложил медведя разрывной пулей с расстояния в 20 шагов. Вскоре после этого, 13 мая, произошла вторая неожиданность. Вахтенный матрос Стиглих вдруг увидел в восьми шагах от себя медведя. Он тоже швырнул в него шапкой и побежал к штурмтрапу. Второпях он оступился и упал. На его счастье подоспел Карлсен и уложил зверя. 28 мая мы увидели большого медведя, перелезающего через ледовый вал позади судна. Он упал мертвым, настигнутый разрывной пулей. Желудок его был пуст. Несмотря на свою худобу,

он дал нам больше мяса, чем все остальные, так как длина его равнялась полным семи футам.

В конце апреля связь между льдинами стала слабеть и над горизонтом всюду появились темные полосы, указывавшие на наличие трещин. Однако они находились на большом расстоянии от нас, так как даже с верхушек мачт их не было видно.

Мы безгранично верили в эти благоприятные предзнаменования, а когда 2-го мая до нас донесся издадека знакомый шум сжимаемого льда, то он нам уже не показался страшным, мы слышали в нем голос спасения. Час освобождения из ледяных тисков казался близким. Мы думали, что, даже если нам не удастся достигнуть сказочной земли Гиллиса, то уж до сибирских безлюдных берегов мы доберемся обязательно. Сибирь стала главным предметом наших стремлений. Впрочем, самые неисправимые оптимисты считали возможным, что нам еще во время дрейфа удастся натолкнуться на новые земли. К этому времени наши пожелания стали настолько скромными, что открытие самого ничтожного рифа вполне удовлетворило бы нас.

Но законы природы не считались с нашими пожеланиями. Все еще обильно падал снег и покрывал льды своим белым плащом. Печальный круговорот из снегопадов и испарений, казалось, уносил с собой наши надежды. В начале мая началось таяние снегового покрова. Снег стал клейкий и мягкий. Впрочем, консистенция его даже зимой не была твердой. Это превращение снега заставило нас надеть вместо парусиновых сапог кожаные. 2 мая температура, правда, опять упала до -18°P , но с этих пор она постепенно поднималась и в конце месяца неоднократно достигала нуля. 29 мая было $+2^{\circ}\text{P}$. Средняя температура мая была около -7°P . Температурная разница на солнце и в тени все возрастала. 1 мая она равнялась в 6 часов вечера 22°P . 11 мая зачерненный термометр показал $+26^{\circ}\text{P}$, тогда как на обычном было только -8°P .

В середине мая пришли густые туманы. До сих пор нас навещали только чистики и чайки и только раз прилетела пуночка и опустилась без страха на палубу. Но уже 24 мая появились кайры, и с этого дня они беспрерывно шныряли вокруг нас. Птицы эти летят всегда строго придерживаясь избранного направления, поэтому мы могли убить только тех, которые пролетали над самым кораблем. Все подстреленные птицы шли на кухню. Их клали ненадолго в уксус, после чего они становились очень вкусными. Только мясо кайр было настолько нежно, что мы употребляли его в пищу,

не размачивая в уксусе. Несколько позднее явилась крупная чайка — бургомистр. Вскоре все берега окружающих нас озер стали излюбленным местом пребывания белой чайки, которая вела себя очень нахально, даже вблизи судна. Днем и ночью раздавались трубные крики этих птиц, хозяйничавших среди разбросанных кругом остатков убитых медведей. В середине марта машинист Криш приготовил машину. Но никто не знал, когда мы сможем воспользоваться паром. Поэтому, ради большей сохранности руля, мы решили откопать его и поднять на борт.

26 мая на нашей широте должно было быть видно частичное солнечное затмение. По ошибке мы начали наблюдение на 21½ часа раньше срока. Инструменты были установлены, с напряженным вниманием ожидали мы появления луны на солнечном диске. Двухчасовое ожидание утомило нас, но в конце концов луна все-таки явилась и заслонила около трети диска. Сильный туман, поглотивший солнечный блеск, позволил нам наблюдать за явлением простым глазом, даже без цветных очков. Продолжительность его была 1 час 56 минут.

С 1 мая число живых существ, принадлежавших экспедиции, увеличилось на четырех членов. Это были 4 маленьких ньюфаундленда, ранняя молодость которых протекла в палатке на льду, обогреваемой спиртовой горелкой до температуры европейского мая. Но все наши заботы по воспитанию новой, молодой собачьей упряжки пропали даром по милости одного из этих чудовищ, задавившего во сне всех своих братьев. Этот разбойник получил поэтому прозвище Торос. Через несколько недель он уже бегал по палубе и на всем, что попадалось ему, пробовал свои зубы. Вскоре он стал любимцем как людей, так и собак. Впоследствии он приобрел себе громкую славу, позволившую считать его одним из важнейших членов экспедиции. Общее благоволение сделало его таким нахальным, что он не боялся залезать в миску к Юбиналу, когда тот обедал. Никто никогда не смел подойти к Юбиналу во время еды, а Торос вырывал у него куски мяса из пасти. Даже эгоистичный Сумбу считал воспитание Тороса своей обязанностью. Все собаки настолько закалились в течение прошедшей зимы, что теперь спали снаружи своих будок, так как внутри для них уже было слишком жарко.

ЛЕТО 1873 ГОДА

(Попытки к освобождению. Дрейф в Ледовитом море).

Время тянулось страшно однообразно. Единственное изменение в окружающей нас природе состояло в продолжающемся разрушении ледяных глыб и валов, превратившем Ледовитое море в конце концов в настоящий хаос обломков. Совершенно исчез чистый ребристый лед, и поверхность его, благодаря испарению, приняла вид фирнового снега. В первый день температурный минимум был $-8,6^{\circ}\text{P}$, а в последний $+0,1^{\circ}\text{P}$. Средняя температура июня была $-0,4^{\circ}\text{P}$. С каждой неделей появлялось все больше вестников лета. 1-го июня зачерненный термометр показал $+29^{\circ}\text{P}$, 14-го впервые шел дождь, 16 июня температура была уже в 9 часов утра $+4,2^{\circ}\text{P}$, 26-го $+6,4^{\circ}\text{P}$ и 29-го $+8,1^{\circ}\text{P}$.

В такие дни воздух обладал приятной мягкостью, а если погода была безветренной, то становилось гнетуще душно. Стаи птиц бороздили воздух, днем и ночью кричали поморники, за которыми с лаем гонялись собаки. Беззаботно шумели, распевая чистыми голосками, целые семейства стройных люриков, располагавшихся у самой воды. Только чайка-бургомистр демонстративно избегала общества, и часами можно было наблюдать за ней, неподвижно сидящей на вершукше тороса или посредине льдины.

Трудно представить себе, сколько света разлито в ясный день по холодным льдам Ледовитого моря.

Свет настолько обилен, что нетрудно в несколько часов совершенно спалить кожу или, если не защитить во-время глаза, получить слепоту. Одновременно море кажется черным, сохраняя, впрочем, в каналах свой ультрамариновый цвет. Даже самое чистое голубое небо при сравнении с блеском льда, кажется почти черным. Таяние было особенно интенсивно в середине июня, отовсюду сбегали ручейки талой воды и вливались в открытые трещины и полыньи. В конце месяца лед стал приобретать консистенцию снега уже не только на поверхности, но и внутри. Даже на порядочной глубине он был вязкий и утратил всю прежнюю твердость и ломкость. Совершенно размякший снег затопила вода, образовавшая на ровных льдинах зеленые озера. С краев их окружали снежные болота с обманчивой поверхностью. Таяние льда состоит, как было упомянуто, главным образом в том, что под влиянием солнечных лучей поверхность растворяется и испаряется. Летом 1873 года мы наблюдали убыль мощности льдины от 4 до 6 футов по верти-

кали. При этом таяние шло сверху вниз, так как под водой лед подтаивал очень мало или даже совсем не таял, что обуславливалось температурой воды, бывшей ниже 0°. В течение следующей зимы лед снова нарастает снизу. Таким образом весь этот процесс состоит в оттаивании ледяной шапки, на место которой из года в год снизу приходят все новые слои. Ледовитое море ежегодно линяет, сбрасывая кожу толщиной около двух метров.

Мучительной была мокреть, от которой некуда было убежать. Несмотря на непромокаемые кожаные сапоги, у нас в течение лета ни разу не было сухих ног. Это было тем более неприятно, что начатые в конце мая работы по освобождению корабля требовали постоянного пребывания на воздухе.

В конце мая судно начало медленно садиться. Между носом и льдом поднималась вода. Однако вскоре мы убедились, что эти изменения недостаточны и что мы сами должны приложить усилия к освобождению. Весь конец мая, июнь, июль и август мы копали, пилили¹ и взрывали нашу льдину. Работа эта, проводившаяся временами в авральном порядке, показала нам размеры человеческого бессилия в борьбе с природой. Нам не удалось окопать наше судно кругом, так как это было возможно только с левого борта, а с правого мешало нагромождение льдин друг на друга. Здесь мы выкопали колодец в 18 футов глубиной и все-таки не достигли подошвы льдины. Отпиливать можно было только некоторые части льдины. Но и здесь мы встретились с трудностями, вызванными значительной толщиной льда. Пришлось делать новые пилы большей длины — материалом служила железная обшивка машинного отделения. Вообще же говоря, трудность пилки совершенно невероятно возрастает вместе с толщиной льда. Насколько легко перепилить льдину толщиной в 4 фута, настолько трудно разрезать глыбу в 8—10 футов. Кроме того, когда разрез был больше сажени, пилы почти всегда примерзали ко льду. При попытках освободить пилы с помощью пороха они нередко ломались на части. Наконец, даже удачно выполненные разрезы часто оказывались лишними, так как льдины сразу же смерзались снова. Взрывание оказалось таким же бесполезным, как и в прошлом году. Вообще оно дает положительные результаты только в тех случаях, когда нужно раздро-

¹ Подобные работы производились Фиппсом, Россом и Парри. Последний пропил в 1879 году канал длиной в 12 246 футов через семидюймовый лед для того, чтобы достигнуть зимней гавани. — Примеч. автора.

бить уже отпиленные глыбы, столкнуть которые с помощью лома оказывается невозможным.¹

В середине июня мы убедились, что соединить между собой разрезами двадцать две проделанных вокруг корабля проруби мы не в силах. С этого времени мы ограничили наши работы устройством бассейна вблизи носа корабля. Сознывая свое бессилие, мы надеялись, что устройство бассейна рядом с льдиной поможет стихиям расправиться с ней и освободит наш корабль, который вернется в нормальное положение. Мы желали всеми силами, чтобы судно сползло или провалилось на воду, несмотря на то, что это представляло бы для него большую опасность.

Во второй половине лета судно сильно накренилось из-за неравномерного подтаивания под ним льда, и мы были вынуждены, боясь, что оно опрокинется, подвести под него крепкие подпорки. Благодаря этому корабль наш стал похож на грозящую обвалом избушку. В середине июля мы снова исследовали толщину льда. Специально приготовленными бурами пробили несколько слоев льда до 27 футов общей толщины, но все еще не достигли воды. Пришлось отказаться от всяких попыток разрушения этого бастиона. 27 июля выгрузили на лед двадцать тонн угля для возможного облегчения корабля. Ежедневно приходилось поглядывать, в порядке ли балки, подпирающие корпус судна, так как в результате таяния льда они легко сдвигались с своих мест. В течение следующих недель корабль все больше опускался носом к воде и все выше поднималась корма.

Июль был тоже преимущественно пасмурным. Несколько раз выпадал снег, ложившийся 2—3-дюймовым слоем. Как и в июне, туманы чередовались со снегом и дождем. Преобладали западные ветры, а средняя месячная температура поднялась до $+1,2^{\circ}\text{P}$. 10 июля был температурный минимум месяца, равный $-1,8^{\circ}\text{P}$. 8 июля термометр с зачерненным шариком показал $+33,7^{\circ}$ при $+1^{\circ}\text{P}$ в тени.

Несмотря на все это, мы оставались на одном месте. Солнце, от которого прежде всего зависело наше избавление, показывалось в это время редко. Мы рассчитывали на штормы, но они не пришли. Неустанно следили мы за обра-

¹ В настоящее время успешно применяется аммонал и, иногда, термит, но только лишь для взрывания более или менее крупных ледовых перемычек. В сплошном льду эффект от взрывов очень незначителен, так как в стороны от образовавшейся после взрыва крутой площадки с битым льдом никаких трещин не образуется и лед не растапливается. Примеч. переводчика.

зованием трещин в окрестностях корабля. Расщелины, действительно, были, но только поодаль от судна. 16-го появилась трещина в юго-восточном направлении. К несчастью это было в двух милях от нас, и до середины месяца она приблизилась к нам лишь на $1\frac{1}{2}$ мили. С палубы виден был только лед, без единого пятнышка воды.

В таких условиях наши надежды стали ослабевать. Далекие передвижки льда не меняли нашего положения. Даже приближение одной трещины на $\frac{3}{4}$ мили в результате сильных ветров с запада и юга оказалось обманчивым. Новая подвижка льда 6 августа только несколько уменьшила нашу льдину. В течение всего августа не произошло никаких существенных перемен, только средняя месячная температура упала до $+0,32^{\circ}\text{P}$. Температурный максимум был 4 августа ($+4,4^{\circ}\text{P}$), а в последний день месяца температура опустилась до $-4,6^{\circ}\text{P}$.

С некоторого времени мы стали замечать на горизонте какую-то темную ледяную массу. Из-за большого расстояния мы не могли узнать, что это такое. До сих пор наша жизнь на небольшой льдине чрезвычайно походила на жизнь скромных насекомых, живущих на листке дерева и не находящихся никакого интереса во всем, что делается за его пределами. Вылазки в одну-две морских мили считались показателями большой предприимчивости.

14 августа некоторые из нас все-таки добрались до темного предмета, отстоявшего от нас на 4 мили. Это оказался большой айсберг. На нем лежали две морены. Это были первые камни и обломки скал, которые мы увидели после большого перерыва. Они состояли из рассланцованного известняка и глинистого слюдяного сланца. Велика была наша радость при виде этих камней, казавшихся нам пришельцами из какой-то неведомой земли. Мы копались в обломках с таким рвением, будто это были сокровища Индии. Матросы нашли серный колчедан, приняли его за золото и беспокоились о том, удастся ли им доставить его к себе в Далмацию. Хотя трудно было предполагать, чтобы ледяные горы такого размера могли происходить с Новой Земли, но у нас не было другого объяснения. Мы не имели понятия о том, что они могут принадлежать новым странам, расположенным совсем недалеко от нас. И даже новые айсберги, встречавшиеся в следующие дни во все большем количестве, не помогли нам уяснить себе, что желанная земля близка. Частые прогулки на айсберг помогли нам определить размеры нашей собственной льдины, оказавшейся 5—7 миль в диаметре. К северо-западу от нас находился другой боль-

шой айсберг. Чтобы достичь его, нужно было перебраться на ледяных плотах через трещины и каналы. Этим способом мы благополучно добрались до горы. По пути наши собаки напали на тюленя, спавшего на льдине. С большим трудом удалось ему дотащиться до своей лунки и юркнуть в нее. С высоты шестидесятифутового айсберга мы убедились в том, что немногочисленные отверстия во льду образуют не судоходные каналы, а отдельные дыры, не связанные между собою.

Начиная с февраля, когда мы достигли нашей крайней восточной точки, дрейф наш изменился на северозападный, а потом прямо на северный. В конце февраля стояла штилевая погода. В течение этого времени мы пребывали на месте на широте большей 79° и долготе 71° . В последующие месяцы дрейф протекал в таком виде (см. табл. на стр. 113).

Вюллерсторф-Урбэр подверг ясному и остроумному анализу метеорологические наблюдения и курс дрейфующего «Тегеттгофа». Я привожу главные положения этой работы.¹

«В обычных условиях судно, лишенное самостоятельного движения, должно было бы перемещаться только под влиянием ветра и морских течений в продолжение всего того времени, которое в действительности уходит на дрейф во льдах. Курс судна должен был бы в этом случае соответствовать воздействию этих двух сил. Но так как корабль чаще всего дрейфовал не в чистой воде, а в сплошном паковом льду, то он должен был следовать главным образом за общим движением льда, которое, правда, зависело не только от направления ветра и возможных морских течений, но и от влияния близких берегов или более или менее крупных скоплений льда.

«Лишь постольку, поскольку «Тегеттгоф» благодаря корпусу и мачтам предоставлял ветру большую площадь сопротивления, он должен был подобно всем высоким льдинам получить некоторый излишек движения в направлении ветра. Если этот излишек движения в направлении ветра образовывал с направлением общего движения льда некоторый угол, то льдина с кораблем должна была отклониться в сторону наименьшего сопротивления и направиться по равнодействующей между ветром и препятствием. Таким образом могло случиться, что судно отклонялось при действии ветра по курсу, не совпадающему с его направлением. Впрочем, не подлежит сомнению, что возникающие этим путем аномалии не столь значительны по отношению ко всей

¹ Работа напечатана в «Известиях Австрийской академии наук». — Примеч. автора.

Время	Широта	Долгота	Время	Широта	Долгота
1873 год			26 июня	79°13,3'	59°55,3'
3 марта	79°13'	69°32'	27 "	79°13,7'	59°46,0'
9 "	79°19'	68°28'	28 "	79°15,5'	59°35,4'
14 "	79°20'	68°28'	3 июля	79°15,2'	59°14,8'
20 "	79°33'	68°52'	4 "	79°14,8'	59°13,3'
25 "	79°23'	67°17'	8 "	79°15,2'	59°05,8'
27 "	79°15'	67°29'	10 "	79°13,2'	59°09,0'
29 "	79°14'	67°35'	15 "	79°09,8'	59°52,6'
2 апреля	79°05'	66°49'	18 "	79°07,3'	59°50,4'
3 "	79°05'	66°42'	19 "	79°07,6'	59°35,1'
7 "	79°04'	—	20 "	79°08,7'	59°33,6'
10 "	79°12'	68°01'	21 "	79°09,2'	59°33,1'
12 "	79°19'	67°43'	22 "	79°09,0'	59°34,1'
13 "	79°20'	67°40'	23 "	79°06,6'	59°34,2'
15 "	79°14'	67°00'	24 "	79°07,1'	59°29,5'
19 "	79°18'	65°51'	25 "	79°06,6'	59°27,3'
20 "	79°19'	65°37'	31 "	78°58,5'	60°25,5'
27 "	79°13,5'	64°37,0'	1 августа	78°56,9'	61°40,6'
28 "	79°12,2'	64°41,8'	4 "	79°00,4'	61°06,2'
1 мая	79°15,8'	64°58,8'	13 "	79°25,4'	61°06,6'
2 "	79°17,1'	65°03,6'	14 "	79°24,5'	61°16,3'
6 "	79°16,0'	65°00,5'	16 "	79°27,8'	61°07,6'
10 "	79°20,4'	65°41,9'	19 "	79°29,1'	61°31,0'
11 "	79°20,2'	65°32,4'	21 "	79°31,3'	61°44,8'
13 "	79°19,7'	65°15,8'	30 "	79°43,0'	60°23,7'
14 "	79°19,8'	64°45,6'	31 "	79°42,5'	60°05,6'
16 "	79°15,5'	63°39,0'	2 сентября	79°40,2'	60°32,9'
17 "	79°13,1'	63°21,7'	5 "	79°41,3'	60°12,5'
22 "	79°09,2'	62°03,5'	8 "	79°34,2'	59°47,3'
29 "	79°02,4'	62°55,5'	9 "	79°33,6'	59°45,9'
30 "	79°02,5'	62°54,2'	10 "	79°32,2'	59°53,1'
31 "	79°02,5'	62°53,9'	16 "	79°45,6'	61°30,5'
1 июня	79°02,4'	62°43,2'	23 "	79°49,6'	61°58,1'
3 "	79°00,4'	62°29,7'	30 "	79°58,3'	60°41,1'
5 "	79°01,3'	62°24,8'	16 октября	79°54,6'	60°34,7'
6 "	79°01,1'	62°20,2'	19 "	79°53,9'	60°40,6'
9 "	79°05,4'	61°31,4'	23 "	79°44,5'	60°07,9'
10 "	79°05,3'	61°23,6'	26 "	79°44,3'	59°17,1'
11 "	79°04,3'	61°21,3'	27 "	79°44,0'	59°14,1'
18 "	79°06,6'	61°05,2'	28 "	79°43,8'	59°06,6'
20 "	79°08,6'	61°02,8'	29 "	79°44,8'	59°09,8'
22 "	79°09,2'	60°54,9'	30 "	79°49,0'	58°59,9'
24 "	79°08,4'	60°31,8'	31 "	79°50,6'	58°53,7'
25 "	79°11,2'	60°14,6'	Судно в бере- говом льду	79°51,1'	58°56,0'

ледовой массе. Значение этих аномалий очень трудно точно учесть, так как отклонения от курса зависят от направления ветра, плотности и мощности льда и других причин, которым нет возможности дать числовое выражение.

«Из сопоставленных данных метеорологического журнала по дрейфу и сжатиям следует, что максимум этих явлений падает как раз на те части моря, которые находились под влиянием напора льдов, идущих от Карского моря. Уже это одно обстоятельство должно было несомненно вызвать значительные неправильности в отклонениях от курса судна.

«Что же касается другого аномального отклонения, то оно несомненно стоит в связи с близостью Земли Франца-Иосифа. Длительные юговосточные ветры прижимали льды к Земле Франца-Иосифа и заставляли их возвращаться обратно по круговой линии. Наиболее простым предположением было бы то, что здесь действовало морское течение, но можно думать, что в этих областях пути льдов, а следовательно иногда и кораблей, зависят также от направления преобладающих ветров, от наличия комплексов суши или более или менее твердо ставшего льда.

«Распределение ветров по материалам Вейпрехта, содержащим почти двухлетний ряд наблюдений, показывает, что в южной части посещенного моря преобладают югозападные, а в северной части северо-восточные ветры.

«Если бы к востоку от Земли Франца-Иосифа море оказалось свободным от значительных островных комплексов и земель и представляло бы большую, лишенную суши область, то ветры, свободные от влияния со стороны суши, должны были бы в северной части рассматриваемого участка моря сохранить свое северо-восточное направление, представляя собой, сказал бы я, своего рода полярный северо-восточный пассаж.¹ Если верно, что к северу от 78° и 79° северной широты преобладают северо-восточные ветры и одновременно к югу от них дуют главным образом ветры югозападного направления, то предположение о наличии течения пришлось бы отбросить и признать круговорот льда, совершающийся в зоне сменяющихся ветров. Круговорот этот имел бы направление, обратное часовому, что характерно для круговорота ветров, констатируемого на основании материалов Вейпрехта. Общая кривая отклонения вполне соответствует этому допущению.

«Эти предположения должны будут получить свое окончательное подтверждение, когда станет возможным произвести наблюдения над ветром к югу от 79° северной широты в то самое время года, когда «Тегеттгоф» производил их к северу от нее.

¹ Предположения Вюллерсторфа блестяще оправдались открытием Северной Земли в 1914 и 1930 годах. — Примеч. переводчика.

«В пользу допущения существования морского течения говорят следующие аргументы: первоначальное отклонение курса довольно близко совпадает с направлением, которое имеет огибающая северную Норвегию и устремленная сюда струя Гольфштрема. Дальнейший же путь курсовой кривой может совпадать с течением, идущим из Карского моря между Новой Землей и Таймыром. Это течение пока еще требует более подробного изучения, но существование его несомненно.

«Наблюдающиеся уклонения от направления ветров нельзя объяснить простым наличием земель, приходится допустить, или что одновременное преобладание различных направлений ветра вызывает в этом море постоянное вращение льдов, или что существуют течения, которые по большей части констатированы в соседних частях моря и, следовательно, должны в какой-то степени проникать и в этот сравнительно небольшой участок моря, находящийся в промежутке между Новой Землей и Землей Франца-Иосифа».

Вюллерсторф делает из этого и прочих данных следующие выводы:

«1. Существование морского течения в части моря, расположенной между Новой Землей и Землей Франца-Иосифа, имеет некоторые вероятия; во всяком случае его нельзя отрицать, даже если подобные явления могут вызвать господствующие ветры.

«2. Существование значительных морских пространств к северу и северо-востоку от восточной части Новой Земли вполне вероятно».

В обязанности мичмана Орела входило измерение глубин, которое производилось им в летние месяцы. Измерения показали незначительность глубин к северу от Новой Земли и особенно в направлении к Земле Франца-Иосифа. Одна банка,¹ над которой нас пронесло летом 1873 года, была исследована нами с помощью трала, давшего нам главнейший материал по морской фауне. При работах с лотом Орел имел возможность произвести также измерения температуры моря и констатировать незначительное повышение ее по направлению от поверхности ко дну. При этом он пользовался минимальным и максимальным термометрами Казелла. Морское дно состояло поочередно из ила и гальки. Пробы грунта были добыты при работах с лотом. Приводятся измеренные лотом глубины:

¹ Банкой называется отмель, скрытая под водой. — Примеч. переводчика.

Время	Метры	Время	Метры
1872 год		15 июня	
20 июля	400	16 "	161
28 "	115	17 "	184
31 "	250	18 "	222
3 августа	130	19 "	200
4 "	80	20 "	186
22 "	36	21 "	220
30 "	170	22 "	195
16 сентября	100	23 "	200
25 "	90	24 "	169
29 "	85	25 "	178
30 "	190	26 "	195
2 октября	170	27 "	220
9 "	450	28 "	227
14 ноября	345	29 "	233
		30 "	240
1873 год		1 июля	240
28 января	510	3 "	245
27 марта	450	4 "	250
28 апреля	350	5 "	235
17 мая	230	6 "	235
18 "	187	7 "	274
19 "	172	8 "	266
20 "	163	9 "	250
21 "	138	10 "	250
22 "	186	11 "	236
23 "	162	12 "	265
24 "	177	13 "	247
25 "	182	14 "	215
26 "	186	15 "	195
27 "	249	16 "	184
28 "	251	17 "	200
29 "	254	18 "	240
30 "	253	19 "	232
31 "	256	20 "	231
1 июня	238	21 "	231
2 "	210	22 "	226
3 "	183	23 "	198
4 "	207	24 "	205
5 "	200	25 "	216
6 "	198	26 "	218
7 "	190	27 "	218
8 "	215	28 "	236
9 "	231	29 "	260
10 "	203	30 "	236
11 "	240	31 "	234
12 "	218	1 августа	225
13 "	211	2 "	219
14 "	235	3 "	173
		4 "	188

Время	Метры	Время	Метры
5 августа	210	1 сентября	260
6 "	107	2 "	142
7 "	216	3 "	212
8 "	184	4 "	215
9 "	244	5 "	178
10 "	225	6 "	188
11 "	209	7 "	204
12 "	214	8 "	250
13 "	189	9 "	240
14 "	177	10 "	218
15 "	170	11 "	168
16 "	170	12 "	127
17 "	174	13 "	132
18 "	148	14 "	137
19 "	152	15 "	111
20 "	138	16 "	134
21 "	130	17 "	178
22 "	131	18 "	175
23 "	128	19 "	275
24 "	145	20 "	300
25 "	140	21 "	220
26 "	185	22 "	188
27 "	219	24 "	237
28 "	180	25 "	325
29 "	132	28 октября	165
30 "	211	31 "	210
31 "	197		

НОВЫЕ ЗЕМЛИ

Конец августа прошел в охоте на тюленей. В наступающую зиму мы должны были опасаться цынги, избежать которой мы могли только употребляя свежее мясо. Изю дня в день, раскинувшись цепью вдоль трещин по краю нашей льдины, охотники караулили зверя. Обычно по вечерам собаки увозили на судно несколько тюленей. К сожалению, во время этих охот часто случалось, что убитый тюлень тонул.¹

¹ Тюлень тонет после того, как из легких выходит последний пузырь воздуха. — Примеч. автора.

Почти все встречавшиеся нам экземпляры принадлежали к гренландскому виду тюленя. Моржей мы не встретили ни разу. Один только раз видели стаю белух, вынырнувшую в одной полынье и повидимому случайно забредшую сюда.

При ловле тюленей мы пользовались легкой лодкой из водонепроницаемой парусины. Чтобы вытащить тюленя из воды, достаточно было двух человек. Многие из нас стали настоящими гарпунерами. До конца сентября мы добыли таким образом около сорока тюленей. Кроме того стреляли птиц и приблизительно каждую неделю убивали по одному медведю. Работа на воздухе и улучшенное питание привели к выздоровлению всех больных, кроме страдавшего болезнью легких машиниста Криша и нашего плотника, у которого с середины июля болели ноги — следствие цыгги.

Сплошная пелена глубокого и мягкого снега, доставлявшая нам до сих пор столько хлопот, почти совсем исчезла к началу осени. Поверхностные слои льда превратились вследствие постоянного испарения в массу, напоминающую крепкий фирновый снег. Для нас было необычно ступать твердо, а не тащиться, глубоко увязая в снегу. Только бесчисленные маленькие озерки на поверхности льдин представляли еще затруднения для ходьбы, так как вынуждали к постоянным обходам. Во всех этих явлениях сказывалось приближение зимы. Казалось, что из-за постоянного дрейфа к северу нам придется провести эту зиму ближе к полюсу, чем всем бывшим до нас экспедициям.

25 августа, в полночь, солнце впервые закатилось. Время, остающееся до полного исчезновения солнца, можно считать ледовитоморской осенью. Свет настолько померк, что в наших помещениях стало по ночам темно, а с 19 июля необходимо было зажигать свечку для ночного чтения. 29 августа пошел дождь и снег. Поднявшийся северный ветер превратил воду в лед, который покрыл корабль сверху до низу. Такелаж оброс дюймовым слоем льда. Куски, весом до фунта, обрушивались на палубу, создавая опасность для проходящих по ней. Несколько раз повторялось оледенение корабля. Наконец, все окончательно застыло, и в наступающей полярной ночи тросы и мачты казались лучами, блиставшими серебром в свете луны.

Лето кончилось. Оно предвещало нам свободу. С чувством тяжелого разочарования шли мы навстречу второй зиме. Нам казалось, что она готовит экспедиции унижение, так как все наши начинания ни к чему не приведут. И вместе с тем мы еще раз убедились, как велика способность человека переносить лишения, если они приходят не сразу, а посте-

пенно. Еще несколько месяцев тому назад для нас была бы невыносимой мысль о том, что нам суждено будет остаться в этой клетке. Теперь же это стало действительностью, и все же мы остались живы. И вот, каждый раз, когда мы выходили на палубу и обозревали окружающую пустыню, нас охватывала мысль о грядущем. В отчаянии представляли мы себе, как не позднее чем через год мы вернемся на родину и единственным результатом наших работ будет проложенный на карте дрейф «Тегетгофа». И как раз теперь, когда никто больше не верил в реальность наших старых планов, осуществление их было совсем близко.

Достопамятен был день 30 августа 1873 года (79°43' сев. широты и 59°33' вост. долготы): он принес нам такую неожиданность, какая могла бы сравниться разве только с возрождением к новой жизни — так она была велика. Было около полудня. Мы стояли облокотившись на борт и смотрели в облака тумана, между которыми изредка проскакивал солнечный луч, как вдруг заметили в одном из таких промежутков далеко на северо-западе суровые скалистые горы. Через несколько минут перед нашими глазами предстала в солнечном сиянии прекрасная альпийская страна! В первое мгновение все замерло точно прикованные к месту и не верили глазам. Убедившись в действительности нашего счастья, мы радостно, громко закричали: «Земля, земля, наконец-то земля!»

Весть о сделанном открытии моментально разнеслась по всему судну. Больных не стало, все выбежали на палубу. Правда, мы достигли этого не собственными трудами. Нас привела сюда счастливая случайность. Все же казалось возможным, что нам самим удастся изучить размеры и строение этой страны, так сказочно появившейся из ледяных недр перед нашим взором. Особенно тяжело нам было сознавать свою зависимость от льдины. Мы страшно жалели об отсутствии тихой зимней стоянки, которая позволила бы нам спокойно заняться исследованием земли. Сейчас о посещении открытой страны нечего было и думать. Каждый, покинувший льдину, был бы отрезан от корабля и несомненно погиб бы. И все же ждать мы не могли. Полные нетерпения бросились мы через ледяное поле по направлению к земле, хотя и знали, что бесчисленные трещины отделяли нас от нее. По приходе на край льдины, на расстоянии четырех миль от судна и около пятнадцати от ближайшего берега, мы взобрались на ледяной холм и стали рассматривать расположение гор и глетчеров загадочной страны. Мы пробовали представить себе покрытые ивняком долины, населен-

ные северным оленем, живущим здесь в довольстве вдали от всяких врагов.

Тысячелетия миновали, а человечество ничего не знало о существовании этой земли. Открытие ее было наградой кучке неудачливых моряков за силу их надежды и выдержку в период тяжелых испытаний. Эта кучка людей, наверно считавшихся на родине погибшими, дала новооткрытой стране имя Земли кайзера Франца-Иосифа.¹

С этих пор не было минуты, которую мы не посвящали бы этой таинственной стране, и разговоры наши состояли преимущественно из предположений, что представляют собой те или иные туманные образования на горизонте — горы ли это, острова или ледники. Напрасно было наше старание решить вопрос о величине открытой земли. Начиная с перво-усмотренного возвышения, получившего название мыса Тегетгоф, до туманных очертаний на северо-востоке, длина ее была около одного широтного градуса. Однако, ввиду того, что южная оконечность земли была от нас очень сильно отдалена, не было возможности представить себе, хотя бы приблизительно, топографию даже близерасположенных частей суши. Появление айсбергов во все возраставшем в течение последних недель количестве объяснялось происхождением их от ледников обнаруженной нами гористой земли. Только эти айсберги могли служить показателями ее размеров и мощности оледенения.

В конце августа и в начале сентября северные ветры отеснили нас немного к югу, вследствие чего видимые очертания земли изменились и уменьшилась их ясность. Но в конце сентября нас снова отнесло на северо-восток, где мы достигли 79°58' северной широты, наиболее высокой, какую достиг «Тегетгоф» во время дрейфа льдины. Мы увидели перед собой в отдалении 12 миль группу островов (Гохштеттеровы о-ва). Ясно выступали их скалистые края. Казалось, что представилась благоприятная возможность достигнуть земли форсированным маршем. Думалось, что эта первая оказия может оказаться последней; ведь легко было предположить, что в течение самого ближайшего времени

¹ Земля Франца-Иосифа находится в Полярном секторе СССР. В 1929 г. советская правительственная экспедиция под начальством О. Ю. Шмидта основала здесь постоянную гидро-метеорологическую станцию. От имени правительства СССР Земля Франца-Иосифа была в 1926 году объявлена особым правительственным актом входящей в состав Союза. Впоследствии ставился вопрос о переименовании Земли Франца-Иосифа, но пока еще она носит имя, данное ей экспедицией Вейпрехта и Пайера. — Примеч. переводчика.

неблагоприятные ветры отгонят нас прочь вне пределов видимости земли.

Шестеро из нас покинули родную льдину и доверились коварству, затаенному во всяком движении льдов. Восточные ветры, господствовавшие в последние дни, загнали прибрежный лед на сушу. Возникшие при этом сжатия раздробили все окружающие льдины и сильно уменьшили также и нашу глыбу. Со стремительной поспешностью бежали мы через скрипящие гребни обломков льда. Наше рвение было так велико, что мы не обращали никакого внимания на неоднократные провалы в воду кого-нибудь из нас. Каждый стремился добраться до земли, до той земли, которая нам не могла дать ничего, кроме возможности оказаться отрезанными и кроме удовлетворения нашего любопытства. Мы прошли уже около половины пути и давным давно потеряли из виду наш корабль, как вдруг налетел туман и заслонил собой все кругом. Глыбы льда казались во мгле высокими горами. Земли мы тоже не видели больше, и в конце концов нам оставалось только повернуть обратно. На этом нелегком пути даже компас оказался мало полезным. Запутавшись посреди валов свежеразломанного льда, мы потеряли наш прежний след, а одновременно с этим и ориентировку, так как она зависела не столько от общего направления, сколько от точного знания переходов и того пути, который привел нас сюда. Мы пошли в неверном направлении и сохраняли его несмотря на то, что наш следопыт, Юбинал, постоянно с лаем возвращался обратно. В тумане собака казалась чудовищем и не трудно было принять ее за медведя. Чего не могла совершить вся мудрость нас шестерых, то удалось инстинкту животного. В конце концов, измученные, мы представили ему право предводительствовать нами. Вскоре Юбинал действительно вывел нас на прежний путь и доставил к судну.

ОХОТА НА МЕДВЕДЯ

Ни одна из предыдущих полярных экспедиций не располагала столь обильным материалом по белому медведю, как Австро-венгерская. Мы убедились в том, что белый медведь представляет собой подлинного жителя Ледовитого океана,

обитающего среди льдов и почти не связанного с землей. Мы подсматривали за его жизнью в зимних берлогах на суше и наблюдали за ним в море, как он неутомимо странствует по необозримым ледяным просторам. Мы пришли в результате нашего знакомства с нравами белого медведя к выводу, что распространенное мнение, будто он впадает в зимнюю спячку — неправильно.

Мало какое животное способно так долго выносить голод, как медведь. Нередко приходилось нам встречать его на огромных расстояниях от суши. Такие звери оказывались совершенно лишенными жира. Повидимому они бродили целыми неделями с пустым желудком, испытывая жестокие муки голода. Никакое расстояние не кажется для белых медведей чрезмерно значительным. Ловкость, с которой они бегают через торосы, напоминает проворство зайцев, скачущих через поля. Хотя белые медведи могли бы охотиться по всей арктической области, но, повидимому, они избирают для этого определенные территории или части морей.

Медведь-самец покидает самку вскоре после окончания брачного периода, предоставляя ей заботу о потомстве. В силу этого всякая группа медведей состоит почти всегда только из медведицы и нескольких медвежат. Брачный период белых медведей, повидимому, не так тесно связан с определенным временем года, как у других животных. Мы встречали совсем молодых зверей в течение всего года.

Всего экспедицией было убито и съедено 67 белых медведей. Общее число медведей, повстречавшихся нам и служивших предметом охоты, на много превышало сотню. Мне кажется поэтому, что наш опыт достаточен для того, чтобы мы могли считать себя компетентными в вопросе о характере этих животных. При этом необходимо, однако, сделать одну оговорку. Дело в том, что, сравнивая поведение белых медведей в этом районе с поведением их во время моих многочисленных встреч с ними во второй германской экспедиции к берегам Гренландии, я убедился в резко противоположном характере его. Эта разница состоит не только в степени хищности медведей обоих районов, но и в силе и величине животных. Только этим можем мы объяснить существующие противоречия в рассказах о нраве белого медведя, иногда изображаемого трусливым, иногда же диким и хищным зверем. В силу традиции сохранился взгляд, внушенный еще Баренцом, описывавшим белого медведя как крайне опасное животное, не боящееся людей, разорвавшее двух человек и неоднократно нападавшее на экипаж чуть ли не на борту самого корабля. При встречах с медведем в Гренландии мы ни-

когда не могли угадать, как он себя поведет. Такая неопределенность и отдельные смелые нападения медведей на человека научили нас соблюдать крайнюю осторожность. Наше уважение к тамошнему белому медведю увеличивалось еще из-за его гигантского роста, достигавшего 7—10 футов. Белые медведи в районе между Новой Землей и Землей Франца-Иосифа оказались не только много мельче гренландских (от 5 до 8½ футов), но и охота на них протекала, как правило, в форме, обеспечивающей заранее полнейшую безопасность.

Почти все медведи, не считая тех, что стали нашей добычей уже во время позднейшего санного путешествия, были убиты с корабля или в непосредственном соседстве его. Это обстоятельство объясняет большую осмотрительность, обнаруживаемую здешними медведями. Подбираясь к кораблю, они избирают окольные пути. Когда, мучимые голодом и любопытством, медведи подходили наконец к судну, их встречал залп выстрелов и дикие крики. Люди бросались в атаку, и медведь, будь он ранен или нет, торопливо убегал. Такое бегство зверя во многих случаях было несомненно результатом простой неожиданности. Совсем иначе вели себя медведи во время санного путешествия и вообще во всех тех редких случаях, когда с ними приходилось встречаться наедине. В этих случаях в поведении приближающегося зверя всегда чувствовалось наличие очень определенных намерений.

Многочисленные медвежьи охоты минувшего лета были богаты интересными моментами, и поэтому я считаю необходимым рассказать о них в отдельной главе, избегая таким образом перерывов и повторений в дальнейшем моем повествовании.

Каждое появление медведя вблизи судна вызывало на борту всеобщий переполох. Лишь со временем выработался некоторый стандарт поведения. Охота, однако, никогда не приобретала характера планомерно организованного нападения. Порядок бывал обычно следующий: завидевший зверя вахтенный стучал ногой по палубе, и все находившиеся внутри судна, спешили по этому знаку наверх, на охоту. Так как только Вейпрехт и я имели собственные ружья, то среди остальных начиналась борьба за обладание семью лучшими винтовками, размещенными в стойке вместе с остальными. С поднятым курком и направленным вперед дулом, дрожа от волнения и страха опоздать, карабкались люди на палубу и ползали здесь в поисках выгодного прикрытия. Медведя подпускали шагов на восемьдесят, после чего кто-нибудь из более метких охотников нажимал курок, а за ним и все

остальные. Чаще всего решающим бывал первый выстрел, а стрельба, направленная вслед убегающему медведю, обычно оказывалась бесполезной. Все же редко случалось убить медведя наповал с первого выстрела. Но даже когда медведь был уже мертв, всегда находились недоверчивые люди, старавшиеся всадить в него лишнюю пулю. После этого теплый труп подвергался свежеванию. Легкие и четыре ляжки предназначались для общего стола, язык преподносился доктору, а сердце получал повар. Кровь медведя шла на пользу цынготным больным, позвоночник и ребра бросали собакам. Вредная для здоровья печень выбрасывалась в воду, мозг шел на стол в кают-компанию, а жир отправлялся в специальную бочку.

Достойную признания осмотрительность обнаружил медведь, приблизившийся к судну 19 июня всего лишь на триста шагов, а затем два медведя, посетившие нас дня два спустя. Эти оба медведя отнеслись с видимой опаской к шуму, царившему на корабле, и повернули обратно. Несколько горячих охотников бросилось вслед за ними, но животным удалось скрыться. 24 июня один медведь подошел вплотную к судну и был здесь убит. Спустя несколько часов оказалась медведица, которую мы решили встретить в трехстах шагах от судна. Она бросилась на лейтенанта Вейпрехта. Он выстрелил и промахнулся. Не останавливаясь она двинулась дальше и подошла на расстояние 15 шагов. Я стоял за Вейпрехтом, заряжавшим ружье, и ранил медведицу в грудь. Хотя рана, причиненная разрывной пулей, была смертельна, но зверь все же поднялся и бросился прочь через глубокий снег и торосы, оставляя за собой широкий кровавый след. Мы побежали за ним, и вскоре нам удалось настигнуть его, так как раненый зверь часто падал в пути. Длина медведицы оказалась равной 2 м 8 см. Длина убитого ранее медведя была только 1 м 75 см.

Встреча с медведем 7 июля показала исключительную живучесть белого медведя и опасность, которую он представляет для неосторожного и тем более невооруженного человека, даже будучи тяжело раненым. Крик «медведь!» оторвал нас от обеда. Через несколько минут за бортом корабля и отдельными торосами выстроилось около десяти человек охотников. Медведь, шедший, как всегда, против ветра, приближался медленно и нерешительно, избирая тысячи околных путей. С расстояния пятидесяти шагов медведь был ранен Брошем и тирольцами в грудь и в переднюю лапу. С ревом упал он и покатился по снежной поверхности. Поспешно бросились мы к нему, как вдруг он дернулся всем

телом и стремительно пополз через глубокий снег по направлению к торосам, за которыми спрятался Галлер. Я выстрелил с близкого расстояния, и медведь молниеносно повернулся ко мне. Несмотря на то, что он работал только задними лапами, он скоро подполз ко мне так близко, что я поспешно выстрелил. Ружье дало осечку, и я бросился в сторону с намерением зарядить его снова. Но движения медведя были так быстры, что он нагнал меня раньше, чем я приготовился к выстрелу. Галлер спас меня тем, что с расстояния шестидесяти шагов пробил медведю голову. Длина его равнялась 2 м 30 см. Эта охота показывает, насколько небезопасна встреча одиночного охотника с атакующим его с близкого расстояния медведем. В таком положении нельзя успеть перезарядить ружье¹ и снова точно прицелиться. Поразительная быстрота движений медведя, кажущегося обычно тяжеловесным, делает невозможным точный прицел, от которого зависит все.

На следующий день явилось три медведя, из которых два были убиты почти сразу, а третьего удалось подстрелить бросившемуся вслед за зверем Галлеру. Это произошло в тот момент, когда медведь обернулся, чтобы посмотреть, почему отстают его оба товарища. Медведица была 1 м 80 см в длину, а медвежата 1 м 60 см и 1 м 30 см. Спустя три дня опять явился медведь, но его спугнули, и он убежал. 13 июля Клотц сделал свой классический выстрел, попав медведю в сердце.

В результате этих охот наш запас свежего мяса заметно увеличился. Уже в начале июля у нас числилось 27 медвежьих ляжек, средний вес мяса которых был около тридцати фунтов. Три раза в неделю мы съедали по ляжке. Наши потребности были удовлетворены до конца августа. Также увеличились запасы мяса и для собак. Пропитание их, казавшееся нам таким трудным в начале прошедшей зимы, теперь не стоило ничего. Количество вещал с медвежьими остатками, расставленных вокруг судна, постоянно возрастало. На них сушилось мясо дюжины медведей. Избыток свеженины привел к небрежному и расточительному отношению к ней. В летнее время мясо приходилось закапывать глубоко в лед, чтобы избежать его порчи. Однако, не всегда это производилось с достаточной тщательностью, в результате чего мы однажды обнаружили потерю двухсот

¹ Во времена Пайера еще не существовало многозарядных винтовок.—Примеч. переводчика.

фунтов мяса, отчасти протухшего, отчасти расхищенного собаками.

Но этот убыток был скоро возмещен. 1 августа мы убили старую медведицу двух метров длины. Было трогательно наблюдать за медвежонком, как он ласкал свою мать, касаясь ее мордочкой, стараясь помочь ей подняться и оградить от нападения наседавших собак. Малыш упал, убитый несколькими выстрелами.

4 августа Галлер убил медведя, 6-го охота была неудачной, а 11-го снова удалось ранить и убить одного зверя. Спустя три дня мы заметили медведя, плывущего к нам через озерко растаявшего льда. Он вылез из воды и побежал по льду, а широкие расщелины перепрыгивал с ловкостью кошки. На этот раз мы решили понаблюдать за зверем и пошмотреть, осмелится ли он подняться на корабль. Но кто-то выстрелил; пуля пролетела мимо, последовал еще ряд промахов, и медведь убежал.

Нередко мы пользовались хитростью, принятой у зверобоев, поджаривающих на жаровне куски сала для привлечения белых медведей иногда с очень далеких расстояний. Возможно, что именно этим способом удалось заманить двух медведей, явившихся 20-го ночью. Но медведи даже не повернули головы в нашу сторону и прошли мимо. Спустя шесть дней показался опять медведь, совершенно игнорировавший наше присутствие. Мы отправились ему навстречу, но вернулись ни с чем. Таким же образом убежали еще три медведя, отделавшиеся от нас лишь легкими ранениями.

Как правило, медведицы проявляют в присутствии медвежат большую нерешительность поведения. Несколько необычной была поэтому встреча с одним медвежьим семейством, удивившим меня своим настойчивым характером. Я отъехал на собачьих нартах около мили от судна к полынье, на которой наши охотники сторожили тюленей. Эта охота требует такого терпения, которым я не обладаю, и поэтому я отправился с собаками один для осмотра другой, большей полыни. Тюленья охота — излюбленное занятие собак, но при этом нужно строго следить за ними, так как, завидя черную голову вынырнувшего тюленя, собаки всегда готовы броситься в воду вместе с нартами и находящимися на них ружьями. Я приближался к группе торосов, как вдруг увидел в восьмидесяти шагах от себя выскочивших трех медведей, мчащихся во весь опор по направлению ко мне. Бегство было немыслимо, так как пришлось бы пожертвовать собаками, среди которых к тому же возникли острые разногласия относительно дальнейшего образа действий. По счастью

я успел схватить свое ружье, повернуть нарт, несмотря на сопротивление собак, и опереть ствол на их спинку. Я нажал курок в момент, когда самый крупный из медведей был в двадцати шагах от меня. Случайно я попал в легкое, медведь с ревом свалился и сразу издох. Остальные два медведя обратились в бегство и поплыли обратно через канал. Собаки с остервенением набросились на мертвую медведицу и стали вырывать клочьями ее шерсть. Юбинал и Сумбу прекратили свой лай только тогда, когда им предоставили тащить медведя к судну.

Тем временем убежавшие медведи вернулись обратно и шагали в некотором отдалении, следя за транспортировкой их матери. Впоследствии один из них был убит вблизи судна, а второй убежал, преследуемый Сумбу. Мы вынуждены были в темноте следовать за ним, пока по разошедшимся следам не угадали, что Сумбу повернул обратно к судну. Этой же ночью был убит огромный медведь длиной 2 м 41 см. Длина его головы составляла $\frac{1}{2}$ м, а задних лап $1\frac{1}{2}$ фута. Он был так жирен, что поперечники его тела и толстых ног представляли почти правильные круги.

15 сентября мы упустили медведя, но четырьмя днями позднее, почти темной ночью, повстречали другого и устроили на него охоту. Медведь, подошедший близко к судну, сначала проявил интерес к саловарне, устроенной Карлсеном, а потом направился через ледяной вал и обнюхал установленный там штатив. Одновременно грянуло четыре выстрела. Медведь исчез. Вейпрехт и я отправились к месту, где мы в последний раз видели медведя. Но раньше еще, чем мы поднялись на ледяной вал, мы увидели его наверху. Он наполовину приподнялся, вытянул к нам голову, злобно заворчал и несомненно приготовился прыгнуть на нас. В этот самый момент мы оба выстрелили каждый из одного ствола и попали в цель, несмотря на темноту. Ослепленные снопом огня, вылетевшего из ружейных дул, мы не могли разобрать, что раненый медведь, хотя и свалился с вала, но все еще был жив. Сильная метель помогла ему скрыться. Мы скоро прекратили преследование зверя из боязни не найти обратной дороги на судно. 24 сентября, 12 и 17 октября мы упустили трех медведей. С 3 до 6 октября удалось застрелить одного, длиной в 2 м 20 см. Это был наш двадцать девятый белый медведь. 27 октября я отправился на собаках невооруженный. По счастью повстречавшийся медведь не заметил меня, так как был занят рассматриванием нашего корабля. Мне удалось скрыться, а медведя ранили люди с судна. Впоследствии он был убит.

В течение следующего периода был убит один медведь, а четыре убежали, спугнутые собаками или неосторожным поведением команды.

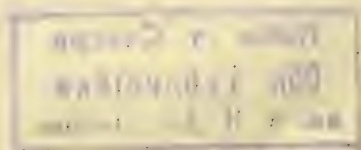
Утром 3 ноября к судну приблизился на десять шагов медведь и принялся пожирать лежащие на льду тюленьи шкуры. Стали стрелять, но промахнулись, и зверь убежал. Днем явился второй, необычайно жирный медведь, которого уложил Брош (длина — 2 м 37 см). Вечером пришел еще один; он бросился вслед за вахтенным, возвращавшимся к судну после производства метеорологических наблюдений. Несколько человек наблюдали за крадущимся зверем и пристрелили его как раз в тот момент, когда вахтенный заметил своего страшного спутника. 4 и 10 ноября охота была неудачной, медведей спугнули. 18-го медведи приходили дважды. Первый был упущен, второго же удалось убить. Этот медведь был 2 м 26 см длины. Ночная охота 20-го была неудачной.

Насколько часто встречались нам белые медведи в течение истекшего лета и осени, настолько редко радовали они нас своим посещением наступившей зимой. Декабрь месяц прошел без единого столкновения с медведями. Лишь во второй половине полярной ночи их визиты участились. 10 января Орел спустился без оружия на лед отсчитывать показания термометров. Находясь у подножия снежной лестницы, он вдруг увидел подбегающего к нему медведя. Быстро сообразив об опасности, Орел бросил в него фонарь, а сам убежал на палубу, схватил ружье и прицелился. Вторым выстрелом он свалил медведя. Длина зверя была 2 м 30 см. Он был очень жирен, хотя желудок был пуст.

6 февраля во время еды мы были подняты вахтенным и выбежали на палубу. В ста шагах от нас стоял медведь, на которого уже набросились наши собаки. Неопытный Торос был с ними. Простодушная манера, с которой он, помахивая хвостом, бежал навстречу медведю, говорила о том, что это первый медведь, которого он узнал. В этих условиях я предпочитал лучше потерять медведя, чем собаку. Поэтому я выстрелил, несмотря на большое расстояние. На этот раз, благодаря случаю, выстрел раздробил животному позвоночник. Преследуемый собаками, он свалился, протачившись около сотни шагов по снегу. Наши псы стали по отношению к медведям настолько нахальны, что не соблюдали никакой осторожности при встрече с ними. 20 февраля мы увидели собак, собравшихся у подножья снеговой лестницы и отчаянно лающих на медведя, подошедшего к ним на двадцать шагов. Мы не решались стрелять, так как собаки и медведь

„Тегеттгоф“ при луне.

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

пришлись на одной линии. Впоследствии этот медведь был убит; он пришелся очень кстати, так как мы давно уже не видели свежего мяса

ОСЕНЬ И ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЗЕМЛИ

Осень 1873 года была необыкновенно мягкой, хотя вместе с тем бурной и пасмурной.

До 20 сентября термометр ежедневно опускался на несколько градусов ниже нуля. Временами шел дождь. Только в конце месяца минимальная температура дня опустилась еще ниже (-8°P до -12°P), благодаря чему средняя месячная температура понизилась до $-3,3^{\circ}\text{P}$. Мягкий характер осени был связан, возможно, с сильным отступлением границы льда; кроме того, он мог быть вызван наличием чистой воды, образовавшейся среди дрейфующего льда где-нибудь вблизи от берега. Это было тем вероятнее, что с нашего судна мы почти не видели земли из-за постоянно нависающих над ней сине-черных туч, свойственных обычно только более южным широтам. Частые снегопады скоро одели нашу окрестность сплошным белым зимним покрывалом. Начали появляться боковые солнца, обычные предвестники пурги. Уже в начале августа бесчисленные маленькие озерки на льду ночью стали затягиваться молодым ледком. В конце месяца этот ледок не оттаивал даже и днем. Полюньи покрылись салом, а с краев — довольно крепким льдом. Горы льда и снега, окружавшие раньше наше судно, совсем исчезли, и корабль торчал из льда совершенно одиноко. Корма его возвышалась на семь футов выше ватерлинии, а весь корпус поднимался на высоту четырнадцати футов над окружающей снежной равниной. Мы были вынуждены взяться за сооружение высоких ледяных лестниц по обе стороны корабля.

7 сентября Вейпрехт распорядился прекратить работы по освобождению судна.

Опыт минувшего лета убедил нас в том, что в следующее необходимо будет оставить наш жалкий корабль и попытаться достигнуть европейских берегов с помощью нарт и шлюпок. К такому решению нас побуждало сознание почти

полной бесполезности дальнейшего пребывания на судне, а также не совсем благополучное состояние здоровья экипажа.

Единственно, что беспокоило нас, это вопрос, удастся ли нам до лета обследовать загадочную страну, лежащую к северу от нас. С прекращением работ на свежем воздухе увеличилось и число больных. Криш, Вечерина, Фаллезих и Пальмих в течение всей зимы страдали цынгой. Сырая погода в результате периодических подъемов температуры всегда вызывала у Криша бредовые явления.

Возвращение в Европу в будущем году стало в силу этого неизбежным, хотя оно и не было еще официально включено в нашу программу. Доставка лодок через размягченные снеговые поля казалась легче осуществимой с помощью особых широких лыж, чем на глубоко врезающихся в снег нартах. Поэтому подготовительные работы были начаты уже теперь. Первые лыжи были готовы 2 сентября.

Дневной свет меркнул все больше. 9 сентября солнце зашло уже в 8 ч. 30 м., и впервые мы опять увидели на небе звезды. Начиная с середины сентября лампы в помещениях горели в течение всей ночи. Птицы стали появляться реже, хотя еще не совсем покинули нас, так как кругом оставалось много чистой воды. Кайры и чистики, однако, исчезли уже совершенно. Только белая чайка, обычная серая и широкохвостый поморник оставались пока еще с нами. Однажды нам удалось подстрелить также розовую чайку, известную до сих пор только из Северной Америки и Исландии.¹ 28 сентября мы увидели последнюю пуночку.

22 сентября было первое северное сияние этого года. В наступающей зиме свет его отражался уже не только от льдин Ледовитого моря, но и от скал далекой Земли Франца-Иосифа. Мы радовались, что дрейф не отнес нас далеко от земли. 5 сентября впервые загорелась полным светом поднявшаяся над горизонтом круглая луна.

Минувшая зима отличалась по большей части штилевой погодой или слабыми ветрами и незначительным снегопадом. Наступившая зима, напротив, была богата штормами и снегом. Преобладали северные ветры. В октябре дули преимущественно северо-восточные ветры; они сменялись северо-западными, которые преобладали в начале ноября. Первая половина декабря отличалась опять-таки главным образом северо-восточными ветрами. В течение этих трех месяцев наблюдалось постоянное падение температуры. Средняя ме-

¹ Розовая чайка принадлежит к исключительно редким птицам. Гнездовья ее были впоследствии открыты Бутурлиным в устье реки Колымы на Сибирском побережье.—Примеч. переводчика.

сячная температура была последовательно -14° , $-21,2^{\circ}$, -23° Р; максимальная -3° (2 октября), $-6,2^{\circ}$ (17 ноября), -10° Р (21 декабря); минимальная -23° (19 октября), $-31,8^{\circ}$ (20 ноября), -34° Р (16 декабря). В середине декабря температура в течение шести дней опускалась ниже 30° Р. В такой мороз обычно бывал штиль.

Непрерывные северные ветры отогнали во второй половине октября нашу льдину к юго-западу. Чем ближе подносило нас к земле, тем сильнее шло разрушение ледяных полей вокруг нас, происходившее в результате столкновения с неподвижным берегом. От постоянных толчков наша льдина сильно уменьшилась. 1 октября подул резкий восточно-северовосточный ветер и продвинул нас так близко к берегу, что мы попали в самую середину хаоса. Наше поле растрескалось, и размеры его под постоянным давлением так сильно сократились, что расстояние от судна до края льдины, равнявшееся 1 октября 1300 шагам, уменьшилось 3 октября до 875 шагов, а 6 октября до 200 шагов. Глядя с верхушки мачты, мы не видели ничего, кроме нагроможденных в беспорядке льдин, страшного смещения гор и долин и нашего поля, представлявшего собой чуть ли не единственный кусочек ровной поверхности. Все меньше становилось поле, все ближе подкатывал к нам громохочущий вал скрипящих и звенящих обломков льда.

К 15 октября поперечник льдины сократился до нескольких сот шагов по всем направлениям. В этот день мы снова слышали знакомое щелканье и потрескивание в дереве. Звуки эти страшно раздражают, так как они вызывают напряженнейшее ожидание, что вот-вот лед около судна расколетсЯ на части. Вернулись дни бесконечных волнений, возобновилось положение постоянной готовности к самому худшему. Мы опять приготовили свои аварийные мешки. Земля, к которой мы так стремились, была перед нами. Но вид ее нас не радовал, так как она казалась недоступной. Повидимому, кораблю нашему суждено будет погибнуть вблизи негостеприимных берегов этой земли. Что тогда делать? Предлагалось много разных планов. Все они были одинаково невыполнимы, начиная с предложения покинуть судно со всем, что удастся унести, и бежать к ближайшему берегу и кончая проектом устроиться на зимовку на вершине стамухи.

Таковы были перспективы, когда 31 октября нас пригнало на расстояние трех миль к невысокому береговому массиву. Здесь мы оказались в окружении айсбергов, среди которых не менее десяти достигали весьма почтенной высоты. Не

знаю, мы ли одни, или айсберги, или все вместе дрейфовали с большой скоростью, как показало пеленгование берега. Если дрейфовали айсберги, то они должны были раздробить все поля на своем пути. Перед лицом опасности, которую они представляли для нас, их красота была забыта. Мы находились тогда на $79^{\circ}51'$ сев. широты и $58^{\circ}56'$ восточной долготы, т. е. как раз на долготе полуострова Адмиралтейства на Новой Земле. Здесь, вдалеке от всякого пристанища, нам было суждено провести целую зиму.

1 ноября утром мы стояли и смотрели на землю, видневшуюся в тумане. Ясность, с которой в этот день вырисовывались ее скалистые гребни, позволила предположить, что попытка пробраться на землю, не подвергая себя особой опасности оказаться отрезанными, на этот раз могла бы удасться. Полные дикого возбуждения, мы стремительно карабкались и перепрыгивали через ледяные валы. За этими валами, достигавшими иногда высоты 50 футов, протянулась равнина, шириной в две мили. Она состояла из солоноватого молодого льда, лежавшего ровным шестидюймовым слоем, из чего нетрудно было заключить, что еще совсем недавно здесь была вода. Через эту равнину бежали мы со всех ног по направлению к близкой земле. Когда же наконец достигли ее и стали на твердый грунт, нам показалось, что это рай земной, хотя в действительности здесь ничего, кроме снега, скал и смерзшихся камней не было. Мы не чувствовали тогда, что землю печальнее нашего острова трудно было бы отыскать. Он получил имя острова Вильчека.

Наша радость от посещения земли была так велика, что все, что мы здесь находили, вызывало в нас незаслуженные восторги. Мы заглядывали в каждую расщелину между скалами, трогали руками каждую каменную глыбу. Мы восторгались самыми обычными формами и контурами. Первым вопросом, интересовавшим нас, было геологическое строение земли. Порода оказалась состоящей из столчатого долерита. Неописуемо бедной была растительность. Казалось, что она состоит всего лишь из нескольких лишайников. Нигде не нашли мы ожидаемого плавника. Мы думали, что встретим следы оленей и песцов, но, несмотря на тщательные поиски, не обнаружили ничего. Страна казалась лишенной жизни. Мы поднялись на скалистую возвышенность в южной части острова, откуда открылся вид на покрытое льдом море. С вершины его видно было наше судно, и горизонт приходился в нескольких милях позади него. Мы оказались очень восприимчивыми к новым впечатлениям, и по-

тому золотистые испарения, подымавшиеся над горизонтом из невидимой полыньи, казались для нас полными той прелести, какая свойственна ландшафтам Цейлона. Собаки радовались вместе с нами. Торопливо перебегали они с громким лаем от камня к камню, от мыса к мысу.

Как больно было нам от того, что не удалось посетить землю несколько недель тому назад. Тогда мы успели бы обследовать ее. К несчастью уже несколько дней, как солнце надолго закатилось. Дневные сумерки давали нам возможность проводить лишь небольшие экскурсии, которые не могли удовлетворить нас, так как не допускали изучения строения и конфигурации земли. К тому же были все основания к опасению, что продолжающиеся северные ветры к весне угонят нас далеко за пределы видимости земли.

Мы двинулись внутрь этого маленького островка по обледенелому склону, состоявшему из обломков породы, чтобы осмотреть земли, лежащие дальше к северу. Однако мы не смогли этого сделать, так как должны были повернуть обратно из-за все возраставшего опасения оказаться отрезанными от судна. На следующий день мы снова направились к земле. Здесь, на острове Вильчека, мы построили пирамиду из камней, вышиной в шесть футов, вставив в нее один из наших флагов.¹

3 ноября в 8 часов утра, когда было еще совсем темно, несколько человек отправились к глетчеру, замеченному на севере от острова Вильчека по ту сторону замерзшего пролива. С нами были три собаки, запряженные в маленькие нарты. В этот день мы торопились перебраться через серебристо-серую снежную равнину по направлению к единичным айсбергам, горевшим на солнце как драгоценные камни. Сначала мы приняли их за выход ледника и лишь через несколько часов убедились в ошибке. Только когда корабль давно уже исчез из наших глаз, мы увидели настоящий глетчер. В пути нас настигла пурга. Сквозь снег мы смутно различали очертания далеких, уступчатых гор. Нам предстояло пересечь широкую бухту, лежащую впереди этой горной цепи. Вдруг на востоке сверкнула белая лента. Это был выход ледника — цель нашего путешествия. По мере приближения к леднику выход его оказывался все ниже, а

¹ Такие пирамиды, называемые на нашем севере гурьями, служат для мореходов знаками, по которым они узнают свое положение относительно земли. Гурья служит часто местом, где поставившее его судно или экспедиция оставляет какой-нибудь след своего пребывания, начиная с простого названия судна и кончая сведениями о ходе плавания, результатах работ или просьбой о помощи. — Примеч. переводчика.

склон все более пологим. Когда мы после 4-часового похода наконец достигли его, то были поражены тем, что падение ледника составляло всего лишь около 2—3 градусов. Вершины его лежали следовательно на очень далеком расстоянии. Вдоль левого края ледника шла боковая морена. При нашем возвращении на судно уже угасал розовый свет в высоких облаках. Из-за глетчера появилось слабое сияние, и он казался черным, выделяясь на фоне посветлевшего неба. Блеснул луч лунного света, а вслед за ним выплыл огромный сияющий шар, покрывший серебристыми блестками поверхность ледника. Мы шли среди феерического блеска и сверкания, и только скрип наших шагов прерывал торжественную тишину. Нам казалось, что мы — единственные люди во всем мире.

Было уже совсем темно, когда мы подошли к судну. Молодец Карлсен встретил нас на льду, вооруженный на всякий случай ружьем и гарпуном. Во время другой экскурсии (6 ноября при -25°P) мы достигли югозападного мыса острова Вильчека и впервые пересекли восьмидесятый градус северной широты.

Невообразимо пустынными были эти снежные горы, слабо освещенные луной. Говорят о торжественном безмолвии леса, песчаной пустыни и даже спящего города, но ни с чем не сравнима тишина этой страны глетчеров, таинственной и неизвестной.

7 ноября была еще одна вылазка, на этот раз в направлении югозападного берега острова Вильчека. Все эти попытки не дали, однако, желанного результата, так как конфигурация даже ближайших частей земли продолжала быть неизвестной. Поэтому новооткрытая страна осталась до весны такой же таинственной, как и прежде, если не считать южной части острова Вильчека. Нам удалось узнать только то, что к югу от мыса Тегетгоф лед еще совсем недавно вскрылся, тогда как проливы к востоку от него покрыты не вскрывшимся старым льдом. Впоследствии образовывались трещины и полыньи также к югу от нашего судна. В конце октября над ними пролетели последние чайки.

ВТОРАЯ ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Тем временем земля закуталась еще плотнее в свою снеговую шубу. Суровые метели заволокли скалистые хребты. Свет меркнул с каждым днем все сильнее. Лишь изредка загорались высокие обрывы далеких ледников бледнорозовым светом, пронизывающим свинцово-серые сумерки. Наступили холода. Образовывались трещины, и возникали новые полыньи. Морозный пар клубами подымался от них и проплывал над ледяной равниной. Судно и все предметы моментально окружались этими пушистыми облаками, и даже собаки сплошь покрывались инеем. В полдень мы собирались на палубе и смотрели на заходящее солнце, окруженное пылающими вечерними облаками. 5 октября полуденная высота солнца была немного больше пяти градусов. 22-го мы в последний раз увидели половину солнечного диска, приподнятого над горизонтом рефракцией. Все южное небо представляло собой сплошное огненное море, горевшее над холодными неподвижными льдами. Началась долгая ночная пора; окружающая нас пустыня целиком ушла в царство суровой зимы. Все жалобнее пел ветер, гулявший среди ледяного хаоса, все холоднее и темнее становилось кругом.

Несмотря на это вторая зима была несравненно легче предыдущей благодаря спокойной жизни и надежде на лучшее будущее.

Только изредка одиночество наше становилось тягостным. Оно никогда не было полным, так как никто из нас не бывал совсем один. Все мы находились постоянно в окружении остальных. Другие путешественники встречались с эскимосами. Росс¹ жил в обществе ручного лемминга. Хэйс дружил с ручной лисицей. Много разных зверей было постоянными гостями на «Германии» в Гренландии, а у Кэна имелся ворон, который никогда не оставлял окрести судна. Мы были беднее всех, так как располагали только крайне невоспитанными мышами. Девизом нашей команды в хорошие минуты было старинное: хлеба и зрелищ. Стол команды в этом году был лучше обставлен чем в предыдущем, когда мы могли опасаться третьей зимовки и старательно экономили, а что касается зрелищ — их доставляли мыши. Однако, им не удалось завоевать наших симпатий, так как все стремления их были направлены на разрушение. Они уничтожили шарф и две пары чулок Карлсена, съели шарф Фаллезиха и пер-

¹ В третье лето на борту судна у него было четыре ручных лисицы, три зайца и двенадцать северных мышей. У Парри была ручная лисица, убежавшая вместе с цепью.—Примеч. автора.

чатку Клотца, растащили и разорвали чулки еще нескольких. Они бегали везде без всякого страха, сидели за всеми ящиками, жирные и бесчисленные. С падением температуры мыши все больше отступали из трюма и переселялись в помещение команды. Их ловили и выбрасывали на лед. Напрасно старались попавшие сюда хитрые зверьки защитить себя от холода, закапываясь с головой в снег. Спустя несколько минут они замерзали, если не съедались до этого собаками.

В течение последних недель ноября царила непрерывная тьма, так как погода была пасмурная и скверная. С 31 октября уже после 3 часов дня большая часть звезд становилась видимой, а в 4 часа дня наступала совершенная ночь. С каждым днем делалось темнее. Даже луна давала мало света, так как в период убывания она обычно бывала затуманенной.

Я рассчитывал использовать немногие дни полнолуния для путешествия вглубь страны на несколько суток. Но погода была в начале декабря настолько непостоянной, что мне удалось только еще раз побывать на острове Вильчека. Даже эта небольшая вылазка была сопряжена с утрозой отморожения лица или руки во время зарисовок с натуры при свете фонаря, в шерстяных перчатках.¹

В эту зиму мы снова наблюдали явление снежной пыли. Самые ясные ночи тускнели, и звезды казались покрытыми тюлевой занавеской. В лунном свете они слабо мерцали. Снежная пыль, падая на кожу, вызывала пощипывание. Этот непрерывно выпадающий осадок не мало способствовал увеличению мощности снегового покрова. Хотя область наибольших снегопадов лежит дальше к югу, все же мощность снегового слоя достигала в начале марта местами двенадцати футов. Нормальная толщина снега была не менее четырех футов. Вокруг «Тегетгофа» он образовывал глубокие сугробы и ямы, ежедневно меняющие свое положение. Высота снегового покрова все возрастала. К началу весны корабль целиком потонул в снежной пелене. Часто весь воздух бывал наполнен невероятным количеством снежинок. Окружавшее нас безмолвие ощущалось сильнее всего, когда во время пурги начинал стихать ветер, а снег ложился на равнину большими сугробами. Только судно продолжало

¹ Пользуюсь случаем отметить, что все оригиналы, значительно большего размера, чем даны в книге, были исполнены мною на месте, следовательно, были зарисованы с натуры, и что после возвращения в Европу ни один из них не подвергся никаким изменениям.—Примеч. автора.

поскрипывать, еще вздрагивали тросы и потрескивали мачты. Ветер совсем стихал, и последние дуновения его, колебавшие ванты и такелаж, напоминали слабый и боязливый стон. Потом наступала полная тишина.

Мороз все усиливался, проникая в нетопленные помещения.¹ 23 ноября температура была —26° Р.

Наступило 21 декабря — середина полярной ночи, длившейся на этот раз 125 дней. В течение шести недель нас окружала непрерывная тьма. Ледяная ночь давила нас. Глаза блуждали в темноте и невольно обращались к звездам, одинаково ярко горевшим днем и ночью. Человеческая фигура уже на недалеком расстоянии была неразличима. Для того, чтобы нарисовать корабль, я должен был садиться в направлении слабой полуденной зари и усилить этот свет факелами.

На палубе корабля становилось безлюдно. Спокойствие, царившее во льдах, было встречено нами с недоверием. Поэтому Вейпрехт распорядился и на этот раз покрыть палубу парусиновой крышей только наполовину. Несмотря на ежедневную очистку от снега палуба все же покрылась сугробами.

Но и без них здесь было мало места. На палубе находились: большая шлюпка, аварийные запасы провизии, ящики со спиртом, стойка для ружей, заряженных разрывными пулями, собачьи будки и прочее.

Под парусиновой крышей устраивались обычно также те из вахтенных, кто больше всего враждовал с холодом. Они являлись сюда закутанные во все свои одежды, только глаза их оставались непокрытыми. Они катались по палубе словно шарики, и трудно было угадать в них людей. Подобно совам, в белый день прятались они в уголок, защищенный от ветра. Единственный признак жизни такого вахтенного состоял в опоньке его трубки.²

В обязанности палубных вахтенных входило поддерживать прорубь во льду, следить за появлением медведей и ассистировать при наблюдениях над выставленным на лед термометром. После двух часов их служба кончалась. Освободившийся стремглав бросался к себе в кубрик, а на смену приходил другой.

Кроме вахтенных часто можно было видеть на палубе тех,

¹ Уже 24 ноября температура в трюме упала до —8° Р. — Примеч. автора.

² За пределами судна мы курили поломанные сигары, так как достаточно было их смочить снаружи, чтобы они благодаря морозу превосходно держались. — Примеч. автора.

на ком лежала обязанность доставки ежедневной порции снега для приготовления воды. Хотя снеговое депо, в котором мы жили, было неисчерпаемо, все же у нас установился обычай всегда иметь под крышей запас снеговых глыб на случай особо скверной погоды. Некоторые из команды отнoсился к доставке снега с добросовестностью химиков: они замечали, что питьевая вода часто содержит соль, и поэтому, прежде чем взяться за разработку снеговой глыбы, кусок ее относился на кухню для анализа. При доставке снега всегда пользовались помощью собак. После окончания службы их отпускали, но часто оставляли лежать в упряжке. Наконец терпение собак лопнуло, и в один прекрасный день мы нашли все постромки перегрызенными.

В начале декабря для собак настала новая эра. Для них построили за пределами судна большой дом из снега, в котором разместили в образцовом порядке будки, состоявшие из наполненных соломой ящиков. На каждой будке стояло имя ее хозяина. Зимние собачьи квартиры нужно устраивать всегда на льду. Постоянное пребывание собак на палубе вредно для здоровья, неудобно, а при большом их количестве даже просто невозможно.

Каждое утро тиролец Галлер отворял снеговой дом; сквозь открытую дверцу были видны толпившиеся собаки с поднятыми мордами; они стремительно выскакивали на лед и тут же начинали драку. Разорвать образовавшийся клубок собачьих тел не было никакой возможности. Крики, битье, даже стрельба в воздух не могли разнять дерущихся псов, а наиболее варварский способ — обливание водой при -30°P — угомонял только молодежь. Несколько успокоившись, собаки переносили свое внимание на людей, проходивших по палубе. Они окружали их и старались выманить у них что-нибудь. Если не было слишком темно, то собаки уже издали присматривались к проходящему, желая его распознать и пронюхать о его щедрости. С ворчанием перескакивали они друг через друга, тянули человека за одежду, кусали его за карманы и тыкались в него носом, выпрашивая себе подачку. Но как только на палубу являлся еще кто-нибудь, все эти притворщики моментально перебежали к нему; если же и здесь ничего не получали, то отбегали прочь, гоняясь друг за другом и играя.

Наконец, собаки немного успокаиваются и дают нам возможность понаблюдать за ними. Рыжий великан, подающий свою огромную лапу, прозывается именем лопарского божества — Юбинал. Прежняя жизнь его богата приключениями, так как рассказывают, будто он был вывезен с севера

Азии каким-то сибирским евреем. Юбинал — неизменный победитель во всех сражениях, он вожак упряжки и может везти без напряжения четырех человек по ровной, твердой дороге. В Бремергафене за день до отъезда он разорвал овцу. Каждое лето Юбинал страдал сильнейшей линькой. Матросы одевали его на это время в парусиновый костюм. Следующий по силе был Боп. Этот пес был умнее Юбинала, а в отношении меланхолии перещеголял Маточкина. Он целыми часами просиживал с задумчивым видом на ящиках и смотрел на лед. Боп и Маточкин были ньюфаундленды. Боп погиб еще в первую зиму от мороза и темноты, Маточкина уволок и разорвал медведь. К ньюфаундлендам принадлежали также суки Новая и Земля. Первая погибла еще в прошлую зиму, вторая пока еще жила, но настолько отяжелела, что для упряжки совсем не годилась. Только одна заслуга ее была неоспорима — она была матерью многообещающего Тороса. Когда Торос вырос, он стал гордостью экспедиции. Природа наградила его способностями, присущими, пожалуй, одним только белым медведям. Он не знал другого мира, кроме Ледовитого моря, и не понимал иного назначения, кроме работы в упряжке. Занятию этому он отдался с жаром с самого начала зимы. Непримирым врагом Юбинала был пятый ньюфаундленд, великий боец Гиллис. Никто на судне не любил его, так как он задавил обеих кошек, взятых из Тромсе. Тело его было покрыто шрамами. Половину своего времени Гиллис проводил в «госпитале» у тирольтцев. Он был довольно понятлив, но служба его была обманом. Его кажущаяся старательность в упряжке была чистейшим притворством. Самой маленькой из восьми собак был Пекель. Раньше он сторожил оленей у Нордкапа. Его никогда не приспособляли к работе в упряжке, и он поэтому сильно растолстел. Его чувства и мысли не здесь, среди льдов, а дома, у своего стада. Пекель был неуживчив и хуже всего ладил с Сумбу, одно появление которого вызывало ссору.

Самым хитрым притворщиком был все же Сумбу, вечно недовольный и вместе с тем внешне дружелюбный пес. При виде запрягаемых собак, он убегал и прятался в самые укромные уголки, а когда его находили, вытаскивали и все-таки запрягали, он моментально забирался на нарты, заставляя таким образом тащить себя самого. Когда же, несмотря ни на какие хитрости, ему не удавалось избежать запряжки и он должен был тащить нарты, то он быстро терял свой прежний лисий облик и походил скорее на ошипанную курицу. Сумбу был непрестанно в движении. Никто не мог

опередить его в беге и в прыжках. У него всегда был неисчерпаемый запас всяких хитростей, выдумок и игр. Ни продовольственные склады собак, ни мясные депо матросов не были в безопасности от его налетов. Сумбу страстно ненавидел медведь. Если во время охоты на них он оказывался на цепи, то выл, как волк. Обычно он смело шел следом за зверем, преследуя его по пятам. Сумбу был длинноволосой, черной, оленней собакой и чрезвычайно походил на лису. Я привез его в Вену из центральной Лапландии после моей второй экспедиции (1871 г.).¹

Все собаки получали пищу один раз в день. Пища состояла из медвежатины, сала или сушеной конины.² Собаки знали час кормежки и собирались к месту заранее. Постоянные порции получали только ньюфаундленды, Сумбу и Пекель, уже начиная с первой осени, были предоставлены общественному призрению. На ночь собак запирали в их доме. Перед наступлением пурги собаки обычно заранее уже ложились у входа, образуя клубок тел. Собачий дом был около восьми футов высоты. Однако страшные метели через несколько недель замели дом целиком и сравняли его крышу с общим уровнем снега, так что его не стало видно.

Канун нового года прошел оживленно. Можно было надеяться, что в 1874 году мы вернемся наконец к желанной деятельной жизни и с честью возвратимся в Европу. Только что успел начаться новый год, как послышался у дверей кают стук поздравляющих. Лукинович явился уже в 5 часов утра. В течение всего дня, куда ни повернись, везде встречались «желающие счастья».

Если бы не вынужденное безделье и отсутствие стимулов для большой умственной работы, наше положение не было бы особенно тяжелым. Больше всего беспокоила нас болезнь товарища Криша, страдавшего одновременно цынгой и туберкулезом легких.

В остальном вторая зима протекала попрежнему благополучно, без жутких положений прошлого года. Окружающий нас лед был плотно сжат. Правда, мы не находились в надежной зимней гавани, но благодаря царившему во льдах спокойствию мы могли надеяться, что наша льдина и впредь останется в прежнем положении.

Запасов продовольствия на корабле было достаточно. Средняя температура жилых помещений держалась обычно

¹ Имя «Сумбу», что означает кроткий, тихий, дал ему, очень не по заслугам, его первый лопарский хозяин. — Примеч. автора.

² Конина была запасена в Бремергафене в количестве 1400 фунтов. — Примеч. автора.

от $+15$ до $+18^{\circ}$ Р. В таких условиях мы могли часами просиживать за столом, даже не одевая пиджаков.

Уже 16 октября стекла каба так сильно обледенели, что даже в полдень мы не могли читать. Спустя четыре дня, мы были вынуждены обложить каб досками, благодаря чему ночь наступала в каютах еще раньше, чем в окружающей природе. С этого дня лампы никогда не гасились. В середине ноября в помещениях стала чувствоваться усиливающаяся влажность воздуха. Большие гвозди во внутренней обшивке корабля отсырели и покрылись льдом, одеяла часто примерзали к стене, так что, прежде чем лечь спать, их приходилось отрывать. Но все это были пустяки, поскольку ночью все превосходно спали, а днем скорее жаловались на жару, чем на холод. Хуже приходилось команде. Мы не имели возможности последовать примеру Хэйса и других, перебрасывая часть населения в жилые помещения, выстроенные на берегу, и поэтому в кубрике у нас была большая скученность. Благодаря этому здесь очень сильно увеличивалась сырость, доходившая до того, что некоторые койки бывали всегда насквозь мокрыми.

Только к весне число больных цынгой несколько убавилось. Десна цынготных снова приняли нормальный свежий вид; уменьшилась общая слабость, болезненность во всех членах и ювинцовая тяжесть ног; исчезли цынготные пятна на теле, и вернулось бодрое настроение. Только Вечерина почти непрерывно лежал с согнутыми конечностями в постели. У него и Криша появились сильнейшие головные боли, а на палубу он вылезал всегда с костылями. Пахтусов заставлял своих людей во время зимовки на Новой Земле один раз в неделю мыться в бане и два раза стирать белье. Но, чтобы уберечься от цынги, одной этой меры оказалось недостаточно. Белье мы могли менять только в той мере, в какой позволяли наши запасы, так как не имели возможности стирать его. Поэтому против распространения цынги у нас оставалось только одно средство — улучшение питания. Для второй зимы сохранены были запас сухого картофеля (несколько центнеров) и несколько сот банок консервированных овощей.¹ Теперь они были пущены в употребление, что имело для нас большое значение, тем более, что значительный запас лимонного сока (100 бутылок) к этому времени почти иссяк. По совету нашего врача, док-

¹ В настоящее время известно, что овощи в консервированном виде теряют большую часть содержащегося в них в свежем состоянии витамина С, имеющего первостепенное значение в качестве противочынготного средства. — Примеч. переводчика.

тора Кепеса, мы решили отступить от принятого до сих пор в полярных экспедициях правила избегать потребления крепких спиртных напитков. Начиная с октября команда корабля получала ежедневно полторы бутылки водки. При сравнении периодически колеблющегося состояния здоровья команды на «Тегеттгофе» и на «Германии» во время моей первой экспедиции, прошедшей почти что совсем без случаев внутренних заболеваний, я не могу найти для этого иного объяснения, кроме пониженной сопротивляемости организма некоторых из наших людей, особенно усиливавшейся благодаря моральной депрессии, вызванной тяжелым положением экспедиции.

Наш молодой, но во всех отношениях прекрасный врач, д-р Кепес, собрал богатый материал по цынге. Несмотря на то, что лимонного сока — всеми признанного противоцинготного средства — оставалось в его распоряжении очень немного, он все же успешно боролся с цынгой. В первую зиму у нас было всего тринадцать случаев, а во вторую — три тяжелых случая цынги. Доктор Кепес считает, что лимонный сок — прекрасное профилактическое средство, но лечебные свойства его в случае уже наступившей болезни незначительны. Он придает большое значение температурным влияниям. В промозглую холодную погоду состояние больных ухудшается, в холодную, но сухую погоду оно улучшается. Цыготные изъязвления рта он лечит путем срезывания опухолей и смазывания их раствором соляной кислоты.

ВОСХОД СОЛНЦА В 1874 ГОДУ. РЕШЕНИЕ ПОКИНУТЬ КОРАБЛЬ

Нет сомнения, что непрерывный зимний сон был бы для полярных путешественников благодеянием. Особенно чувствительной становится продолжительность зимней ночи после нового года. Темнота уменьшается незаметно, в особенности потому, что преобладает пасмурная погода. Некоторое посветление подмечалось нами при попытках чтения на свежем воздухе. Так, в конце декабря едва удавалось раз-

личить заглавие «Нейе Фрейе Прессе» на книге по геологии, а 11 января уже можно было прочесть заглавное слово «Геология», если при этом держать книгу против полуденной зари.

В конце января впервые можно было прочесть показания термометра без искусственного света. Средняя температура января была $-19,6^{\circ}\text{P}$. Крайние температуры этого месяца были $-1,7^{\circ}\text{P}$ и $-36,7^{\circ}\text{P}$. Весь январь прошел в постоянных колебаниях между высокими температурами, связанными с влажным воздухом и пургой, безветрием и большими морозами. В начале месяца дули юговосточные ветры. 2 января температура поднялась до -2°P , в течение часа шел даже мелкий дождик, и везде началось таяние. 8 января мы услышали шум сдвигающегося льда.

Только 23-го числа этого месяца загорелся на юге теплый, красный свет — этот сноп ярких лучей был посланником близкого солнца. 24-го показалось само солнце. Оно было искажено рефракцией и казалось эллиптической формы. Возвращение света означало на этот раз освобождение от двадцатипятидневной ночи. Мы ждали его напряженно и встретили радостно, хотя и не так бурно, как в предыдущем году. Тогда один вид солнца вселял бодрость и веселье, так как нам казалось, что оно освобождает нас из плена льдов.

В этот же день лейтенант Вейпрехт и я приняли решение оставить судно после окончания предполагаемых исследовательских экскурсий и попытаться возвратиться в Европу с помощью шлюпок и нарт. Доказать жесткую необходимость такого решения было не трудно. Освободить судно, лежащее высоко на ледяном холме, не представлялось возможным. Запаса провизии хватало меньше чем на год. Но еще красноречивее говорило об этой необходимости сознание, что в третью зиму состояние нашего здоровья ухудшится еще больше. Достаточно было взглянуть на когда-то такую богатую, а теперь почти пустую аптеку с несколькими бутылками лимонного сока, чтобы понять невозможность дальнейшего пребывания в этом климате. В качестве поучительного примера стоял перед нашими глазами печальный конец экспедиции Франклина. Экспедиция эта повернула обратно по видимому годом позднее, чем следовало; к этому времени люди уже находились в состоянии утомления, которое сделало невозможным обратный переход и было причиной гибели.

Наряду с недостатком в предметах первой необходимости мы испытывали также нехватку кое-каких предметов, от которых, впрочем, в случае крайней нужды можно было отка-

заться. Так, например, у каждого из нас кроме пары предназначенных для санного путешествия парусиновых сапог было только по одной паре кожаных. Снаряжение этих поездок исчерпало наш последний запас белья и сильно уменьшило количество спирта. Его едва хватало для обратного пути.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Вот уже вторую зиму сверкали в несравненном великолепии полярные сияния. Они не были похожи на те расходящиеся, спокойные лучи, которые можно иногда наблюдать даже в наших широтах.

Формы сияний с трудом поддаются описанию не только потому, что они очень различны, но и благодаря изменчивости их. Иногда сияние имело вид пламенных дуг с пылающими клубками света, иногда оно проявлялось в форме млечного пути (если наблюдатель находился в одной плоскости с лучом света) или в виде отдельных светящихся лент и пятен на ночном небе. Часто случалось, что одна из форм сияния развивалась из другой или переходила в нее. В утренние часы оно обычно сохраняло рисунок развернутой ленты.

Движение световых волн производило впечатление, будто оно — результат игры ветров. Наблюдавшееся иногда всплывание развертывающихся световых клубков было похоже на уносящиеся вверх пары гейзера. Эти клубы света переходили затем в огромные языки, прозрачные и окаймленные туманом. Почти все сияния появлялись в южной части неба. Видны они были с сентября по март. В течение всего этого времени северные сияния представляли для нас единственное возбуждающее начало, идущее из недр природы. Впрочем, по силе света даже наиболее роскошные сияния не могли достигнуть яркости полной луны. За редким исключением сила их света была настолько незначительна или не продолжительна, что ночь казалась непрерывной.

Возникновение короны всегда бывало неожиданным. Виднелась корона недолго. Зато образовывалась она нередко по несколько раз в одну ночь. Наиболее интенсивным раз-

В пути.

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

витие короны бывало в промежутке между 8 и 10 ч. вечера. Явление это никогда не сопровождалось шелестом.¹

После ярких сияний часто наступает скверная погода, тогда как низкие и малоподвижные сияния можно считать предвестниками штилевой погоды. Главная причина северных сияний кроется, повидимому, в до сих пор не объясненных электрических процессах, но очень вероятно, что при этом большую роль играет наличие паров в атмосфере. Такое допущение напрашивается само собой, когда наблюдаешь сияние, утратившее свое правильное строение. Находящихся дневных северных сияний в виде светлых облаков со свойственным им движением мы почти не наблюдали; изредка нам казалось, что виденные облака имеют природу сияния, но доказать это путем наблюдения перехода светлого облака днем в сияние ночью не удавалось.

В той же степени неясным остался вопрос о существовании сияний по эту сторону туч. Решить эту проблему было трудно, так как можно было принять за сияние освещенные им пары. Падающие звезды пролетали через сияние, не производя при этом никакого уловимого для глаза эффекта и не изменяя своего направления. Характерен грязноватый сернисто-желтый цвет сияний в туманные дни или при лунном свете и бесцветность их при ясной погоде.

Влияние северных сияний на магнитную иглу было различным и зависело от их характера. Тогда как спокойные дуги света не оказывали на нее никакого или очень малое действие, оно оказывалось очень сильным в случаях беспокойного развития явления, сопровождаемого быстрыми взлетами лучей, и, особенно, в случаях многокрасочных сияний. Дж. Росс тоже замечал, что сияния с яркочерными оттенками особо сильно влияют на состояние магнитной стрелки. Парри не мог в 1820 году уловить этого влияния ни на стрелку, ни на электрометр. В продолжение зимы 1872—1873 годов характер северных сияний значительно изменялся, и постоянной сохранялась только их окраска. В начале сияния состояли главным образом из лент, идущих с юга на север, позднее начали образовываться настоящие короны, в связи с чем направление изменялось на северо-южное. В нашей экспедиции наблюдения над северными сияниями и над магнитными постоянными производились лейтенантами Вейпрехтом, Брошем и Орелом с помощью магнитного

¹ В этом месте автор приводит мнения некоторых полярных исследователей, отрицающих явление шума, будто бы вызываемого северным сиянием. — Примеч. переводчика.

теодолита, одного инклинометра и трех магнитных вариационных инструментов. Определение точных средних значений магнитных постоянных оказалось невозможным из-за неожиданных отклонений магнитной стрелки. Значительным бывало уменьшение интенсивности ее во время северных сияний. На $79^{\circ}51'$ широты и $58^{\circ}56'$ долготы от Гринвича склонение было $-19,5^{\circ}$ ост, а наклонение $-82^{\circ}22'$. Необходимо указать, что вследствие постоянных подвижек во льду, вызываемых еще даже в декабре 1873 года далекими сжатиями, а также вследствие того, что установка магнитных инструментов требует длительной подготовки, к регулярным наблюдениям удалось приступить только в январе. Начиная с этого времени наблюдения производились в труднейших условиях с достойной удивления аккуратностью.

Главнейшие выводы, сделанные Вейпрехтом на основании большого количества произведенных им наблюдений над северным сиянием и магнитными элементами, состоят в следующем: «1. Магнитные отклонения в этой области отличаются необыкновенной силой и частотой. 2. Они связаны теснейшим образом с северным сиянием, причем отклонения эти тем больше, чем резче и быстрее движение лучей и чем интенсивнее их спектральные цвета. Спокойные, ровные дуги, лишенные движения света и лучей, не имеют почти никакого влияния на магнитную стрелку. 3. При всех отклонениях магнитная стрелка уходила на ост, уменьшалась горизонтальная интенсивность и увеличивалось наклонение. Очень редкие противоположные движения следует считать явлениями реакционного порядка».

Несмотря на трудность описания такого переменчивого явления, как северное сияние, мне кажется, что Вейпрехту прекрасно удалось в следующем отрывке выразить общий ход его развития.

«Там, на юге, около самого горизонта, видна бледная световая дуга. Кажется, что она представляет верхнюю границу темного сегмента. Но звезды, выглядывающие оттуда с одинаковой яркостью, убеждают нас, что темнота этого сегмента только кажущаяся и вызвана она световым контрастом. Медленно возрастает яркость дуги, и медленно подымается она к зениту. Дуга совершенно равномерна, оба конца ее почти касаются горизонта и отходят все больше к востоку и к западу, чем выше она поднимается. Лучей в ней не видно. Она состоит целиком из довольно однообразной световой материи восхитительной, нежной окраски. Цвет этот — белый и прозрачный с легким зеленоватым оттенком. Он напоминает беловато-зеленую окраску молодого ра-

стеньица, произросшего в темноте без солнечных лучей. Свет луны кажется желтым рядом с этим нежным, приятным для глаза оттенком, который нельзя описать словами.

«Дуга стала широкой. Она, пожалуй, вдвое шире радуги, а ее гораздо резче очерченные края ярко выделяются на темном фоне арктического ночного неба. Звезды просвечивают сквозь дугу, не теряя своего блеска. Все выше поднимается она, и во всем явлении чувствуется какое-то классическое спокойствие. Лишь изредка поднимается волна света и медленно прокатывается от одного края к другому. Становится светлее, и среди льдов показываются отдельные группы ледяных скал.

«Дуга далеко еще не достигла зенита, как начинается отщепление от нее ряда меньших, уходящих внутрь темного сегмента на юге. Все дуги растут и поднимаются все выше. Первая уже перешла через зенит и начинает медленно склоняться к северу, теряя при этом яркость. Весь небосвод оказывается пересеченным световыми дугами. Их семь, но яркость их при этом невелика. Чем ниже склоняются дуги к северу, тем бледнее они становятся и в конце концов совсем исчезают. Но часто они возвращаются через зенит и гаснут там, откуда они пришли.

«Такое спокойное и равномерное развитие северного сияния случается, однако, не часто.

«В большинстве случаев полукруглый темный сегмент вообще не существует. С какой-нибудь из сторон горизонта появляется легкое облачко. Верхние края его освещены, и отсюда выходит светлая лента, которая распространяется все дальше, становится ярче и поднимается к зениту. Цвет ленты тот же, что и дуги, но интенсивность света больше. Лента медленно, но непрерывно меняет место и форму. Она широка, и ее беловато-зеленый цвет изумительно красиво выделяется на темном фоне. Лента образует многочисленные изгибы и завитки, но они не скрывают друг друга, потому что даже самый задний изгиб ясно виден сквозь завесу передних. Колеблющимися движениями постоянно пробегают волны света через всю ленту то справа налево, то слева направо. Кажется, что они скрещиваются, так как пробегают одновременно одни по задней, другие по передней стороне одной и той же складки. Снова растягивается лента во всю свою длину, и снова складывается она в изящные изгибы. Кажется, будто ветер высоко в атмосфере ведет свою таинственную игру с этим широким, пламенным вымпелом, конец которого теряется где-то далеко, у горизонта.

«Свет становится все интенсивнее, волны его пробегают

все чаще. Оба края ленты окрашиваются цветами радуги: блестящая белизна середины ленты окаймляется снизу зеленым, а сверху красным цветом. Тем временем сама лента успела раздвоиться, и верхняя часть все больше приближается к зениту. Здесь вспыхивают лучи и направляются к точке, указываемой южным полюсом свободной магнитной иглы. Лента уже почти достигла этой точки, и здесь возникает изумительная по красоте игра лучей, центр которой — магнитный полюс. В этом явлении — доказательство тесной связи между северным сиянием и таинственными магнитными силами земли.

«Вокруг полюса мерцают и искрятся короткие лучи, по всем краям заиграли яркие краски спектра; короткие лучи сменяются длинными, волны света торопливо обегают центр всего явления. То, что мы видим, носит название короны. Она возникает почти всегда, когда лента проходит через магнитный полюс.

«Корона быстро исчезает, лента успела уже перейти на северную сторону небосвода. Постепенно она опускается все ниже, бледнея при этом. Но иногда лента возвращается обратно, и световая игра повторяется. Так проходят часы. Беспрерывно меняет сияние свое место, форму и интенсивность. Часто оно исчезает на короткий срок и вдруг снова возвращается, так что наблюдающий оказывается не в состоянии уловить, куда оно ушло и откуда вернулось обратно.

«Нередко лента показывается в совсем ином виде. Очень часто она состоит не из сплошной светящейся массы, а из отдельных лучей, тесно прижатых друг к другу и направленных к магнитному полюсу. Световые волны, следующие друг за другом с большой скоростью, заставляют каждый луч ярко вспыхивать, благодаря чему кажется, будто они находятся в постоянном движении. Оба цветных края, зеленый и красный, все время волнообразно извиваются, как бы танцуют. Часто лучи удлиняются по всей ленте и почти что достигают магнитного полюса. Здесь они почти неподвижны, не так тесно прилегают друг к другу, но вместе с тем резко выделяются на фоне неба, несмотря на относительно слабый свет. Цвет этих лучей желтоватый, благодаря чему может показаться, что небо затянуто тысячей нежных золотых нитей. Звездное небо покрывается бесконечно прозрачной вуалью. Резко выделяются световые нити, соединенные внизу в белом бордюре в виде широкой ленты, непрерывно, но медленно колеблющейся. В отдельных частях неба расстилается фиолетовый туман.

«Бывает так, что почти все небо оказывается покрытым

такой лучистой сетью, иногда оканчивающейся внизу лентой, иногда без нее. Нередко видны только отдельные пучки лучей, часами сохраняющие свое положение и вид; часто они занимают целый квадрант неба; но никогда не достигают до самого магнитного полюса.

«Шторм надо льдами стихает, ветер почти прекратился. Но выше, на уровне туч, он продолжает еще хозяйничать, это видно по их быстрому полету. Какой-то свет прорывается между облаками. Это — северное сияние. Кое-где поблескивает сквозь разрывы между тучами звезда, местами виднеется темный небосвод, местами же прорываются лучи северного сияния, как будто в погоне за зенитом. Все тоньше становится слой туч, и вскоре на небе остаются только туманные облака, гонимые ветром. Со всех сторон видны фрагменты сияния. Впечатление такое, будто буря разорвала ленту в куски и треплет их по небесам. С невероятной быстротой перебегают они с места на место, меняя при этом форму. Волны света пронизывают их насквозь. Но свет сияния горит на этот раз не прежним беловато-зеленым цветом, а грязно-желтым, так что часто трудно бывает различить, где сияние и где туман.

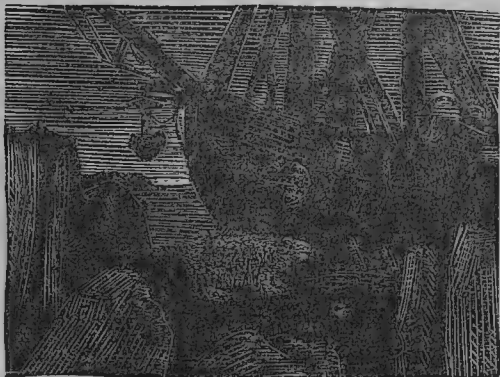
«И снова сияние проявилось в новой форме. В течение всего дня загорались и исчезали ленты всевозможнейшего строения и яркости. Сейчас 8 часов вечера — время наиболее интенсивной игры северных сияний. Пока что на небе видны только отдельные пучки лучей; лишь на юге около самого горизонта вьется бледная лента.

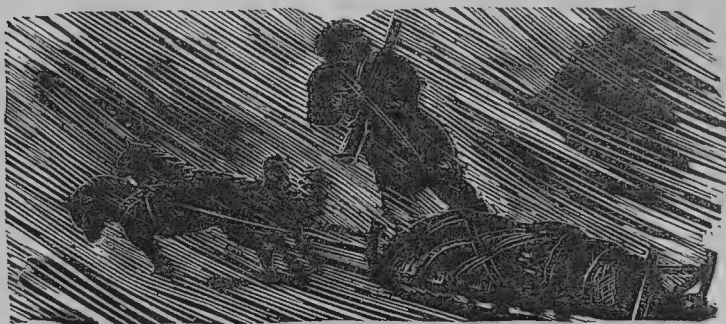
«Неожиданно лента взвивается вверх и расстилается по небосводу, соединяя восток с западом. Проскакивают световые волны, отдельные лучи направляются к зениту. На некоторое время сияние застывает, потом вдруг оживает. Быстро пробегают волны одна за другой, края ленты загораются ярким зеленым и красным светом и начинают плясать. Все стремительнее выскакивают вверх лучи, становясь при этом короче. Все приходит в движение, устремляясь к магнитному полюсу. Волны перескакивают друг через друга, скрещиваются и взаимно перекрываются. Лучи как будто соревнуются, кто из них первым достигнет полюса. Теперь это уже не единичные лучи, а целые пучки их. Они загорелись одновременно по всему южному небосводу и в дикой гонке устремились к своей цели. Вот они достигли ее, и все кругом полюса заиграло, с юга, севера, востока и запада и обратно по всем направлениям устремляются тысячи лучей. Невозможно узнать, откуда бегут они, сверху ли, снизу ли, — этого не отгадает никто. Вокруг центра пылает огненное

море. Красное, белое и зеленое слилось в цветной хаос. Лучи спускаются почти до самого горизонта. Все небо горит. Лента превратилась в дугу, проходящую через полюс и опирающуюся обоими концами на горизонт. Она стала огненной рекой, вдоль которой туда и сюда пробегают с дикой быстротой широкие световые волны. Природа зажгла перед нашими глазами фейерверк, прекраснее которого никакая фантазия не может себе представить. Мы поневоле прислушиваемся, нам не верится, чтобы такое явление могло быть бесшумным. Мертвая тишина царит кругом, не слышно ни звука.

«Но вот все поблекло. Явление исчезло с той же невероятной быстротой, с какой оно появилось. Только где-то на севере сохранилась еще одна лента. Медленно проскакивают вдоль нее волны, а надо льдом расстилается темное покрывало ночи.

«Это было сияние, предвещающее непогоду. Оно развернулось во всей своей красе; изобразить его нельзя ни кистью, ни словами».

САННЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗЕМЛИ ФРАНЦА-ИОСИФА

НАКАНУНЕ ОТБЫТИЯ НА ЗЕМЛЮ

Необходимость нашего возвращения не подлежала сомнению; но также необходимо было предварительно изучить открытую нами землю, которую мы до сих пор почти не видели, если не считать нескольких посещенных утесов и скал.

Мы не знали: состояла ли страна, простиравшаяся, как нам казалось, далеко за пределы видимости, из многих небольших островов или из больших участков суши? Что представляли собой белые плоские вершины на южных отрогах этой земли, не ледники ли это? На эти вопросы никто не мог ответить. Никаких сомнений не могло быть лишь в том, что каждый, покинувший судно, будет обречен на верную гибель, если возобновится дрейф нашей льдины. Предвидеть же скорость и направление этой подвижки не мог никто.

1 марта тирольцы сообщили, что на полпути к берегу образовалась трещина. Угроза оказаться отрезанными от судна для участников предстоящей санной экспедиции была серьезной, об этом все время велись разговоры, как в каюте, так и в кубрике. Но все наши сомнения исчезали, как только мы представляли себе то значение, которое приобретет это ри-

скованное предприятие в случае его благополучного завершения.

Как руководитель экспедиции на суше, я прочел на совещании, состоявшемся 24 февраля, бумагу, которая должна была ознакомить остающихся на корабле с планами наших исследовательских экскурсий. Содержание этой бумаги было следующее:

«Участники австро-венгерской полярной экспедиции желают оставить в конце мая корабль и возвратиться в Европу. Перед этим должны состояться одна, две, может быть три санные поездки для исследования Земли Франца-Иосифа. Ввиду чего необходимо проект этот и связанные с ним ожидания оформить для возможного обеспечения спокойствия как остающихся на судне, так и отправляющихся в столь рискованный путь. Это оформление состоит из следующего: санная партия располагает дополнительными спасательными средствами, доставка которых на берег должна быть закончена к первому дню первой санной поездки. Начало этих поездок назначается между 10 и 20 марта, продолжительность их рассчитывается на 6—7 недель. Экспедиция должна будет по возможности работать в нескольких направлениях: первый путь должен пролегать вдоль берега в северном направлении, второй пройдет на запад, а третий внутрь страны. Каждый из этих рейсов должен будет заканчиваться восхождением на горы, возвышающиеся над окрестностью. Вопрос о порядке и длительности этих поездок остается открытым даже в момент отбытия экспедиции и решается только на месте. Это упоминание необходимо, чтобы избежать лишнего беспокойств и снаряжения бесполезных поисковых партий. В случае, если санная экспедиция после своего возвращения не найдет корабля, она должна будет пытаться немедленно вернуться в Европу собственными силами и только в случае крайней необходимости останется на третью зимовку. На этот случай с судна будут доставлены на берег материалы,¹ которые смогут понадобиться зимовщикам. Совершенно ясно, что я не затяну этих экскурсий так надолго, что у команды не останется времени отдохнуть до начала возвращения в Европу, и что, следовательно, окончание их должно будет наступить уже в начале мая».

Итак, скоро нам предстояло расстаться, и, с тех пор как это было решено, на судне возобновилась оживленная деятельность. Среди команды не было ни одного, кто бы не

¹ Предположенная доставка материалов не была осуществлена из-за недостатка рабочей силы. — Примеч. автора.

готовился к объявленному мною походу. Все приводили в порядок свое снаряжение, хотя было известно, что, кроме тирольтцев, меня будут сопровождать всего лишь четверо. Каждому хотелось принять участие в исследовании неизвестной страны. Напрасно я объяснял, что часть из них придется оставить на корабле из-за слабого здоровья, часть из-за чрезмерной силы, что это необходимо, чтобы избежать нарушения равновесия в распределении сил.

Это равновесие касается предстоящего возвращения в Европу, которое будет производиться тремя партиями. Если бы льдину вместе с судном отнесло до нашего возвращения из санного путешествия, то наша группа должна была бы составить одну из таких партий. Нам не по силам было бы, конечно, раздвинуть огромные ледяные поля или тащить по глубокому снегу груженные лодкой нарты с той легкостью, с которой мы везли бы их, будь нас вдвое больше. Невозможным было бы для нас сделать очень много такого, для чего в действительности позднее потребовалось напряжение сил двадцати трех мужчин, но принципиально было совершенно необходимо поддерживать мысль о реальности спасения.

Вынесенное решение о будущей экспедиции и ожидание предстоящих больших событий внесло оживление в нашу однообразную жизнь. Все прочее отошло на задний план. В течение короткого периода времени мы смогли позволить себе пожить, не отказывая даже в некоторой роскоши. На это время хватило имеющихся запасов, а в частности сохранилось еще больше двухсот бутылок настоящего вина, оставленных нами на случай заболеваний в третью зимовку. Таким образом случилось, что двадцать три человека выпили в течение трех месяцев около двухсот бутылок вина. С наименьшим усердием люди старались выкурить имевшийся запас сигар и табаку. Картофель, консервированные овощи и фруктовое варенье подавались на стол ежедневно. Даже диета по части рома, которую мы соблюдали до сих пор, прекратилась. Всюду горели свечи, и все находилось под впечатлением богатства и изобилия. Больше всех очастливленным оказался Лукинович, которого я награждал за оказанное им прилежание в зашивании всяких дыр и пришивании заплат так щедро, что его мешок чуть не лопался.

В то самое время, как все мы заметно ожили, будто сбросив с плеч тяжесть, угнетавшую нас целые годы, в дни всеобщего возбуждения, деятельности и новых планов наступил грустный конец нашего товарища Кришпа.

Начиная с февраля, болезнь его сильно шагнула вперед,

тело покрылось цынготными пятнами и он потерял способность двигаться. Надежда на скорое выздоровление нашего несчастного товарища долго не покидала нас, и мы вспоминали его прежнюю деятельность, служившую всем достойным примером. Он смертельно захворал еще прошлым летом, но, несмотря на плохое состояние здоровья, непрерывно работал над приготовлением новых ледовых пил и буров, стараясь этим нелегким трудом по возможности содействовать освобождению корабля. Когда он услышал о предстоящих поездках на Землю Франца-Иосифа, он поднялся, желая меня убедить взять его с собой. Нельзя было сомневаться, что жизнь его подходит к концу. Сначала он страдал от бессонницы и боли в теле, потом, в начале марта, он потерял сознание, а затем наступила агония. Он уже не чувствовал боли. Воздух, прорывавшийся из разрушенного болезнью легкого, выходил с хрипом. Моменты ясного сознания приходили все реже. Помощь была невозможна, все старания врача и постоянно ухаживающих за ним товарищей сводились лишь к облегчению последних дней жизни больного. Печальную картину представляло собой ложе умирающего с сидящим рядом Фаллезихом, тоже больным цынгой, или сменившим его Поспишиллем, уснувшим на своей вахте.

Пока что жизнь еще держалась в измученном теле, оспаривая ее у смерти,¹ но эта борьба была печальна, так как она только затягивала конец.

О САННЫХ ЭКСПЕДИЦИЯХ ВООБЩЕ

История географических открытий этого столетия показывает, что среди средств изучения дальнего Севера на одном из первых мест стоят санные поездки. Исследование географического строения земли до сих пор составляет главную задачу полярных экспедиций. Поэтому необходимо рассмотреть вопрос о санных поездках с возможной тщательностью, тем более, что путешественники обычно руководствуются опытом предшествующих экспедиций.

¹ Д-р Кепес предсказал этот конец еще год тому назад.— Примеч. автора.

В дальнейшем я намерен показать не только, чего нам удалось достигнуть во время санных экскурсий, но и каким образом мы этого достигли. Вникая во все детали санного путешествия, я делаю это не только с целью выделить его недостатки как таковые, но и с тем, чтобы показать, какими способами следует во время таких путешествий хранить себя и защищаться от разных невзгод.

Всякое санное путешествие предваряет спокойную стоянку судна в гавани. Поездки, предпринимаемые с кораблей, не закончивших еще своего летнего плавания, чрезвычайно опасны, и их следует избегать. В принципе совершенно недопустимы также поездки, совершаемые с кораблей, заключенных во льду. Даже удачный опыт таких экспедиций не должен служить поводом для подражания их примеру. Санные поездки служат, как правило, для изучения неизвестных стран. Непременным условием является при этом наличие берега, вдоль которого пролегает путь экспедиции. При этом экспедиция должна идти по береговому припаю, избирая меридиональное направление берегов в случае, если задачей ее является достижение полюса. Никогда не следует отклоняться от берегов и устремляться к удаленному от суши паковому льду.¹ Пересечение глетчеров, даже с небольшим наклоном, очень опасно. Когда же путь санной экспедиции пересекает настолько широкий участок суши, что нарты² нельзя через него перенести, то продолжать путь невозможно. Причиной этому служат неровность суши и недостаточный даже в зимнюю пору снеговой покров ее. Наибольший уклон, по которому нарты могут подниматься и идти более или менее продолжительное время, составляет всего лишь два-три градуса.

Выбор лучшего времени для санных поездок зависит от климата отдельных арктических местностей и от приспособленности экспедиционного состава к перенесению низких температур во время ночных стоянок и метелей.

В многолетних экспедициях советуется производить наиболее дальние санные экскурсии в первом же году, так как

¹ Трудно было Пайеру предугадать гениальный способ проникновения в центр полярного бассейна, испытанный Фритиофом Нансеном в 1893—1896 годах. Нансен не посчитался с советом старого полярника и достиг, как известно, несмотря на это блестящих результатов, отправившись совместно с Йогансеном на двух собачьих упряжках к северному полюсу.—Примеч. переводчика.

² Мы принуждены говорить о «санных путешествиях», совершаемых на «нартах», потому что понимаемый под этим названием длинный и узкий возок на широких полозьях никак не может быть назван «санями».—Примеч. переводчика.

сила сопротивления по отношению к морозу европейцев со временем скорее убывает, чем возрастает. Дж. Росс, например, говорит, что его люди с наступлением третьей зимы уже не были в состоянии переносить лишения и при этом особенно — трудность путешествия через льды. Во всяком случае наиболее благоприятным временем для совершения санных поездок следует считать или предшествующее периоду метелей и пурги или следующее за ним. Здоровая и закаленная команда гораздо легче переносит даже очень низкую температуру, чем пургу. Как правило, эти условия характерны для осени, и я не понимаю упрека, который Хэйс делает по адресу этого времени года из-за сырости, которая арктической осени вовсе не свойственна. Осенние поездки следует предпочесть весенним не только в климатическом отношении, но и из-за лучшего состояния дороги. Начинать осенние поездки следует возможно раньше, учитывая быстрое убывание дня.¹ Зимой никакие поездки невозможны из-за темноты. Весной их затрудняет запаздывание максимума холода. Летом санные поездки часто бывают невозможны из-за вскрытия и поломки льда, или они тормозятся вследствие превращения санного пути в месиво из талой воды и снеговой каши. Кроме осени для санных экскурсий пригоден еще весенний период, начиная со второй половины марта и кончая маем. Впрочем Лайон (1822) и Кэн считают март очень опасным из-за штормовой погоды.

Наряду с климатом большое значение имеет также качество снежного пути. Пригодность его зависит от влияния ветров и длительных морозов, вызывающих уплотнение снега. Однако мороз должен колебаться в пределах между -15° и -25° R, так как большие холода превращают гладкую снеговую поверхность в шершавую, покрытую острогранными кристаллами. В этом случае нарты испытывают такое трение, будто они тащатся по песчанику, и каждое малейшее препятствие останавливает их. Впрочем, в действительности, гладкий, как слонобая кость, снег встречается редко; чаще всего он сменяется участками мелкого снежного порошка, в который люди проваливаются до половины бедра. Также часто дорогу перегораживают гряды торосистого льда в несколько миль шириной; приходится или далеко обходить их, или перебрасывать каждую вещь в отдельности, что очень утомляет.

Продолжительность санного путешествия зависит от при-

¹ Я убежден на основании собственного опыта, что в условиях Гренландии и Земли Франца-Иосифа осенние поездки более целесообразны, чем весенние. — Примеч. автора.

годности участников к походу и от количества захваченной провизии. Но успех его обуславливается гладкостью и твердостью снегового пути, что в свою очередь зависит от предшествующих смен температуры воздуха и от снежных бурь.

Само путешествие наиболее приятно при температуре от 15° до 25° R ниже нуля. Для закаленных индивидуумов ночевки в поле не представляют особых трудностей. Но снежные бури и даже простые метели становятся при этих, собственно не очень низких температурах мучительными и даже опасными. Величайшим испытанием стойкости в истории полярных экспедиций можно считать те случаи, когда люди тащили нарты навстречу метели при $20-30^{\circ}$ R ниже нуля.

Отстаивающийся в зимней гавани корабль представляет единственное убежище сухопутных экспедиций во всех тех случаях, когда нельзя определенно рассчитывать на встречу с эскимосами. Суша не дает путникам никаких верных средств к существованию, только случайная удача на охоте может дать некоторую поддержку, на которую однако никогда нельзя рассчитывать. Такая изолированность санных экспедиций вызывает необходимость везти с собой все нужные жизненные припасы. Тяжело оруженые нарты напоминают благодаря этому настоящий корабль, потеря которого приводит к неминуемой гибели всей экспедиции. Для облегчения нарт и увеличения продолжительности путешествия часто организуются по пути следования продовольственные депо.¹

В нарты впрягают собак, или сами участники экспедиции тянут их, иногда совместно с собаками. Олени оказались для такой упряжки непригодными, хотя Парри и Норденшельд неоднократно пытались их использовать.² Северный олень может, правда, в течение трех дней пробежать в упряжке два широтных градуса, но он не в состоянии вы-

¹ Устраиваются эти склады обычно заблаговременно. Наиболее подходящее место закладки депо — скалистые расщелины, расположенные несколько выше уровня моря, куда складывается весь провиант и закапывается в снег на глубине около четырех футов. Хороший способ состоит также в развешивании продовольственных мешков на неприступных скалистых склонах. Такие депо более или менее гарантированы от разграбления их белыми медведями. — Примеч. автора.

² Парри высказывается очень определенно против использования не только оленей, но даже собак в тех случаях, когда экспедиции приходится проходить через разрозненно лежащие ледяные поля. Он считает, что в условиях, когда в течение суток приходится от восьми до десяти (даже до семнадцати!) раз в сунки перемещаться из лодок на лед и обратно, только человек может держать себя разумно и производить эту операцию быстро, тогда как животные будут только помехой. — Примеч. автора.

носить такое напряжение без длительного отдыха и тащить при этом груз такого объема, какой необходим для продолжительного путешествия. Кому приходилось ездить на оленях, тот должен вместе с тем знать капризность этих животных, их строптивый нрав и трудность их пропитания. Только туземцев олени поверхностно слушаются, чужеземцу же никогда не удастся подчинить их своей воле.¹ Если упряжка состоит только из людей, то уменьшается опасность различных непредвиденных случайностей, но одновременно уменьшается и скорость продвижения вперед. В таких условиях средний максимальный суточный переход в течение месяца пути и при хорошей дороге составляет десять морских миль. Расстояние это сильно уменьшается с увеличением продолжительности пути. В составе команды желательно иметь опытных, сильных горняков, так как эти люди могут совершать переходы, которые, естественно, редко бывают под силу морякам, не имеющим на то ни необходимых данных, ни склонности.²

Но ни один вид транспорта не дает таких благоприятных результатов, как чисто собачий.³

При этом способе передвижения удастся за сутки проделать максимальное расстояние, и к тому же пропорционально продвижению вперед сокращается мертвый вес транспортируемого груза. Кроме того собаки работают не прекословя, они не высказывают никаких опасений, они могут дольше выносить голод. Наконец, в случае крайней необходимости они сами могут служить пищей.⁴

¹ Утверждение это основано на недостаточном знакомстве с северным оленем. Повидимому весь опыт езды на оленях состоял у Пайера из его летней поездки от Тана-фьорда до Тромсе в 1871 году после возвращения из плавания на «Исбьерне». Конечно этого опыта недостаточно для подобных высказываний. Создавшееся при этом предубеждение автора сказывается между прочим в том, что, цитируя несколько ниже мнение Парри, имевшего богатый опыт езды на оленях, Пайер решается поставить от себя знак вопроса после утверждения, что северный олень отличается послушанием.—Примеч. переводчика.

² Исходя из этого, новейшая английская полярная экспедиция тоже включила в свой состав двух штейгеров.—Примеч. автора.

³ Парри предпочитает пользоваться оленями при путешествиях по покрытой льдом суше. Он говорит, что, несомненно, больше всего для таких поездок подходят олени, благодаря своей силе, послушанию (?) и закаленности.—Примеч. автора.

⁴ Как известно, Р. Амундсен, открывший в 1910 г. южный полюс, достиг его на собаках, причем в расчет собачьего продовольствия входило главным образом их собственное мясо. Амундсен точно наметил, когда и где должна быть убита и скормлена своим же товарищам каждая собака, и в походе строго придерживался принятого распорядка.—Примеч. переводчика.

Ввиду того, что сильная собака оказывается в состоянии даже в течение долгого времени тащить груз, по весу вдвое превышающий количество необходимой для нее пищи, то весь свободный вес поступает в распоряжение человека, сопровождающего нарту. Таким образом человеку удается удлинить на соответственный срок время своего отсутствия с судна и работы в санной экспедиции. Даже небольшое количество собак в такой экспедиции оказывает ей огромную помощь. Польза от собак в качестве силы, передвигающей нарту, настолько наглядно выступает при сравнении их работы с человеческой, что я намерен рекомендовать самым настойчивым образом пользоваться во время таких путешествий следующим методом.

Следует пользоваться двумя собачьими упряжками, состоящими каждая из двух-четырех сильных ньюфаундлендов.¹ Одной из упряжек руководит начальник экспедиции, а другой — наиболее ловкий из ее членов. Первоначальная загрузка каждой из нарт может составлять от четырех до семи центнеров, иначе говоря содержать запас провизии на 30—50 дней. В таких условиях легко достигнуть средней скорости передвижения, равной 16 миль в сутки, при этом особенно в случае, когда человек идет впереди упряжки. Таким путем можно пройти от пятисот до восьмисот миль, тогда как с помощью одной только человеческой тяги нельзя сделать больше трехсот, максимум пятисот миль. Такие поездки требуют большой опытности, поэтому их можно рекомендовать только людям, хорошо знакомым с жизнью в арктических пустынях. Если задача экспедиции состоит не в специальном обследовании прибрежной полосы какой-нибудь земли, а в достижении высоких широт или в общем ознакомлении с конфигурацией неизвестной страны, то следует считать наиболее целесообразным придерживаться на пути следования расстояния от берега в 4—8 миль. С такого расстояния очень упрощается съемка земли, в особенности если не пропускать по пути наиболее выдающихся возвышенностей, подымаясь на них во всех случаях, когда этого требует ориентировка. Такой образ действия не только ограждает от далеких обходов, но создает вместе с тем единственную возможность поддерживать постоянный контакт с исследуемой страной и познавать внутреннее строение ее. Опорная сеть для съемки должна про-

¹ Предложение пользоваться ньюфаундлендами чрезмерно категорично. Как известно, роль ездовых собак выполняют на всем азиатском Севере различные породы лаек, показывающих при этом прекрасные ездовые качества.—Примеч. переводчика.

изводиться путем триангуляции или основываться на астрономических определениях географической широты и долготы. В первом случае базис триангуляции может быть измерен остающимися на корабле, в его окрестности. Главнейшие опорные пункты сетки должны лечь на вершины посещенных гор. Соединение этих двух методов конечно лучше всего. Наоборот, поверхностная работа характеризуется только полуденными определениями широты по меридиональной высоте солнца, связанными с пеленгованием точек с помощью компаса.

Чтобы достигнуть в наблюдениях достаточной точности, санная экспедиция должна захватить с собой следующие инструменты: небольшой универсальный инструмент, секстанс с искусственным горизонтом, карманный хронометр, компас с пеленгатором, шлюпочный компас легкой конструкции, спиртовой термометр, ртутный термометр и два небольших анероида.

СНАРЯЖЕНИЕ САНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Снаряжение большой санной экспедиции требует осмотрительности и точности, которую может дать только опыт. Недостаточная предусмотрительность или беззаботность создают очень опасные положения, особенно в моменты, когда экспедиция находится уже на далеком расстоянии от корабля. Отсырение спичек, опрокинутый бидон со спиртом, пожар палатки, легко учиняемый неосторожными поварами, неспособность некоторых участников похода к продолжению пути, разрушение белыми медведями продовольственного склада, наконец, вскрытие льда на море — все эти мелкие и крупные события могут иметь для экспедиции самые ужасные последствия. Основным правилом снаряжения является строгий отказ от всего непосредственно не связанного с жизненными нуждами, кроме инструментов. Походное снаряжение должно быть самого совершенного качества. Уклонение от первого из этих правил содействовало между прочим печальному исходу Франклиновского предприятия. Мак-Клинтон описывает перегруженность этой экспедиции совершенно ненужными предметами.

Мыс Тегеттгоф.

Охота на медведя в берлоге.

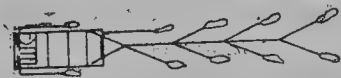
Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

В свою очередь успешный исход экспедиции может оказаться сорванным из-за, казалось бы, совсем незначительных упущений в снаряжении. Примером этого может служить санная экспедиция Моисеева вдоль берегов Новой Земли в 1839 году: в результате отсутствия снеговых очков все участники ее ослепли в первые же дни, и экспедиция была вынуждена свернуть работу. Если не считать санных поездов, совершенных в прошлом столетии русскими исследователями северного Сибирского побережья, в которых в известной степени принимало участие все кочевое местное население, включая всех собак и оленей северной Азии, и от последствий которых страна с тех пор и не смогла оправиться, то заслуга организации санных поездов принадлежит главным образом англичанам.¹ Парри и Дж. Росс первыми испытали этот способ сообщения, при Мак-Клинтоке он достиг известного совершенства. Этот опыт служит в настоящее время нормой для всяких предприятий такого рода. Выносливая команда сможет теперь даже во время сильнейших морозов провести целые недели вне корабля со всеми его защитными приспособлениями.

В дальнейшем я предполагаю описать с достаточной подробностью снаряжение санной экспедиции. Благодаря разной продолжительности и непостоянному характеру различных времен года в высоких широтах, необходимо брать в экспедицию нарты трех типов. Самые маленькие предназначаются для собачьей тяги, нарты большего типа рассчитываются на человека. Полосья различных нарт отличаются своими размерами: 6, 8 и 11 футов в длину, $1\frac{1}{2}$, 2 и $2\frac{3}{4}$ дюйма в ширину. Необходимо отметить, что увеличение ширины полосьев чрезвычайно облегчает переходы через глубокий снег. Высота нарт колеблется между 1 и $1\frac{1}{2}$ фу-

¹ Эти слова Пайера достаточно резко характеризуют приемы начальников русских экспедиций восемнадцатого века и, может быть, в еще большей мере, методы самого Петербурга, отправлявшего эти экспедиции и руководившего их работой с расстояния многих тысяч верст. Достижения Великой северной экспедиции (1734—1740) были значительны, но сколько жизней из среды самих участников и местного населения стоили они; до сих пор остается очень мало известным. Несоответствие между произведенной работой и затратами на нее дает еще очень недостаточное представление о нецелесообразности, а часто и нелепости различных распоряжений, которыми богата история этой огромной по масштабу экспедиции. Еще меньше известно о безответственных методах работы этой экспедиции, напоминающих приемы карательных отрядов или татарских набегов. Фраза, в которой Пайер касается данного вопроса, переводится нами дословно с сохранением свойственной автору сложности и тяжеловесности построения.—Примеч. переводчика.

тами, а максимальная подъемная сила — от $7\frac{1}{2}$ до 20 центнеров. Нарты должны быть построены из лучшего ясеневоего дерева, полозья должны, постепенно закругляясь, достигать высоты, несколько превышающей высоту нарт, чтобы избежать погружения их в глубокий снег. Соединения обоих полозьев должно производиться не посредством сплошного деревянного щита, а при помощи двух крепких досок, веревочного плетения, и четырех поперечных палок, соединенных ремнями с вертикальными стойками, идущими от полозьев. Расположение стоек в направлении вдоль полозьев обязательно, так как в противном случае они будут вспахивать снег. С большой осторожностью следует пользоваться винтами; желательно применять их только в креплении обивки на приподнятой части полозьев и на так называемой стойке. Эта стойка служит для подвешивания ружей, но важнее ее роль в качестве руля и толкача, в силу чего она должна быть такой крепости, чтобы выдержать максимальное напряжение силы одного человека.

Упряжка, состоящая из семи человек и трех собак.

Нижняя поверхность лыж должна быть не гладкой, а ребристой, обитой сталью и старательно заклепанной, чтобы винты не выпячивались после непродолжительного пользования нартами.

Поездки на тележках могут с успехом производиться только по свободной от снега поверхности земли, примером чего может служить произведенный Парри в 1820 г. обезд острова Мельвилль. В этих случаях рекомендуется применять вместо маленьких колес большие, около пяти футов в диаметре.

Санная упряжка изображена на нижеследующем рисунке. В данной упряжке участвуют семь человек и три собаки.

Впереди должны идти люди, привыкшие к длинному энергичному шагу, менее старательные занимают середину. В таком положении они постоянно видят напряженную работу передних и легче запоминают, что тащить меньше, чем захочешь есть, — преступно. Не следует хвататься за основную веревку, так как этим путем ослабляется эффект общего напряжения сил.

Ночевка во время санных путешествий устраивается или в снеговых пещерах, или в палатках. В последнем случае выбор материала — бумажная материя или парусина — должен целиком зависеть от климатических условий района. Пол в палатках должен непременно делаться из каучукового

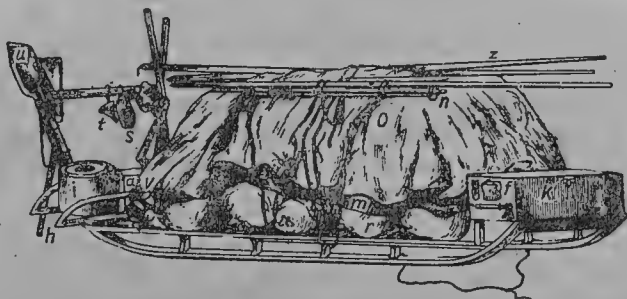
ковра. Кроме того необходимо, чтобы стены палатки поднимались вертикально от земли на 2—3 фута, так как иначе в помещении нельзя будет повернуться. Вход в палатку должен плотно закрываться с помощью крючков и колец и не доходить до самого низа. Наиболее простой и верный способ установки палатки производится с помощью двух штанг, скрещенных в передней части ее. Во время санных поездок можно при ветре, дующем в спину, с большим успехом пользоваться маленьким парусом, устанавливаемым на штанге вместо мачты и альпийской палке вместо реи.

Путешественники ночуют в общем спальном мешке, внутри которого иногда могут находиться отдельные шерстяные мешки. Толстое одеяло — подходящий материал для такого большого мешка в температурных условиях до -20° Р. При более сильных морозах следует пользоваться мешком из буйволового меха.¹ Для того, чтобы мешок ночью не сполз, его необходимо застегивать до половины длины. Употребление овечьего меха нежелательно, так как он гораздо тяжелее буйволового и обладает кроме того способностью обильно впитывать влагу, что легко вызывает образование в мешке льда. Спальный мешок хранится всегда внутри палатки и укладывается вместе с нею на нарты, чтобы избежать лишнего соприкосновения его со снегом. При падении температуры ниже -30° Р спящие в таком мешке все же неизбежно мерзнут; для того чтобы облегчить тяжесть холодной ночи, хорошо иметь надувной резиновый матрац в 3—4 фута ширины, который подкладывается под мешок таким образом, что только ногам спящих приходится лежать на холодном снегу.

Вооружение экспедиции должно состоять из трех двустольных ружей и одного револьвера; трех патронов в день хватает даже в районах хорошей медвежьей охоты. Пули должны быть разрывные со стальными наконечниками. Дробовые патроны для санных экспедиций лишний груз, так как характер этих поездок не допускает охоты на птиц. В сильный мороз следует с большой осторожностью обращаться с курком, так как он легко ломается. Случается также, что курок не останавливается на предохранителе. Ружье не следует смазывать, так как иначе легко случается, что курок не спускается. На охоте надевают легкие шерстяные перчатки. Во избежание отморожения не следует дотрагиваться до металла голыми руками.

¹ В практике большей части экспедиций, в том числе русских и советских, с успехом применялись мешки из оленьего и собачьего меха.—Примеч. переводчика.

В ящике с инструментами, прикрепленном в передней части нарты, лежат, наряду с приборами для географической съемки и определения места, anerоидом и термометром, еще спички и патроны — и те и другие вложенные в маленькие жестяные коробки и старательно оберегаемые от влаги. Кроме того сюда же помещают небольшое количество гвоздей и винтов, ветровые щиты, шитьевые принадлежности, ложки, запасные войлочные подошвы, аптечку (мазь против отморожения, хлористое железо, английская соль, атропиновая мазь, корпия), щетку, альбом для зарисовок, флаг, веревки и проч. Один из термометров можно прикрепить на внешней стенке ящика, рядом с биноклем и топором. Карманный хронометр должен постоянно храниться в одежде

Нагруженные нарты

h — лопата; *h* — собачьи нарты; *t* — спиртовая кухня; *a* — бидон со спиртом; *f* — воронка; *s* — резиновая фляга; *r* — мешки с провизией; *o* — парус; *m* — палатка и спальные мешки; *n*, *z* — штатив и штанги; *k* — ящик с инструментами; *f* — бинокль, топор, термометр.

начальника экспедиции, так как в противном случае хронометр может остановиться под влиянием холода.

Продовольствие составляет нижний слой клада. По сравнению с количеством его, расходуемым на борту судна, запас должен быть увеличен по крайней мере на $\frac{1}{2}$ фунта в день на душу. Таким образом на человека приходится от $2\frac{1}{2}$ до $2\frac{3}{4}$ фунтов твердой пищи и столько же на каждую сильную собаку. Я считаю, что даже незначительное сокращение этого рациона уменьшает способность переносить холод и, уже спустя несколько дней, вызывает как у людей, так и у собак чувство слабости, которое мучит больше, чем голод сам по себе. Парри сделал во время своего совершенного в 1827 году санного путешествия наблюдение, что десяти унций сухарей и девяти унций пеммикана на человека было недостаточно для поддержания его сил. Он говорит:

«Полезно знать, что наш ежедневный рацион, испытанный, кстати, в течение нескольких дней на борту судна, оказался недостаточным для поддержания сил людей, проводящих круглые сутки на свежем воздухе и в течение не менее двенадцати часов подвергающихся воздействию мороза и влаги, притом редко получающих горячую пищу и исполняющих тяжелую работу. Наши силы заметно упали к моменту возвращения на судно. Физические силы команды стали убывать еще в самом начале путешествия и продолжали таять все больше, несмотря на то, что в первые недели пути не было заметно, чтобы они испытывали какие-либо особые лишения. Эта убыль в силах, приписываемая нами недостаточности питания, стала заметной уже через четырнадцать дней при переброске мешков с хлебом и другого груза. Я не сомневаюсь, что несколько человек матросов, начавших немного прихварывать, заболели бы серьезно двумя неделями позднее. Ради сохранения наших сил необходим был бы запас продовольствия на одну треть больше имевшегося».

Очень удобно разделить весь запас провизии на недельные рационы и распределить их по отдельным мешкам. Каждый очередной мешок должен открываться не раньше, чем опорожнится предыдущий. Советуется также увеличить содержимое последних мешков приблизительно на одну пятую стандартного веса, чтобы избежать голода и противодействовать проявлениям слабости. Провизия состоит из мясных консервов, сухарей, мясного экстракта, шоколада, крупы, гороховой колбасы, сахара, риса, сгущенного молока и кофе. Последние два продукта производят так же, как и чай, необыкновенно оживляющее действие, в особенности при употреблении их утром. Их влияние настолько значительно, что дает силы для самых напряженных маршей. Кроме того употребление этих напитков лучше всего противодействует жажде — настоящему бичу этих экспедиций. Пеммикан и сало должны при очень низких температурах употребляться лишь в очень ограниченном количестве, так как они больше всего способствуют развитию жажды. Потому же следует избегать и мучных блюд, гороховой колбасы и копченого мяса. Для растворения этой пищи нужно много жидкости, и употреблять ее можно только в случаях острой необходимости. Опыт, показавший, что человек испытывает зимой большую, чем летом, потребность в пище, богатой углеродистыми соединениями, так же, как и теория, гласящая, что чем холоднее страна, тем больше углерода должно быть в составе пищи ее насе-

ления,¹ очевидно верны для оседлого населения или для экипажа зимующего корабля, но по указанным выше причинам никак не могут быть отнесены к составу участников санной экспедиции. В таких экспедициях охоте должно быть отведено подобающее место, так как свежее мясо всегда останется наиболее здоровой пищей. Для уменьшения веса санного груза все консервы извлекаются из жестяных коробок и сохраняются в маленьких мешечках. Во всех случаях, где есть уверенность в наличии плавника, я рекомендовал бы брать с собой сухую лапшу и макароны.² Очень существенно также приготовление крепкого чая, что сначала казалось нам лишним. Ежедневная маленькая порция рома во время длительных поездок почти что обязательна, особенно при низкой температуре. Необходимо отметить, что приведенный мною список провизии не вполне соответствует воззрениям прежних полярных исследователей, например Пахтусова, Цивольки, Парри или Хэйса.

Остальное снаряжение состоит из следующего: боченок с крепким ромом, жестяные обеденные котелки, воронка, резиновая бутылка для отцеживания ежедневной порции спирта,³ снеговая лопата и штатив.

Неоднократно делались попытки использования во время санных поездок лодок, которые давали бы гарантию возвращения на судно или проникновения к цели путешествия в случае вскрытия льда на пути следования. Для этого следует пользоваться исключительно кожаными, резиновыми или парусиновыми непромокаемыми лодками, а никак не деревянными или металлическими. Лодка во всех случаях представляет довольно значительный груз. Каким бы легким ни был деревянный каркас, вся лодка весит от 300 до 400 фунтов и требует для своего переноса силы двух-трех мужчин. Такое увеличение веса, а также трудности погрузки лодки настолько ощутительны для экспедиции, что обычно ее приходится бросить уже на небольшом расстоянии от судна, как это случалось в экспедициях Кэна и Хэйса. Иначе обстоит дело в преимущественно водных путешествиях или таких, что протекают в равной степени на воде и на льду. Тут нужны лодки достаточных размеров, и такой подъем-

¹ Фрукты, являющиеся предметом питания в южных странах, содержат около 12% углерода, тогда как жир содержит 66—80% его (по Либиху).—Примеч. автора.

² Они должны долго кипеть, поэтому их приготовление возможно лишь при наличии избытка топлива.—Примеч. автора.

³ Подразумевается спирт для согревания кухни. Во времена Пайера сухой спирт еще не производился.—Примеч. переводчика.

ной силы, чтобы вся команда и весь груз могли в них уместиться. Для этой цели лучше всего подходят норвежские фансботы, способные принять семь-восемь человек. Они не пригодны только для перетаскивания на большие расстояния через глубокий снег, так как для этого нужно двойное количество людей. Переправа этих лодок по льду производится с помощью нарт наибольшего из описанных размеров, если состояние льда хорошее или среднее. По очень глубокому снегу лодки перевозятся на особых санках на трех низких полозьях. Полозья эти соединены между собой досками, загнутыми кверху с обоих краев, так что в целом образуется плоскость, препятствующая погружению нарт в снег.

Достойной подражания является конструкция лодок, испытанная в экспедиции Парри. Лодки эти были вместительны и плоскodonны.¹ С каждой стороны киля были прикреплены полозья, облегчавшие транспорт лодок на льду.² Вес такой лодки составлял пятнадцать центнеров, длина их равнялась двадцати, а ширина семи футам. Шпангоуты отстояли друг от друга на фут и были сделаны из крепкого ясеня или американского орешника; поперечное сечение каждого прута было от дюйма до полудюйма. Между каждыми двумя шпангоутами имелся половинный шпангоут, то есть меньших размеров, не достигавший при этом до верха. Снаружи лодки были покрыты просмоленной непромокаемой тканью.³ Сверху шла очень тонкая ($\frac{3}{16}$ дюйма) крышка из сосновых досок, затем пласт из толстого войлока и наконец дубовая обшивка той же толщины, что и сосновая. Все это было крепко и надежно скреплено с каркасом наружными железными скобами. Лодки обладали поразительной эластичностью и способны были выносить довольно сильное сжатие без вреда для себя. Экипаж каждой лодки состоял из двух офицеров и двенадцати человек команды.

Килевые шлюпки совершенно непригодны для продолжительных переходов по льду. Хорошо снаряженная экспедиция должна непременно располагать некоторым количеством старательно сконструированных трехполозных саней, лег-

¹ Само собой разумеется, лодки эти не предназначались для переходов по открытому морю. — Примеч. автора.

² Русские промышленники пользуются подобными лодками во время охоты на морского зверя. Эти лодки называются у них ледянками. — Примеч. переводчика.

³ Дословно сказано: «...были одеты в просмоленное покрывало из «ватерпруфов» Макинтоша». — Ватерпруфом называется в настоящее время пальто особого фасона, а некто Макинтош был его изобретателем. — Примеч. переводчика.

кими, крепкими лодками, около двадцати футов длины с мачтами и реями из бамбука и проч. Она должна всегда считаться с возможностью потери судна, и потому, чтобы оказаться в состоянии своими силами, без посторонней помощи, проделать весь обратный путь, нужно достаточно оборудоваться.

Особо тщательной подготовки требует снабжение участников экспедиции подходящей одеждой. Большое количество шерстяного белья и легкие меховые шубы лучше всего хранить от арктических непогод. Белье должно тесно прилегать к телу, но не настолько, чтобы оно мешало кровообращению. Шубы должны лежать свободно и достигать половины бедра.

Неправильным было бы считать, что в одежде следует подражать северным кочевникам.¹ Во время похода достаточно иметь на себе длинный жилет из чистой овечьей шерсти, к которому пришит набрюшник, две крепких суконных рубашки, 1—2 пары шерстяных кальсон, одну крепкую пару суконных брюк с боковыми прорезами, одну пару обыкновенных варежек и легкий капюшон. В таком костюме можно перенести любую температуру. Однако, в случае ветра, в особенности если он усиливается и вызывает метель, необходимо одевать доху, две пары шерстяных перчаток и широкую фланелевую повязку через нос, прикрепленную к капюшону. В таком одеянии ложатся также на отдых. В походе к капюшону приставляется ветровой щит, назначение которого — защитить лицо с подветренной стороны от возможного отмирзания. Фланелевые маски с вырезами для носа и рта не годятся, так как они покрываются ледяной коркой уже спустя несколько часов. Для облегчения дыхания при холодном ветре служит прикрывающая рот легкая шаль. Ввиду того, что даже самая короткая борода во время путешествия превращается от пара, идущего изо рта, в сплошной кусок льда, ее необходимо совершенно сбривать.

Само собой разумеется, что нельзя установить общий стандарт одежды на время санных путешествий, так как выбор одежды зависит в каждом отдельном случае от сопротивляемости индивидуумов и от погоды. В случаях, когда температура не ниже -15° — -20° , можно даже ночью ограничиться жилетом, суконной рубашкой, одной парой шерстяных кальсон, шубой, суконными брюками, одной парой пер-

¹ Камчадалы и якуты спят во время зимних санных поездок без крыши над головой и без огня. Поразительную нечувствительность по отношению к холоду обнаруживают многие индейские племена в Америке. — Примеч. автора.

чаток и одной парой чулок. Только наиболее чувствительные к холоду одевают еще пару носков из буйволового меха. Шлем из овечьей шерсти обычно вполне надежно защищает голову. Перчатки, не предназначенные специально для рисования или обращения с инструментами, должны быть связаны из овечьей шерсти, а пальцы обшиваются фланелью. Чулки тоже должны быть обшиты фланелью на пятке и в пальцах. Их следует держать по возможности сухими.

Из мехов следует рекомендовать буйволового и енотовый, но наиболее подходящей одеждой приходится считать костюм, сшитый из гагачьих шкурок.

Обувь членов санной экспедиции состоит из брезентовых сапог на фланелевой подкладке с широкой подошвой и толстой войлочной стелькой. Сапог должен быть эластичным, так как только это свойство обуви защищает ногу от отморожения. Ввиду этого не следует утяжелять сапога, покрывая его снаружи каучуком или веревочным плетением. Кожаные сапоги при санных путешествиях совсем не применимы, так как при низкой температуре они совершенно не сгибаются и неизбежно вызывают отмораживание ног. Кроме того, кожаные сапоги, однажды снятые с ног, на морозе невозможно надеть снова, а при применении силы кожа ломается. Голенища сапог должны быть настолько просторны, чтобы сапоги легко натягивались поверх брюк. Это условие особенно важно для брезентовой обуви, ввиду того, что она очень садится под влиянием мороза; поэтому первоначальная вместимость этих сапог должна быть такой, чтобы нога, обутая в три пары шерстяных чулок, легко влезала в них. Меховая обувь мало пригодна для длительных переходов.

Превращение всякой влаги в лед — явление, доставляющее много неприятностей всем работающим в Арктике. Следует избегать пользоваться тканями, легко впитывающими сырость. В первую очередь необходимо обратить внимание на то, чтобы подкладка и карманы были не бумажные, а непременно чисто шерстяные. Не следует также носить задерживающую испарения резиновую одежду.

Собаки запрягаются в нарты попарно, но каждая на отдельном шнурке, так как иначе вся упряжка перепутается. Если количество собак более четырех, то их приходится впрягать не попарно, а ставить рядом.¹ В этом случае по-

¹ Одним прикосновением кнутом к собачьему вожаку или даже просто касания снега вполне достаточно, чтобы хорошо обученная упряжка знала, направо или влево следует ей свернуть. На Колыме собаки располагают попарно друг перед другом, а чукчи, живущие еще дальше к востоку, запрягают по четыре собаки в один ряд. — Примеч. автора.

стромки должны быть длинные, притом длиннее всего для средних, самых сильных и понятливых псов. Отбор собак для каждой упряжки должен быть весьма тщательный. Необходимо учитывать, что, например, эскимосская собака охотнее всего бежит быстро и поэтому не любит равномерной напряженной работы с большим грузом, тогда как ньюфаундленды, напротив, предпочитают езду шагом. В районе Гудзонова залива наиболее подходящими упряжными животными считают собак с сильной примесью волчьей крови, потому что такое потомство отличается мужеством и силой. Более всего подходят настоящие ньюфаундленды, после них следуют волкоподобные эскимосские псы и сибирские собаки.¹ Эскимосские собаки очень полезны еще благодаря тому, что они умеют задерживать преследуемого охотником белого медведя, способствуя тем самым успеху охоты.

Во время санных путешествий собаки ночуют на открытом воздухе. Обычно их привязывают к колышкам, чтобы они не убежали. Мы позволили себе роскошь разбивать для небольшого количества сопровождавших нас животных отдельную маленькую легкую палатку. Собаки, не закаленные с ранней молодости в тяжелых переходах по льду, легко ранят себе лапы, причем раны эти в течение всего путешествия не заживают. Чтобы предотвратить ухудшение состояния собачьих ног, раны смазываются ежедневно коллодием или промываются водкой, после чего каждая лапа заворачивается в фланелевый колпачок. В таком положении находился во время нашего путешествия Юбинал. В случаях, когда собака оказывалась совершенно переутомленной, мы действовали по обычаю сибирских народностей, пуская некоторое количество крови около хвоста или около ушей.

ПЕРВАЯ САНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Думается, что предыдущие замечания о снаряжении санных экспедиций с достаточной ясностью обрисовали перед читателями методы, которыми путешественники пользуются

¹ Сибирская лайка — одна из лучших пород ездовых собак. — Примеч. переводчика.

при многонедельном пребывании в арктической пустыне. Из этого описания видно, как велико многообразие положений, требующих от начальника экспедиции большого умения находить подходящие безболезненные выходы.

Я перехожу к описанию первой санной экспедиции, цель которой состояла в предварительном ознакомлении с общей конфигурацией страны, пока еще полной таинственности. Кроме того эта поездка должна была выявить, насколько далеко распространяется земля на север и каково ее внутреннее строение. Ближайшая задача состояла в подъеме на те высокие горы на мысу Тегетгоф, которые мы впервые увидели несколько месяцев тому назад и до которых предыдущей осенью не смогли добраться из-за далекого расстояния. Выступила экспедиция только в начале марта, то есть через несколько дней после того, как солнце впервые выглянуло из-за горизонта (24 февраля). В течение всего марта оно редко показывалось, скрываясь обычно в густом тумане, заволакивавшем небосклон. Тусклое водяное небо вырисовывалось на юге. Единственными радостными вестниками весны были единичные птички. Снег стал мягким, что сильно беспокоило нас, но под влиянием устойчивых северо-восточных ветров он в начале марта снова затвердел.

С прекращением ветра упала температура. Несмотря на то, что начало марта считается, из-за характерного для этого периода температурного минимума, временем, мало благоприятным для совершения санных поездок, наше нетерпение было так велико, что все сомнения были отброшены: 9 марта большие нарты стояли готовые к отправке в однедельную экскурсию. Груз состоял из значительного количества продовольствия, часть которого мы предполагали оставить для закладки депо. Погружено было 39 фунтов сухарей, 5 фунтов пеммикана,¹ 16 фунтов мясных консервов, 6½ фунтов сала, 1 фунт гороховой колбасы, ½ фунта соли и перца, 6 фунтов риса, 2 фунта крупы, 5 фунтов шоколада, 5 мер рома, 1 фунт мясного экстракта, 2 фунта сгущенного молока и 8 мер спирта. Все прочее снаряжение состояло из описанных выше предметов. Оружие наше состояло из трех винтовок и ста патронов, из которых использовано было только сорок.

Меня сопровождали шесть человек и три собаки (Гиллис,

¹ Для собак я распорядился мелко нарезать 265 фунтов сушеного медвежьего мяса. Против ожидания собаки в пути отказывались от этой, предназначенной для них пищи. В течение четырех дней они голодали, и это вынудило меня сдаться и захватить для них сухарей. — Примеч. автора.

Торос и Сумбу). Среди команды не все вполне подходили для такой экспедиции, но я намеренно не взял лучших, чтобы приберечь их силы для большого путешествия на север. Только оба тирольца, Галлер и Клотц, проявили большую выдержку в ходьбе пешком, менее выносливыми оказались Лукинович и Катаринич. Поспишилл и Леттис оказались никуда не годными ходами. Среди участников этого похода у четверых было плохое здоровье: Поспишилл страдал эмфиземой легких, у Лукиновича был дефект сердечной деятельности, Галлер болел хроническим ревматизмом сочленений, а Леттис катарром дыхательных путей.

Утром 10 марта мы покинули судно. Вскоре мы перезаляли через торосистый лед, лежавший к северу от корабля, и пошли по ровному береговому припаю, образовавшемуся прошлой осенью. Вдруг мы заметили позади несколько черных точек, приближавшихся повидимому с большой торопливостью. Это были собаки, оставленные нами на судне. Они желали принять участие в экспедиции наравне с остальными, и, чтобы вернуть их обратно, нам пришлось применить хитрость, насилие и даже стрельбу в воздух.

Вес нашей поклажи составлял лишь шесть—семь центнеров, дорога была хорошей. В таких условиях нам удалось развить необыкновенную скорость—сто шагов в минуту. Спустя два часа, мы прошли югозападный мыс острова Вильчека, вблизи которого несколько дней тому назад обвалился айсберг, разрушивший лед на большом расстоянии вокруг. Под сенью другого айсберга, напоминавшего своим видом наполовину распустившуюся розу, мы устроили полуденный привал. В защищенном от ветра месте, при температуре -21° отдых пришелся очень кстати. Из-за ослепительного белого айсберга поднимались световые дуги и сияли боковые солнца. Настоящее солнце стояло даже в полдень все еще так низко над горизонтом, что определение широты не могло дать точных результатов. Поэтому я решил уже в первую поездку начать определение географического положения Земли Франца-Иосифа путем нанесения сети высокорасположенных триангуляционных точек; определение базиса было предположено произвести позднее. Из этого видно, что подъем на высокие горы входил в программу нашего предприятия.

Корабль скрылся из виду. По мере дальнейшего продвижения вперед дорога становилась все хуже, постепенно превращаясь в сплошное скопление ледяных обломков. Вечером мы достигли высокой скалы на острове Вильчека. Рядом

с нею виднелись севшие на мель айсберги. Об ледяные бока стамух ломалось и трескалось напиравшее сплошное поле. При переходе на берег трое из нас, к общему ужасу, провалились в засыпанную снегом трещину. В течение всей ночи мы прислушивались из разбитой на берегу палатки к бесконечному треску льда. На следующий день, 11 марта, мы поднялись на заре при $-20,5^{\circ}\text{P}$ и заметили в южном направлении водяное небо. Взобравшись на холм, мы увидели на далеком расстоянии море в виде покрытой молодым льдом полыньи. Тяжелые пары поднимались из отдельных, еще открытых трещин, а на поверхности молодого льда отражались огненные краски начинающегося дня. Только под самым берегом острова Вильчека узкой лентой тянулся торосистый лед, указывающий на недавние сжатия. Перейти остров Вильчека поперек с груженными нартами нам не представлялось возможным, поэтому мы пустились в трудный путь вдоль скалистого берега.

Живописный характер дороги заслуживал подлинного восхищения, но путь был очень труден: неоднократно приходилось снимать с нарт поклажу, срубать и скапывать ледяные глыбы, ставшие нам на дороге. Поведение собак было не безупречным. Случайно обернувшийся человек или пролетающая птица служили вполне достаточным поводом для того, чтобы собака настораживалась и переставала тянуть. Если в таких случаях Клотц тоже на минутку сдавал, то нарты останавливались. Мы пробивались вперед, проходя мимо айсбергов, расщепленных морозом на глыбы; айсберги непрерывно потрескивали, что тоже вызывалось все возраставшим морозом.

Прошло несколько часов. Наконец, мы достигли плоской равнины и направились дальше по пологому склону покрытого снегом берегового мыса. Перед нами развернулись во всю ширь отвесные скалистые берега острова Галля и ледяные стены глетчеров острова Мак-Клинтока. Наш курс был ясен. Он пролегал в северозападном направлении через покрытую снегом равнину старого льда к мысу Тегеттгоф. Но поднявшийся вдруг туман покрыл все кругом густой пеленой, так что продолжать путь нам пришлось в полутьме, пользуясь указаниями компаса. Маленькие торосы, возвышавшиеся на этой ровной поверхности, служили нам для ориентировки. Но удержаться в тумане на определенном курсе было так трудно, что мы оказывались вынужденными устраивать через каждые четыреста шагов остановку для проверки направления. С помощью большого компаса мы устанавливали наличие ошибки, равнявшейся обычно 20—40

градусам, а иногда доходившей даже до 90°! К тому же шел снег, делавший воздух еще менее прозрачным. Мы не заметили, что по нашим пятам следует медведь, и увидели его только тогда, когда зверь подошел совсем близко. В тумане он показался нам огромным чудовищем. Мы поспешно схватили ружье, одно из них выстрелило из-за неосторожности охотника раньше времени, и медведь исчез, даже не оставив на снегу следов крови.

С сегодняшнего дня мы завели обычай раскладывать палатку на время обеда, то есть на время от часа до двух, в течение которого мы едим разогретые мясные консервы и прочее. Самая незначительная метель вызывает полное уныние среди неопытной команды.

При выходе из палатки нам опять встретился медведь, но он успел исчезнуть раньше, чем мы схватили ружья. В течение следующих часов мы миновали несколько огромных столообразных ледяных гор. Под действием покрепчавшего ветра разорвалась пелена тумана, и мы увидели почти рядом с собою скалы мыса Тегетгоф. Затем началась сильная пурга, задувшая нам навстречу.

Пользуясь ею, знакомый нам уже медведь продолжал преследовать нас. Он появлялся неожиданно то справа, то сзади, то вдруг перед нами.

Наконец медведь был убит. Это была самка шести футов длины. Мы срезали самое лучшее мясо, язык и немного сала и отправились дальше, навстречу усилившейся пурге. Один из команды глубоко разрезал себе во время разделки медведя палец, а так как применением хлористого железа не удалось остановить сильного кровотечения, то мы оказались вынужденными уже в шесть часов вечера разбить палатку.

Утром 12 марта мы свернулись и отправились дальше. Мороз был —26°Р, пурга сильнее вчерашней. Все кругом утонуло в снегу. Некоторые из моих спутников, недостаточно привыкшие к таким испытаниям, сразу же отморозили себе пальцы на руках. Наши брезентовые сапоги затвердели, как камень.

Мимолетное затишье дало нам короткий отдых. В это время мы увидели, что мыс Тегетгоф лежит прямо к северу от нас и что, следовательно, во время вчерашнего похода мы чересчур отклонились к югу. Теперь мы пошли в этом направлении. Ветер все еще дул с северо-запада, поэтому мы не могли воспользоваться парусом. Во время такого похода против ветра тяжелее всего приходится идущим

вперед. На этот раз, однако, почти все мы поотмораживали себе носы.

Когда мы были уже недалеко от берега, пурга немного стихла, а еще через два часа ветер совсем прекратился. Круто спадающее плато мыса Тегеттгоф было совсем недалеко от нас. По верху его тянулся базальтовый скалистый кряж, уходящий на восток и кончавшийся здесь двумя отдельными столбами, около двухсот футов высоты каждый. Мы достигли их незадолго до полудня. Определение географического местоположения, произведенное при благоприятном состоянии погоды, дало $80^{\circ}6'$ северной широты. Из-за незначительности прибою лед в бухтах почти не колеблется и не растрескивается; благодаря этому талые весенние воды скопляются вдоль берегов бухт в виде небольших озер.

Мы разбили палатку у подножия одного из утесов, сложенных из красивых базальтовых колонн. Пока повар приготавливал обед из медвежатины, мы расположились под самыми скалами, чтобы высушить в лучах солнца покрытую льдом одежду.

В час дня тирольцы и я начали восхождение на вершину мыса Тегеттгоф. Оставшиеся в лагере принялись оттирать снегом озябшие ноги. При этом Леттис сообщил, что вот уже три часа, как ноги у него совсем отморожены и потеряли всякую чувствительность.

Час целый шли мы по снегу, скрываясь в лазурно-синей тени, падающей от возвышающейся над нами гряда базальтовых утесов. В течение следующего часа мы карабкались уже по кручам, освещенным ярким солнцем. Розоватое сияние отражалось от снежных полей и ложилось на каменные стены. Пробираясь между скалистыми выступами, мы достигли наконец высшей точки волнистого горного плато.

Редко случается принимать участие в таком интересном восхождении, происходящем в стране, по которой не ступала еще нога человека. Галлер и Клотц были врожденные штейтеры, а мне приходилось не менее сотни раз подниматься во время работ по съемке в Тироле на высоту десяти тысяч футов. Но никогда не случалось нам с такой напряженностью ждать момента, когда, достигнув вершины, мы увидим у ног своих всю страну. Восхождение было не из легких, и оба тирольца пустили в ход всю свою необыкновенную ловкость, взбираясь по крутым ледяным склонам в парусиновых сапогах. Было три часа пополудни, когда мы достигли вершины. Температура здесь -28°P , тогда как у палатки она в то же время -25°P , а на оставленном нами

судне —23°3' Р. Сравнительные наблюдения над барометрами показали высоту в 2600 футов.¹

Против ожидания вид с горы оказался ограниченным. Видимость была плохая, особенно в северной стороне, где мы с трудом разбирали очертания мыса Берггауз, скрытого от нас мгlistым мутным воздухом. С западной стороны земля была в тумане, да и на юге, со стороны моря, тоже розовели туманные облака. Только непосредственно под солнцем виднелись узкие полоски чистой воды. В течение двух часов я успел зарисовать все видимое и определить положение нескольких точек. Затем мы возвратились к палатке, где застали Леттиса и Катаринича, оттирающих снегом руки Лукиновича, который отморозил их себе, оттирая ноги Леттиса.

Мы не получили назначенного к определенному часу ужина, потому что повар сидел беспомощно над дымящимися щепками, и все, что удалось ему приготовить, состояло из кусков поджаренного медвежьего сала. Я выдал бутылку спирта и только после этого появился ужин. Затем мы забрались в общий мешок на отдых. Но вскоре несколько из нас схватила дрожь. У больного легочной эмфиземой Поспишилла она приняла характер лихорадки. Я вышел посмотреть на термометры. В одном из них, имевшем деления до —28°, ртуть целиком ушла в шарик, а другой, спиртовый, показал —33°Р. Горячий трог из целой бутылки крепкого рома прекратил дрожь, и мы крепко уснули, несмотря на неприятную сырость одежды.

13 марта мы поднялись в 6 часов утра. Солнце еще не взошло, спиртовый термометр показывал 35°Р ниже нуля. Легкий ветерок с берега пронизывал холодом. На нашем корабле одновременно температура была только —30°. Такая разница — обыкновенное явление, обусловленное охлаждающим влиянием суши.

Нашей ближайшей целью был мыс Берггауз.² С вершины его можно было видеть все вокруг на далекое расстояние и выяснить характер распределения суши под восьмидесятым градусом северной широты. Задолго до восхода солнца снеговые пространства озарились кругом зеленоватым отсветом. Только ледяные горы на севере искрились серебристым блеском и быстро меняли свои контуры в клубящемся воздухе. Путь был выложен миллиардами ледяных кристаллов.

¹ Определения высот, произведенные Пайером, считаются в большинстве своем ошибочными. Действительная высота гор Земли Франца-Иосифа обычно оказывается на треть или в половину меньше. См. предисловие. — Примеч. переводчика.

² В действительности это остров. — Примеч. переводчика.

Мыс Ти́роль. Обы́чный ха́рактер медве́жьей охоты во вре́мя са́нного пу́тешествия.

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Эти кристаллы оказались настолько твердыми, что нарти передвигались по ним с большим трудом. Со звонким скрипом тащились они по льду, и спустя три часа мы почувствовали такое утомление, что остановились; сняли с нарт часть вещей и растопили немного снега, чтобы смочить полозья. Они моментально покрывались коркой льда, очень облегчавшей скольжение нарт. Но через час корка стиралась.

С левой стороны открылась широкая бухта — фьорд Норденшельда, — окруженная живописными горами. В глубине ее был большой глетчер. Мы свернули к западу, чтобы изучить этот арктический великан. Окружавшие ледник горные вершины вполне заменяли нам оставленный в стороне мыс Берггауз.

Чем дальше проникали мы внутрь фьорда, тем глубже становился слой снежной пыли, скопившийся под действием ветров в этой котловине. В полдень мы достигли высоких стремнин Сонкларовского глетчера и разбили нашу палатку под стеной одного из айсбергов.

Уже вскоре после полудня тирольцы и я стояли на вершине горы мыса Литтров,¹ высота которой, измеренная с помощью анероида, оказалась равной 2500 футам. Отсюда мы обозревали не только горные края острова Галля, но и острова, расположенные дальше к востоку. Царило полное безветрие, воздух был яснее обычного. Несмотря на низкую температуру (-35°P), я в течение трех часов непрерывно работал, сначала над зарисовкой всего окружающего, потом над измерением углов в азимуте и высоте. При этом я несколько не страдал от холода.² В направлении с юго-запада на северо-восток уходили далекие горные цепи, подымаясь над ближе лежащими хребтами. Было приятно сознавать, что открытая нами страна занимает большую площадь. Нам не терпелось узнать действительные размеры страны, состав ее и строение, мы стремились возможно скорей подойти к раскрытию ее тайны. В настоящий момент мы не могли видеть дальше гор Вюллерсторфа. Эти три пика ярко пылали в лучах низко стоящего солнца, возвышаясь над ушедшим в тень глетчером Сонклар. Террасами шириной в много миль спускался ледник и вливался где-то глубоко у наших ног в замерзшую бухту фьорда Норденшельда.

Мы произвели подготовительные работы для определения скорости движения глетчера. Закончив их, двинулись в об-

¹ Мыс Литтров, также как и мыс Берггауз, представляет собой отдельный небольшой остров. — Примеч. переводчика.

² Удивительное непостоянство в ощущении холода будет подробнее рассмотрено в следующей главе. — Примеч. автора.

ратный путь. В восемь часов вечера мы возвратились к нашей палатке. В этой экскурсии нас сопровождали Сумбу и Торос. При подъемах и на спусках нам приходилось привязывать их веревкой, тогда как мы сами с трудом пробирались по невероятно крутому склону горы по ступенькам, которые Клотц, идущий впереди, прорубал с поразительной ловкостью. В течение следующей ночи температура упала до -37° (на судне -35°); мне кажется, что не будь у нас горячего трога, ночь не прошла бы без неприятных случаев. Мы выжили его, уже лежа в спальном мешке, закутанные и тесно прижатые друг к другу; трог был страшно горячий и такой крепкий, что при иных обстоятельствах он наверное лишил бы нас трудоспособности на несколько дней. Но все же ночь была очень тяжелой, особенно из-за влажного холода и обледенелой одежды.

МОРОЗ

14 марта было наиболее холодным днем. Уже в шесть часов утра тиролицы и я стояли на верху обрыва Сонкларовского ледника. Остальные занялись выгребанием снега из палатки и устройством небольшого продовольственного депо в одном из соседних айсбергов.

Солнце еще не взошло. Приближение его угадывалось по желтоватому сиянию, поднявшемуся из-за мрачного ледникового пояса острова Сальм. Скоро над горизонтом вспыхнул факел света, похожий на огненный столб костра. Солнце вышло из-за небосклона в сопровождении свиты боковых солнц. Сначала оно казалось кроваво-красным, и края его тонули в тумане. Белые вершины высоких гор покрылись розовым налетом. Этот нежный оттенок спускался по склонам гор к подошве их и разбегался по ледяной равнине. Наконец солнцу удалось раздвинуть туманную завесу, и все кругом зажглось и запылало. Эти изумительные краски держались в продолжение всего дня, так как солнце в марте месяце подымалось над горизонтом всего лишь на несколько градусов.

Мы вышли на глетчер. Спиртовый термометр показал

здесь 40,5°Р ниже нуля.¹ Легкий ветерок дул со стороны суши. В этих условиях само по себе приятное дуновение ветра чрезвычайно затрудняло производство необходимых измерений и зарисовку. Я работал под прикрытием своих тирольцев, и все же мне приходилось поминутно оттирать снегом заокоченевшие руки.

Мы захватили с собой немного рома. Стоя на коленях, мы вливали его друг другу в рот из боязни притронуться к нему металлом. Несмотря на свою действительную крепость, ром этот, казалось, потерял всякую силу и перестал быть жидким. Вкус его напоминал вкус молока, а по консистенции он был похож на топленое сало. Хлеб стал таким твердым, что мы изранили себе десна, прежде чем съели его. Курение сигар было скорее наказанием, чем удовольствием, так как они беспрестанно гасли и моментально замерзали, как только вынимались изо рта. Даже самые коротенькие трубки промерзали насквозь. Прикасание к инструментам могло вызвать ожоги. У некоторых из участников экспедиции были на груди металлические медальоны; им казалось, что грудь обжигается раскаленным железом.

Явления холода, наблюдавшиеся нами во время этого путешествия, настолько интересны, что ради описания их я считаю возможным прервать рассказ о ходе экспедиции. Все производившиеся наблюдения над влиянием мороза на окружающую среду записывались мною всегда тут же на месте.

Своеобразный вид имеет группа людей, бредущих по льду при такой низкой температуре! Из ртов их клубами валит пар; они идут закутанные в облако тумана, состоящего из мельчайших ледяных иголок. Облако настолько плотное, что людей почти не видно. Снег тоже излучает тепло, получаемое им снизу, от морской воды, и выделяет его в виде легкого пара. Воздух пронизывают бесчисленные ледяные кристаллы. Легкой пылью уносит их ветер, а когда он стихает, лед покрывается белой пеленой. Гуще всего бывает туман около полыней и трещин.

В такой мороз человеку начинает казаться, что он окружен страшной сыростью, в действительности же атмосфера почти совсем лишена влаги.² В этом климате не может быть тяжелых туч, небо всегда в тумане, сквозь который просвечивает кроваво-красное солнце или луна. Чаще всего они

¹ Максимальная температура из всех наблюдавшихся мною за время трех экспедиций. — Примеч. автора.

² Во время сильного мороза табак рассыпался в легкую пыль. — Примеч. автора.

бывают при этом окружены широким кругом. С усилением мороза уменьшается размер кристаллов падающего снега, достигая при особо низких температурах почти микроскопической величины. Суша представляет собой настоящий очаг холода и конденсирует туманы, снег и всю поступающую влагу. Растрескавшиеся от мороза скалы покрываются сплошной коркой льда, от которой освобождаются только в апреле, с наступлением теплых дней. Почва, местами выступавшая из-под снега, была тверда, как металл. Исходя из низкой средней годовой температуры (около -13°P) Земли Франца-Иосифа, можно предположить, что почва промерзает здесь больше чем на тысячу футов.¹

Характерной особенностью климата арктической континентальной страны является мороз в соединении с ясным небом и безветрием.² Такое состояние погоды встречается тем реже, чем ближе к морю. Здесь можно иногда наблюдать легкие бризы даже при тридцатиградусном морозе, воздух же становится все менее прозрачным.

Интересны также превращения, происходящие при сильном морозе в физических телах. Снег становится твердым, как камень. Поверхность его приобретает зернистый характер, напоминая собой сахар. В местах, где снег лежит сугробами, он делается бутристым, а вершины гребней угловатыми. Каждый шаг отдается от таких сугробов, будто удар палки по барабану. Все остальные тела также заметно уплотняются. Лед становится все тверже и при падении звенит. Дерево трескается и приобретает плотность слоновой кости; обрабатывать такое дерево ножом почти невозможно. Масло превращается в каменную глыбу, мясо колется, как дрова. Ртуть затвердевает, и шариком ее можно стрелять из ружья.³

Если действие мороза так сильно сказывается на мертвой природе, то можно думать, насколько велико его влияние на живые организмы и на силу воли человека. Мороз вызывает замедление пульса, уменьшает чувствительность тела и сокращает способность движения. Всякое лишение пере-

¹ В Якутске, средняя годовая температура которого -9°P , глубина промерзания почвы составляет, очевидно, около шестисот футов. — Примеч. автора.

² В Сибири воздух настолько прозрачен, что нередко удается наблюдать простым глазом прохождение спутника Юпитера. — Примеч. автора.

³ Дж. Росс прострелил ртутным шариком дюймовую доску. Точка замерзания ртути, как известно, находится на 32°P ниже нуля, колеблясь, однако, в зависимости от ее чистоты от -32°P до -34°P . — Примеч. автора.

носится в мороз гораздо тяжелее. Все чувства резко притупляются. Сильнее всего ощущается потеря вкуса и обоняния, происходящая вследствие чрезмерно интенсивного выделения секрета слизистой оболочкой. Если кто-нибудь внезапно попадает на сильный холод, то он невольно закрывает рот и начинает дышать носом. Это — средство самозащиты человека от стеснения в груди и колотья в легких, вызываемых холодным воздухом. Веки обмерзают даже в тихую погоду, и, чтобы они не примерзали друг к другу, их приходится время от времени очищать от льда. Выдыхаемый с шумом¹ воздух тут же превращается в снег, борода не успевает покрыться льдом, и потому она обмерзает меньше остальных частей лица. Снеговые очки заиндевевают и уже при 30° ниже нуля становятся мутными, как замерзшие оконные стекла.

Но сильнее всего холод ощущается в неподвижном состоянии, так как при этом очень зябнут подошвы ног. Во время остановок в пути сказывается упадок сил, наступают апатия и сонливость, нередко приводящие к замерзанию. Поэтому путешественникам, совершающим большие переходы при очень низкой температуре, следует возможно меньше и реже останавливаться на отдых. Сильное охлаждение подошв ног во время обеденной стоянки является главной причиной того, что как раз послеобеденные переходы больше всего утомляют. В большой мороз изменяется характер выделений человеческого тела, а кровь становится гуще. Одновременно происходит усиленное выделение углекислоты, вызывающее повышение аппетита. Совершенно прекращается выделение пота. Наоборот, секреторная деятельность слизистой оболочки носа и соединительной оболочки глаза усиливается. Значительно усиливается также мочевыделение, причем моча приобретает красный цвет. Обычно вначале делаются запоры, длящиеся до 5—8 дней, на смены которым приходит понос. Наконец, влияние сильного мороза сказывается также и на бороде, цвет ее меняется, волосы как бы выгорают.

Ощущение холода у человека далеко не всегда соответствует показанию термометра, вешенного для измерения температуры окружающего воздуха. Оно зависит не только от состояния погоды, от времени года, от географического положения, от характера одежды, но и от субъективных свойств каждого человека. Ощущение холода летом и зимой неодинаково, потому что потребность в пище и про-

¹ Шум происходит от того, что воздух при столь низкой температуре насыщен кристаллами льда. — Примеч. автора.

дукция тепла человеческого тела к зиме возрастает. Низкая температура воспринимается одним и тем же человеком не всегда одинаково. Иногда сильнее всего мерзнет лоб или подбородок, иногда же руки или ноги. Наиболее приятной погодой для совершения поездок в арктических странах является безветрие при -15 до -20°P . Голод повышает чувство холода вследствие уменьшения теплообразования; оно увеличивается также при недостатке сна и в случаях сильного нервного возбуждения.

Способность выносить холод зависит от силы воли, здоровья, физической закаленности, привычки легко переносить житейские невзгоды, подвижного образа жизни, а также от окружающего сухого воздуха и безветрия. Труднее всего приходится слабовольным людям и страдающим ревматизмом.

Чтобы не замерзнуть, нужно быть постоянно настороже. Больше всего приходится возиться с носом. Едва успеешь оттереть его снегом, как замерзают руки, пока согреваешь руки, застыли пальцы на ногах. Во время похода нужно как можно чаще шевелить ими, чтобы не отморозить окончательно. Явление отморожения выражается в потере чувствительности и состоит, как известно, в том, что кровь застывает или уходит из капилляров. Если помощь своевременно не оказана, то тело становится твердым и хрупким.

Удивительно, что сильная жара и сильный холод одинаково вызывают нестерпимую жажду; она — настоящий бич для путешественников, странствующих как по Арктике, так и в тропиках. Некоторые стараются помочь себе тем, что едят снег. Но этого ни в коем случае не следует делать при сколько-нибудь низкой температуре. Поедание снега вызывает воспаление гортани и языка, ревматические зубные боли, понос и прочее. Такое средство — чистейший паллиатив.

В остальном можно считать зиму в Арктике наиболее здоровым временем года. Следует также отметить, что в каждой полярной экспедиции члены ее, страдающие всевозможными катаррами, чувствуют себя несравненно лучше. Характерно тоже, что, несмотря на резкую смену температур на судне, что легко влечет за собою простуду, люди в Арктике заболевают редко, если же все-таки простуживаются, то нездоровье проходит быстро и без последствий. Возможно, что это зависит от количества содержащегося в воздухе озона, но вопрос этот пока не ясен и подлежит изучению.

Вернемся, однако, к нашему путешествию.

Мы пересекли Сонкларовский ледник, измерив по пути его

наклон, оказавшийся очень незначительным (1°6'). С вер-хушки одного из холмов мы рассматривали окрестность в поисках пути на север. Нам казалось, что наиболее подхо-дящей дорогой для следующей нашей вылазки должен быть сам ледник, поверхность которого казалась совсем без тре-щин. Достигнув, наконец, земли, мы убедились в неразум-ности нашей прежней надежды найти здесь нечто вроде «рая земного». Но нам так давно не приходилось ступать на землю, что мы поневоле разукрасили желанную страну не-существующими красотоми.

В следующей главе дается описание Земли Франца-Иосифа, основанное на данных, собранных во время этой и следующих двух санных поездок.

После полудня мы вернулись к палатке, закончив осмотр вещей, установленных для измерения скорости движения ледника. Здесь мы сложили палатку и отправились в обрат-ный путь к мысу Тегеттгоф и дальше, к судну. Легкий вете-рок дул со стороны, доставляя нам много мучений, беспре-станно приходилось следить за тем, чтобы не отморозить какую-нибудь часть тела. Нарты скрипели и с трудом сколь-зили по твердому снегу: казалось, что на них двойная кладь.

Еще тяжелее была ночь, проведенная нами под прикры-тием скал мыса Тегеттгоф. Впрочем, во время таких путе-шествий ночевка всегда представляет самую трудную часть их. Следует считать счастливым того, кто настолько уто-мляется от работы, что быстро засыпает. Перед тем как лечь, мы выкопали, как обычно, в снегу углубление и разрыхлили его, чтобы возможно полнее использовать свойства снега, как плохого проводника тепла.

Внутренние стенки нашей палатки вскоре сплошь покры-лись инеем. Все мы с головы до ног были покрыты ледяной коркой. Некоторые из нас едва двигались и, казалось, сохра-нили способность шевелить только лишь одним языком. Люди растеряли все свое имущество — ножи, чулки, рука-вицы. Все стало для них безразлично, кроме теплого места в палатке. Выдаваемую им медвежатину они брали с энер-гией людей, находящихся под действием паров хлороформа. Изнеможенные они легли спать, но постоянно просыпались с жалобой на мороз.

Спиртовой термометр показывал 39° ниже нуля. Тепло, приобретенное нами во время похода и ужина, вскоре уле-тучилось. Холод показался совсем невыносимым. Замерз-нуть было много легче, чем уснуть. Тогда было решено при-готовить крепкий прог. Под наполненным снегом котлом зажглось шесть спиртовых фитилей. Однако для того, чтобы

растопить всю эту массу холодного снега и заставить вскипеть воду, потребовалось не мало времени.

15 марта. Спали мы без движения, будто убитые. Уже в пять часов утра поднялись, чтобы успеть пройти в один день весь обратный путь до судна, всего двадцать миль. Этим мы избавляли себя от еще одной мучительной ночевки в снегах. Погода была ясной настолько, насколько она может быть при -38° Р. Мы шли, подгоняемые легким северным ветерком. На нарты был поставлен парус, заметно помогавший нам продвигаться вперед. Уже через семь часов мы достигли западной оконечности острова Вильчека. На вершине утеса кубической формы мы устроили второе продовольственное депо. Вооруженные биноклем стали осматривать с вершины этой скалы лежащий к югу сплошной лед и вскоре увидели реи и верхушки мачт нашего корабля, спрятанного за айсбергом. Мы очень обрадовались этому, так как прекратились мучившие нас в пути сомнения, не угнало ли судно дрейфом далеко в сторону.

Необходимо было, во что бы то ни стало возвращаться на корабль. Легтис уже несколько дней не мог помогать тащить нарты и шел рядом с отмороженными ногами, обутый в оленье пимы. У Галлера опухли ноги, и он тоже шагал в меховых сапогах. Катаринич отморозил себе лицо и хромал. Наконец, Поспишил настолько сильно отморозил себе обе руки, что я был вынужден послать его к судну вперед, чтобы находящийся там врач возможно скорее оказал ему помощь. Последние шесть часов пути стоили нам опромного напряжения. Когда мы в конце концов проникли в суровые ущелья между грядями торосов вблизи от судна, нам навстречу вышли Вейпрехт, Брош, Орел и восемь матросов. Они были очень обеспокоены тем, что Поспишил не мог говорить и совсем не отвечал на их вопросы, и поэтому отправились на наши поиски.

Войдя в каюту, я сразу услышал стоны нашего несчастного товарища — Криша. Уже больше недели лежал он без сознания, но агония все еще продолжалась. Только 16 марта после полудня он стих навсегда. На следующий день труп был положен в гроб и поднят на палубу. Приспустили флаг на мачте. 19 марта состоялось погребение машиниста. Ему не было суждено испытать радость успеха и возвращения на родину, только страдания разделил он с нами.

Тогда мы стояли над могилой и думали, что будет с теми, кто остался в живых, возвратятся ли они домой или тоже погибнут здесь, в дебрях Ледовитого океана. Ветер с диким свистом пролетал над голой вершиной горы, набегал на нас

и охватывал сплошным белым потоком снега. Многие из нас отморозили себе лица и руки. Пришлось отложить до лучшей погоды прикрепление памятной доски и украшение могилы нашего товарища.

С большим трудом удалось нам среди страшной пурги отыскать обратный путь к судну.¹

ЗЕМЛЯ ФРАНЦА-ПОСПФА

Нарушая хронологический порядок, в котором совершалось постепенное расширение наших открытий во время двух следующих санных экспедиций, я считаю необходимым предварительно описать самую Землю Франца-Иосифа в части ее, изученной этими экспедициями.

В известной нам части страна эта занимает площадь, почти равную Шпицбергену. Она состоит из двух главных массивов, из которых восточный получил название Земли Вильчека, а западный Земли Зичи. Они разделены между собой широким проливом — Австрийским каналом — начинающимся у мыса Франкфурт (остров Галля) и направляющимся на север до южной оконечности Острова Кронпринца Рудольфа на $81^{\circ}40'$ сев. широты. Здесь канал делится на двое: северо-восточный рукав, прослеженный нами до мыса Буда-Пешт, назван каналом Роулинсона. Оба главных массива изрезаны многочисленными фиордами и окружены большим количеством островов.²

¹ В такую погоду легко может случиться, что путники проходят мимо судна, находясь в двухстах шагах от него. Наблюдение за направлением ветра мало помогает ориентировке, так как оно часто изменяется среди хаоса льдин и высоких торосов. 6 марта Галлер и я возвращались при -20°Р в сильную пургу с берега. Часами блуждали мы, и только Пекель, прибывавший к нам с судна, доставил нас домой. — Примеч. автора.

² В предисловии к русскому изданию говорится о значении открытий Пайера, сделанных им во время санных экспедиций, причем указывается на неточный характер произведенных им наблюдений и на вероятные причины этого. Здесь укажем лишь на конкретные ошибки в приведенном описании. Так, Земля Франца-Иосифа состоит не из двух главных массивов, а из очень большого количества более или менее крупных и мелких островов. Для Пайера это обстоятельство про-

Все пространство между обоими берегами канала было занято сплошным льдом. По большей части это был однолетний лед, местами потрескавшийся и разделенный широкими барьерами наторошенных обломков. Всюду было разбросано большое количество айсбергов. Полное отсутствие их в Новоземельском море заставляет предположить, что айсберги уносятся течениями на север.¹ Путь наш пролегал по этому ледяному мосту.

Прилагаемая карта основана на пятнадцати определениях широты, компасных засечках, зарисовках и триангуляции. Условия нашей работы были трудные, поэтому карту нельзя считать очень точной, в особенности в области, лежащей к северу от 81°10'. Высоты определялись с помощью anerоидов. Базис был измерен Вейпрехтом и Брошем. Длина базиса равнялась 2170,8 м; измерен он был вблизи судна и связан с ближайшими мысами тригонометрическим способом. Эта работа послужила основой всей моей съемки.

В арктических путешествиях всегда было принято давать новооткрытым землям и водам названия по именам лиц, способствовавших успеху самого предприятия, или по именам своих предшественников. Хотя посещенные нами страны

были незамеченными в силу того, что он наблюдал в зимнее время, когда очень легко замерзший морской пролив принять за сухопутную долину или ущелье между горами. В результате позднейших экспедиций выяснилось, что Земля Вильчека представляет собой действительно большой остров, поэтому за ним сохранено первоначальное название, тогда как место, занятое на карте Пайера Землей Зичи, в действительности заполнено большим количеством островов; в результате чего это название пришлось совсем убрать. Не существует также канала Роулинсона, так как к востоку от Земли Рудольфа на далеком расстоянии нет даже крупных островов. За мыс Буда-Пешт была повидимому принята одна из вершин Белой Земли. Указанные несоответствия видны из сопоставления карты Пайера и новейшей карты советского изготовления, помещенной в приложении. Сам Пайер, как будет видно из дальнейшего, не считал свою карту очень точной.—Примеч. переводчика.

¹ На сибирском побережье нет глетчеров, а шпицбергенские ледники повидимому недостаточно мощны, чтобы посылать айсберги большого размера. Поэтому можно думать, что айсберги, скопляющиеся часто в районе острова Надежды, а также те, что иногда встречаются на сибирском побережье, принадлежат ледникам Земли Франца-Иосифа. Уже Баренц видел в августе 1596 г. у северных берегов Новой Земли около четырехсот айсбергов.—Примеч. автора.

Скопление айсбергов у острова Надежды объясняется повидимому действительно их франц-иосифовским происхождением. Ледяные горы, сходящиеся на мель у северных берегов Сибири, конечно, не имеют ничего общего с Землей Франца-Иосифа, а происходят от ледников Северной Земли, о существовании которой Пайер знать не мог.—Примеч. переводчика.

едва ли когда-нибудь окажут материальную пользу человеку, все же я считаю, что лучшее доказательство благодарности инициаторам нашей экспедиции — это присвоение географическим объектам их имени. Нанесенные на карту названия давались уже во время санного путешествия и служили к тому, чтобы различать отдельные части суши и моря.

Мне посчастливилось побывать во всех высокоарктических странах, примыкающих к северной части Атлантического океана. Сравнивая между собой природу этих стран, я заключаю, что по-настоящему высокоарктической может быть названа только природа Земли Франца-Иосифа. Особенно сильно здесь впечатление полной безжизненности в ранне-весеннее время.¹ Грандиозные глетчеры спускались с крутых склонов гор, высоко поднимающих свои конические вершины. Все кругом нарядилось в ослепительно белые одежды. Горные террасы казались засахаренными. Несмотря на крутизну скалистых склонов все они были сплошь покрыты ледяной коркой, скрывавшей естественную окраску породы. Повсеместность льда была следствием большого количества осадков и скопления воздушной влаги, оседающей на холодных скалах.

Такая влажность воздуха, свойственная стране со средней годовой температурой равной -13°P , указывает повидимому на островной ее характер, тогда как, например, Гренландия и Сибирь отличаются, напротив, сухим зимним воздухом.²

Мощный характер оледенения и вид плосковерхих гор Земли Франца-Иосифа делают ее сходной с западной Гренландией. Страна эта состоит из изолированно расположенных групп конических и столовых гор, свойственных базальтовым породам. Горных цепей мы нигде не встречали. Возникновение таких горных образований объясняется только действием эрозии и денудации. Все горы в каждой отдельной области почти равны между собой по высоте, в среднем достигая 2—3 тыс. футов, а в югозападной части около 5 тыс. футов.

¹ Пайер не видел открытой им земли в летнее время. В теплый тихий солнечный день величественная природа Земли Франца-Иосифа приобретает своеобразную мягкость и приветливость. Летом архипелаг населен большим количеством гнездящихся здесь птиц, скалистые склоны островов покрываются местами пыльным покровом зеленого мха, а голые плоскогорья зарастают массой белых и желтых цветов полярного мака. — Примеч. переводчика.

² Предположение автора об островной природе Земли Франца-Иосифа оказалось, как известно, правильнее в большей мере, чем он сам предполагал. — Примеч. переводчика.

Новейшие полярные экспедиции показали большое развитие вулканических формаций на дальнем Севере и наличие в вулканических долинах совсем молодых отложений.¹ Земля Франца-Иосифа по своему геологическому строению сходна с некоторыми участками северо-восточной Гренландии. Родственный характер этих стран подтверждается также наличием на Земле Франца-Иосифа содержащих бурый уголь третичных песчаников, свойственных Гренландии. Бурый уголь встречался нам, правда, лишь в виде незначительных включений, но все же и этого достаточно, чтобы признать, что климат этих полярных стран в отдаленные времена был во всяком случае не холоднее нынешнего средне-европейского.

Преобладающая горная порода представлена так называемым гиперстенитом, вполне идентичным с гренландским долеритом. Долерит Земли Франца-Иосифа среднезернистый, луковично-зеленого цвета и состоит из плагиоклаза, авгита, оливина, титанового железа и железистого хлорита. Этот долерит во всех частях своих сходен с некоторыми долеритами Шпицбергена. В южной части Земли Франца-Иосифа эта порода имеет характер настоящего базальта. Остальные местные породы состоят из песчаников беловатого оттенка и оцветленного цвета и желто-серого глинистого сланца. Эрратические, чужие породы на Земле Франца-Иосифа по видимому выражены очень слабо. Северо-восточная часть Шпицбергена слагается, по словам знаменитого исследователя этой страны, профессора Норденшельда,² из упомянутого выше гиперстенита; что, может, по видимому, служить доказательством геологического сродства Шпицбергена с новооткрытыми землями. Кроме того, уже внешний вид гор северо-восточного района Шпицбергена необычайно напоминает горный пейзаж Земли Франца-Иосифа. Он заслуживает также сравнения с видом на знаменитые абиссинские амбы: и здесь и там те же плосковерхие столовые горы с крутыми склонами.

Некоторые из островов Земли Франца-Иосифа должны быть довольно обширны, так как с них спускаются мощнейшие из арктических ледников. Их выходы, занимающие

¹ Описание Земли Франца-Иосифа приводится в несколько сокращенном виде, так как многие характеристики, данные Пайером, в настоящее время не имеют уже интереса и заменены более новыми и полными. — Примеч. переводчика.

² В гораздо большей степени прославился Норденшельд своим походом из Атлантического океана в Тихий вокруг Сибири, совершенным несколько позднее, в 1878—1879 годах. — Примеч. переводчика.

большую часть береговой линии островов, достигают более ста футов в высоту. Для всех посещенных нами глетчеров были характерны сероватый, реже зеленовато-синий цвет льда, незначительные трещины на поверхности ледника, необычайно крупнозернистый характер льда, слабое развитие морен, медленное движение ледника, мощность годовых слоев и положение фирновой границы, приходящейся уже на высоте около 1000 футов. Земля Франца-Иосифа сохраняет, по видимому, в большей части своей, даже летом, снежный покров.

Почти все ледники спускаются в море. Растресканность их даже в случаях наиболее крутого наклона менее значительна, чем у альпийских ледников. Вообще можно сказать, что арктические ледники даже в нижней своей части во всех отношениях напоминают нашу фирновую область. Мощность годовых слоев достигала в ледниках Земли Франца-Иосифа от 1 до 1½ футов. Ленточная структура их выражена не так резко, как в Альпах, что объясняется отсутствием в Арктике резких температурных колебаний и частой смены различных осадков. Плотность ледникового льда оказалась гораздо меньше чем, например, в восточной Гренландии.

Климатические условия на Земле Франца-Иосифа, по видимому, таковы, что развитие ледников происходит здесь с большой интенсивностью. Это видно из характера оледенения маленьких островов, обычно покрытых сплошной ледниковой шапкой, с пологими склонами, равномерно спускающимися к морю. О том же свидетельствует пересечение небольших горных хребтов ледниками, спускающимися с высоких фирновых полей, тогда как у нас ледник всегда избирает для себя путь через ущелье или долину. Несмотря на такой характер ледников Земли Франца-Иосифа, мощность их достигает многих сот футов, о чем говорит глубина трещин и высота айсбергов.

Испарение с поверхности арктических ледников протекает в летнее время в условиях непрерывного дня с большой интенсивностью. Талая вода образует мощные потоки, бороздящие эту поверхность по направлению к выходу ледников. Зимние наблюдения над термикой ледников показали, что в глубине трещин температура выше, чем снаружи.

Замечательна пластичность ледников, выражающаяся между прочим в том, что ледниковый поток, разбитый на двое скалистым выступом, ниже опять сливается в одно целое, не образуя при этом сколько-нибудь значительных трещин. Движение глетчеров Земли Франца-Иосифа, по нашим дан-

ным, обладает скоростью в среднем равной двум дюймам в сутки. Очень вероятно, однако, что наибольшая скорость движения арктических ледников наступает позднее, чем на юге, возможно — в конце июля или в начале августа, тогда как в марте и начале апреля она, наоборот, минимальна. Видимые признаки движения ледников проявлялись все же и в марте месяце в виде образования айсбергов, заметно участвовавшие к маю. Слабое развитие моренных образований объясняется большой сопротивляемостью основной породы, а также незначительностью свободных от льда ее площадей.

Земля Франца-Иосифа находится в настоящую геологическую эпоху, подобно северо-восточной части Гренландии, Новой Земле и Сибири, в состоянии медленной трансгрессии суши, о чем свидетельствуют покрытые обломками породы и содержащие органические остатки террасы, расположенные на берегах Австрийского канала.

Наблюдения над амплитудой колебания приливно-отливной волны показали высоту ее равной всего лишь 2—3 фута.

Растительный покров Земли Франца-Иосифа оказался в высшей степени бедным. Не холод сам по себе, а продолжительность его действует на растение угнетающим образом. Растительность здесь много беднее гренландской, шпицбергенской и новоземельской. Причина такой скудости лежит главным образом в отсутствии настоящей земли. Нигде нельзя обнаружить участков, заросших сплошь какой-либо травянистой растительностью, совершенно нет зарослей полярной ивы и березы. Несколько богаче представлены здесь мхи, а наибольшего развития достигают различные лишайники.

На побережьях островов нам часто встречался плавник, но всегда только в самом ограниченном количестве. На берегу у мыса Тироль мы обнаружили ствол сосны или лиственницы длиной в несколько метров и диаметром около фута. Повидимому этот ствол был занесен сюда дрейфом, как и наш корабль. Происходит он, как и весь прочий плавник, очевидно из южной Сибири. Об этом говорят широкие годовые кольца на сучьях и стволах деревьев.

Земля Франца-Иосифа, как и следовало ожидать, оказалась совершенно необитаемой. Не удалось найти никаких следов прежних поселений. Приходится очень сомневаться, смогли ли бы здесь добыть себе достаточно пропитания и жить даже эскимосы.

В южной части страна эта почти лишена животной жизни,

если не считать белых медведей¹ и перелетных птиц. К северу от 81° северной широты снег оказался испещренным несметным количеством свежих следов песка. Несмотря на это, живого песка нам ни разу не удалось увидеть. Только экскременты песка и полярного зайца мы находили несколько раз. Бедность растительности Земли Франца-Иосифа исключает возможность существования здесь мускусного быка и северного оленя.

Из крупных морских млекопитающих часто встречался только тюлень (гренландский тюлень и морской заяц). Несколько раз приходилось нам видеть проходившую мимо белуху. Моржей встретили мы только два раза, притом вдалеке от берега. Впрочем, вполне вероятно, что отсутствие чистой воды у берегов было причиной того, что они нам здесь не встречались, тогда как характер морского грунта и глубины вполне подходили для жизни моржей.² Из рыб нам попадались в трал только роды Липарис и Гадус.³

Из птиц между Землей Франца-Иосифа и Новой Землей нам встретились следующие формы: два вида поморника, чайка-бургомистр, белая чайка, моевка, красноносая крачка, буревестник, розовая чайка, кайра, чистик, люрик, топорик, гага, белая сова, исландский песочник и пуночка. Большая часть этих птиц встречалась также на побережье Земли Франца-Иосифа.

Морская фауна, добытая нами с дна моря при помощи трала, состояла из ста двадцати двух банок с заспиртованными животными, собранными доктором Кепесом. Мною было сделано семьдесят два рисунка животных. Материалы эти обработаны и подробно описаны специалистами, опубликовавшими результаты в записках Венской Академии наук.

Во время нашего дрейфа лейтенант Вейпрехт в течение

¹ Белые медведи питаются, как известно, тюленьями, а тюлени — ракообразными и рыбами, идущими в пищу также птицам. Птицы, яйца их и лемминги служат пищей песцам. Только полярный заяц и лемминг кормятся за счет скудной растительности Земли Франца-Иосифа.—Примеч. автора.

² Как известно, морж питается моллюсками и водорослями.—Примеч. автора.

В летнее время морж встречается в районе Земли Франца-Иосифа в довольно больших количествах, делающих рентабельной посылку в эти воды специальных промысловых судов. До объявления Земли Франца-Иосифа входящей в состав СССР здесь промышляли главным образом норвежские промышленники, в настоящее время здесь работает Госторг.—Примеч. переводчика.

³ Несомненно имеется в виду так называемая полярная треска или сайка — небольшая, непромысловая рыба.—Примеч. переводчика.

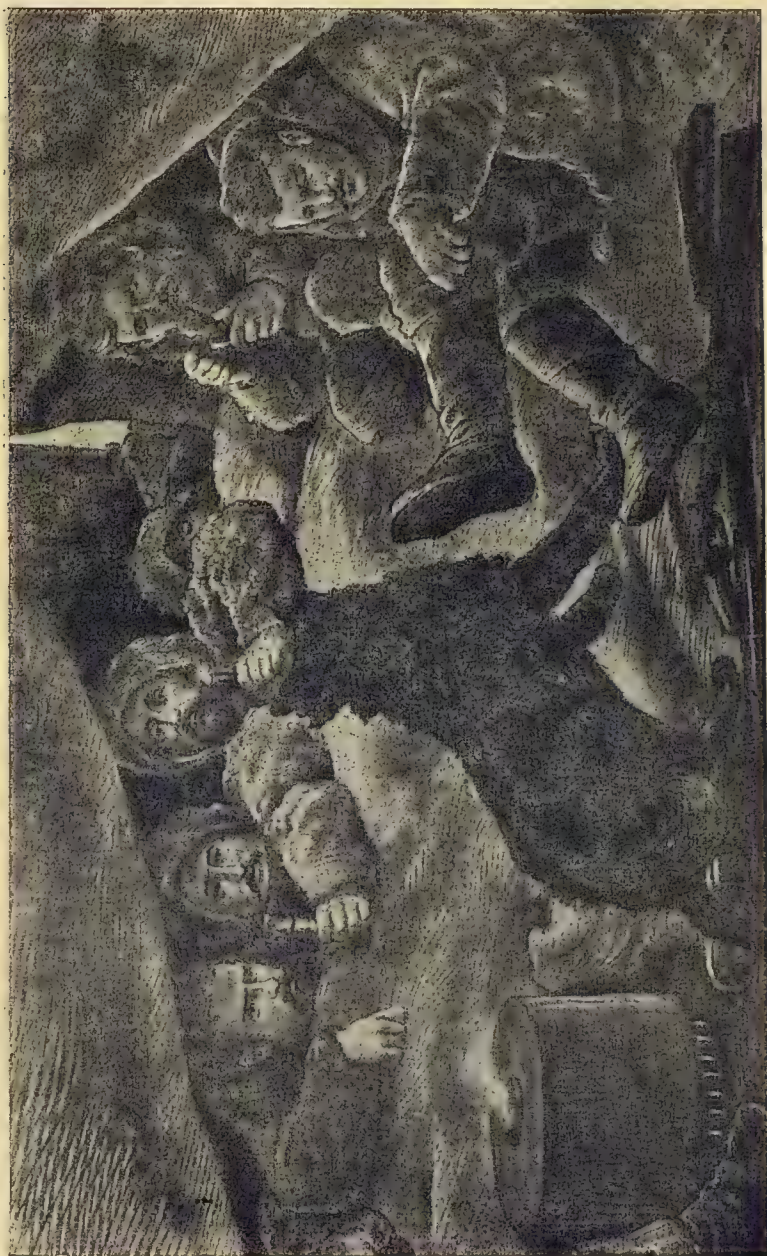
всего летнего периода почти ежедневно спускал трал и оставлял его на несколько часов волочиться по дну вслед за судном. Это был единственный способ добыть донное население в условиях пассивного дрейфа. Большую часть собранных этим путем животных я зарисовывал в живом виде. Делалось это прежде всего из соображений сохранения научного материала в случае гибели самих объектов. Кроме того, такая зарисовка могла бы служить дополнением к изучению зафиксированных материалов. Первое предположение впоследствии отчасти оправдалось, поэтому по примеру нашей экспедиции можно считать безусловно желательным производство подобных зарисовок во всех полярных экспедициях.

В собранном нами материале оказалось шесть видов креветок, среди которых один оказался новым для науки.¹ Наиболее многочисленными среди ракообразных оказались амфиподы (бокоплавы). Был открыт один новый род и один новый вид амфипод. Среди немногочисленных изопод (равноногих раков) тоже обнаружен один новый вид. Пикногоны (морские пауки) представлены тремя видами, из которых два новых.

Часто встречались губки. К сожалению, много экземпляров пришлось бросить на судне из-за их большого размера. Наиболее многочисленны были известковые губки. Встречен также один вид роговой губки, редкой в этих широтах. Нередко трал приносил актинии, а 2 июня 1873 года удалось добыть с глубины 210 метров экземпляр редчайшего рода полипов — Умбеллули, описанного только в самое последнее время. Сто двадцать лет тому назад недалеко от нашего места работ были впервые подняты с морского дна два экземпляра этой формы. С тех пор никто не находил этого интереснейшего животного, и только в 1871 году шведы обнаружили его в Баффиновом проливе, а англичане (экспедиция на «Челленджере») в 1873 году в южных морях. Наша Умбеллула совпадает, повидимому, с описанной Линнеем в 1758 году. К сожалению, этот интереснейший из всего собранного объект остался на борту «Теттгофа», но сделанный мною рисунок позволяет все-таки сравнить наш экземпляр с ранее описанными.²

¹ Вид этот в честь Пайера был назван его именем. Форма эта свойственна высокоарктической области. — Примеч. переводчика.

² После Пайера различными экспедициями, работавшим в том же районе, в течение долгого времени не удавалось повторно найти Умбеллули. Она была добыта в количестве нескольких экземпляров советскими экспедициями на «Ломоносове» в 1931 году и на «Сибирякове» в 1932 году. — Примеч. переводчика.

Палаточная жизнь.

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Гидроиды были представлены в нашем материале несколькими видами, широко распространенными в Атлантическом океане. То же относится в общем и к нашим сборам по морским звездам и офиурам. Морские лилии представлены двумя видами, о которых не было известно, что они заходят так далеко на север. Встречены также один вид морских ежей и несколько голотурий. Богаче всего наши сборы по червям. Среди них первое место занимают полихеты (многощетинковые черви). Всего обнаружено двадцать семь видов червей, не считая единичных турбеллярий и гефирей. Все эти виды принадлежат к формам, обитающим в районе Гренландии и Шпицбергена. То же касается и обнаруженных нами четырнадцати видов мшанок.

ВТОРАЯ САННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Опыт предыдущей экспедиции дал мне возможность разработать план большого путешествия на север. План этот был моим любимым детищем, но и все остальные на борту судна проявляли к нему исключительный интерес, что впрочем нисколько не мешало им производить свои обычные научные наблюдения. Лейтенанты Вейпрехт и Брош с удивительной неутомимостью продолжали свои кропотливые определения магнитных постоянных; кроме того они производили на льду около судна измерения базиса длиной в 2170,8 м, который должен был лечь в основу всех моих триангуляционных определений при съемке земли; наконец, они продолжали с прежней регулярностью регистрацию метеорологических элементов.

С некоторых пор погода снова испортилась и возбуждала опасения, что лед может взломаться и льдину вместе с судном унесет прочь. В таких условиях опасность оставления судна на все время работ экспедиции, поставившей себе задачу изучения страны по направлению к северу,¹ возра-

¹ Лишь благодаря этой тенденции австро-венгерская экспедиция, первоначально предполагавшая пройти Северовосточным проходом, получила характер экспедиции к северному полюсу. — Примеч. автора.

Тенденция эта выявилась достаточно поздно, но не потому присвоение экспедиции Вейпрехта-Пайера названия «экспедиция к полюсу» представляется нам неудачным, а по той простой причине, что подлин-

стала пропорционально продолжительности нашего отсутствия. Всего лишь несколько дней тому назад мы убедились, что лед на море взломан и чистая вода подходит почти вплотную к западному берегу острова Вильчека, а на юге виднеется обширное водяное небо. Но вместе с тем было ясно, что сколько-нибудь значительных открытий можно было ожидать только от поездки длительностью не менее месяца. Поэтому решили рисковать.

Понадеявшись на счастье, я собрал команду из подходящих людей для того, чтобы открыто рассказать им про положение дел и убедиться в их решимости. Я сообщил им о своем намерении проникнуть возможно дальше на север и представил их взорам угрозу оказаться отрезанными от судна. Высказываемые опасения я старался «перевесить» денежными премиями. Я гарантировал всей команде в целом за достижение 81° широты награду в 1000 гульденов, за достижение 82° — 2500 гульденов. При распределении этой суммы впоследствии должны будут учитываться только личные заслуги. Но вместе с тем мне было необходимо заручиться молчанием награжденных лиц, чтобы избежать недовольства среди остальных участников, могущих считать оказываемое предпочтение несправедливостью. Поэтому я объявил, что всякий, разболтавший о размере назначенной ему премии, теряет ее. По моему требованию собравшиеся объявили, что во время путешествия ни одного раза не будет разговора об опасностях, навстречу которым мы идем, а в случае, если при возвращении мы не найдем судна, каждый будет считать самого себя виновником создавшегося положения. — Что касается размера премий, то я должен сказать, что никогда еще ни одна тайна не была сохранена так свято.

И вот на борту началась возня! Люди готовятся будто к военному походу — кругом упаковывают, шьют и мастертят. Под парусиновой крышей на палубе корабля оттирают заржавевшие полозья нарт до зеркального блеска.

За несколько времени до нашего выхода однообразная жизнь на судне была прервана посещением медвежьей семьи. Следом за матерью бежали два медвежонка. мех их был

ная экспедиция к полюсу стремится действительно достигнуть этого полюса (как, например, позднейшие экспедиции Пири, Амундсена, Скотта, Седова), тогда как Пайер поставил себе задачей только продвижение на каком-то участке по направлению к нему. Учитывая такое несоответствие между названием и действительной задачей экспедиции Вейпрехта-Пайера, мы считали правильным видоизменить название настоящего труда: у Пайера он назван: Австро-венгерская экспедиция к Северному полюсу, тогда, как мы пишем: Австро-венгерская полярная экспедиция. — Примеч. переводчика.

много темнее, чем у старой медведицы. Наблюдать за семейной жизнью этих животных было необычайно интересно. Медведица часто останавливалась, поднимала морду и нюхала воздух. Она нежно облизывала своих детенышей. Медвежата карабкались на мать и вели себя совсем как молодые пуделя, от которых они не отличались ростом. С расстояния семидесяти шагов грянуло шесть выстрелов. Медведица упала замертво, пробежав сначала около сорока шагов. Пораженные громом выстрелов и странным поведением матери, малыши остались сидеть в снегу, будто приросшие к месту. Они с удивлением смотрели на приближавшиеся к ним черные фигуры. Только когда медвежат схватили за шиворот и потащили на судно, они, видимо, встревожились. Их посадили в две бочки. Медвежата подняли страшный рев и проявляли сильнейшее недовольство своим положением до тех пор, пока их не соединили вместе в одной бочке. Сумбу никак не мог понять, откуда у нас вдруг взялась жалость к этим исконным врагам; он взлезал на бочку и целыми часами лаял на пленников. Для нас медвежата служили простым развлечением, а среди команды серьезно обсуждался вопрос о приспособлении их для работы в упряжке на обратном пути к дому. Маленький самец обнаруживал одновременно и чисто детские черты и свойства настоящего хищника. Он рычал и шипел на каждого, кто к нему подходил. Иногда ему удавалось перелезть сначала через свою сестричку, а потом и через край бочки и выбраться на палубу. Здесь он катался шариком или бегал какой-то обезьяньей походкой. У него была большая голова с детским, но свирепым, забавным и вместе с тем серьезным выражением. Медвежата ели все, что им давали: хлеб, кислую капусту, сало и пр. Один раз оба жулика перехитрили вахтенного матроса и убежали. Но вскоре их нагнали и убили.

25 марта вечером наши приготовления к большому путешествию на север были закончены. Вес груза, сложенного на нарты, составлял почти шестнадцать центнеров. Он распределялся следующим образом:

Большие нарты	150 фунтов
Собачки	37 "
Провизия вместе с упаковкой	620 "
Палатка, спальные мешки, палаточные штанги, палки	320 "
Спирт и ром	128 "
Шубы и меховые рукавицы	140 "
Инструменты, ружья, боевые припасы, две спиртовых кухни, постромки, мелкие принадлежности, собаки палатки и проч.	170 "

Итого . . . 1565 фунтов

Каждый из четырех продовольственных мешков содержал запас, рассчитанный на семь человек на семь дней, состоявший из мясных консервов — 51 фунта, хлеба — 48 фунтов, пеммикана — 8 фунтов, сала — 7 фунтов, мясного экстракта — 2 фунтов, сгущенного молока — 4 фунтов, кофе — 2 фунтов, шоколада — 4 фунтов, риса — 7 фунтов, крупы — 3 фунтов, соли и перца — 1 фунта, гороховой колбасы — 2 фунтов и сахару — 4 фунтов.¹ Кроме того был взят запасной мешок с 20 фунтами хлеба. Для собак мы захватили мясных консервов. Кроме того мы могли с уверенностью рассчитывать на удовлетворительную охоту, которая должна была дать пищу как для людей, так и для собак.

Команда состояла из мичмана Ореда, охотников Клотца и Галлера, матросов Заниновича, Суссиха и Лукиновича, меня и собак: Юбинала, Тороса и Сумбу. Все вместе взятые, мы составляли одну общую упряжку больших нарт. Отдельные обязанности были распределены между нами следующим образом. Занинович заведывал укладкой нарт и выдачей спирта и рома, Галлер распределял провизию, Клотц наблюдал за собаками и заботился об оружии, Суссих производил текущий ремонт, а Лукинович сторожил по ночам у входа в палатку.

Мы вышли утром 26 марта при -17°P и пурге, надвигающейся с северо-запада. Нас провожали Вейпрехт и остальные. Не прошли мы и тысячи шагов, как метель настолько усилилась, что нельзя было различать фигуры соседей; мы потеряли ориентировку и начали кружить. До прекращения непогоды продолжать путь не было никакой возможности. Самым простым выходом из положения было бы несомненно возвратиться на судно. Но все же мы предпочли разбить под прикрытием нескольких торосов палатку и провести здесь целые сутки. Единственное, хотя и вынужденное занятие наше состояло в это время в оттаивании одежды и очистке карманов от снега.

27 марта (при температуре от -15° до -24°P) мы двинулись дальше. Поднялись очень рано и постарались скорее убраться с глаз обитателей корабля, лишь бы скрыть от них наше поражение. Мы шли навстречу слабой пурге. На самых подступах юговосточной оконечности острова Вильчека метель снова усилилась. Одновременно упала температура. В результате Суссих отморозил себе обе руки и нам при-

¹ Учитывая потребность в усиленном питании в течение последних двух недель путешествия следовало бы соответственные рационы повысить до следующих норм: 51, 60, 5, 7, 2, 8, 6, 4, 10, 5, 1, 3, 6.— Примеч. автора.

шлось оттирать их снегом в течение целого часа. Двинувшись дальше, мы вышли навстречу сильному ветру, подвергая себя таким образом серьезной опасности отморозить лица. Нам пришлось напрягать все свои силы, так как нарты были сильно нагружены. Впервые мы истекали потом.

Только 28 марта (при -26° Р) наступило безветрие. При переходе через пустынный пролив между островами Сальм и Вильчека скорость нашего передвижения возросла до 80 шагов в минуту. Дорога состояла на половину из однолетнего берегового льда, на половину из более старых ледяных глыб, смерзшихся с первым в одно целое. Кое-где эта ровная поверхность прерывалась широкими барьерами наторошенного льда, образовавшимися в результате напора ледовых масс на сушу. Миновав югозападную оконечность острова Сальм, мы направились к горам Вюллерсторфа. С их вершин мы надеялись лучше разобраться в окружающем и ориентироваться относительно дальнейшего продвижения на север.

В немногих милях от нас лежало несколько скалистых островов. Контуры их ступеньвались в тусклом воздухе. Мы шли прямо на эти острова, так как они расположились как раз по нашему курсу на север. Проходя мимо айсбергов, стоявших на этом пути, мы констатировали на их южной стороне первые в этом году признаки таяния.

С юго-запада подул ветер с метелью и туманом; температура воздуха поднялась до -7° Р. С головы до ног в снегу брели мы впереди оснащенных парусом нарт, подгоняемые ветром. Несмотря на наличие компаса, было очень трудно сохранить правильный курс. То мы подходили под стену ледника острова Сальм, то натыкались на вмерзшие в лед айсберги. Временами ветер достигал такой силы, что тяжелые нарты двигались почти без нашего содействия под одним парусом. Одного человека впереди было достаточно, чтобы держать направление, указываемое свистком идущего позади нарт. После шестнадцатичасового похода мы разбили палатку. Ветер к этому времени достиг силы шторма, и нечего было думать удержать правильное направление. Наша одежда была сплошным комом снега, глаза совершенно заросли льдом, и мы окончательно обессилели. Спешно поставив палатку, мы запрятались в нее. Но здесь нам пришлось не лучше.

С трудом удалось растопить спиртовую кухню, но от этого наши страдания только увеличились. Нас окутало сплошным облаком пара, и — право же — легче было переносить мороз, чем эту ужасающую сырость. Я импровизировал неболь-

шой очаг для сушки брюк и чулок в виде чашки с горящим спиртом, но помощь он принес небольшую. Температура в палатке была на расстоянии трех футов от огня $+17^{\circ}$ Р. Однако, уже через двадцать минут после того, как огонь был погашен, температура снова упала до -7° Р. Утром 29 марта ветер притих, наружная температура поднялась до -3° Р, так что во время приготовления завтрака в палатке со стен полил настоящий дождь.

Продолжая наш путь, мы между прочим поднялись на скалистую вершину острова Кольдевея, откуда произвели ряд засечек. Порода состояла из долерита, местами покрытого густыми зарослями лишайников, многочисленных также в глубине расщелин скал. Палатку свою мы разбили у подножия горы. С вершины этого острова мы увидели вдруг в трубу теодолита в четырехстах шагах от нас медведя. Он собирался расправиться с Торосом, и бедняга неминуемо погиб бы, если на помощь ему не подоспел бы Сумбу. Медведь тотчас же скрылся где-то в снегу. Мы поспешили к месту происшествия и увидели зимнюю берлогу целого медвежьего семейства. Она состояла из глубокой пещеры, выкопанной в большом снежнике под скалистой стеной. Медведица показалась на мгновение и опять исчезла в своей норе. Нам так и не удалось выманить ее наружу. Впрочем, мы, в свою очередь, тоже не испытывали желания посетить медведицу, пробираясь в ее тесный дом ползком. Засевшая же в берлоге медведица стала забрасывать входное отверстие снегом, повидимому с намерением совсем закупорить его.

Следуя дальше, мы обогнули остров Шёнау,¹ отличающийся красотой башенной структуры слагающей его породы. Под этой стеной мы вырыли в снегу яму глубиной в четыре фута и положили туда двухдневный запас продовольствия и алкоголя, а также немного одежды. При закладке этого депо нам было ясно, что мы рискуем потерять все продовольствие, могущее легко стать жертвой поселившейся так близко от него медвежьей семьи.

К вечеру температура понизилась до $-18,5^{\circ}$ Р. Палатка настолько обледенела, будто была сделана из досок. 30 марта температура упала до -24° Р. Дул сильный северный ветер, и как только мы оставили палатку, нас окружили вихри густого снега. Они затуманивали поднявшееся над горизонтом солнце, которое окрасило своими лучами в яркокрасный цвет мчавшиеся куда-то снежные потоки. Поход в таких условиях не может быть эффективен. Это сказалось и теперь,

¹ Шёнау около Теплица в Богемии — место моего рождения. — Примечание автора.

когда я велел разобрать палатку сразу после окончания завтрака. Впрочем, так я поступал обычно, во избежание излишней задержки. Не все успели во-время подготовиться к походу и вышли, не закончив одевания. Застегнуться или завязать узел было уже невозможно, так как пальцы моментально заоченевали на ветру и морозе. Все мы, в том числе и я сам, выступили с импровизированными повязками вместо застежек и пуговиц.

Но продолжать путь в таком виде было совершенно недопустимо, так как это могло привести к самым серьезным последствиям. Поэтому нам не оставалось ничего другого, как расправить скарежившуюся палатку, снова расставить ее и опять залезть в мешки. Расположившись на замерзшей парусине, мы испытывали чувство, будто лежим на холодной металлической доске. Холод и скука сделали такое времяпрепровождение чрезвычайно неприятным. Занинович расправил над нами парус и занялся очисткой от снега стен палатки. Этот во всех отношениях прекрасный человек обладал кроме того удивительной стойкостью по отношению к холоду, — только он один мог взяться за подобную работу. Орел и я делали напрасные попытки читать захваченный том Лессинга. От чтения пришлось отказаться, так как оба мы с трудом соображали. Мы получали некоторое развлечение, слушая, как далматинцы беседуют с Клотцом по-немецки. Они были вынуждены учиться немецкому языку, так как Клотц не был настолько слабохарактерен, чтобы постараться запомнить хотя бы одно итальянское слово.

31 марта мы продолжали наше продвижение к северу. Погода была ясная, температура — 25,5° Р. В полдень мы всегда делали короткую остановку и съедали порцию супа. В это время измерялась с помощью теодолита меридиональная высота солнца, если только оно было видно. Затем производилась засечка и зарисовка всей видимой земли. На 80°16' северной широты мы подошли к участку высоко наторошенного льда. За ним шел более старый лед с большим количеством вмерзших айсбергов. Кое-где виднелись черные базальтовые утесы. Здесь мы потеряли ориентировку, не зная больше, каким путем идти на север. Перед нами открылся проход между мысом Франкфурт и горами Вюллерсторфа. Но воспользоваться им мы могли только в случае, если бы он продолжался в северном направлении. В противном случае правильнее было бы уклониться к востоку вместе с уходящим в эту сторону берегом Земли Вильчека, так как решаться на переходы через ледники можно только в случае крайней необходимости.

Поэтому Галлер и я оставили нарты и пошли налегке к мысу Франкфурт, чтобы с его высоты осмотреть окрестность и выбрать дальнейший путь следования. Тем временем Орел и остальные, напрягая все свои силы, продолжали тащить нарты. Двигались они в северо-восточном направлении по пути, пролежавшем через тяжелый торосистый лед.

Мыс Франкфурт представляет собой окруженный глетчерами высокий (2000 футов) выступ острова Галля. Когда мы взобрались на его вершину, вся земля у наших ног казалась закутанной в розоватый вечерний туман. Стаи птиц вспорхнули с зубцов базальтовой башни; повидимому у них здесь имеются гнезда.

С вершины мыса Франкфурт мы увидели к великой своей радости широкий пролив, уходящий далеко на север. Он был покрыт большим количеством айсбергов. Границы его где-то очень далеко сливались со смутными очертаниями гористой страны (мыс Тироль). Таким образом достижение 81° северной широты казалось обеспеченным. Мы определили несколько углов, давших приблизительную ориентировку для продолжения пути. Побережье Земли Вильчека шло дальше в северном направлении, затем стало постепенно все больше отклоняться к северо-востоку. Глубоко внизу чернела точка; она медленно передвигалась в северном направлении. Это была наша упряжка с Орелом во главе. Вид этой ничтожной точки целиком захватил нас; мы вперили взоры в кучку людей, сильных только своей волей, и забыли о величии окружающей нас дикой природы.

С большим трудом спустились мы в наших брезентовых сапогах по крутым ледяным склонам, ступая вдоль отвесных базальтовых стен. Когда мы были внизу, уже ложились сумерки. Надо было торопиться, пока не стемнело, чтобы догнать наших спутников. Мы давно уже не видели их и заметили себе направление по звездам, еще когда были на вершине горы. Шесть миль пробежали мы и настигли наших друзей только около полуночи. Известие, принесенное нами, вызвало большую радость.

1 апреля мы вошли около мыса Ганза в новооткрытый пролив, покрытый тяжелым льдом и окрещенный мною Австрийским каналом. По мере приближения к берегу Земли Вильчека мы все больше убеждались, что восхождение на горы Вюллерсторфа не оправдывает себя, так как они оказались расположенными на очень далеком расстоянии от берега. К этому времени полуденная широта показала 80°22'. Мало что может быть интереснее открытия новых земель! Каждый предмет, встречающийся на пути, возбуждает фан-

тазию. Воображение дополняет то, что видно простым глазом. Утомляют только длительные однообразные переходы через снеговую пустыню. В такие часы груз кажется невыносимо тяжелым, а цель — недостижимой. Чувство жажды все увеличивается, а ко всем бедствиям присоединяется еще и скука. Люди, выступающие в роли упряжных животных, нестерпимо скучают и... выкуривают в короткий срок весь запас табаку.

Так было и на этот раз. Как только мы останавливались для минутного отдыха, каждый старался поскорее набить свою маленькую трубочку. Иногда мы успевали растопить немного льда и полученную воду пили, смешивая ее с ромом.¹ Клотц чувствовал себя сегодня не вполне здоровым и потому выпил свою порцию залпом.

Собаки как-то осовели. Они тащились с поджатыми хвостами и опущенными головами. Обычная старательность их куда-то исчезла.

Вправо от нас чередовались лощины с террасами, местами покрытыми тонким слоем снега. Мы двигались к северу вдоль этого монотонного берега, пробираясь между айсбергами. К вечеру я взобрался на один из них; с вершины его я еще раз убедился в том, что Австрийский канал действительно ведет на север по крайней мере до мыса Тироль.

Я был еще наверху, как вдруг услышал снизу крик Орела. Он сообщал, что прямо на нас идет медведь. С каннибальской жадностью и нетерпением ждали мы приближения зверя. Мясо его было для нас бесценно, потому что питание консервами всегда очень недостаточно, особенно в условиях такой напряженной работы, как наша. Три выстрела прянули залпом. Медведь остался стоять, будто прикованный к месту. Раздалось еще два выстрела, раненый медведь повернулся и потащился прочь. Со всех ног бросились мы вслед за ним и, чтобы сэкономить патроны, прикончили зверя прикладами и длинными ножами. Пятьдесят фунтов мяса мы положили на нарты на место такого же количества мясных консервов, опущенных в расщелину айсберга, под которым разбили палатку. Медвежьи остатки были отданы собакам.

2 апреля (—19° P) мы бодро двинулись навстречу сильному

¹ Как известно, алкоголь обычно поднимает бодрость духа ненадолго, так как за подъемом наступает расслабление. Чтобы избежать этого упадка сил, следует после приема алкоголя немедленно же отправляться в путь, а в момент наступления реакции устраивать небольшой отдых. Таким образом легче всего целиком использовать подъем и избежать вредного влияния от последующего утомления. Франклин причисляет водку и табак наряду с патронами к необходимейшим предметам снаряжения арктической экспедиции. — Примеч. автора.

северному ветру. Я оставил нарты, чтобы исследовать побережье. Оно было по большей части свободно от снега; среди долерита встречался песчаник, содержащий бурый уголь. Плавника на берегу оказалось очень мало.

Представление наше о действительных размерах Земли Франца-Иосифа стало много определеннее, когда к западу от нас открылся широкий пролив Маркгама,¹ окаймленный гористыми берегами. Высокие вершины отделялись друг от друга фиордами и глетчерами, живописно раскинувшимися до самого мыса Тироль. Лежащая к востоку Земля Вильчека была покрыта сплошным ледяным покровом, прерванным только в части, находящейся против острова Винер-Нейштадт. Два скалистых выступа Земли Вильчека получили название мысов Геллер и Шмарда. Вечером мы достигли 80°42' северной широты.

3 апреля (—16,6° Р) мы добрались почти до самого мыса Тироль. Сильнейшая пурга с юга заставила нас после обеда остаться в палатке. Особенно рад был этому Лукинович, который впрочем еще утром был уверен, что сегодняшний день великой пятницы будет днем отдыха. Глаза этого человека вечно были обращены к небу, он постоянно говорил о святых и знал наизусть их порядок в календаре. В походе он принадлежал к числу «пожирателей снега» и тащил нарты ленивее других. 4 апреля температура поднялась с —16° до —4° Р. Выюга не прекращалась, и снега накопилось в палатке столько, что его пришлось выгребать оттуда лопатами. Лишь после полудня мы могли попытаться продолжать поход. Но уже через час непогода так разыгралась, что идущие в заднем ряду не видели передних. Опять пришлось руководствоваться компасом и пользоваться парусом, установленным на нартах. Мы постоянно сбивались с курса, лавировали между огромными, столовыми айсбергами, проскочили мимо мыса Тироль и направились наугад куда-то дальше в неизвестное. Каждую минуту мы рисковали наскочить на берег или попасть в щель или полынью.

В этот же день мы понесли большую потерю: смерть Сумбу. В течение двух долгих мрачных лет Сумбу был для нас чуть ли не единственным источником веселости. Он забавлял нас своей хитростью² и задором. Горячий характер Сумбу заставлял его живо реагировать на всякое появление

¹ В действительности направление этого пролива не то, каким предполагал его Пайер (сравни карты Пайера и новейшую).—Примеч. переводчика.

² В первый раз, когда Сумбу запрягли в пустые нарты, он еле тащился. Когда он понял, что вилянием хвоста все равно не добьется свободы, он потянул нарты, но на первом же бугорке остановился.

живого существа в этой безграничной пустыне. Так было и на этот раз. Сумбу выскочил из постромки, бросившись вслед за пролетевшей чайкой. Он исчез и не вернулся. Мы долго ждали его и звали по имени. След от нарт, несмотря на глубокий снег, быстро занесло. Наш верный спутник несомненно погиб после многодневных блужданий от голода или стал жертвой медведя.

Около полуночи мы остановились на отдых, но из экономии времени провели ночь почти без сна. Рано утром 5 апреля (-6°P) мы снова выступили в поход. Первым вышел из палатки Клотц для того, чтобы, как он выражался, «запрягать скотину». Он сообщил, что погода не плохая, но что впереди нас раскинулся какой-то высокий берег. Испуганные этим, мы вышли вслед за ним на воздух и убедились, что, по счастью, Клотц ошибся: земля (Земля Зичи) лежала к западу от нас, а не к северу; тогда как справа виднелась Земля Вильчека, отклонявшаяся все больше к северо-востоку.

Мы направились дальше по снежной равнине, над которой возвышались освещенный солнцем мыс Пасхи ($81^{\circ}1'$) и мыс Гельвальд. При переходе восемьдесят первого градуса на нартах был поднят флаг.

Во время похода к нам подбежал медведь. Он шел издалека и очень спешил. С расстояния сорока шагов медведь был убит тремя пулями, угодившими ему в голову. Несколько часов спустя мы заметили медведицу. Она была в четырехстах шагах от нас и энергично рылась в снегу. Мы спокойно прошли мимо. Наши ожидания оправдались: медведица почуяла нас, вдруг повернулась, выпрямилась и понюхала воздух. Затем направилась в нашу сторону. Перед дулами трех заряженных ружей она еще немного повалилась в снегу и почесала себе мордой живот, не проявляя никаких признаков стеснения. С расстояния пятидесяти шагов ее поразила пуля, и медведица упала замертво. Мы обследовали то место, где медведица еще совсем недавно возилась в снегу, ожидая найти там остатки Сумбу, но обнаружили полусъеденный труп тюленя. Рядом с ним во льду оказалась отдушина. Медведь перехитрил тюленя и поймал его, по всей вероятности подкараулив во время сна.

Тяжело нагрузили мы нарты свежей медвежатиной, став-

Сумбу не хотел показывать свою действительную силу из боязни, что на нарты могут еще, чего доброго, положить груз. Но беднягу перехитрили — перед ним положили кусок мяса, и Сумбу потянулся к нему вместе с нартами, как только вообразил себя в одиночестве. — Примеч. автора.

шей теперь для нас главной пищей. Мы ели ее в сыром и вареном виде. Недостаточно проваренное мясо старых медведей было хуже сырого. Оно могло считаться лакомством разве только для чаек.

В последние дни была большая сырость, вследствие чего наша брезентовая обувь, рассчитанная на мороз, совсем размякла. Кроме того многие из нас успели ее стоптать. На утро все сапоги оказывались совершенно замерзшими. Перед одеванием нам приходилось их долго оттаивать на огне спиртовой кухни. Скосившийся каблук приходилось исправлять с помощью молотка почти на каждой остановке. Суссих успел смастерить себе из парусины новую пару сапог.

Подобно сапогам, и наша одежда тоже совершенно промокла. При малейшем падении температуры она затвердела и карежилась. Меньше всего при таких переменах температуры страдал я, так как моя шуховая одежда не пропускала влаги.

Труднее всего тянуть нарты, когда снег при температуре, близкой к точке таяния, комьями пристает к полозьям. На этот раз мы совсем выбивались из сил и все-таки продвигались вперед очень медленно.

Было душно. Весь небосвод затянуло темными, похожими на грозовые тучами. Только на гордые вершины конических гор острова Кэна падал сноп ярких солнечных лучей. Сильные шквалы, снег и полное безветрие поминутно сменяли друг друга. Только успели мы расположиться лагерем, как снова посветлело. Открылся вид на два белых холма — острова Беккера и эригерцога Райнера — и на широкий пролив Бака по ту сторону от мыса Гельвальд. Путь наш к северу пролегал по системе этих проливов.

6 апреля, в пасхальный понедельник (от 7° до 15° ниже нуля) мы направились к восточному из этих двух островов. Видимость в этот день заметно ухудшилась, так что даже с расстояния в сто шагов мы едва различали его. Затем поднялись на покрытое ледником плато острова. Полные напряженного ожидания, мы достигли его вершины. К северу от нас раскинулась печальная пустыня. Никогда не видел я нигде в Арктике более безотрадной картины. Среди ледяной равнины виднелись отдельные острова, казавшиеся сегментами большого белого круга. Ледяной покров моря переходил на некотором отдалении в хаотическое скопление глыб, торосов и айсбергов. Только одно обстоятельство радовало нас: Австрийский канал сохранял свое северное направление.

Мы были убеждены, что где-то невдалеке, к северу от нас, должна быть чистая вода. На это указывала царившая в те-

чение последних дней влажность воздуха и высокая температура, темный цвет северной части небосвода и большое количество кайр, чистиков, серых и белых чаек, пролетающих на север и в обратном направлении.

Спустившись с острова Беккера, мы опять ступили на морской лед — он был бугристый. Из-за одного из таких бугров вдруг вынырнул медведь. Он казался золотисто-желтым на фоне серебристых ледяных холмов. Без малейших раздумий медведь направился к нам. С расстояния тридцати шагов в него попали сразу три пули. С удивительной проворностью тяжело раненый медведь побежал и скрылся. 7 апреля (-13° до -20° , легкий югозападный ветер) мы пробирались дальше к северу, проходя вдоль самого берега острова Райнера. Благодаря усилившемуся морозу лед покрылся жесткими кристаллами, иней, сильно тормозившими наше продвижение вперед. Зато мы воспользовались солнечной, ясной погодой для сушки нашей промокшей одежды. Нарты, мачта и рея были сплошь завешаны шубами, спальными мешками, рукавицами и проч. В полдень мы почти достигли мыса Баурман. Здесь мы определили широту, оказавшуюся $81^{\circ}23'$. Мы проникли дальше Мортонa, и только Хэйсу удалось пройти на несколько минут дальше нас.¹ К этому времени совершенно очистилась северная часть небосвода и вдали оказались крутые склоны островов Кобург, за которыми смутно вырисовывались контуры высоких заснеженных гор Земли Кронпринца Рудольфа.

На восток от нас виднелись еще грандиозные глетчеры Земли Вильчека, к северо-востоку землю можно было проследить только до мыса Буда-Пешт, терявшегося в туманной дали. На западе виднелись Земли Карла-Александра и Кронпринца Рудольфа. Нам казалось, что эти острова представляют одно целое, и потому мы свернули в сторону пролива Роулинсона. Идя в этом направлении, я предполагал добраться до 82° сев. шир. и покинуть затем свою команду в сопровождении двух человек и собак. На маленьких нартах я хотел довершить картину наших исследований. Мы предполагали обойтись без палатки, так как убедились на практике, что ночевки в пещерах, выкопанных в сугробах снега, теплее ночевки в палатке. Большое количество таких сугробов было рассеяно по всей окрестности, особенной мощности они достигали с подветренной стороны крупных торосов. Чтобы выкопать яму, достаточную для трех человек, требовалось не более одного часа. Опасность езды без па-

¹ Мы радовались этому успеху, хотя и не придавали ему значения. — Примеч. автора.

латки состоит в том, что в снежную бурю такую работу очень трудно выполнить. Но, с другой стороны, вес палатки очень значителен, поэтому отсутствие ее среди поклажи заметно облегчает нарты. С этой точки зрения описанный способ путешествия может быть смело рекомендован, однако при условии, что участников не более двух человек и оба они достаточно опытни в таких поездках.

Несмотря на горячее желание возможно больше расширить область открытий, мы должны были признать, что силы наши заметно иссякли. Мы спали ежедневно не более пяти часов, а все остальное время проводили в походе или в различных работах. Чем больше мы трудились, тем больше развивался наш аппетит.

Постоянное употребление медвежатины на многих из нас отозвалось плохо. Особенно болезненно ощущался нами недостаток хлеба, так как преобладание мясной пищи вызывало понос и слабость. Но вреднее всего отзывался на здоровье недостаток сна. Норма для длительных походов: 7 часов ходьбы и 10 часов сна. Но мы не могли придерживаться ее, мы должны были торопиться закончить свою работу и вернуться на корабль, который, возможно, уже дрейфовал в море.

8 апреля (—13,5°Р) мы выступили в поход, как обычно, ранним утром. Установленное нами правило, состоявшее в том, что повар будил спящих только за десять минут до раздачи кофе, оказалось очень полезным. Каждый старался поскорее привести себя и свой костюм в походный вид, потому что только в этом случае он получал свой завтрак.

Наш путь пролегал между бесчисленными торосами, достигавшими иногда высоты сорока футов. В ложбинах между ними снег лежал толстым слоем. Большие айсберги высились над этим скопищем льдин, запорошенных снегом. Чем дальше мы шли, тем беспорядочнее лежали глыбы, тем больше напоминала эта жуткая равнина хаос, окружавший наш корабль во время первой зимовки. Ледяной покров этого моря несомненно периодически, а может быть и ежегодно взламывается. Из этого нельзя, впрочем, сделать вывод, что эта область может считаться доступной для пароходов. Кроме того у Австрийского канала, подобно многим проливам на севере Америки, еще тот минус, что он недостаточно широк.¹ Зато для санных экспедиций этот пролив представляет удобнейший путь.

¹ Автор не разъясняет этой мысли. Дело в том, что узкий пролив не только труднее вскрывается, но и легче забивается льдом. — Примеч. переводчика.

В течение некоторого времени мы пользовались парусом, но так как ветер переменялся на юговосточный и стал нас отклонять к западу от взятого курса, то парус пришлось вскоре спустить. От этого ветра мы с трудом спасали наши отмороженные носы. Потом началась вьюга. На смену ей опять засветило яркое солнце. Лучи его освещали только ближние льдины, даль скрывалась в снеговом тумане. С большим напряжением тащили мы нашу поклажу. Местами нам приходилось раскапывать настоящие рвы, чтобы провезти вперед нарты; протискиваясь между торосами, мы часто рисковали поломать их. Медленно продвигаясь вперед, мы блуждали зигзагами, постоянно сбиваясь с пути. В этих широтах трудно положиться на компас, и только в высшей степени тщательная установка иглы может при отсчете гарантировать точность около пяти градусов. Между прочим нам показалось, что склонение магнитной стрелки значительно уменьшилось с тех пор, как мы покинули судно.

Измеренная в полдень широта показала $81^{\circ}38'$. Даже если допустить ошибку определения от одной до двух минут (солнце просвечивало сквозь облачную завесу), то мы все-таки проникли дальше Хэйса, достигшего в 1861 году в проливе Смита $81^{\circ}35'$. Таким образом мы пробрались на север дальше всех прочих сухопутных экспедиций.¹ В то время мы не могли знать, что американская экспедиция Галля годом раньше достигла $82^{\circ}9'$ на суше и $82^{\circ}22'$ на море. В знак победы мы подняли во время послеобеденного марша наш флаг.

Окружающий лед представлял собой такое невероятное нагромождение глыб, что нам нередко приходилось обходя торосы уклоняться от курса на 45° . С каждым шагом все труднее было тащить поклажу. Больше всего опасались мы, что от постоянных толчков и ударов разобьется железный бидон со спиртом. Поход среди торосов страшно утомляет не только своей трудностью, но и медленностью, с которой он совершается. В этом отношении он хуже похода в пургу, совершаемого по ровной местности.

9 апреля ($-10,4^{\circ}$ Р, легкий ветерок с востока) мы до самого обеда все еще тащились через торосистый лед. С вершины одного из айсбергов нашим взорам открылся вид на безбрежное пространство торосистого льда, уходящее далеко на северо-восток. Тогда мы решили свернуть на северо-запад с тем, чтобы приблизиться к Земле Рудольфа. Благородные линии гор этого острова и мощные глетчеры, спу-

¹ Парри проник морским путем до $82^{\circ}45'$ сев. шир. в районе Шпицбергена.—Примеч. автора.

скающиеся с них, сегодня впервые предстали перед нашими глазами, ярко освещенные лучами солнца. Мы рассчитывали встретить здесь в прибрежной зоне более ровный лед. Но эта надежда нас обманула, и потому мы направились прямо к острову Гогенлоэ. Мыс Шреттер на этом острове должен был стать местом раздела экспедиции на группу остающихся и маленький отряд, в задачи которого вошло пересечение ледникового плато Земли Рудольфа и продолжение пути глубже на север. Нам представлялось, что в условиях царившего мороза этот глетчер должен быть проходим в неменьшей мере, чем посещенные нами ранее. В полдень широта места составляла $81^{\circ}37'$, вечером этого дня мы достигли мыса Шреттер. Таким образом все усилия последних дней пропали даром.

НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

Сразу после прихода на мыс Шреттер мы взобрались на вершину этой горы, видимой отовсюду на далекое расстояние. Подъем на нее шел по косогору, заваленному обломками скалы долеритовой породы. Здесь не было снега, местами виднелась скудная растительность, но удивительнее всего была находка заячьих экскрементов. Вид с верхушки горы заставил меня признать совершенно необходимым разделение нас на две партии. Горы Земли Рудольфа, отделенные от нас ровным льдом пролива, были настолько высоки (около трех тысяч футов), что перебраться через них можно было только на маленьких нартах. Кроме того среди нашей команды двое так сильно ослабли, что отдых был для них просто необходим.

Австрийский канал, казалось, продолжался дальше на север, но его западное побережье уклонялось влево в районе скалистых мысов Фельдер и Бем.¹ Синеватые зубцы гор терялись на западе в темной полосе над небосклоном. Полоса

¹ Пролив, считавшийся Пайером продолжением Австрийского канала, состоит из двух ветвей, из которых северная — к северу от острова Гогенлоэ — носит название пролива Неймайера, а южная — между этим островом и островом Карла Александра — пролива Трининген. — Примеч. переводчика.

Мыс Столбовой.

Кабинет Седера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

эта не могла быть ничем иным, как только водяным небом, указывающим на присутствие чистой воды.

Орел обрадовал меня готовностью принять участие в моей поездке на крайний север несмотря на то, что у него были воспалены глаза. Предстояло только отобрать для похода наиболее подходящих людей из команды и успокоить остающихся.

Спустившись к подножию скалы, где была разбита палатка, мы нашли наших людей греющимися на солнце.

Я подошел к ним и объявил, что покидаю их на срок от пяти до восьми дней. В случае моего отсутствия в течение более пятнадцати дней им надлежит разрезать пополам нарты и отправиться с достаточным количеством провианта в обратный путь к судну. Затем я опросил всех по очереди, в состоянии ли они остаться одни в этой пустыне. Суссих ответил так:

«Если кто-либо из вас тоже останется, тогда я не боюсь».

Под этими «кто-либо из вас» подразумевались Орел и оба тирольца, в присутствии которых никакая встреча с медведем не могла быть опасной. Остальные присоединились к этому заявлению. Клотцу и Галлеру я предоставил самим выбрать, кто из них останется здесь и кто отправится со мной. Галлер сказал Клотцу:

«Поди уж ты, ты крепче меня в тяге и лучше переносишь всякие трудности».

Таким образом на месте остались Суссих и Лукинович под начальством Галлера.

Наше отсутствие для них состояло в следующем: им не следовало отходить больше, чем на триста шагов от лагеря на мысе Шреттера; по отношению к белым медведям они должны были держаться оборонительного положения, никогда не нападая первыми; времяпрепровождение их должно было состоять в сушке чулок и починке разорванной обуви. В качестве коменданта острова Гогенлоэ Галлер располагал для ориентировки карманным компасом, карманными часами, анероидом, термометром и, наконец, небольшой аптечкой. Если совсем недавно еще доктор Кепес потратил целый час на обучение меня врачебному делу, то я перецеголял его теперь, пытаясь передать Галлеру все свои знания всего лишь в десять минут.

Утром 10 апреля (—12° P) мы разрезали нашу большую палатку пополам. Одну половину погрузили на собачьи нарты, другую приставили вплотную к отвесному обрыву горы, устроив таким образом нечто вроде хижины. Перед отправкой каравана через пустыню основательно поят верблюдов.

Мы тоже находились в пустыне, и жажда сильно мучила нас. Охотно последовали бы мы примеру верблюдов, но на долю каждого из нас досталось только по кружке кипятка.

Провизию мы разделили таким образом, что для четверых уходящих — мичмана Орела, Клотца, Заниновича и меня — и двух собак запаса ее должно было хватить на восемь дней. Состоял он главным образом из мороженой медвежатины. Вся поклажа слагалась из тридцати фунтов мяса, инструментария, ружья и револьвера, всего около 3—4 центнеров. Тащить этот груз предстояло нашим двум собакам. И надо сказать, что при последующей переправе через пролив они работали так старательно, что нам стоило труда поспевать за ними.

До сих пор я совсем не упоминал об услугах, оказанных экспедиции нашими собаками. Теперь же я хочу в первую очередь констатировать, что пересечение восьмидесят второго градуса заслуга не столько наша, сколько наших верных псов.

При подходе к южному предгорью Земли Рудольфа мы попали в скопище бесчисленных айсбергов от ста до двухсот футов вышиной. Бесконечно далеко тянулся в северном направлении исполинский ледник Миддендорфа. Между ледяными горами лежал глубокий снег, и открытые щели зияли в промежутках. Это были следы обвалов и опрокидывания айсбергов. Все чаще случалось, что кто-нибудь из нас проваливался в трещину, набирая при этом воды в сапоги и промачивая одежду. Мы проходили по настоящим ущельям между огромными ледяными горами, и это путешествие было так необычно, так захватывающе, что мы долго бродили, потеряв всякое направление, вокруг айсбергов, любуясь их размерами и многообразными формами. По моему распоряжению Клотц взобрался на вершину одного из них для осмотра подступов к леднику Миддендорфа. Следуя за ушедшим вперед тирольцем, мы вышли вскоре в более открытую область. Подъем на ледник прошел благополучно. Все мы впряглись в нарты и поволокли их вверх по ледяному косогору, перебираясь по снеговым мостам, перекинутым через трещины, и поднимаясь по ровному склону. Нижняя часть ледника Миддендорфа глубоко растрескалась, и казалось, вот-вот оторвутся огромные куски его и трохнутся в море. Малейший сдвиг ледяной массы глетчера конечно вызвал бы образование большого количества гигантских айсбергов. В стороне от своего выхода ледник казался ровным и свободным от трещин, несмотря на уклон в несколько градусов. Он мог быть доступным для

нашей экспедиции при условии, что мы будем общими силами тащить нарты.

Перед отправкой в путь было решено отдохнуть и подкрепиться. Шагах в четырехстах от края ледника мы беззастенчиво разбили маленькую палатку. Во время отдыха Клотц сделал мне фатальное сообщение, что, собственно, он менее пригоден для предстоящего путешествия чем Галлер, так как у него вот уже несколько дней распухла и гноится нога (воспаление корня ногтя), и что поэтому он вынужден переобуться в меховые сапоги. Не оставалось ничего другого, как отослать Клотца с четвертью нашего груза обратно к острову Гогенлоэ. Он взял мешок и револьвер и повернул к морю. Вскоре он вошел в лабиринт айсбергов, и мы потеряли его из виду.

Тем временем мы снова уложили нарты, запрягли собак и сами надели постромки. Я встал головным. И вот, едва успели мы сдвинуться с места, как вдруг бесшумно расступился снег под нартами, и открывшаяся бездна поглотила их вместе с собаками и Заниновичем. Из глубины расщелины раздались человеческие вопли и рев животных. Меня сильно дернуло назад, и я повалился в снег. Я был уверен, что сейчас же полечу вслед за нартами, но благодаря счастливой случайности нарты засели поперек расщелины на глубине тридцати футов. Это случилось как раз в тот момент, когда меня подтащило постромкой к самому краю; еще немного, и я полетел бы вниз, перетянутый трузом в три полных центнера. Лежа на животе, спутанный туго натянутой постромкой, я не мог шевельнуться. Тогда я закричал Заниновичу, что сейчас перережу веревку, связывавшую меня с нартами. Занинович стал снизу заклинять меня не делать этого, так как иначе нарты непременно сорвутся и убьют его. Некоторое время я лежал в таком положении и обдумывал, что делать дальше. В глазах у меня зарябило.

Подбежал отставший Орел. Он никогда раньше не ходил по ледникам, и всё же отважно подошел к самому краю расщелины, лег на живот и посмотрел вниз.

«Занинович зацепился за один из ледяных выступов, собаки висят в ошейниках под застрявшими поперек щели нартами», — сообщил Орел.

Затем он бросил мне по моей просьбе свой нож. Сделал он это так ловко, что я легко достал нож и перерезал им постромки, переплетенные у меня на груди. От этого нарты получили толчок, скользнули и опять засели. Я поднялся, снял мои сапоги и перепрыгнул в обратном направлении десятифутовую щель. Заниновичу я крикнул, что сейчас же

побегу обратно к острову Гогенлоэ за людьми и веревками. Я сказал ему, что спасение его обеспечено, если он сможет в течение четырех часов сохранить себя от замерзания. Занинович ответил:

«Действуйте, действуйте!»

Орел и я побежали. Не обращая внимания на возможные трещины под нашими ногами, мчались мы вниз по склону глетчера. Мы не боялись медведей, хоть и были безоружны. Целью нашего бега был мыс Шреттер, отстоявший от нас на шесть миль. Одна лишь мысль владела нами, мысль о спасении Заниновича, лучшего из нашей доброй команды, о спасении наших собак, необходимого запаса продовольствия и — прежде всего — драгоценного журнала со съемкой новооткрытой страны. Лично я очень симпатизировал Заниновичу, но даже независимо от этого меня охватило чувство гнева на себя по поводу своего легкомысленного поступка. Действительно, ввиду моего богатого высокоторного опыта, было непростительно так необдуманно пускаться в путь по поверхности необследованного ледника.

Этот упрек подгонял меня все сильнее, и я бежал с такой скоростью, что Орел все больше отставал. Я разгорячился и стал обливаться потом. Тогда я скинул свою гагачью шубу, снял сапоги, рукавицы и шарф, бросил все это и в одних чулках бежал через глубокий снег что есть мочи. Вскоре я миновал скопление айсбергов и увидел перед собой вдалеке мыс Шреттер; скалистая пирамида мыса видна была только наполовину, вершину ее окутал густой туман.

Спасение Заниновича зависело от погоды. Случись пурга — и остров Гогенлоэ стал бы невидимкой. Окруженный глетчерами и льдинами, я чувствовал себя совсем потерянным и очень обрадовался, заметив вдали Клотца. Я долго звал его по имени и наконец догнал. Завидев бегущего, Клотц спокойно остановился, но когда распознал меня и понял мое состояние, руки у него опустились, заплечный мешок соскользнул и свалился в снег, и сам он, совершенно растерянный, бросился мне навстречу. Узнав, что все, кроме Орела и меня, похоронено в трещине ледника, он начал плакать. Клотц считал себя виновником происшествия и так расстроился, что я вынужден был взять с него слово, что он не причинит себе никакого зла. Оставив Клотца одного с его мыслями, я побежал дальше. Мыс Шреттер казался недостижимым. С опущенной головой бежал я рысью через глубокий снег, считая шаги. Изредка я посматривал на виднеющуюся впереди скалу — цель моего бега, но она оставалась все тем же маленьким черным пятнышком около самого го-

ризонта. Потом она стала вырисовываться яснее и расти, и, наконец, я был уже близко. Я увидел палатку, из которой вынырнуло несколько черных точек, построившихся затем в ряд и стремительно скатившихся вниз по снежному склону. Это были люди, оставленные при палатке. Нескольких слов было достаточно, чтобы заставить их отвязать большой канат и приготовить длинную штангу. Моя просьба не скуility зря была уважена. Я бросился к керосиновой кухне и натопил немножко снега, чтобы утолить свою ужасающую жажду. Потом все мы — Галлер, Суссий, Лукинович и я — поспешили обратно к леднику Миддендорфа.

Экспедиция наша совсем разложилась. Палатка и провизия остались без охраны; люди, собаки и снаряжение были рассеяны на огромном пустынном пространстве. Два с половиной часа потратили мы на обратный путь. Страх за судьбу Заниновича окрылял меня, и мои спутники едва поспевали за мной. Я останавливался, в то время как они подкрепляли себя каплей рома. В самом начале дороги мы повстречали Орела, много дальше — Клётца. Оба они направлялись к мысу Шреттер, но первый из них должен был сразу же повернуть обратно, а второй намеревался там остаться.

Достигнув области айсбергов, я подобрал часть за частью всю свою одежду. Перед подъемом на ледник все мы привязались к канату. Я шел впереди. Сердце у меня щемило при приближении к месту катастрофы. С того момента прошло четыре с половиной часа, за которые было пройдено три немецких мили.¹

Черная пропасть зияла перед нами. Ни звука снизу. Я лег на край и закричал. Сначала — тишина, потом я услышал скуление собаки и вслед затем какие-то непонятные слова. Моментально спустился на веревке Галлер. Он нашел Заниновича еще живым, но совсем окоченевшим. Бедняга стоял на узком выступе ледяной стены на глубине сорока футов. Галлер спешно освободился от каната и привязал к нему Заниновича. С большим трудом вытащили мы его наверх. Он был в состоянии оцепенения и не мог говорить. Мы встретили его с шумной радостью и дали ему немножко рома, чтобы разогреть замерзшее тело. Занинович показал прекрасный пример чувства долга и дисциплинированности, потому что первые слова матроса, спасенного от жуткой смерти, состояли не в жалобе, а в благодарности за помощь и в просьбе простить ему, что он позволил себе, чтобы не-

¹ Немецкая миля — 7422 метра. — Примеч. переводчика.

много согреться, воспользоваться некоторым количеством рома из скатившегося к нему боченка.

Затем настала очередь собак. Каким-то непонятным образом умные животные освободились из своих ошейников и из всякого положения; с удивительной ловкостью перепрыгнули они на узкий выступ, где стоял Занинович. Галлер нашел всех троих тесно прижавшимися друг к другу. Поразительно было их легкое отношение к очевидной опасности, а может быть еще удивительнее огромное доверие к нам, так как, по словам Заниновича, собаки все это время спокойно спали, и сам он очень боялся случайно толкнуть их, чтобы не сбросить в зияющую пропасть.

Галлер привязывал собак к канату. С не меньшим напряжением тащили мы каждую из них и поднимали на поверхность ледника. Свою радость по поводу спасения собаки выражали тем, что сначала основательно валялись в снегу, а потом подбегали к нам и лизали руки.

Затем мы подняли Галлера на десять футов выше, чтобы он разрезал веревки, которыми был привязан груз к нартам. По очереди вытаскивали мы наружу предмет за предметом. В этой работе принимали участие все, включая Орела, который только что прибыл. Только к десяти часам вечера мы извлекли весь груз на поверхность ледника, за исключением некоторых менее ценных предметов, обрушившихся в пропасть.

В полночь мы оставили глетчер и область айсбергов и вскоре добрались до мыса Габерманна. Здесь мы легли и уснули в обществе собак. Ночь провели в высшей степени беспокойную. Торос настойчиво совал мне свои мохнатые лапы, похожие на щетинистые кисти, прямо в лицо.

Утром 11 апреля ($-13,5^{\circ}\text{P}$) мы поднялись очень рано, мучимые страшной жаждой. Нам казалось, что целого ручья воды едва ли хватило бы, чтобы утолить ее. Галлер, Суссик и Лукинович покинули нас еще ночью и ушли на мыс Шреттер. Перед своим уходом Галлер убедительно просил меня возвращаться возможно скорее; последнее происшествие, видимо, очень обеспокоило людей.

Впрочем, мы должны были считать себя удачниками, так как могли беспрепятственно продолжать наше путешествие. При этом пришлось, конечно, отказаться от пути через глетчер и направиться по окольной дороге к западному побережью Земли Рудольфа. Вдоль этого побережья мы пошли снова на север. Достигнув мыса Бророк, мы произвели наблюдение, показавшее $81^{\circ}45'$ сев. широты. День стоял удивительно ясный, и теплые солнечные лучи освещали вер-

шины гор. Еще месяц тому назад они были покрыты ледяной коркой футовой толщины, сейчас лед и снег исчезли, и из-под них выступили голые долеритовые скалы. В северо-западном направлении мы не видели ничего, кроме сплошного льда. Даже с помощью трубы теодолита я не мог с уверенностью распознать землю, которую усматривали зоркие глаза Орела. В арктических районах часто случается, что далекие туманы, едва поднимающиеся в холодном воздухе над поверхностью морей, принимают вид гористой страны. Они бывают отграничены от небосвода резкой чертой, что еще больше усиливает сходство их с землей. Легче всего принять облачные образования за выходы далеких ледников.

Мы выбрались наконец на гладкий, хоть и бугристый, береговой лед. Продвигаясь вдоль самого берега, мы испытывали чувство сильного подъема от сознания счастливого конца нашего вчерашнего приключения. Поднятию настроения очень содействовало все возрастающее великолепие окружающей нас природы. Только жажда мучила нас, и мы неоднократно останавливались, чтобы напить себе немного снега для питья. Во время такой остановки в пути наши нарты с поставленным сверху кухонным аппаратом напоминали своим видом маленький пароход.

Дальше дорога начала опять портиться, лед становился все тоньше, появились трещины. Вблизи внушительного мыса Аук лед лежал наторошенными глыбами в виде широких барьеров. В окружающей нас природе на наших глазах произошла разительная перемена. На севере виднелась широкая полоса водяного неба, и темные облака тумана накатывались оттуда, достигая предгорий Земли Карла-Александра. Под солнцем скопились клубы мутно-желтых испарений, температура поднялась до 10°P ниже нуля, тогда как на судне она была в то же время -23°P . Дорога под нашими подошвами размякла, при ходьбе мы шумно проваливались в сугробы. Подмеченное нами ранее обилие пролетавших с севера птиц нашло объяснение: здесь мы видели тысячи кайр и чистиков сидящими на скалистых стенах Земли Рудольфа. Чудовищные стаи подымались в воздух, и вся освещенная солнцем земля оживала от страстного тама собравшихся к своим гнездам птиц. Повсюду виднелись бесчисленные медвежьи следы, среди которых резко выделялись следы песцов. На льду лежали тюлени. Они не подпускали нас на расстояние выстрела, своевременно успевая нырнуть в воду.

Несмотря на все виденное, мы не имели права считать такое местное обогащение животной жизни доказательством

ее более интенсивного развития вообще по направлению к северу. Все же там, на месте, впечатление от этой картины было настолько велико, что мы уже поздравляли друг друга с открытием свободного от льда Полярного моря. Нет сомнения, что каждый из прежних сторонников этого взгляда, будь он теперь с нами, считал бы наше открытие лишним доказательством существования такого моря. Я уверен, что при перечислении всех наблюденных нами частных всякий, кто еще до сих пор верит в океанический характер полюса, нашел бы в них массу доказательств правильности этой устарелой гипотезы. Этим людям следовало бы не останавливаться здесь, а пройти с нами дальше.¹

Дорога, лежавшая впереди нас, потеряла последние остатки прочности. Казалось, что лед в бухтах держится только благодаря осевшим здесь стамухам. Сильным восточным ветром этот лед должно было бы непременно взломать, и в этом случае обратный путь на нартах был бы для нас отрезан. Под нашими ногами был не мощный зимний лед, а молодой, покрытый рассолом ледок, толщиной около дюйма. Он прогибался под нашей тяжестью. Местами виднелись следы недавних сжатий. Повсюду встречались тюленьи отдушины. Мы привязались друг к другу длинным канатом. Один человек шел впереди, постоянно зондируя толщину ледового покрова. Поочередно мы меняли свое место в цепи. Таким образом мы прошли мимо мыса Аук, похожего на гигантскую птичью клетку² и достигли бухты Теплитц. В эту бухту впадает мощный глетчерный поток, ступенями спускающийся к морю. Вдоль стены ледника шли многочисленные айсберги. Мы взобрались на одну из этих гигантских ледяных гор. На плоской вершине ее лежали эрратические валуны и гранитные наносы. Далеко на запад простиралось открытое море. Только у самого горизонта начинался лед.

По мере того, как ледяной покров становился на нашем пути все более гибким, а толщина его уменьшалась, доходя до $\frac{3}{4}$ и $\frac{1}{2}$ дюйма, возрастала опасность провалиться сквозь лед и погибнуть. Вместе с тем все чаще и выше становились ледяные барьеры, претраждавшие нам дорогу. Перебраться на ледник мы не имели возможности из-за огромной высоты

¹ К «этим людям» принадлежал и сам профессор А. Петерманн, по мысли которого была организована австро-венгерская экспедиция. См. предисловие.—Примеч. переводчика.

² На русском языке скалы, населенные большим количеством гнездящихся птиц, носят название птичьих базаров.—Примеч. переводчика.

его. Не оставалось ничего другого, как продолжать пробиваться с топором и лопатой в руках через барьеры наторошенного льда. Но в конце концов и этот способ стал неудобным. Несколько раз чинили мы нарты, но они ломались снова, а низкий облучок их постоянно застревал среди льдин. Пришлось развязать поклажу, отпрячь собак и взяться за переноску каждого предмета в отдельности. Настал вечер. Перед нами высились две одинокие каменные башни. Это был мыс Столбовой. Здесь открытая вода подступала вплотную к берегу.

С одной из вершин мы увидели огромную полынью, темная вода которой пестрела ослепительно белыми айсбергами. Черные тучи нависли над нею. Их прорывали солнечные лучи, падавшие на воду и озарявшие ее. Снежные горы Земли Рудольфа казались гигантской высоты, вершины их подымались из моря тумана и горели розовым светом. Этот тихий мир нарушался только шелестом крыльев и криком пролетающих птиц.

Невдалеке от мыса Столбового мы взобрались на боковой край ледника и с помощью длинной веревки подняли наверх всю поклажу. Орел занялся приготовлением ночлега в одной из расщелин ледника, проделал свои метеорологические наблюдения и произвел необходимые засечки. Тем временем я вскарабкался на вершину горного хребта, чтобы отсюда разведать путь для следующего дня. Солнце заходило. К северу от нас никакой земли не было видно, даль исчезала в темноте водяного неба. В направлении суши всюду громоздились скалы. Недалеко от меня по снегу пробежала какая-то птица. Следует заметить, что в течение последних двух дней, проведенных нами около этой воды, мы ни разу не видели кита.

Измученные жаждой и усталостью, мы собрались на место ночлега, поужинали с закрытыми глазами и тут же заснули мертвым сном. Собаки использовали наше состояние, стащили несколько фунтов медвежьего мяса и вылизали открытую банку сгущенного молока.

12 апреля (-11°P) было последним днем нашего продвижения к северу. Погода не была ясной, но все же лучше, чем обычно. Перед отправлением в путь мы закопали всю нашу кладь в расщелине, в которой провели ночь. Затем поднялись вверх по изрезанному лощинами береговому склону. Дальше путь наш пролегал по гладкому снежному покрову плоскогорий по направлению к главной вершине берегового хребта от 1000 до 3000 футов высоты.

Утреннее солнце озарило землю и льды. Только на юге

виднелись темные волны, доходящие до самого мыса Фельдер. Чем выше мы поднимались, тем больше казались горы, возвышающиеся впереди, тем мощнее становились глетчеры, ниспадающие к морю гигантскими ступенями. За час до полудня мы достигли скалистого мыса Германия (1200 футов). Здесь мы отдохнули и сделали определение высоты солнца, показавшее $81^{\circ}57'$ сев. широты. Следуя дальше вдоль береговой линии на северо-восток, мы прошли фирновую область одного из глетчеров. Чтобы избежать провала в трещину, мы связались веревкой друг с другом и собаками. Нарты пришлось оставить по эту сторону ледника, так как перебросить их через многочисленные щели, крутые подьемы и спуски не было возможности. Пять часов шли мы вперед и достигли наконец $82^{\circ}5'$ сев. широты. Эта точка стала пределом нашего семнадцатидневного похода. Дальше идти было очень трудно из-за большого количества трещин. Все чаще случалось, что кто-нибудь из нас проваливался. Наши продовольственные запасы подходили к концу. Наконец, мы могли считать, что достигли цели. Только имея лодку, было бы возможно пройти еще на несколько морских миль дальше вдоль берега земли Рудольфа.

Мы стояли на высоте тысячи футов на скалистом выступе, которому я дал название мыса Флигели в честь человека, высоко заслуженного в области географических наук. К северо-востоку от нас виднелся мыс Жерар-Осборн. Определить дальнейшее развитие береговой линии Земли Рудольфа не было возможности.¹

С вершины мыса мы смогли определить размеры обнаженного нами водного пространства. Оно оказалось не морем, а окруженной старым льдом большой полынью. Умеренно плотный молодой лед покрывал ее только местами. Небольшие размеры полыни видны из прилагаемой карты. Образование ее следует приписать действию восточно-северовосточных ветров, господствовавших в осенне-зимнем периоде. Судно, переброшенное к северным берегам Земли Зичи, имело бы возможность пройти несколько миль в северном или северозападном направлении, но не более. Дальше на севере оно встретило бы, несомненно, непроходимый паковый лед, видневшийся с нашей вершины в виде сплошной белой полосы, отделявшей горизонт. Рассказывая в своей книге только о том, что мы видели собственными глазами, я предпочитаю воздержаться от рассу-

¹ Наиболее северной точкой Земли Франца-Иосифа является как раз мыс Флигели, посещенный Пайером. Мыса Осборн не существует вообще. — Примеч. переводчика.

ждений на тему о вероятном характере никем не виденных морей и о возможности плавания на них так же, как не хочу высказывать своего мнения о вероятных размерах никем не посещенных стран. Я ограничиваюсь лишь заявлением, что факты, наблюдаемые с высоты мыса Флигели, одинаково противоречат как теории свободного от льда Полярного моря,¹ так и взгляду, что это море должно быть сплошь забито льдом.

Больше, чем все эти вопросы, интересовал нас, однако, вид голубых гор далеко на севере. Это была та самая страна, которую Орел заметил еще вчера, но контуры ее выступали на этот раз с большей ясностью. Я назвал ее Землей Петерманна в честь великого географа, моего друга и учителя. Гористый мыс, выдававшийся на западе в море, получил имя мыса Вена. Он лежит к северу от 83° сев. широты. Другую землю, усмотренную нами на северо-западе, я назвал Землей Короля Оскара.²

Впервые был водружен австро-венгерский флаг на территории дальнего Севера. Мы были взволнованы и гордились достигнутым. Мы испытывали чувство радости, что сделали все возможное, чтобы пронести этот флаг предельно далеко на север. День этот был счастливейшим в нашей жизни, и часто теперь еще в моей памяти неожиданно всплывает воспоминание о нем.

Окружающая нас каменная порода состояла из необычайно крупнозернистого долерита. Образованные ею террасы были полуразрушены выветриванием и денудацией. Отдельные участки были свободны от снега. Их покрывала скудная растительность. В расщелине одной из скал мы поместили закупоренный в бутылку следующий документ:

«Участники австро-венгерской экспедиции к Северному полюсу достигли здесь, на 82°5', своей наиболее северной точки после семнадцати дней пути от заката на 79°51' сев. ши-

¹ Мои личные взгляды на этот счет я изложил в другом разделе. Если бы они не оправдались, я радовался бы от всей души. Но пока что я целиком присоединяюсь к мнению, высказанному Мак-Клинтоком: «Успех английских экспедиций к северному полюсу главным образом будет зависеть от работы санных партий». — Примеч. автора.

В настоящее время известно достаточно точно, что в согласии с мнением Пайера полярный бассейн недоступен для кораблей обыкновенного (не ледокольного) типа. Полярное море покрыто таковым льдом, не лишенным, однако, свободных от него каналов и польней. — Примеч. переводчика.

² Ни Земли Оскара, ни Земли Петерманна в действительности не существует. Пайер был по видимому введен в заблуждение рефракцией, благодаря которой он принял торосистый лед за землю. — Примеч. переводчика.

роты судна. Вдоль берега на небольшом протяжении была обнаружена чистая вода. Она была окружена льдом, доходившим в северном и северозападном направлении до неизвестных берегов. Расстояние до этих земель, конфигурация которых не могла быть изучена, составляло в среднем около 60—70 миль. Немедленно после возвращения на корабль и некоторого отдыха вся команда покинет судно и возвратится в Австро-Вентрию. К этому вынуждает безнадежное положение корабля и случаи болезни среди экипажа.

Мыс Флители,
12 апреля 1874 года.

*Антонио Занинович, матрос
Эдуард Орел, мичман
Юлиус Пайер, начальник“.*

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ К СУДНУ

В ста шестидесяти милях к югу от нас стоял наш корабль. Мы отправились в обратный путь к нему.

Годы пройдут, а эти негостеприимные берега останутся все теми же, и снова воцарится здесь нарушенное нами их великое одиночество.¹ Только морские птицы совершают свои бесконечные полеты к скалам и обратно к воде. Дикие берега островов омываются водой, несущей неисчислимые полчища льдин и ледяных полей, подчиненных одной лишь воле ветра. В течение короткого лета в растрескавшиеся береговые утесы ударяет прибой, волна с рыданием разбивается о камни, но никому услышать ее жалобу. Тысячелетние глетчеры сползают с гор, ломаются и оставляют куски своего холодного тела в темной морской пучине. Горы этой страны холода и зимы лишены растительности; они стареют и распадаются, а склоны их, усеянные каменными обломками, кажутся покрытыми костями мертвецов.

Мы повернулись спиной к этому пустынному миру. Мы устремились домой, к судну, но не знали, где оно. Может

¹ Пайер оказался плохим пророком. Спустя двадцать лет на острове Рудольфа в бухте Теплиц зимовала часть экспедиции Фиала во главе с ее начальником. Вскоре после объявления Земли Франца-Иосифа составной частью СССР в районе зимовки Фиала была основана (1932) вторая метеостанция этого архипелага. — Примеч. переводчика.

быть его унесло уже дрейфом далеко в сторону? Опять перевязавшись веревкой, мы направились через глетчер. Благополучно достигнув мыса Германия, мы нашли оставленный здесь груз и растопили немного снега. Взятая с собой в экскурсию на мыс Флигели праздничная порция кофе, рома и мясного экстракта не прибавила нам сил, а только увеличила нашу жажду. Лишь поздно ночью добрались мы до места ночевки у мыса Столбового. Мы находились в состоянии полнейшего изнеможения. И все-таки радость успеха была так велика, что усталость не могла ее пересилить, а мысль о нашей изолированности несколько не пугала нас. Одному только Орелу было не совсем по себе, так как он заболел снежной слепотой. Вещи наши оказались в целости. Мы раскопали их и улеглись на три часа. Дальше отдыхать было нельзя, так как малейшее дуновение ветра могло сломать лед в бухте к северу от мыса Аук и утратить его прочь.

Неуверенность в состоянии дороги до этого мыса заставила нас подняться 13 апреля (-9° Р) самым ранним утром. Тяжелым показался нам этот путь. Препятствия, которые мы на пути к мысу Столбовому преодолевали с легкостью, теперь страшно утомляли нас. Ослепший Орел шел с почти закрытыми глазами. Мы тоже с трудом поднимали веки из-за невольной бессонницы, сильно подорвавшей наши силы. Собаки обессилели и в каждую остановку валялись как мертвые прямо в снег. Нам приходилось без конца снимать поклажу и опять грузить ее на нарты, тащить их, подымать и постоянно чинить расползающиеся части. Даже участки ровного льда были трудно проходимы из-за покрывавшей его поверхность соленой кашицы.

Погода была пасмурная и неприветливая. Однако, птицы резвились в воздухе с тем же задором, что и в ясный солнечный день. К обеду я приготовил пищу на соленой воде, проявив этим величайшую рассеянность. Мое варево, конечно, нельзя было есть.

Дорога через снежную пустыню от мыса Бророк до мыса Шреттер казалось бесконечной. Как мы ни спешили, как настойчиво ни считали мы наши шаги, нам в течение целых четырех часов не удавалось заметить увеличения маленькой черной точки на горизонте. Только к вечеру подошли мы к ней, и в трехстах шагах от палатки нас встретили посланные Галлера.

Удивительно характерно было, как быстро способен человек в этих условиях совершенно деморализоваться: оставшиеся в палатке были почти неузнаваемы. Они оказались

черными от варки сала и совсем ослабевшими; бедняги страдали поносом и не знали, что делать от скуки. Нашему приходу они страшно обрадовались, но мы смотрели на них, со страхом думая, что еще несколько таких дней и все они бы серьезно заболели. Вместе с тем они действовали строго по моему предписанию и свой продовольственный запас использовали, соблюдая строгую экономию. Выше было указано, что я оставил им перед уходом на север все необходимое снаряжение, чтобы ориентироваться на обратном пути к судну в случае моего невозвращения, по истечении пятнадцати суток. Когда же я их теперь спросил, в каком направлении они отправились бы на корабль, то к ужасу моему они показали на пролив Роулинсона, вместо Австрийского канала.¹

Галлер вручил мне исписанную иероглифическим почерком обложку от гороховой колбасы, содержащую произведенные ими в моем отсутствии температурные наблюдения. Оказалось, что на острове Гогенлоэ температура была в последние дни на один-два градуса ниже, чем у нас. В этом сказывалось влияние открытого водного пространства. Оно распространялось довольно далеко на юг. Мы заметили также, что при переходе через сугробы снега они трескались и осыпались под нашими ногами. Эти наблюдения вызвали у нас опасение, что настало время внезапного размягчения снега и отрыва припаянного льда от берегов. В таких условиях обратный поход через льды мог оказаться чрезвычайно трудным.

Уже этого одного обстоятельства было достаточно, чтобы основательно торопиться в дальнейший путь, причем возникла необходимость удвоить темпы, так как оказалось, что нашего запаса провизии хватит только на десять дней. Спешно занялись мы отборкой вещей, ставших ненужными, и сложили их отдельно. Брошенными оказались: общий спальный мешок, собачья палатка, все меховые рукавицы и другие мелочи. Благодаря такому облегчению груза мы могли рассчитывать на заметное удлинение наших ежедневных переходов.

14 апреля ($-12,4^{\circ}$ P) мы покинули при пасмурной погоде остров Гогенлоэ и направились в сторону острова Кобург.

Кроме перечисленных трудностей, нам досаждало еще нездоровье некоторых из членов экспедиции. Ухудшилось со-

¹ Естественно, что матросы должны хорошо уметь пользоваться компасами, которые употребляются на море. Оставленная мною буссоль была очень небольшого размера, и мои люди перепутали положение склонения. — Примеч. автора.

стояние ноги Клотца, и почти все оставшиеся на базе страдали снежной слепотой. Было странно, что не ослепли собаки.

Для борьбы с снежной слепотой пользуются разными средствами, вплоть до нюхательного табака, которым посыпают глаза. В Европе ее вылечивают, как известно, в один-два дня с помощью компрессов. Иначе обстоит дело на дальнем Севере при сильных морозах. Указанным способом невозможно пользоваться в условиях палаточной жизни, а простая повязка, которую надевают в походе, несколько не спасает от жгучей непрерывной боли. В санных путешествиях пользование защитными средствами оказывается очень ограниченным. Доктор Ричардсон и Норденшельд с успехом употребляли против снежной слепоты слабый спиртовой раствор опия, который капали в глаза два раза в день. По истечении двадцати—тридцати часов наступало исцеление при условии, что пациент отдыхал от похода.¹ Мы все же пытались делать компрессы, а также втирать атропиновую мазь, но заметного положительного эффекта нам не удалось подметить. Лучшим профилактическим средством является постоянное употребление дымчатых, синих или зеленых очков. Металлическая оправа должна быть завернута в шерсть, чтобы она не обжигала кожи в сильный мороз. Защитные приспособления к оправе, сделанные из проволоочной сетки, не нужны, так как благодаря им стекла очков даже при небольшой температуре скоро покрываются налетом инея, тогда как обыкновенные очки индевеют только при падении температуры до -30°P и всегда могут быть отогреты рукой. Эскимосы закрывают глаза деревянными пластинками с щелью посередине. Камчадалы, тунгусы, буряты и якуты изготавливают из различных материалов сетки, наполненные тряпками, которые надевают на глаза.

Но возвратимся к нашему путешествию. Уже к вечеру достигли мы острова Кобург ($81^{\circ}35'$ сев. широты), сложенного из долеритовой породы исключительно крупнозернистого строения. По пути нам не раз встречались следы белых медведей и песцов, но ни одного зверя не пришлось увидеть. Только 15 апреля при -14°P и пурге, метущей с северо-запада, вышли мы из области сплошных торосов и, вооружившись парусом, быстро двинулись на юг. Навстречу нам вышел медведь. С обычного расстояния в тридцать метров

¹ Здесь Пайер перечисляет различные средства против снежной слепоты, употребляющиеся разными полярными путешественниками, представляющие лишь специфический интерес. — Примеч. переводчика.

его уложили несколькими выстрелами. Спустя несколько минут на нартах лежали куски свежего мяса, и мы продолжали наш путь.

Под влиянием чрезмерного напряжения, недостаточного сна и преобладания мясной пищи наши силы сократились очень заметно, тогда как аппетиты возросли совершенно непомерно. Порошки танина были в большом ходу. Не переносившие медвежатины Галлер, Суссих и Лукинович страдали головокружением и вынуждены были сесть наполовину на диету. Эти неприятности усилились в течение последних недель еще тем, что у нас совершенно нехватало времени на сон. Вследствие этого тащить даже облегченные нарты стоило нам огромного труда, а первоначальное количество груза мы теперь не могли бы сдвинуть с места.

Мы двинулись на юг вдоль берега острова Андрэ,¹ пересекли плоский ледник острова Райнер и увидели отсюда открывшийся на западе пролив Бакка, с большим количеством айсбергов. В последний раз оглянулись мы на серебристую полосу — цепь снежных вершин острова Рудольфа. Она исчезла в море тумана, широкой белой волной разлившегося по всей стране. Спустившись с ледникового щита, мы сразу же провалились в запорошенные снегом озера соленой воды. Долго пришлось нам бродить здесь, и все старания выбраться из ледяной воды были напрасны. Промокшие до костей, проваливаясь почти с каждым шагом, мы только к вечеру набрали на сухое место, где разбили лагерь. Было это на $81^{\circ}20'$ сев. широты. 16 апреля ($-20,3^{\circ}$ Р) измеренная в полдень широта показала $81^{\circ}12'$. Когда мы вечером остановились в четырех милях к северу от мыса Гельвальд, силы нас совершенно оставили; хуже всего чувствовали себя при этом те, кто придерживался диеты.

17 апреля Орел двинулся с большими нартами прямо на юг, а я направился с собачьей упряжкой к мысу Гельвальд с целью восхождения на него. Температура упала в это утро до -22° Р, и контуры отдаленных айсбергов искажала рефракция. Незначительные торосы принимали вид огромных голубых дисков, отдельные призраки сливались вместе в длинные полосы, разрывающиеся при каждом следующем нашем шаге. Достигнув берега, я распряг собак, оставил здесь нарты и стал взбираться по обледенелому склону, состоящему из тонкослоистого глинистого сланца. Тяжело на-

¹ На месте острова Андрэ последующие экспедиции никакой земли не обнаружили. Нансен (1895) открыл неподалеку маленький островок Гоуэн.—Примеч. переводчика.

Раскопки продовольственного склада.

Проваливание в трещины.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

грузенному, мне стоило большого труда подняться на гору, вышиной в 2200 футов. Вершина слагалась из растрескавшихся базальтовых утесов, населенных кайрами и люриками. Эти птицы гнездятся здесь в большом количестве. Они летали вокруг меня и усаживались рядом со мной в снег, пока я устанавливал свой теодолит. Ничего не стоило бы уложить подюжины птиц одним выстрелом из дробовки. Их очень мало беспокоило, что я уже убил пулями несколько штук после того, как собаки прогнали их на неприступные скалы.

Стоя на горе, я легко мог ориентироваться в конфигурации гористой страны, расположенной на северо-западе Земли, на которой я находился, оказалась островом, отделенным от западной территории проливом Штернека. Убитых птиц я с трудом добыл с крутых склонов, снял с них шкурки и вскрыл им животы. Очистив последнюю птицу, я глянул в сторону и увидел, что Юбинал подобрался к тушкам и успел всех их проглотить, закусив в придачу моими перчатками. Из числа запасенных мною для общего обеда птиц уцелели только две.

Далеко внизу прошел мимо меня Орел. Насколько велико преимущество езды на собаках, видно из того, что я прибыл к мысу Пасхи одновременно с ним. Было это в полдень; определение широты дало на этот раз $81^{\circ}0'$. После обеда на собачьи нарты положили половину всего нашего груза. И все-таки даже без посторонней помощи два добрых пса шли быстрее людей. С этого времени для нас наступил пост. Исключительно постные дни стали чередоваться с днями частичного поста. К введению такого распорядка нас вынуждало состояние наших продовольственных запасов, сократившихся до двух с половиной дневных рационов хлеба и медвежатины.

В немногих милях от нас высились окруженные ледниковыми потоками гигантские утесы острова Винер-Нейштадт. Не подлежало сомнению, что подъем на одну из этих гор послужит усовершенствованию съемки. Я избрал для этой цели внушительный мыс Тироль. 18 апреля ($-23,5^{\circ}$ P) Галлер и я после трудного восхождения стояли на вершине его (3000 футов). Верхушка горы состояла из породы красивой столбчатой структуры, линии которой шли под самыми различными углами. Выветривание сильно разрушило ее. Даже здесь, на самой вершине горы, мы находили экскременты песцов. Птицы спасаются от этих разбойников, повидимому, только тем, что гнездуют на неприступных скалах. Мы разрезали несколько пуль, сделав из них что-то вроде дробы. Но стрелять по многочисленным кайрам и чистикам так и не

пришлось, потому что все равно нам не удалось бы добыть птиц, упавших на почти отвесные склоны.

Над нашими головами сияло ясное небо, под ногами лежало море тумана, скрывавшее льды и Орела, пробирающегося по ним на юг, к судну. Вдали виднелись огромные ледники Земли Вильчека. Слабая тень от тучи легла между полуостровом Ля Ронсиэр и бухтой Линдемманна.¹ По ту сторону живописного пролива Коллинсона все кругом было полно бухт, голых скал и покрытых снегом плоскогорий. Нам было очень досадно, что необходимость скорейшего возвращения на корабль не позволяла проникнуть в этот лабиринт гор и проливов.

При спуске мы прошли через три базальтовых террасы, характерные для Земли Франца-Иосифа. По пути заметили на одном из обрывов густые сплетения лишайников. Эти организмы поражают своей способностью выносить резкие крайние температуры, характерные для этой страны (зимние морозы и летнее прогревание камней). Туман рассеялся, и где-то в глубине нам навстречу засверкала бледно-зеленая лужайка. Теплые лучи солнца падали на нее. Это было в первый раз, и нам показалось, что мы находимся в Альпах, а не на восемьдесят первом градусе северной широты. Контраст стал еще резче, когда туман совсем исчез и из-под него вдруг вынырнули забитые льдом проливы и белые айсберги. Осматривая эту лужайку, мы увидели, что нижние части стеблей трав уже начинали зеленеть. Отдельными, более тесными группами стояли некоторые из немногочисленных цветковых растений Земли Франца-Иосифа, и в том числе полярный мак. Только теперь мы получили возможность представить себе хоть приблизительно, каким должно быть лето в этой стране. Бесчисленные снеговые ручьи питают, очевидно, такие лужайки, пробуждая в них жизнь. Бурными каскадами низвергается вода в переполненные снегом и камнями долины. Но пока что все спокойно, все спит еще сном окования. Только этот райский сад Земли Франца-Иосифа напоминает о том, что существует жизнь. И все же, если сравнить его хотя бы с природными богатствами других арктических стран, то он покажется настоящей пустыней. Ближе к морю мы нашли много лигнита, вмерзшего в почву. Немногим выше уровня ледовой поверхности моря оказалось большое количество плавника приблизительно столетней давности, залегшего в зоне желтого песчаника.

¹ Ля Ронсиэр представляет собой остров; бухты Линдемманна не существует; о-в Ля Ронсиэр отделяется от Земли Вильчека проливом Вандербильта. — Примеч. переводчика.

Много времени потеряли мы на тщетные поиски своих товарищей. Даже незначительная вьюга могла бы легко разделить нас навсегда. Наконец, мы нашли их уже в палатке (около 80°50' сев. широты, недалеко от ледника Форбес). Команда наша две недели не видела табака, и поэтому радостно приветствовала Галлера, пожертвовавшего ей свои сборы лишайников.

За последние дни мороз еще усилился, и мы решили отдыхать днем, а продолжать поход ночью. Памятным остался для нас переход в ночь с 18 на 19 апреля (—20° Р). Мы шли навстречу сильному югозападному ветру, крайне неприятному для наших отмороженных носов, ставших чрезвычайно чувствительными к холоду. Всеми силами пытались мы охранить их от новых испытаний и одновременно старались согреть озябшие подошвы резкими движениями ног. Наконец, нам удалось немного согреться, но впереди ждало худшее испытание. Снег под ногами становился все рыхлее и мягче, и мы стали поминутно глубоко проваливаться в него. С трудом пробирались мы вперед. Нижние слои снега были насквозь пропитаны водой, которая проникала нам в сапоги. Явление это нельзя было объяснить таянием снегов, так как за последнее время преобладала низкая температура, из чего следовало, что природа этой воды иная, т. е. что происхождение ее морское. Не сразу поняли мы это и, теряясь в догадках, опасались за каждый свой шаг. Казалось, что мы стоим над невидимой пропастью.

Вначале мы решили, что так некстати пришедшаяся вода вероятнее всего притекла из ледникового ручья, затем нам показалось возможным приписать наличие ее влиянию недавно перевернувшегося айсберга или наступлению ледника. В этом последнем случае лед мог бы оказаться сломанным и потому мы решили отклониться в сторону от выхода ледника. Только после того, как идущие впереди совсем провалились под лед, мы узнали истину. Ледяной покров моря треснул на большом расстоянии, мы были окружены невидимыми трещинами, а вода под снегом была настоящей морской водой, поднявшейся снизу. Один раз Галлер уже совсем исчез с наших глаз, и только благодаря спешно оказанной помощи его удалось спасти. Длинной палкой нащупывали мы дорогу и постоянно попадали ею в пустоту. Первым пошел теперь Клотц, вооруженный альпийской палкой. Он вел нас с большим искусством, постоянно зондируя почву и часто проваливаясь в пропасти. Через два часа мы вышли в конце концов на прочную дорогу. Достигнув верного пути, мы испытывали чувство людей, спасенных от смерти.

Некоторые из нас во время этого путешествия поотморозили себе ноги. Помочь им было трудно. Мы растирали ноги снегом и старались кое-как починить их обувь. В этот день впервые совсем не зашло солнце, оставаясь видимым в полночь. Горы пролива Маркстама ярко горели в его красноватом свете.

Перед нами, на юге, виднелась полоса черного водяного неба. Острова по сторонам нашего пути окутались густым туманом. Мы придумывали разнообразнейшие софизмы для объяснения этого явления как-нибудь иначе, но только не наличием открытой воды. Напрасно изошрялись мы в наших неестественных догадках. Вскоре до нашего слуха дошел недвусмысленный шум сжатия и недалекого прибоя. На широте $80^{\circ}36'$ мы разбили палатку и легли спать. Отдых должен был подкрепить наши силы для предстоящей встречи с новой опасностью. Несмотря на овладевшее нами беспокойство мы все же уснули и проспали несколько часов. Разбудило нас приближение так хорошо знакомого шума. Мы встали, быстро собрались и двинулись дальше вдоль обнаруженного старого следа наших нарт. Орел и я пошли вперед. Едва мы прошли несколько сот шагов, как увидели перед собой свободное от льда море. Вид его ошеломил нас. По ту сторону не было заметно следов белой каймы. Берега этой воды состояли из высоких гребней наторошенного льда. Сильный ветер развел волну, а брызги и пена залетали при резких порывах его на тридцать шагов вглубь окаймляющих воду льдов. Тут же рядом стоял большой айсберг. Мы взобрались на него и с вершины увидели черное море, полное пенистых гребней и айсбергов, тех самых, мимо которых мы спокойно проходили месяц тому назад. Далекие ледяные горы казались мрачными, темными образами, вырисовывавшимися на фоне светлой линии горизонта, тогда как ближние ослепительно сверкали белизной, оживлявшей черный небосвод и воду. Среди них была конечно и та, что послужила местом закладки нашего продовольственного депо. Положение было ужасно. Переплыть воду мы не могли, и нам почти нечего было есть. До корабля оставалось пройти пятьдесят пять миль! Сильное течение увлекало с собой льдины со скоростью трех-четырех миль в час.¹ Отдельные глыбы проплывали мимо нас, шаловливо покачиваясь на волнах. В этом движении крылась какая-то насмешка над нашей судьбой.

Куда теперь итти? Восемь дней могли бы мы просуществовать, питаясь мясом убитых собак и растапливая снег дро-

¹ Это было, повидимому, приливно-отливное течение.—Примеч. автора.

вами, приготовленными из разбитых нарт. Вещи пришлось бы нам тащить на себе. Но куда же именно тащить их, куда идти? В этом был весь вопрос, вопрос нашей жизни. В каком направлении сохранился еще, может быть, невзломанный лед? Может быть страна, лежащая на западе, представляет систему ледяных мостов? Или вода, которую мы видим перед собой, сообщается с морем, подступившим отдельными языками с юга? Ясно было только то, что нужно выбраться на сушу, так как морского пути не стало. Чистая вода виднелась на западе далеко позади голых рифов острова Хэйса, густой туман над проливом Маркгама заставлял предполагать, что этот пролив тоже вскрылся от льда. Ввиду этого я обратился в сторону ледников Земли Вильчека, связанной с нами ледяным мостом. Наша судьба зависела от того, вскрылся ли лед в южной части Австрийского канала.

Сильно огорченный, стоял я, заканчивая работу по зарисовке жуткой картины, распростертой перед нашими глазами. Орел отправился тем временем в догонку команде, легкомысленно шагающей по совсем молодому льду. Он остановил людей, и они молча уставились глазами в снег. Я слез со своего возвышения и пошел по ледяному берегу в юго-восточном направлении к видневшейся там земле. Брызги волн разбивающихся об лед, промочили меня насквозь. Орел ушел вперед, показывая дорогу. Часто приходилось нам перебираться через перекрытые слоем снега трещины, и если мы благополучно достигли Земли Вильчека, то только потому, что точно соблюдали все указания ушедшего вперед вожатого.

Но вот все заволочлось густым туманом. Температура поднялась до -11°P , началась метель, вскоре перешедшая в настоящую пургу. Мы снова соединились вместе, чтобы не потерять друг друга. Разыгрался страшный шторм, но мы не могли даже думать об отдыхе и разбивке палатки, а должны были во что бы то ни стало продолжать путь. Ведь иначе мы рисковали, что ветер порвет последние нити, связывающие нас с судном. Наш путь пролегал вдоль гигантских ледниковых стен. Ослепленные снегом, мы часто натывались на них, иногда описывали круги или неожиданно останавливались на самом краю пропасти. В борьбе с ветром мы задыхались и чуть не падали. Одежда наша была сплошь занесена снегом, лицо покрылось ледяной коркой, глаза и рот сплошь заросли льдом. Мы не видели темных вод бушевавшего где-то справа моря, не слышали стопа волн, заглушенного ревом бури. Галлер шел в нескольких шагах впереди остальных. Он зондировал почву, стараясь избежать трещин

и расщелин. Мы едва поспевали за ним, поминутно теряя из виду его широкую спину. Даже стену возвышавшегося рядом ледника мы не видели, и только изредка угадывали по слабо мелькнувшему вверх контуру ее огромную высоту. Каждые сто шагов устраивалась минутная остановка, во время которой разрешалось повернуться спиной к ветру и растереть озябшие члены. Мы срывали с лица ледяную корку, особенно толстую на глазах и на губах. Сдирая лед с бровей, мы вырывали заодно и волосы. Мучивший нас голод приходилось утешать надеждой, что нам удастся разыскать запрятанную в снегу несколько южнее тушу убитого медведя. Мы не имели права отдыхать, не закончив переправы вдоль ледника. Это случилось лишь спустя семь часов. Мы разбили палатку у подножья горы. Совершенно измученные и насквозь промокшие, белые от снега и льда вошли мы внутрь палатки. Несмотря на голод пришлось ложиться спать с пустым желудком. Условия были таковы, что из сохранившегося небольшого запаса продовольствия нельзя было взять ни одной хлебной крошки. Перспективы наши были самые печальные. Если бы оказалось, что в районе мыса Франкфурт на острове Галля наш путь перерезан водным пространством хотя бы даже только в виде широкой трещины, то нам предстояла несомненная гибель на пустынном побережье Земли Вильчека.

Пурга не прекращалась. Голод, холод и сырость не давали нам спать. Собаки лежали у входа в палатку, занесенные с головой снегом. 20 апреля (—13°5 Р) мы покинули наш лагерь, предварительно подкрепившись завтраком, может быть достаточным, чтобы поддержать силы тифозного больного, но никак не могущим удовлетворить наши волчьи аппетиты. Готовые к походу, мы вышли из палатки. Пока ее укладывали на нарты, наша дымящаяся одежда успела превратиться в настоящий ледяной панцирь. Во время дальнейшего пути навстречу непогоде силы и стойкость стали покидать нас. Лишь к вечеру пурга перешла в обыкновенную метель.

Нам повезло: недалеко от берега стоял на прежнем своем месте наш айсберг, вместе с доверенным ему продовольствием. С нетерпением бросились мы раскапывать консервы и остатки убитого медведя. Разделившись на две группы, люди заработали лопатами и кирками. Из занесенной снегом щели извлекли сорок пять фунтов мясных консервов. Собаки помогли разыскать медвежьи кости. С глубины двух футов выкопали замерзшие остатки, состоявшие из костей, жира и меха. Это драгоценное продовольствие положили на нар-

ты. Обильный завтрак состоял из трех фунтов консервов и медвежатины на человека. Затем отправились дальше. К нашему неописуемому восторгу оказалось, что ледяной берег чистой воды уклоняется к западу. Мы могли рассчитывать миновать открытую воду, совершив далекий обход ее с юга. Щели, пересекавшие наш путь и соединявшиеся с чистой водой, еще не расширились настолько, чтобы их нельзя было перейти. С высоты айсбергов мы ориентировались в степени проходимости ближайших участков, и это нам удавалось настолько, что вскоре мы добрались до мыса Франкфурт на $80^{\circ}20'$ сев. широты. Отсюда и до самого корабля надеялись мы встретить сплошной, нетронутый лед, и это радостное обстоятельство послужило поводом к приготовлению праздничного трюга из спирта и воды. Ближайшая наша задача состояла в отыскании продовольственного склада на берегу острова Шенау.

21 апреля ($-17,5^{\circ}$ Р) Орел ушел вместе с большими нартами вперед. Я остался позади с собачьей упряжкой, чтобы произвести с высоты мыса Франкфурт некоторые необходимые триангуляционные работы.

Лишь перед самым мысом Берггауз мы снова соединились и вместе пересекли широкую полосу холмистого льда. Погода была ясной. На небе ярко пылали диски боковых солнц, а вдали виднелись синие горы. Снег стал снова очень глубоким.

Чтобы облегчить нарты, мы срезали с медвежьих костей и шкуры все съедобные кусочки и обросили голые кости и мех в снег. Но этого облегчения было недостаточно, и мы вынуждены были опять остановиться на отдых. С Лукиновичем случился проходящий обморок. Это состояние повторилось, оно было следствием крайнего перенапряжения сил. То же самое произошло и с Заниновичем, человеком исключительной выдержки.

Мы все страшно осунулись и исхудали. Во время одной из остановок я выступил с речью, желая подбодрить людей и укрепить их упавшие силы. Я рассказывал им о поразительной выдержке, обнаруженной Мак-Клинтоком во время его санных путешествий. Далматинцы поражались стойкости, проявленной англичанами, тогда как тирольцы отнеслись к моему рассказу на этот раз с меньшим доверием. Галлер заявил мне:

«И вы верите этому? Вот поглядите, если бы им пришлось эдак тащить, я думаю, они бы выглядели не веселее нашего».

А Клотц, этот оборванный парень, сохранивший от своей

прежней апостольской представительности только длинную черную бороду, добавил к этому:

«Они бы дольше восьми таких дней не выдержали и словно утки на льду барахтались бы, пока бы не попадали».

22 апреля (—17°Р) мы достигли вскоре после полуночи берега острова Шенау. Лед вокруг него был взломан, так что мы снова начали проваливаться в трещины. Когда, наконец, разбили палатку, солнце опустилось к самому горизонту. Красным факелом оно загорелось над лиловыми ледяными буграми, утонувшими в поднявшейся полосе тумана. Все шире и дальше разбегалась эта живая волна, только гигантский конус горы на мысе Берггауз выступал над ее гребнем.

Взобравшись на вершину горы на острове Шенау, я произвел здесь последние в эту экскурсию работы по съемке. Положение острова было для этой цели чрезвычайно подходящим. Осматривая окрестность, я убедился, что к востоку от островов Гохштеттера лед был взломан.

Тем временем внизу Орел успел уже разбить палатку и приготовить ночлег. Клотц раскопал продовольственное депо, оказавшееся к нашей большой радости нетронутым — медведи так и не разнюхали про него. Итак, миновала пора бедствий: семь часов спокойного крепкого сна придали нам много сил. Бодро двинулись мы дальше.

Двадцать пять миль отделяло нас от корабля. Было решено, что я отправляюсь вперед на собаках, чтобы разузнать, находится ли судно все еще на старом месте. Орел должен был идти следом за мной, ведя с собой большие нарты. Этот день тоже отличался исключительно ясной погодой. Еще месяц тому назад здесь свирепствовали снежные бури и все было покрыто сплошной пеленой белого снега. Сейчас все было залито солнечным светом, и коричневые стены островов отражали его лучи.

Мой путь пролегал вблизи островов Кольдевея и Сальм прямо на юг. Собаки плохо слушались меня. Торос постоянно сманивал Юбинала свернуть с истинного пути. Это безобразие кончилось только тогда, когда мы нашли почти совсем занесенный прежний след нарт. Собаки вдруг как будто почувствовали, что вступили в знакомую местность. Они бежали с высоко поднятыми головами и хвостами, делая по сто восемьдесят шагов в минуту. Этого темпа они не сбавляли даже тогда, когда я присаживался на нарты.

Югозападный угол острова Сальм был окружен скоплением айсбергов, имевших вид стамух. Я решил устроиться с подветренной стороны одного из этих колоссов. Под защи-

той его я хотел немного отдохнуть и зажечь спиртовую кухню, чтобы разогреть себе мясных консервов и разделить их с обоими товарищами, внимательно следящими за всеми моими действиями. В то время как я старательно разглядывал крошечное темное пятнышко, медленно передвигающееся далеко к северу от меня — это был Орел с людьми и нартами, — вдруг раздался страшный треск, и ледяная гора, под которой я укрылся, развалилась на отдельные глыбы. Громады глетчерного льда упали и продавили под собой ледяной покров моря. Он поднялся острыми гребнями, вслед за которыми хлынула вода из огромного количества образовавшихся трещин. Со звоном покатались обломки льдин по ровной поверхности полей, а куски льда, попадавшие в море, закружились в водовороте. С трудом удалось мне убежать вместе с собаками и затопленной кухней в руках.

Уже раньше приходилось мне неоднократно наблюдать, что айсберги бывали окружены венком разбитого морского льда. Переворачивание айсбергов легче всего объясняло это явление. Но я не предполагал прежде, что оно происходит так часто. Поэтому никак не следует рекомендовать устраиваться в непосредственной близости айсберга на отдых или на ночлег; не следует также разбивать здесь палатки или закладывать внутри айсберга продовольственное депо.

Когда мы повернули в пролив, отделяющий остров Сальм от острова Вильчека, единственным темным пятном во всей округе оказался видневшийся впереди мыс Оргель. Собаки не задумываясь направились прямо в его сторону, и около полуночи я прибыл на место. Пройдя еще несколько сот шагов, я был уже на верхушке горы, образующей мыс. Отсюда я должен был увидеть наш корабль, если он вообще был еще здесь. Если бы его не было, тогда я вернулся бы назад к моим товарищам, чтобы приготовить их к гибельной вести.

С тяжелым чувством поднялся я на вершину, таща за собой собак. Под нашими ногами расстилалось плоское каменистое плато. С каждым моим шагом снижался его край, мешавший мне смотреть вдаль. Все выше поднимался далекий горизонт Ледовитого моря, опоясавший кругом огромную белую пустыню. Корабля не было видно. Нигде не было никакого человеческого следа на протяжении тысяч миль. Только тут вот поставлен гурий¹ со вставленным в него древком оборванного флага, а там, невдалеке, виднеется занесенная снегом могила. Я подходил все ближе к обрыву,

¹ Пирамида, сложенная из камней. — Примеч. автора.

все выше взбирался, и вот... увидел три тонких мачты. Это было судно, я нашел его! С расстояния в три мили оно показалось мне не больше комара. Окружающие корабль сугробы и айсберги скрывали его до сих пор от моих глаз. Я смотрел на свой корабль в бинокль. Я видел его мачты, реи и паруса. Я посмотрел на собак. Мне хотелось, чтобы и они приняли участие в моей радости, и я повернул их головы к судну и вытянул руку в его направлении. Юбинал навострил уши и внимательно уставился на лед, тогда как Торос вертелся во все стороны, видимо ничего не понимая. Спустившись вниз, я направил нарты прямо через лед к судну.

Наше приближение было замечено вахтенным только тогда, когда до корабля осталось не более ста шагов. Случилось это ночью, и весь экипаж спал мирным сном. Вахтенный страшно перепугался, увидев меня одного, без товарищей. Я успокоил его на этот счет и постарался унять Пекеля, бросившегося мне навстречу с радостным лаем.

Я побежал в каюту будить спящих. Весть о достигнутой высокой широте чрезвычайно обрадовала всех. Я рассказал о сделанных открытиях и набросал на бумаге примерное расположение земель. Спустя несколько часов любопытство наших товарищей казалось удовлетворенным. Каждому хотелось поскорее увидеть путешественников с нартами, и весь народ высыпал на лед им навстречу. Мачта на больших нартах была украшена флагом. Торжественно и сердечно приветствовали их люди с корабля и в течение всей последующей недели ревностно заботились о поддержке утомленных и исхудавших путешественников усиленным и здоровым питанием. Нас не тянуло к мясу, нам хотелось больше всего белого хлеба, картофеля и молока. Впрочем, мы едва отличали вкус отдельных блюд, так как вследствие употребления в продолжение всего похода только самой горячей пищи языки наши и небо затвердели, как сапожная кожа.

У всех нас был крайне живописный вид в момент возвращения на судно. Но живописнее всех был, конечно, Клотц в своей одежде из сплошных отрепьев. Клотц был чужд целого ряда человеческих недостатков, в том числе и позорной дружбы с иголкой. В результате шапка его состояла из отдельных лохмотьев и напоминала своим видом крылатый рыцарский шлем, от сапог остались одни голенища, тоже разорванные на части и украшенные сверху венком из обрывков отворотов. Увидевший его Карлсен позабыл даже на минуту про свою моржовую охоту и, в восторге от гордой фигуры тирольца, стал сравнивать его со святым Олафом,

который был столь богатырского сложения, что с величайшим трудом нашел для себя подходящего коня.

Во время нашего отсутствия на корабле кипела самая энергичная работа. Вейпрехт и Брош закончили свои магнитные наблюдения.¹ Они измерили также базис, легший в основу триангуляционных работ по съемке страны. Команда была занята снаряжением лодок, необходимых для обратного пути в Европу, и упаковкой провизии в непромокаемые свертки.

За это время уменьшилось количество больных на корабле.

Отморожения, случившиеся во время санного путешествия у некоторых из моих спутников, с успехом лечились компрессами и ваннами. Только Стиглиху не повезло. Неосторожно обращаясь с заряженным ружьем он прострелил себе правую руку. Язвы и раны излечиваются в арктических странах очень медленно, особенно зимой. Но благодаря своевременно оказанной помощи и стараниям нашего врача серьезная рана Стиглиха стала заживать быстрее, чем даже незначительные нарывы в холодный период.

За время нашего отсутствия лейтенант Вейпрехт распорядился доставить на берег одну лодку и трехмесячный запас провизии. Этот склад был предназначен для участников санной экспедиции в случае, если бы они оказались отрезанными от судна. Но мы благополучно вернулись, и эта мера предосторожности оказалась ненужной. Отправились на берег за оставленным здесь грузом, чтобы перебросить его обратно на судно. Оказалось, что на складе побывали медведи. Они разворошили вещи, растаскали сапоги, разорвали флаг недалеко от могилы Криша, но не тронули жестяных коробок с продовольствием. Плотная запаивная жестяная банка не пропускала запаха продуктов, что защитило ящики от разрушения. Впрочем, оставленные на берегу запасы не могли бы спасти нас от гибели. В этом мы убедились позднее, когда покинули судно навсегда. Мы погибли бы

¹ Опубликование этих наблюдений взяла на себя Австро-Венгерская Академия наук. Я считаю нужным сказать несколько слов о характере этой работы, выполнявшейся гг. Вейпрехтом и Брошем (а в другое время также и г. Орелом), и о ревностности в производстве наблюдений, которая была при этом ими проявлена. Отмечая значительность проделанной ими работы, я пользуюсь словами Вюллерсторфа: «Когда знаешь, как сильно влияют на человека постоянные опасности и угрозы его жизни и деятельности, часто ломающие тело и даже дух, то испытываешь чувство глубокого восхищения и признательности при просмотре и изучении проделанной здесь с редкой выдержкой и точностью работы». — Примеч. автора.

из-за того, что нас было слишком мало. Чтобы поднять только лодку на нарты, требовалось напряжение сил двадцати трех мужчин, а нас было всего семеро.

ТРЕТЬЯ САННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Последние дни апреля были мягкими и приветливыми. Царило безветрие, ясно светило солнце. В такую погоду пребывание и работа на чистом воздухе были настоящим удовольствием, тем более, что температура воздуха за это время лишь совсем редко опускалась ниже -15° до -20° R. Такого мимолетного падения температуры все же было достаточно, чтобы поддержать еще на несколько дней твердую консистенцию снега. В таких условиях можно было предпринять еще одну санную вылазку. Целью этой поездки была западная часть Земли Франца-Иосифа, так как вопрос о том, как далеко она распространяется по направлению к Шпицбергену, был не менее интересен, чем проблема ее северной протяженности. Мне хотелось бы употребить на эту поездку несколько месяцев; но в моем распоряжении оставалось всего лишь несколько дней — срок выхода в обратный путь к Европе был близок, а переносить его еще дальше было невозможно.

29 апреля (-15° R) выступили в поход лейтенант Брош, Галлер и я. Юбинал и Торос тащили маленькие нарты с недельным запасом провизии. Пекель сопровождал нас в качестве добровольца. До утра 30 апреля (-15° R) мы задержались на вершине острова Вильчека. Этого требовали дополнительные измерения углов, тригонометрически связывавших измеренный базис со страной, которую нам предстояло нанести на карту. Влияние солнца бывало в это время иногда так велико, что температура внутри нашей палатки достигала в штилевую погоду $+14^{\circ}$ R, тогда как в предыдущие месяцы она при тех же условиях колебалась между 10° и 20° ниже нуля. Когда окружающая палатку воздушная температура держалась днем выше -6° R, мы не могли внутри ее высидеть в походном костюме и снимали всю одежду, кроме шерстяного белья и чулок.

Поднявшись снова, чтобы продолжать путь, мы увидели, что горы заволоклись туманом, оставившим свободными только вершины. Пошел небольшой снег. Целью нашего путешествия был мыс Брюни, и только он один ясно вырисовывался вдаль. К западу от этого мыса виднелась ледниковая стена, опоясывающая остров Мак-Клинток. Солнечные лучи падали на изломы ледяных языков, спускающихся к морю, и отражались от них по всем направлениям. Сплошной ледяной щит тянулся до мыса Оппольцер. Дальше он очевидно отклонялся к северо-западу.

Путь через пролив пролегал по невзломанному льду, покрытому еще твердым слоем снега. Собаки легко тянули свои нарты, только изредка бывала нужна наша помощь. Часть захваченного груза была уже снята и оставлена нами в расщелине одного из айсбергов,¹ — здесь была часть продовольствия, предназначенная на обратный путь. Закончив работы по устройству депо, мы отошли в сторону и вдруг увидели у подножия того же айсберга выкопанную в опромном сугробе снега берлогу белого медведя. Моментом позднее явился сам хозяин берлоги. Он был, видимо, страшно возмущен нашим вторжением и бежал прямо на нас. Слишком поспешными выстрелами медведя ранили, но не убили, и зверь убежал.

Чем ближе подходили мы к острову Мак-Клинток, тем чаще становились пересекавшие наш путь трещины. Они пролегли параллельно береговой линии острова и соединялись на юге с небольшой полыней, отстоявшей от нас всего на четыре мили. Мы понадеялись, что в течение ближайших дней эти трещины не разойдутся настолько, что перейти их обратно окажется невозможным, и потому направились через них, прямо к острову. В миле от него, недалеко от выходов ледников разбили мы наш лагерь.

В то время, как мы были заняты в палатке приготовлением ужина, к лагерю подошел молодой медведь. Мы не успели отозвать собак, как они уже бросились навстречу гостю. Медведя прогнали. Но собаки не вернулись, преследуя его по пятам. Как правило, убегающий медведь часто неожиданно

¹ Пайер испытал на самом себе ненадежность айсбергов как хранилищ продовольствия и снаряжения. Выше автор обращает на это внимание своих читателей и будущих путешественников. И все-таки сам он продолжает пользоваться айсбергами для этой цели. Повидимому, в случаях некоторого избытка продовольствия или отсутствия во всей округе сколько-нибудь заметных выступов земли, закладка депо в трещине айсберга все же допустима. — Примеч. переводчика.

оборачивается и сам нападает на своих преследователей. Мы знали эту медвежью тактику и потому опасались за жизнь наших добрых псов. Особенно боялись мы за судьбу Тороса, который не отличался большой сообразительностью, часто не умея найти пути к палатке даже тогда, когда находился в виду ее. Пока мы собрались на выручку собакам, они сами привели к нам медведя. Торос дразнил озлобленного зверя тем, что бежал впереди его, следуя в свою очередь за Пекелем, направившим всю ватагу в сторону лагеря. У нас был избыток захваченной с судна медвежатины и очень мало патронов, поэтому охотнее всего мы разошлись бы с этим медведем по-хорошему, будь он сам настроен более миролюбиво. Но он подошел к нам на слишком близкое расстояние и настаивал на схватке. Мы сожалели о ненужном убийстве, но другого исхода не было. Язык медведя мы вырезали и зажарили. Мясо осталось лежать на льду. Должен сказать, что в отношении вкуса медвежьего мяса я целиком присоединяюсь к мнению Форстера, сравнивающего его со скверной говядиной. Среди многих, кому приходилось пробовать медвежатину, члены нашей экспедиции принадлежат к наиболее компетентным в отношении оценки качества медвежьего мяса, так как на долю каждого из нас за все время в общем пришлось около четырех медведей.

Наш план состоял в том, чтобы 1 мая (—12⁴ Р) через глетчер Симони перебраться на мыс Брюнн и подняться на его вершину. С высоты этой остроконечной горы можно было рассчитывать увидеть расположение окружающих земель, остававшееся до сих пор совершенно неизвестным. Для того чтобы узнать его, оставаясь здесь, внизу, потребовалась бы работа многих дней. Однако неблагоприятная погода разрушила наш план. Нам пришлось остаться в палатке. С лейтенантом Брошем случилась неприятность — он повредил себе ногу. Это было для него тем обиднее, что он хотел меня сопровождать еще во вторую экспедицию на север, от чего ему пришлось тогда отказаться из-за участия в магнитных наблюдениях. Галлер, я и маленький Пекель оставили палатку только 2-го числа. Несмотря на сильную пургу, метущую с западо-северозапада, мы начали восхождение.

Два часа потратили мы для подъема на ледник Симони. Вверх по крутым склонам горы на мысу Брюнн мы шли зигзагами, связанные между собой веревкой. Пурга хлестала нам в лицо. Я не помню более утомительного восхождения. Перед нами открылось снежное ущелье, круто поднимающееся кверху. Кругом торчали утесы, венком окру-

жавшие вершину мыса, подымающуюся в виде длинного лезвия к небу. Мы достигли ее после пятичасового подъема. Aneroid показал 2500 футов высоты.

Сильнейший ветер и пронизывающий холод страшно затрудняли благополучно завершнное восхождение. Чтобы осуществить его, нужны были самообладание и выдержка испытанных лишениями людей, не привыкших возвращаться домой с пустыми руками. Здесь, на вершине скалы, нам предстояло произвести работу по съемке. Нужно было спокойно произвести зарисовку окружающей местности, измерить азимут, определить расстояние до главнейших возвышенностей и угол высоты для некоторых из них. Непогода тем временем не унималась, ветер дул с прежней силой, а температура была — 18° Р. Чтобы действительно проделать всю эту работу, нужен был очень сильный стимул, а что могло быть сильнее желания нанести на карту большую неизведанную страну? Трудности были преодолены. Тяжелее всего приходилось при работе с теодолитом. Ветер все время раскачивал его, и потому каждое наблюдение приходилось повторять по несколько раз, чтобы в результате получить правильное среднее значение. Задача была выполнена нами после нескольких часов упорного труда.

Наблюдения, произведенные с вершины горы на мысу Брюнн, касались главным образом южной части Земли Зичи, состоящей из трандионого комплекса гор, расположенных по ту сторону пролива Маркгама.¹ Почти половина небосклона была занята скалистыми кряжами, снежными вершинами и долинами, казавшимися серого цвета. В этой части страны тоже преобладали конические горы с плоской вершиной.

Один только пик Рихтгофена был стройный, белой пирамидой. Эта гора — выше всех, обнаруженных нашей экспедицией на Земле Франца-Иосифа — ее высота достигает наверное около 5000 футов.² Вся страна была изрезана

¹ Эта часть «Земли Зичи» состоит в действительности из следующих главных островов (не считая мелких): о-в Гукера, о-в Ли-Смит, о-в Нансена, о-в Кетлитца, о-в Притчетт, о-в Бромвич, о-в Брайс, о-в Альджер. К северу от пролива Маркгама два ближайших больших острова носят названия о-ва Чамп и о-ва Луиджи. Пролив Маркгама отклоняется не на юго-запад, как указано у Пайера, а на северо-запад. Юго-восточная ветвь его, огибающая с запада о-в Мак-Клинток, носит теперь название пролива Абердар. — Примеч. переводчика.

² Это определение высоты, как и все прочие, произведенные Пайером на Земле Франца-Иосифа, сильно преувеличено. В действительности гора Рихтгофена достигает только 1360 футов высоты. — Примеч. переводчика.

фиордами¹ и покрыта глетчерами. Границу Земли Франца-Иосифа в сторону Шпицбергена и Земли Гиллиса определить не удалось, так как до самого горизонта тянулись горные цепи, ясно вырисовывавшиеся на фоне неба. Наиболее отдаленные из видимых вершин отстояли от нас на 15—20 немецких миль. Таким образом не исключена возможность, что Земля Франца-Иосифа достигает на западе пятидесятого, а, возможно, даже сорок восьмого градуса восточной долготы.² С высоты мыса Брюнн мы впервые заметили, что земли к югу от пролива Маркгама разделены между собой проливом (пр. Нетри). Он уже вскрылся от льда, а так как в проливе Маркгама в это время тоже было не мало трещин, то отсюда можно сделать вывод, что санные путешествия возможны на Земле Франца-Иосифа только в начале весны. В более позднее время года предприятиям этого рода грозит серьезнейшая опасность очутиться вдруг отрезанными от своей базы.³ Судя по нашим наблюдениям пока что не приходится в серьез думать также и о плавании в водах новооткрытой страны.

Пока я производил свои наблюдения, Галлер просидел в расщелине скалы под самой верхушкой нашей горы. Расположенность Галлера к ревматизму не позволяла ему долго оставаться на ветру и морозе.

Велика была наша радость по поводу сделанных открытий. Совсем другое чувство испытывали мы при виде бесконечной ледовой пустыни, расстилавшейся перед нами на юге. Печальной рисовалась нам картина предстоящего возвращения через льды. С вершины мыса Брюнн я заметил одну только узкую полосу воды, змейкой пробегающую куда-то в юговосточном направлении. В лучах солнца вода блестела и казалась желтой. Эта полоска отделяла область свободных льдин от области сплошного берегового льда. Она почти соединялась с небольшой полыньей к югу от острова Мак-Клинток. Но ведь не могло быть сомнений, что малейший южный ветерок снова сомкнет эту трещину, а кроме нес

¹ В действительности это были в большинстве своем проливы. — Примеч. переводчика.

² На прилагаемой карте нанесены приблизительные контуры уходящей далеко на запад земли. — Примеч. автора.

В действительности оказалось, что крайняя западная точка Земли Франца-Иосифа — мыс Мери Гармсуорт — лежит много дальше на западе, чем предполагал Пайер, а именно на 40°15' вост. долготы. — Примеч. переводчика.

³ Неожиданные подвижки льда и вскрытие проливов происходят на Земле Франца-Иосифа иногда даже в самый разгар зимы. — Примеч. переводчика.

Оставление „Тегетгофа“.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

нигде не было видно никаких следов воды. Всюду только один лед. Неровное расположение на поверхности льда пятен света и теней ясно показывало, что лед этот отнюдь не гладкий, а состоит из бесчисленного множества глыб, нагроможденных в страшном беспорядке. Местами между торосами виднелись совсем темные пятнышки — это были крошечные лужицы воды, выступившей на поверхность льда или в промежутке между льдинами.

На обратном пути мы дополнительно обследовали нижнюю часть ледника, и только после полудня добрались до палатки. Цель экскурсии была достигнута. Расширение области произведенных открытий требовало бы многодневного похода в северозападном направлении. Для производства работ по такой широкой программе совершенно необходима была бы лодка, которой у нас не было. Но главное препятствие состояло в том, что было решено уже через две недели быть готовыми к выступлению в обратный путь в Европу. Поэтому необходимость заставила нас считать работу законченной и повернуть назад к судну.

Обратный путь был проделан форсированным маршем всего лишь в двадцать два часа. 2 мая ночью мы выступили, 3 мая были на месте. Хотя температура в день нашего возвращения колебалась между -12° и -16° R, но все мы до нитки промокли от пота. Собаки играючи тащили нарты с грузом, облегченным до трех центнеров. В этот пробег они дали блестящее доказательство своей работоспособности. Вечером мы прибыли на мыс Тегетгоф. На этом закончилась работа санных экспедиций, покрывших в целом расстояние около четырехсот пятидесяти миль.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ¹

Метеорологические наблюдения производились вахтенными офицерами, а именно: лейтенантом Брошем, мичманом

¹ Метеорологические наблюдения, произведенные нашей экспедицией, обработаны в трудах Вюллерсторфа и Вейпрехта. Здесь я намерен ограничиться кратким упоминанием о главнейших явлениях, тем более, что обработка собранного материала еще не закончена, а следовательно и преждевременно делать какие-либо выводы. — Примеч. автора.

Орелом, боцманом Лузиной и капитаном Карлсеном. В течение первой зимы в этих работах принимал участие также машинист Криш, освобожденный от этой обязанности во вторую зиму вследствие ухудшения состояния здоровья.

Наблюдения состояли из производимых каждые два часа отсчетов показаний термометра, из определения с помощью психрометра влажности воздуха (в летнее время), из оценки направления и силы ветра, количества осадков и характера облачности. Все эти работы производились в течение 1½ лет с величайшей старательностью и добросовестностью, притом в таком районе, где до нас никогда никаких наблюдений не делалось. Поэтому результаты произведенных наблюдений должны представлять особую ценность.

Сила ветров, дующих в противоположных направлениях, казалась в первой половине нашего плавания почти одинаковой. Незначительное преобладание югозападных ветров наблюдалось в более южном районе, а северо-восточных — в северном.

Гроз не бывало совсем. Они очень редко случаются на далеком Севере и, в частности, на морском побережье Сибири.

Облака над Ледовитым морем никогда не имеют резких контуров, столь характерных для южных широт. Летом они становятся на севере более компактными и принимают округлые формы, зимой они состоят преимущественно из туманов, закрывающих от наших глаз звездное небо. Только в тех арктических областях, что заняты большими участками суши, небо нередко бывает чистым и ясным. Небосвод такой исключительной чистоты, каким видели его Кольдевей, Кэн, Миддендорф и Врангель, может сравниться только с звездным куполом, распростертым над тропическими странами. Об арктическом небе и облаках Вейпрехт высказывается следующим образом: «Облачность выражается или в виде безотрадного однообразного серого тумана, поднявшегося над землей, или в виде перистых облаков. Но эта последняя форма совсем не похожа на наши высокостоящие барашки — перистые облака образуются здесь на гораздо меньшей высоте и состоят из клубов тумана, лишь очень редко приобретающих определенную, резко очерченную форму, как это обычно бывает в более южных областях. Вместо туч приходят тоскливые туманы, проносящиеся иногда на значительной высоте, иногда опускающиеся на землю и остающиеся лежать, будто припвожденные к ней. В летнее время никогда не бывает ясного неба, которое оставалось бы чистым в течение полных суток. Чаще всего солнце прячется уже спус-
та

несколько часов за стену густого тумана, легшего на землю.¹ Вечные туманы вызывают в нас какое-то тоскливое настроение, но вместе с тем мы сознаем необходимость их наличия для поддержания существующего ледового режима. Туманы аккумулируют солнечное тепло и сильнее разрушают лед, чем падающие непосредственно лучи солнца».

В отношении ветров Вейпрехт говорит: «В течение всего времени вплоть до осени второго года ветры были очень переменчивы. В районе Новой Земли дули главным образом юговосточные и югозападные ветры. К весне направление преобладающих ветров изменилось на северо-восточное. Резко выраженное преобладание ветров определенного направления наблюдалось нами только в течение второй зимы в прибрежных водах Земли Франца-Иосифа. Больше половины всех ветров дуло здесь с востоко-северо-востока. Пурга приходила тоже только из этого направления. Такой ветер почти всегда приносил с собой тучи, которые исчезали лишь тогда, когда ветер отклонялся больше к северу. Известно, что сила ветра уменьшается при прохождении над льдами. Очень часто можно было наблюдать, как совсем низко над льдом быстро проносятся клубы тумана, тогда как в самом лабиринте льдин царит почти полное безветрие. Очень интересной была замеченная нами в январе месяце обоих годов борьба, присходившая в это время между холодными северными и теплыми южными ветрами. Каждый прорыв теплого ветра с юга или юго-запада сопровождался сильнейшим снегопадом и повышением температуры в $-30-35^{\circ}$ Р. Эта борьба предшествовала в том и другом случае наступлению длительных, больших морозов».

Направление и сила ветра, наблюденные на борту «Тегетгофа»:

Время наблюдения		Среднее направление ветра	Средняя сила ветра
1872			
Июль	15	NE 53°	1,36
Август	31	SW 56	1,15
Сентябрь	30	SW 45	0,54
Октябрь	31	SE 23	0,43
Ноябрь	30	SE 71	0,26
Декабрь	31	SE 44	0,64

¹ Само собой разумеется, что речь идет только о климате моря, откуда производились все наблюдения; над сушей туманы несравненно реже.—Примеч. Вейпрехта.

Время наблюдения	Среднее направление ветра	Средняя сила ветра
1873		
Январь 31	SW 64	1,42
Февраль 28	NE 32	0,26
Март 31	NE 37	0,63
Апрель 30	NE 61	0,53
Май 31	NW 5	0,53
Июнь 30	SE 79	0,97
Июль 31	NW 74	0,82
Август 31	SE 48	0,31
Сентябрь 30	SE 53	0,14
Октябрь 31	NE 42	1,82
Ноябрь 30	NE 54	1,10
Декабрь 31	NE 66	1,21
1874		
Январь 31	SE 70	0,93
Февраль 28	NE 47	1,16
Март 31	NW 59	0,83
Апрель 30	NE 80	0,94

Явление снегопада наблюдалось во все времена года. Не всегда удавалось определить мощность снегового слоя, так как этому мешал сильный ветер, сопровождавший снегопад и поднимавший тучи осевшего ранее снега. По той же причине нередко нельзя было даже определить, имеет ли вообще место выпадение свежего снега. Если не считать больших снежных сугробов, то среднюю мощность зимнего снегового покрова на льду пришлось бы считать близкой к трем футам.

Дождь шел почти исключительно в летние месяцы. Это был всегда мелкий, морозящий дождик, никогда не прорывавшийся ливнем, столь обычным в южных широтах. В течение второго лета частота выпадания дождя была большей, чем в первое.

Мы не можем вычислить среднего давления для какой-либо из посещенных нами точек по той причине, что пребывание наше на каждой из них вследствие непрекращающегося дрейфа всегда бывало очень кратковременно. Поэтому приходится ограничиться приведением средних показаний барометра по отдельным месяцам, помещенных в следующей таблице.

Термометры были установлены нами в 25 шагах от судна, за пределами его вредного влияния на показания. Они были

помещены на высоте четырех футов от снежного покрова.¹

Характерные температуры каждого месяца были приведены выше, поэтому сейчас можно ограничиться приведением средних и крайних месячных температур.

	Среднее барометрическое давление	Средняя температура	Максимальная температура Р	Минимальная температура Р
1872				
Июль	—	—	—	— 2°4
Август	750,99	+ 0°41	+ 6°5	— 5 6
Сентябрь	748,92	— 7 34	+ 0 4	—18 6
Октябрь	751,8	—13 5	+ 2 0	—26 5
Ноябрь	757,27	—19 52	— 2 3	—28 7
Декабрь	757,11	—23 95	—14 9	—28 7
1873				
Январь	753,69	—18 1	— 2 1	—35 1
Февраль	741,62	—27 95	— 1 8	—36 9
Март	748,21	—25 52	—14 4	—33 9
Апрель	753,04	—17 49	— 6 8	—30 9
Май	756,58	— 7 12	— 1 9	—18 4
Июнь	751,3	— 0 41	+ 8 1	— 8 6
Июль	750,23	+ 1 26	+ 6 4	— 1 8
Август	749,33	+ 0 32	+ 4 4	— 4 6
Сентябрь	747,79	— 3 32	+ 1 3	—12 4
Октябрь	745,64	—13 93	— 2 9	—23 1
Ноябрь	748,2	—21 21	— 6 2	—31 8
Декабрь	744,98	—23 08	—10 1	—34
1874				
Январь	732,97	—19 6	— 1 7	—36 7
Февраль	744,92	—22 83	— 1 7	—35 5
Март	742,25	—18 46	— 1 0	—36 9 ²
Апрель	751,15	—12 39	— 2 8	—22 8

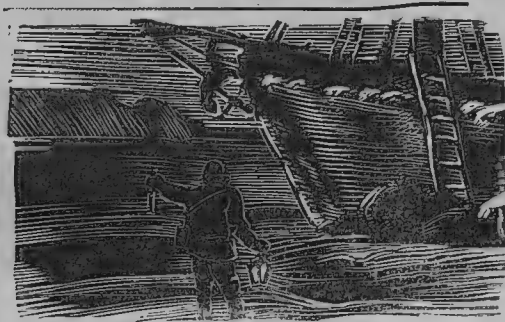
¹ Термометры должны непременно висеть совершенно свободно. Выставленные в ящиках, они дают всегда неверные показания; в особенности тогда, когда ящик забивается снегом. В первую зиму мы были вынуждены беспрестанными сжатиями перенести термометры со льда на палубу и поместить их в такой ящик. Не подлежит сомнению, что вследствие этого температура, показанная термометром, во многих случаях оказывалась немного выше истинной. Однако, в таких условиях она может иногда показать и температуру несколько ниже настоящей, что легко происходит тогда, когда термометр совсем или почти касается снега. Скоресби, Парри и мы сами наблюдали, что температура снежного покрова может в тихую ясную зимнюю ночь опуститься на несколько градусов ниже воздушной. — Примеч. автора.

Это замечание свидетельствует о серьезном подходе к научным наблюдениям, бывшем на «Тегеттофе». Все соображения, высказанные здесь, совершенно правильны, хотя в настоящее время имеют только исторический интерес. Недочеты, бывшие в работе метеорологических наблюдателей времен Пайера, теперь давно уже устранены: все метеорологические приборы помещаются в специальных метеобудках, помещенных на высоких столбах. — Примеч. переводчика.

² Во время санной экспедиции в этом месяце наблюдалась температура еще тремя с половиной градусами ниже. — Примеч. автора.

Показания минимального термометра считывались ежедневно в полдень. В летнее время одновременно производились наблюдения над термометром с зачерненным шариком. Специальные отсчеты показаний термометров производились летом и в другие часы. Наступление температурного максимума бывало в зимний период незакономерно, и только в конце весны максимальная температура более или менее постоянно держалась около двух часов пополудни. Из этого видно, как ничтожно влияет на ход температурной кривой полуденная зоря в полярную ночь.

Средняя температура за 1873 год равнялась таким образом на нашей широте — $12^{\circ}95$ Р.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕВРОПУ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА «ТЕГЕТТГОФЕ»

Время забот миновало. С честью возвращались мы на родину: неотъемлемым достоянием экспедиции были проведенные ею наблюдения и произведенные открытия. На предстоявшем пути к дому ничего хуже смерти с нами не могло приключиться. Осталось несколько дней до выступления в поход, или, как говорил Клотц, до «разгрома судовых запасов». Эти дни были посвящены отдыху. На короткий срок все мы превратились в настоящих эпикурейцев, спали, пили, ели и наслаждались жизнью в полном довольствии¹.

Много труда положили мы на то, чтобы обеспечить полную сохранность всех собранных за экспедицию письменных материалов. Лейтенант Вейпрехт упаковал судовые журналы и документы вместе с тетрадями, содержащими метеорологические и магнитные записи, в одну общую жестяную коробку и велел ее запаять. 14 мая он закончил свою работу, а спустя несколько дней я написал последнюю страницу точной копии произведенной нами съемки. Она состояла из двадцати листов и содержала все измерения, произведенные

¹ Искусственное вино с этого времени стало объектом всеобщего презрения. Впрочем, оно было такого качества, что матросы боялись выпить каждый свою порцию в один прием.—Примеч. автора.

за время путешествий. При переписке я постарался расположить все материалы таким образом, чтобы в случае моей гибели кто-либо другой смог по ним восстановить карту Земли Франца-Иосифа. Эти бумаги были вместе с моими дневниками, зоологическими рисунками и около 200 эскизов земли, Ледовитого моря и сцен из нашей жизни сложены и помещены в другую жестяную коробку. Туда же был вложен вымпел санной экспедиции, украшавший большие нарты. Коробка была старательно запаяна. Из зоологических сборов пришлось, к сожалению, большую часть оставить на судне. Удалось захватить только небольшую часть коллекций, отобранную со строгим учетом объема отдельных объектов, а также пробы грунта.

Неожиданно быстро протекло это время. Мы едва успевали оглянуться, как только что, казалось, начавшийся день клонился уже к вечеру.

Все были заняты починкой одежды и приспособлением ее к походным условиям. В кубрике с утра до ночи шили. Отбирались и чинились лишь безусловно необходимые части туалета, все лишнее выбрасывалось за борт судна. За это время здесь накопились целые груды всякого хлама. Судно имело заброшенный вид, на нем были заметны следы разрушения.

Кругом на льду лежало много медвежьих трупов. Новые жертвы все увеличивали их число. 5 мая был убит один медведь, бросившийся на Тороса; второй медведь убежал. 9 мая мы дали несколько промахов по посетившему нас медведю, и зверю удалось скрыться. 11 мая Орел опять подстрелил пришедшего к нам в гости медведя. При осмотре убитого зверя были обнаружены следы прежних ранений, из которых одно пришлось в лопатку, а второе в голову, на полтора дюйма ниже правого глаза. На кухню шли только лучшие куски мяса, мозг и язык, остальное бросалось. Трупы лежали на льду, наполовину засыпанные снегом. Собаки глодали кости и рвали замерзшее мясо. Они впервые получили свободу, впервые могли наестся до отвала, наконец-то избавившись от скудных и скучных рационов, выдаваемых до сих пор со строгой педантичностью. — Месяцем позже это медвежье побоище вызвало бы мор по всей округе.¹

Нам удалось сделать еще несколько небольших экскурсий на берег. Целью их было производство наблюдений над движением ледников. Эти поездки совершались на собаках.

¹ Этим Пайер хочет сказать, что месяцем позже начнется гниение медвежьих трупов, так как они непременно оттают под лучами летнего солнца. — Примеч. переводчика.

Приходилось брести через глубокий снег. Последнее такое путешествие было 15 мая. Мы посетили в последний раз землю и простились с могилой нашего товарища и со странной, подаренной нам простой случайностью. Лыдина, положившая нас столько долгих месяцев, поднесла нам этот дар, чтобы избавить от возвращения домой с чувством униженного разочарования.

Снаряжение для обратного пути было строго продумано лейтенантом Вейпрехтом и мною еще до санных экспедиций. С величайшей тщательностью производился подбор всех материалов и продовольствия. В основном снаряжение состояло из того же ассортимента предметов, что и в санных экспедициях. Мы могли смело считать этот подбор чрезвычайно удачным. Были введены только отдельные усовершенствования упаковки. Особое внимание обращалось на сокращение веса и объема груза до минимальных пределов. В этом отношении нам посодействовало значительное повышение температуры окружающего воздуха (иногда выше точки замерзания), так как позволило сократить до минимума нашу одежду без риска простудиться. Что касается отдыха на привале или ночевке, то мы предполагали проводить его закутавшись в одеяла, в лодках, покрытых парусиновой крышей. Таким образом нам нечего было опасаться холода, легче было допустить, что мы будем страдать от жары, чем от мороза. Действительная опасность состояла в другом: нам могло не хватить запасенной провизии.

Три судовых шлюпки были предназначены для нашего похода. Две более крупные были норвежские фансботы двадцати футов длины, пяти футов ширины и двух с половиной футов высоты. Экипаж первой шлюпки состоял из лейтенанта Вейпрехта, доктора Кепеса, Лузины, Ораша, Латковича, Пальмиха, Вечерины и Клотца. Вторую шлюпку должны были занять Занинович, Галлер, Лукинович, Скарпа, Стиглих, Поспишилл, мичман Орел и я. В третью, несколько меньшую шлюпку должны были сесть лейтенант Брош, капитан Карлсен, Катаринич, Леттис, Суссих, Марола и Фалезих.

Каждая из этих шлюпок была установлена на большую лыжу. Груз каждой лодки состоял из следующих предметов:

- 10 мелких весел
- 2 длинных рулевых весла
- 1 парус и мачта
- 1 ледяной якорь
- 2 багра
- 1 гарпун с длинем

- 1 моток льня
- 1 ручной топор
- 1 сверло
- 1 отвертка
- 1 стамеска
- 1 пила
- 6 резервных шурупов для нарт и лыжи
- 1 мешок с гвоздями
- 3 ружья
- 1 коробка дробовых патронов — 100 штук
- 1 коробка дробовых патронов — 50 »
- 2 коробки по 75 пулевых патронов
- 8 спасательных поясов
- 6 запасных фонарей
- 2 ушата
- 1 мешок со швейными принадлежностями
- 20 пачек спичек
- 1 компас
- 1 секстант
- логарифмы и эфемериды
- 1 связка фитилей
- 1 подозренная труба
- 1 рупор
- 50 саженной веревки
- 1 шмпол
- 1 ножницы для резки жести
- 1 оселок
- 3 корковые пластины
- 1 теплая рубашка
- 1 шерстяной набрюшник
- 1 пара брюк
- 1 пара кальсон
- 1 мерка для спирта
- 1 весы
- 1 бидон для спирта
- 1 сифон
- 1 воронка
- 1 трубка
- 6 гири для весов, содержащих вместе с тем запас дробы
- 2 пары оленьих пимов
- 3 проводочных вставки для спиртовой кухни для согревания консервов.

} резервная одежда

При каждой лодке находились кроме того большие нарты со следующим грузом: ¹

Пеммикан — 4 банки по 50 фунтов	200 фунтов
" 1 " 25 " 	25 "
" 4 " 5 " 	20 "
Гороховая колбаса — 2 ящика по 100 ф. в жестя-	
ной упаковке	200 фунтов
Гороховая колбаса — 1 ящик по 100 ф. в бумаж-	
ной упаковке	100 "

¹ На третьей лодке груз был на два центнера меньше. — Примеч. автора.

Молотое мясо 1 ящик по 80 ф.	80 фунтов
Мясные консервы 5 ящиков по 10 банок по 7½ ф.	375 фунтов
Мясные консервы 1 ящик по 4 банки по 7½ ф.	30 "
Мука 3 банки по 33 ф.	99 фунтов
Хлеб 3 мешка по 83 ф.	249 "
Шоколад 3 ящика по 30 ф.	90 "
Спирт 3 боченка по 46 бутылок по 77 ф.	231 "
Соль 1 банка по 12 ф.	12 "
Мясной экстракт 2 банки по 5 ф.	10 "
Чай 1 банка по 3 ф.	3 "

Всего 1724 фунта

Кроме перечисленного было погружено еще 100 фунтов хлеба для собак, 3 лопаты, 1 спиртовая кухня и 8 мисок для еды.

Вес продовольственного груза составлял около 50 центнеров, общий вес всей поклажи около 90 центнеров. Экспедиция Парри (1826), состоявшая из 28 человек, имела груз, весивший вместе с двумя лодками и четырьмя нартами 75 центнеров.¹ Несмотря на наличие больших препятствий на пути Парри, можно все же считать, что в общем условия его путешествия были благоприятнее, чем те, в каких впоследствии оказались мы. Он сумел в тридцать один день пройти с нартами полтора широтных градуса.

Наш провиант состоял главным образом из пеммикана, гороховой колбасы и мясных консервов. Утром и вечером мы питались супом из консервов, заправленным мукой и имевшим вид клейстерообразной жижи. В полдень мы пили чай, съедали 1/5 фунта сухарей и 1/8 фунта шоколада.

Из наших собак только Юбинал и Торос могли быть использованы в упряжке. Они тащили маленькие нарты. Весь запас собачьего продовольствия состоял из одного центнера хлеба. Взять больше мы никак не могли, рассчитывая при этом, правда, на подкормку их мясом зверей, убитых на охоте. Из остальных трех собак в живых был оставлен только Пекель. Гиллиса и Землю пришлось пристрелить, одного за сварливый нрав, другую по болезненности. Пекелю было оставлено право свободно сопровождать нас. Однако и его

¹ Парри взял провианта на 71 день и покинул судно 22 июня. Целью экспедиции был северный полюс, место отправления — Шпицберген. На срок семи часов, предназначенных на сон, Парри регулярно выставлял вахтенных. В среднем на человека приходилось около 2½ центнеров груза. На дальнем севере Парри достиг однажды скорости передвижения по льду до 10 миль в день. Однако, в течение первых десяти дней санного путешествия скорость эта у него едва превышала одну милю. — Примеч. автора.

жизнь целиком зависела от того, хватит ли у нас съестных припасов на весь путь.

Наше личное походное снаряжение состояло из двух шерстяных рубашек, одной пары шерстяных кальсон, трех пар чулок, кожаных болотных сапог, шапок и теплых шуб для спанья в них. Белье из чистой овечьей шерсти ценилось на вес золота. Люди старались всеми способами, правдами и неправдами, раздобыть себе такое белье. Наиболее благородный способ состоял при этом в энергичных уговорах уступить или променять на что-нибудь желанный объект. Кроме перечисленного, в снаряжение каждого путешественника входили большой нож, ложка и пара снеговых очков. Единственной допущенной роскошью был табачный кисет, которым ни один из них не преминул запастись. Было строго запрещено насыпать табак в карманы, поэтому каждый старался набить возможно плотнее свой кисет.

План нашего путешествия был очень прост. Курс пролегал почти прямо на юг, в направлении к продовольственному депо, заложенному в свое время в районе островов Баренца. Здесь мы рассчитывали пополнить свои истощенные в пути запасы и направиться дальше на юг вдоль западного побережья Новой Земли. Мы надеялись встретить у этих берегов какое-нибудь рыбацье судно, промышляющее в устьях новоземельских рек гольца.¹ Рыбаки остаются здесь обычно до начала осени. Не исключалась также возможность встречи с норвежским зверобойным судном даже в северной части Новой Земли. Такое судно могло бы нас подобрать и доставить ближе к жилым местам.

Во время похода следовало при всех условиях стараться не разлучаться, а держаться тесной группой. Если же, несмотря на это, лодки потеряли бы друг друга из вида, то местом сбора назначались острова Вильгельма, в районе которых надлежало бы дожидаться замешкавшихся товарищей до середины августа.

В начале было решено, что все переходы будут совершаться в ночное время, а день предназначался для отдыха и сна. Вскоре, однако, выяснилось, что строго придерживаться этого правила невозможно, так как постоянно встречались на пути различные неожиданные помехи. Из богатого экспедиционного опыта мы знали, что удача нашего похода зависела в первую очередь от того, успеем ли мы

¹ У Пайера сказано — лосось. Действительно, голец принадлежит к породе лососевых рыб. Встречается он во многих местах по побережью Северного Ледовитого моря, но на Новой Земле достигает наибольшей величины и веса. — Примеч. переводчика.

проделать весь санный путь до конца августа. Наибольших трудностей в пути следовало ожидать от порчи его вследствие размятчения снега. Хотя в начале мая температура падала еще до 14° — 17° ниже нуля и дули резкие северо-восточные ветры, укреплявшие снеговой покров, но средняя дневная температура к этому времени часто бывала близкой к нулевой, а 16 мая даже превысила ее. В таких условиях трудно было надеяться на быстрое продвижение вперед в первые же дни похода.

Двое из команды — Стиглих и Вечерина — все еще были неработоспособны, и мы должны были радоваться тому, что они вообще еще могли поспевать за нами; хуже было бы, если бы нам пришлось их тащить на себе. Остальные все были вполне здоровы. Даже опухлость ног, сильно досаждавшая некоторым из нас, к моменту выступления в путь совершенно исчезла.

ПО ДРЕЙФУЮЩИМ ЛЬДАМ

Наступило 20 мая, великий день начала похода в Европу¹. Радостно встретили мы его, так как с этого дня мы снова стали свободны и деятельны.

К верхушкам мачт на «Тегетгофе» прибили флаги. Мы двинулись в обратный путь к человеческим селениям, удаленным от нас на тысячи миль. Захватывающее зрелище представлял для нас самих этот наш уход.

Мысль покинуть судно, бросив его на произвол судьбы, имеет в себе даже в обычных условиях что-то волнующее. Насколько сильнее должно быть чувство тревоги, когда

¹ Это был тот самый день, в который Кэн выступил в свой обратный путь. Он располагал тремя шлютками, из которых две более крупные были двадцати шести футов длины и семи футов ширины. Экипаж был одет в эскимосские шубы, а лица были покрыты гуттаперчевыми масками. Этого рода путешествия совершались неоднократно, но лишь немногие из них получили широкую известность. Путешествие Парри на север (1827), возвращение Кэна (1855) и наш поход имеют много общих черт. Из этих трех предприятий последнее было труднее всего по той причине, что оно не располагало базой на суше и находилось вдали от кораблей, могущих поспешить на выручку. — Примеч. автора.

оставляешь корабль во льдах холодного моря! И все-таки даже в таком тяжелом случае привычка сыграла свою роль, значительно притупив болезненное ощущение. В течение долгих месяцев мы пребывали в непрерывном страхе, что льды раздавят корабль, а нам придется спастись, бежать через ледяную пустыню налетке, без пищи и без крыши над головой. И все-таки этот корабль был в течение целых двух лет нашим единственным пристанищем и стойко хранил нас от всяких невзгод, которыми так щедро одаряет путешественников арктическая природа. Скрываясь за стенами корпуса судна, мы спасались от лютых морозов и свирепых штормов, стоя на борту мы наблюдали, как выпуклые бока судна отражают напор промоздящихся льдин. Воспоминания обо всем пережитом здесь нахлынули на нас, когда мы прощались с кораблем. На столе в кают-компании был положен документ, содержащий изложение причин, вынудивших нас покинуть судно.

Пришлось расстаться со всеми сокровищами, накопленными во время экспедиции и взятыми с собой из Европы. На судне остались зоологические и ботанические коллекции, инструменты,¹ ценная библиотека, полугодовой запас провизии и шестьдесят семь выделанных медвежьих шкур. Кое-кто отнес фотографии своих друзей и знакомых вместе с рамками на берег и повесил их там на скалах. Это делалось из желания избавить эти реликвии от участи судна, которому предстояла, казалось нам, скорая гибель от напирających льдов; мы видели, что прижатое к берегу судно в конце концов не выдержит этого напора и должно будет пойти ко дну.

Днем мы легли спать, а вечером в последний раз поели на корабле. В 9 час. вечера мы уже собрались около шлюпок, одетые в легкие походные костюмы. Солнце скрылось за ту-

¹ Оставлены были следующие инструменты: 1 секстант, 1 микроскоп, 1 большой и 1 малый универсальный инструмент, 2 хронометра Бокса, 1 карманный хронометр, 1 магнитный теодолит, 1 компас с пеленгатором и штативом, 1 ртутный горизонт, 3 ртутных барометра, 1 двухдюймовый телескоп, 6 ареометров, 1 нивелир, 3 глубоководных термометра Казелла, 5 anerоидов, 1 вариационный аппарат, 25 обыкновенных термометров, 18 минимальных термометров, 18 максимальных термометров. — Примеч. автора.

Этот список показывает, насколько солидно было научное снаряжение экспедиции. Удивляет только то, что Вейпрехт и Пайер оставили все эти ценности на судне, тогда как имелась несомненная возможность перебросить их, хотя бы частично, на берег, где они были бы в лучшей сохранности. Действительно, мыс Тегетгоф посещался впоследствии целым рядом экспедиций, тогда как корабля «Тегетгоф» никто никогда больше не увидел. — Примеч. переводчика.

чами, низко нависавшими над землей. Наш путь пролегал к югу, через мрачную, покрытую глубоким снегом равнину.

Достижением этого дня была доставка всего груза на расстояние всего лишь одной мили от судна. Мы впрягались по очереди в шлюпки по одиннадцать-двенадцать человек в каждую. Три раза нам пришлось проделать этот путь. На борту «Тегеттгофа» мы еще раз напились чаю и легли отдохнуть вблизи от судна, в снегу.

Такое медленное продвижение вперед оставалось изо дня в день постоянным. Мы проходили в сутки не больше одной мили, и то с большим трудом. Иногда даже это нам не удавалось, и мы едва продвигались на полмили. Стараясь извлечь пользу даже из самого незначительного северного ветра, мы ставили на нартах и на шлюпках паруса, но помощи от них было немного.

Причина столь медленного продвижения вперед заключалась в размягченном состоянии снега. Нарты глубоко проваливались, а лыжи всюду застревали и то-и-дело закапывались в снег своими низкими передками. Не было никакой возможности перебросить всю поклажу в один прием. Половины нас едва хватало для того, чтобы сдвинуть с места и тащить нагруженные нарты или лодку. Приходилось по пять раз проделывать одно и то же расстояние: три раза с грузом и два раза порожняком. В наших условиях эта работа была подлинным сизифовым трудом!

С каждым шагом мы проваливались по колено в снег, а особенно неудачливые из нас умудрялись проделывать это даже тогда, когда остальные легко проходили по верху сугробов. В частности, это относилось к Скарпе, про которого говорили, что он оставляет на поверхности снега только голову. Часто приходилось разгружать нарты, а еще чаще браться за них всем вместе и тащить из глубокой снеговой ямы. Обычно около половины дневного пути тянуть было сравнительно легко, зато вторая половина проходила в напряженнейшей работе, состоявшей в бесконечном подталкивании, подпираньи и вытаскивании нарт. Чтобы достигнуть одновременного напряжения сил, мы затягивали песню. От усталости пот лил у нас с лица. Уже через несколько дней многие из нас сильно натерли себе плечи. К тому же нас мучила еще и жажда. Тяжелее всего приходилось тем, кто не привык много ходить. Они при первой возможности садились в снег, жадно набрасывались на него и ели не переставая.

Была ли хоть какая-нибудь надежда на спасение при таких

темпах продвижения вперед? ¹ Нет, никто не сомневался в том, что только счастливый случай мог помочь нам спастись.

Собаки тоже участвовали в общей работе, Карлсен помогал им тащить маленькие нарты.

В течение всей первой недели я ежедневно ездил с Галлером или Заниновичем на собаках обратно к судну, чтобы пополнить использованные за это время съестные припасы. Расстояние, которое экспедиция проходила с полным грузом в течение недели, мы проделывали во время этих поездок в один-два часа. Придя на судно, мы старались честно выполнить все те скромные поручения и просьбы, с которыми обращались к нам наши товарищи. Мы обследовали трюм, осмотрели бочки, из которых чаще всего выглядывали засоленные медвежьи шкуры, и обыскали все каюты. Из огромного количества чая мы приготовили концентрированный отвар и наполнили им небольшой анкер. ² Остатки запасов рома были влиты туда же, чтобы придать чаю еще больше крепости и приятный вкус. Мы разбойничали в собственном доме.

Над трупами убитых медведей носились стаи крикливых и сварливых чаек. Иногда невдалеке от судна появлялись живые медведи, шатавшиеся в округе. Они, видимо, ждали только момента, когда настанет их черед хозяйничания на корабле. Казалось, они терпеливо выжидали момента нашего окончательного ухода, чтобы наброситься всем медвежьим родом на эту вражескую крепость, одолеть ее и завладеть ею навсегда.

Медведи сопровождали нас также во время похода на юг. 23 мая один из этих спутников был убит Вейпрехтом. Над мертвым зверем моментально слетелись чайки, никогда не опаздывающие к месту, где есть чем поживиться. С удивительной быстротой успели чайки уничтожить медведя, оставив на льду только начисто обглоданные кости. 26 мая я находился в пути со своими собаками, отправившись за очередной партией груза. В двух милях от своих товарищей я проехал мимо медведя, спавшего в снегу. Нас разделяло расстояние в сто шагов. С ревом бросились собаки на зверя.

¹ Насколько трудно путешествие во льдах позднего весною при наличии большого груза и недостаточности снаряжения, показывает обратный поход Дж. Росса от Виктория Харбур к «Фьори» в 1833 году. Его экспедиции потребовался целый месяц на доставку двух лодок, пятинедельного запаса провизии и проч. на расстояние в 30 миль, по прямой линии, причем в действительности пришлось проделать 329 миль. — Примеч. автора.

² Маленький боченок для питьевой воды. — Примеч. переводчика.

Транспорт шлюпки.

Переправа через разводье.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Доблюбова

Мне стоило большого труда остановить их. Я перевернул нарты, приложился и выстрелил. Пуля угодила в тело вставшего на задние ноги медведя, он повернулся и стал медленнее и тяжело уходить. Тут уж собаки не выдержали. Вместе с нартами бросились они вслед за убегавшим медведем. Собаки накинулись на неожиданно осмелевшего зверя со страшной злобой. Дело могло бы закончиться их гибелью, так как стоило нартам зацепить за первый попавшийся ледяной выступ, как собаки оказались бы пригвожденными к месту. Последним из бывших у меня патронов я повалил зверя.

31 мая удалось убить медведя Клотцу. На этот раз смелый разбойник подошел к нартам на десять шагов. Наши пищевые запасы увеличились, но пока что мы не прекратили поездок на судно, считая его все еще своей основной продовольственной базой.

Иногда случалось, что мы возвращались к своим товарищам в момент сборов. Лагерь, тихий во время общего сна, превращался сразу в настоящий базар. Нас бурно приветствовали, радуясь главным образом тепловатому напитку, привезенному нами с корабля, который мы по очереди наливали в подставленные жестяные котелки. На судне мы подобрали последние банки консервированного молока. Вид его вызвал настоящие восторги. Радовались, пожалуй, не столько предвкушая приятный вкус его, сколько от самого сознания, что, вот, есть у нас даже настоящее молоко.

В течение последних дней в югозападном направлении от нас упорно держались темные тучи, характерные для свободных от льда участков моря. Было несомненно, что это облачное скопление приходилось над теми трещинами, которые нам удалось обнаружить три недели тому назад с вершины горы на мысе Брюнн. Мы очень надеялись на то, что вскоре нам удастся миновать область стоячего прибрежного льда и войти в страну пловучих льдов, богатую каналами и разводьями. Если бы так случилось уже спустя несколько дней, то мы, возможно, смогли бы сразу пересечь в лодки и продолжать поход уже на веслах. Следуя по открывающимся впереди каналам, мы могли бы со значительной скоростью продвинуться довольно далеко на юг.

И вот нам показалось, что надежде нашей суждено было сбыться раньше даже, чем мы первоначально предполагали. 28 мая экспедиция неожиданно набрела на небольшой, плоский остров Ламонт, о существовании которого нам до сих пор ничего не было известно. Выйдя на самую высокую точку острова, мы осмотрелись кругом и увидели впереди

в юговосточном направлении длинную полынью, посреди которой плыла гигантская столовая ледяная гора. Начиналась полынья всего лишь в расстоянии одной мили от южной оконечности острова.

29 мая мы задержались вследствие небольшой пурги на острове Ламонт. На побережье удалось найти небольшое количество плавника. 30 мая поспешно двинулись дальше, поставив себе задачей непременно достигнуть в этот день полыньи и пересечь в шлюпки.

Но случилось иначе, чем мы предполагали. Ледяной берег полыньи оказался в том месте, где мы добрались до нее, совершенно неприступным. Пришлось идти вдоль берега полыньи в северо-восточном направлении. Нигде не было места, подходящего для посадки. Несколько дней шли мы таким образом все время в непосредственной близости воды и не имея ни малейшей возможности добраться до нее. Пришлось, наконец, сдаться, так как берега полыньи были всюду покрыты горами наторошенного льда, по которым трудно было пробираться порожняком, не говоря уже о переброске через них тяжелых шлюпок.

Лейтенант Вейпрехт и Клотц отправились вперед на рекогносцировку. Вернулись они с крайне печальной вестью, что дальше путь портится еще больше и становится непроходимым даже для нарт. Неприступные горы ледяных обломков, окаймлявшие нашу полынью, повернули вдруг прямо на восток. Вся окрестность состояла в этом направлении из хаотического скопления ледяных глыб, казавшегося почти непроходимым. Далекий обход по такому скверному льду, местами образующему валы до пятидесяти футов вышиной, был очень мало заманчив.

Перспективы нашего похода были самые мрачные. Оставалось только ждать. Мы отыскиали более или менее ровное место на льду и обосновались здесь 3 июня настоящим лагерем, названным нами в шутку «Гаванью в Авлиде». Здесь мы остались ждать наступления благоприятных ветров, совсем как греки ждали его тысячи лет тому назад в бухте Авлиды.¹ Только сила ветров могла заставить разойтись окружающие нас льды и превратить трещины в судоходные каналы.

¹ Авлида — местечко в Беотии (Греция). По преданию, здесь стояла в ожидании благоприятных ветров флотилия греческих кораблей перед отправлением на завоевание Трои. Богиня, прогневанная на греческого вождя Агамемнона, заставила ветры дуть в неблагоприятном направлении и умилилась только тогда, когда Агамемнон принес ей в жертву собственную дочь. — Примеч. переводчика.

Во время похода мы всегда старались держаться возможно теснее друг к другу и никогда не уходили далеко в сторону от шлюпок.

Теперь, во время вынужденного отдыха в «Гавани в Авлиде», мы расположились еще теснее из-за предосторожности на случай, если бы лед под нами неожиданно взломался. Эта опасность была налицо, поскольку всюду вокруг нас видны были во льду свежие трещины.

Наша географическая широта составляла в это время $79^{\circ}46'$; иначе говоря, мы отошли всего лишь на пять минут к югу от судна. Мыс Тегетгоф ясно вырисовывался на северном горизонте. Не дождавшись благоприятных ветров, мы вскоре снялись и повернули обратно к острову Ламонт. 4 июня прибыли мы на место вместе с нартами и лодками.

Тем временем Вейпрехт отправился вместе с Орелом и еще девятью людьми команды в последнюю экскурсию на судно. Во время похода выяснилось, что захваченные нами шлюпки не смогут вместить весь экипаж вместе с грузом, и потому не было другого выхода, как доставить с корабля одну из оставленных там иол. Предстояло также пополнить наши продовольственные запасы, и потому я отправился на собаках вперед. Весь путь, на который мы потратили восемь тяжелых дней, я проделал всего лишь в три часа. Собаки бежали бодро. Они все прибавляли шагу, так как напали на свежий медвежий след, проходивший вдоль протоптанной нами дороги. Приблизившись к судну на тысячу шагов, я увидел около него медведя. Он заметил нас и повернул в сторону, видимо не желая померяться с нами силами.

7 июня были закончены работы по снаряжению иолы. Мы возвратились к нашим товарищам на острове с грузом мясных консервов (три центнера) и дрови. На этот раз протоптанная дорога оказала нам огромную услугу; мы шли точно по тропе, высвеченной над пропастью слева и справа. Мы строго придерживались следов колеи, а если случайно сворачивали в сторону, то неизменно тут же застревали в глубоком снегу, становившемся все более рыхлым. Везде, где слой залегавшего снега был достаточно мощен, он превратился в вязкое месиво, пробираться через которое стоило огромного труда. Еще немного, и вся эта снежная каша совсем растает, и мы окажемся окруженными настоящими болотами.

Средняя дневная температура, колебавшаяся в конце мая от -3° до -6° R, поднялась в начале июня до нуля и держалась на этом уровне. В течение последующих нескольких летних недель температура повысилась лишь немногими гра-

дусами больше.¹ 3 июня впервые шел небольшой дождик. Все больше портилась погода, принимая свой обычный пасмурный характер. Небо и льды застилал густой туман. Он расходился на час-другой, как бы для того только, чтобы вслед за этим сомкнуться еще плотнее. Ясных дней почти не бывало.

Когда мы подошли к лодкам, обитатели их поднялись и стали нас внимательно оглядывать, не принесли ли мы им чего-нибудь с корабля. Это поведение было чрезвычайно забавно, они напоминали птенцов, выглядывающих из гнезда и ожидающих пищи. Лучшим подарком считался табак. Доктор Кепес, получивший от меня полный табаку рукав рубашки, возомнил себя Крезом.

Итак, мы продолжали наше ожидание. Мы намеревались скользнуть в первую же образовавшуюся трещину, чтобы по ней пробраться на юг. Обследовательская комиссия, высылаемая нами постоянно в сторону полыньи, каждый раз возвращалась с известием, что полынья попрежнему со всех сторон замкнута. Мы сделали попытку спустить одну из лодок в вырубленный во льду водяной док, но при этом чуть не погубили ее, едва успев вытащить полную воды обратно. Таким образом нам ничего не оставалось другого, как повторить переход вдоль берега полыньи до «Гавани в Авлиде». 11 июня мы прибыли сюда и снова стали ждать образования во льду щели и расширения ее до размеров канала.

Здесь мы провели много дней, мучительных своим однообразием. Весь день просиживали люди на корточках в тесной лодке и томились от невероятной скуки. Утро проходило в ожидании вечера, время мы измеряли промежутками между завтраком, обедом и ужином. Оно тянулось бесконечно.

Белые чайки навевались к нам. Иногда ночью раздавался хриплый крик чайки-бургомистра. Тогда нам казалось, что это голос из какого-то далекого мира, с демонической злобой вещающий нам неизбежность нашей гибели. Тогда нам казалось, что все наши усилия ни к чему не приведут, что нам не выбраться из ледяных тисков.

Некоторое разнообразие в нашу безгранично монотонную жизнь внесло случившееся 14 июня посещение медведя. Этот визит пришелся как нельзя более кстати уже потому, что свежая медвежатина несколько оживила наш однообразный

¹ Парри наблюдал во время своего путешествия к северному полюсу (1827) температуру от + 10° до + 50° F. Два или три раза наблюдалась даже при тихой, мягкой погоде еще значительно более высокая температура, доходившая до + 120° и + 150° F. — Примеч. автора.

стол, состоявший главным образом из супа. Не все могли сразу привыкнуть к подававшемуся изо дня в день всегда одинаковому супу, но к данному времени даже наиболее стойкие враги этой похлебки оказались вынужденными сдаться, так как продолжать жить только одной водой и табаком было невозможно.

Убитый зверь был очень худ, но довольно большого размера. Радость по поводу удачи была всеобщая. Надо сказать, что наши собаки успели тоже значительно похудеть. Пекель кормился как попало, а остальные два получали только $\frac{3}{5}$ фунта сухарей в сутки. Находясь на голодном пайке, Юбинал потерял всю свою степенность, голод заставил его гоняться вместе с маленьким Пекелем и туповатым Торосом за птицами на льду. Все три собаки радовались теперь вместе с нами. Они бросились на спины и стали кататься по снегу. Затем они присутствовали при разделке медведя и немало при этом поживились. Через час лай их стал заметно громче и бодрее.

Настала середина июня. Чистая вода так и не показывалась, преобладали южные ветры. Вот уже несколько недель бродили мы в окрестностях судна, уже была уничтожена почти треть захваченных съестных припасов; нам предстояло пройти двести пятьдесят немецких миль, а между тем мы успели продвинуться только на одну с четвертью! Если бы дело так же шло и дальше, то мы добрались бы до дома только через двадцать лет. Правда, время года было еще раннее, а потому лед лежал настолько плотно, что пока нечего было надеяться на то, что он образует достаточно широкие каналы и разводья, по которым мы могли бы пробраться на шлюпках. Наши перспективы были, таким образом, очень невеселые, и все же временами нам казалось, что скоро настанет конец всем напастям.

Так случилось и 17 июня. К югу от нас открылась во льду трещина. Спешно направились мы к ней. День был ясный, температура в тени показывала 0° R, но нам казалось, что кругом — тропическая жара. Работы было много. Пришлось раскопать валы ледяных обломков, расчистить и выровнять путь к полынье. Следующей ночью мы стояли уже на берегу ее вместе с нартами, лодками и всем прочим грузом готовых к посадке на воду. Направление полыньи было с востока на запад.

Утром 18 июня мы приступили к спуску лодок. Пока мы занимались этим, тут же рядом из воды вынырнул морж — первый встретившийся нам в этом районе. Шлюпки спустили на воду без особых приключений. В соответствии с вмести-

тельностью каждой лодки было погружено все продовольствие и прочее снаряжение. Нарты были привязаны за кормой и оставлены на плаву. Собак распределили по шлюпкам. Но только один Юбинал отнесся с доверием к такому перемещению, очевидно сообразив, что спать должно быть приятнее в лодке, у ног людей, чем в снегу. Торос, никогда не выдававший свободной от льда воды, боялся ее. Чтобы заполучить его и Пекеля в шлюпку, пришлось прибегнуть к хитрости.

Напившись чаю с остатками рома, мы оттолкнулись от ледяного берега и пустились в путь. Под парусом и на веслах пробирались мы на юг. Лучшим доказательством доброго настроения было то, что все до единой трубки, числом двадцать три штуки, сыпали искры вокруг себя и во-всю дымили.

Однако, наше поступательное движение оказалось очень медленным, за час мы делали не более мили. Причина этой медленности лежала в сильной загрузке шлюпок, в большой осадке их и в тормозящем влиянии волочащихся позади нарт. Около трех миль прошли мы таким образом в южном направлении, пока не натолкнулись на большую пловучую льдину у южного конца полыньи. Чистой воды нигде не было видно, и потому мы вытащили шлюпки на лед, а сами отправились отдыхать.

Пошел снег. С запада подул ветер. Потом он стал отклоняться и постепенно перешел почти в южный. Льдины совсем сомкнулись, и когда пришло время продолжать путь, мы убедились, что исчезли все каналы и даже самые маленькие полыньи. Не оставалось ничего другого, как только ждать. В нашем положении изменилось только то, что теперь мы снова стали вместе со всей льдиной игрушкой ветра, который мог нас забросить, куда ему вздумается.

Из-под килей шлюпок были удалены лыжи. Они растрескались и в настоящее время были уже менее нужны, чем нарты. Свою службу лыжи сослужили,¹ а в воде они только тормозили ход. Поэтому решено было использовать разбитые лыжи для костра. Ярko разгорелось пламя, пожирая доски. Снег кругом растаял, черные уголья глубоко вьелись в него. Пока огонь горел, некоторые из путешественников воспользовались добродушием собак и выбрали себе из принадлежащего последним запаса медвежьего мяса лучшие куски, чтобы протушить их в костре.

¹ Кэн считал, что во время своего обратного путешествия ему удалось провести лодки через лед только благодаря подведенным под них лыжам. — Примеч: автора.

19 июня нам не оставалось ничего другого, как смиренно лежать в своих лодках. 20-го мы протащили лодки до края открывшейся трещины, спустили их на воду и перебрались на противоположный берег ее: таким образом мы всего-навсего только переселились с одной льдины на другую. Дальше идти было некуда, так как лежавшие впереди льдины были все очень малого размера, но вместе с тем лежали так тесно, что протолкнуться между ними не было никакой возможности.

21 и 22 июня мы оставались в том же положении. Единственным событием этих дней была удачная охота на тюленя. Убитого пренландского тюленя хватило только на то, чтобы прибавить вкуса нашему вечернему супу. Тюлень погиб от пули лейтенанта Вейпрехта, отличавшегося большой выдержкой на этой трудной охоте. Необходимо огромное терпение, чтобы выждать удобный момент, когда голова тюленя вынырнет на достаточно близком расстоянии. Вейпрехт обладал этим терпением, и трофей его был всегда полнее, чем у других. Каждый убитый тюлень обеспечивал нам сохранность некоторой доли быстро тающих съестных припасов. Поэтому охота на тюленей приобрела для нас очень большое значение; от степени успешности ее зависела возможность в случае необходимости удлинить срок нашего путешествия, а может быть — и нашей жизни.

Монотонная жизнь в этом периоде нашей экспедиционной деятельности отражена на страницах моего дневника. Вот что говорится там о событиях следующих дней:

«23 июня. На юге почти такое же скверное положение. Утром удалось все же продвинуться на четверть мили вперед, пробираясь через две небольшие полыньи и через два ледяных поля. Путь к третьей полынье нам преградила новая льдина. Только после полуночного отдыха мы заметили, что снова пошли разводя. Воспользовавшись моментом, продвинулись еще шагов на сто к югу. Сегодня свалился в воду Лукинович. Его вытащили, а он удивился, почему никто не считает его мучеником науки.

«24 июня. Утром Орел подстрелил необычайных размеров тюленя. Мы прошли по широкому ледяному полю около полумили и достигли его южной стороны. Здесь встретили скопление небольших льдин, идти через которые было невозможно.

«25 июня. Все еще никак не можем уйти. Определенная широта — 79°36'. Дует северо-восточный ветер.

«С тех пор, как мы ушли с берегового льда, мощность слоя снега, покрывающего поверхность льдин, заметно умень-

шилась несмотря на ежедневные снегопады. В таких условиях много легче перетаскивать нарты даже с установленными на них шлюпками. На льду нигде не заметно лужиц талой воды. В прошлом году они показались много раньше.

«26 июня. Несколько часов потратили мы, чтобы перебраться через два-три ледяных поля и небольшие полыньи. Во время обеденного отдыха к нам подошел на двадцать шагов медведь. Испуганный резким движением такой массы народа, медведь убежал.

«Лед, по которому мы идем, преимущественно не очень мощный, однолетний и сильно разрушенный. Орел наблюдал широту с помощью секстана и искусственного горизонта. Какое горькое разочарование — наблюдение показало $79^{\circ}41'$!

«27 июня. Сегодня удалось пересечь под парусом при свежем северо-восточном ветре порядочную полынью в направлении на юг. В полдень мы находились на $79^{\circ}39'$. После обеда прошли около четверти мили по ледяному полю. Наш груз настолько уменьшился, что на долю моих собак приходится не более семи центнеров поклажи. С подветренной стороны больших ледяных полей обычно имеются узкие каналы воды, объясняющиеся тем, что такие крупные площадки дрейфуют несколько медленнее остального льда, играя среди него как бы роль островов.

«28 июня. Пересекли два поля и две небольших полыньи. Продвижение очень медленное. Хорошо еще, что у нас лодки, а не корабль, а то мы не прошли бы и шагу, наших сил, пожалуй, не хватило бы перетаскивать его через льдины.

«Попеременно то снег, то солнце. Когда мы спим, всегда кто-нибудь вахтит; его задача состоит в наблюдении над происходящей подвижкой во льду и над появлением медведей. В случае приближения зверя вахтенный обязан заблаговременно разбудить спящих.

«29 июня. Опять прошли две-три небольших полыньи и ледяных поля. Последнее поле оказалось очень большим. Сегодня впервые пробовали проталкивать лодки по каналам с помощью длинных шестов. Попытка оказалась весьма удачной.

«Убили тюленя. У всех нас вошло уже в привычку в час отдыха съедать полфунта тюленьего сала вместе с чаем. Даже наиболее разборчивые в еде примирились с этим и находили, что сало, собственно говоря, имеет вкус масла. Особое внимание было обращено на тюленьи лапы. Они изучались с той же точки зрения, т. е. исследовался вопрос об их съедобности. Кэн приготавливал из лап нечто вроде салата,

а мы варили суп. И все-таки надо сказать, что собаки как-то больше, чем мы, умели ценить этот новый источник питания.

«Необходимо отметить одно своеобразное явление, на первый взгляд содержащее в себе какое-то противоречие. Дело в том, что в самое холодное время года мы, находясь в пути, прежде всего избегали жирной пищи, тогда как теперь, в теплый период, предпочитали ее всякой другой. Действительно, лучше всего чувствовали мы себя теперь, если съедали за обедом достаточное количество сала. Оно способствовало нормальной работе желудка, и даже те из нас, кто всегда отличался склонностью к расстройствам, в это время совсем освободились от них. В частности многие из нас совершенно не переносили постоянного употребления гороховой колбасы. Сейчас это оказалось возможным благодаря тюленьему салу.¹

«30 и ю н я. Перебрались через небольшую полынью, а вслед за тем через обширное ледяное поле. Пересекая один из переполненных обломками льда каналов, мы чуть было не оказались разделенными вследствие смыкания полей. Поспешно вытащили шлюпки на лед и остались здесь в ожидании, когда он снова разойдется.

«Среди нас несколько человек частично ослепло. Снег совершенно размяк. С поверхности льдины мы зачерпнули из ямки в снегу пресной воды и сварили на ней суп.

«Мыс Тегеттоф и остров Салым все еще виднеются на горизонте.

«Сегодня собакам пришлось тащить полных двенадцать центнеров груза, и они совсем выбились из сил. Я просил Клотца постричь меня. В награду предложил ему глоток воды — ничего больше дать ему я не мог. Клотц отклонил мою благодарность. Практика нашего врача оказывается в этих условиях не более доходной: самое большее, что он получает, это — тоже глоток обыкновенной воды».

В таком духе составлены и остальные записи многих страниц моего дневника.

Незавидным было наше положение, и трудно было бы представить себе, чтобы оно могло ухудшиться. И все-таки ухудшение это было не за горами; оно произошло в первой половине следующего месяца.

¹ Такое неодинаковое отношение к жирной пище франше и теперь в большой мере объяснялось тем, что, имея в настоящее время вдоволь питьевой воды, мы, питаясь салом, не боялись увеличить чувство жажды, тогда как во время санных экспедиций на Землю Франца-Иосифа нечем было успокоить это тягостное чувство. — П р и м е ч а н и е а.

1 июля нам удалось в течение всего дня перебраться только через одну из трещин во льду. Произведенное в полдень определение широты дало $79^{\circ}38'$. Следовательно все достижение последних четырех дней сводилось к одной только минуте! Мелкобитый лед окружал нас также в течение следующего дня, не позволяя сдвинуться с места. Плотное кольцо его замкнуло нас, и в нем не открылось ни одной полыньи, ни одной сколько-нибудь крупной льдины не поднесло в нашу сторону.

3 июля мы с трудом перебрались через два канала и пересекли два небольших ледяных поля. Задул ветер с юго-востока, и в результате мы остались сидеть на прежней широте — $79^{\circ}38'$. Произведенное наблюдение над долготой показало, что мы находимся приблизительно в четырех морских милях, т. е. около трети градуса восточнее брошенного корабля. В последнее время дули сильные ветры, и несмотря на это, дрейф льдов оказался крайне незначительным. Это обстоятельство сильно огорчило нас, так как позволяло заключить, что Ледовитое море в этой части покрыто сплошными льдами.

С прежней настойчивостью волокли мы за собой наш тяжелый груз, перебрасывали его с льдины на льдину и, казалось нам, медленно, но верно пробивались к цели. За день 4 июля мы думали, что прошли не менее миль по направлению к югу. Но враждебный нам юговосточный ветер не прекращался, и вот, когда на следующий день определили широту места, оказалось, что дрейфом нас отнесло на северо-запад до $79^{\circ}40\frac{1}{2}'$ сев. широты. Таким образом за эти несколько дней мы потеряли результаты работы трех последних недель!

В течение следующих двух дней лед кругом нас образовал непроходимые гряды обломков, поэтому поневоле пришлось стдыхать. Еще два потерянных дня, еще два нерационально использованных суточных рациона! Поддерживавшая нас так хорошо охота на тюленей за последнее время тоже испортилась. По целым часам просиживали охотники над берегом полыньи в ожидании появления морского зверя. И часто случалось, что охотники уходили ни с чем. Иногда тюлень вообще не появлялся, чаще всего по нем промазывали, а если и попадали, то не успевали подобрать мертвого зверя, быстро опускающегося на дно. Изредка нам приходилось встречать тюленей, отдыхающих на льду около самой полыньи. Осторожные животные почти всегда успевали вовремя нырнуть в воду.

Еще неприятнее была для нас осмотрительность и недо-

верчивость, оказываемые нам со стороны белых медведей. Такое поведение их было очень мало похоже на то, с которым мы были хорошо знакомы по прежним встречам с ними. 5 июля к лодкам подошел медведь. Ему навстречу бросились собаки, и зверь сразу же убежал. Тогда мы стали привязывать собак на стоянках крепкими веревками, но и это мало помогало.

7 июля тоже не произошло никакой перемены. День прошел в работе по переброске шлюпок и груза с подтаявшего края льдины, на котором мы находились, в другое место ее, где лед был более крепкий. Приходилось брести через настоящие озера талой воды, возникшие на поверхности льда за последние дни. Определенная широта показала 79°43'!

8 июля нам удалось пройти по узкому каналу несколько сот шагов в южном направлении. Но дальше лед лежал опять сплошной массой. Пришлось снова вытащить на лед шлюпки и ждать, когда лед сам разойдется.

Такая жизнь была для всех нас достаточно безотраднa, но хуже всего приходилось, пожалуй, Карлсену. Старый ледовый капитан провел двадцать лет своей жизни среди льдов и научился стойко бороться со всякими невзгодами, которыми так щедро награждает путешественников арктическое море. Теперь, когда с годами пришла слабость, ему стало не под силу переносить лишения, утомлявшие даже людей иного чем он возраста. Безропотно покорялся этот испытанный полярник своей тяжелой судьбе, но нам со стороны было тяжело замечать признаки полного упадка его сил. Он уже не рассказывал нам о белых медведях и моржах, которых умел привлечь к себе одним взглядом или словом; он перестал возмущаться безбожием матросов — этих «славонцев» — и не читал им, как раньше, нравоучительных проповедей за игру в карты в воскресный день; он не удивлялся больше энергичной, но безобидной манере южан вести разговор, который, как раньше казалось ему, непременно должен кончиться потасовкой.

Своеобразной была эта жизнь, эта летняя дача в лодках с парусиновой крышей, какая-то «жизнь в футляре». Вместо мебели нам служили весла, вместо постели мы раскладывали три пары чулок, одну или две под голову, остальные — вместо матраца. В моем дневнике это время описано следующим образом: «Четыре маленьких шлюпки стоят на льду. Каждая из них полна отдыхающих людей. Сейчас ночь. В лодках так жарко, что все снимали шубы. Наполненные снегом горшки уже спустя несколько часов содержат талую воду. На этот раз Торос не разбудил нас своим утренним

лаем. Мы просыпаемся от окрика поваров, передающих внутрь шлюпок котелок с супом со словами «получайте!» Следует небольшое замешательство. Люди бросаются к своим жестяным котелочкам, ищут завалившиеся куда-то ложки и ползают по днищу шлюпки. Скоро возня кончается, и каждый держит в руке котелок с горячим супом, состоящим из смеси пеммикана, гороховой колбасы, хлебных крошек, консервированного мяса, тюленины, легкого, крови и медвежатины. Иногда сюда же кладут еще по куску тюленьего сала, и в этом случае мы называем такое блюдо гуляшем.¹

«Суп съеден. Во время еды никто не говорит ни слова. Молчание продолжается и теперь. Говорить не о чем, ведь все так хорошо понятно, а рассказывать тоже нечего, так как все рассказывалось уже по сто раз. Ведь каждому из нас известна история всех остальных, начиная с их дня рождения. Царит абсолютная тишина; некоторые продолжают прерванный сон. Но вскоре настает пора подчиниться строго поддерживаемому общему обычаю, состоящему в том, что каждое утро все население льдины умывается снегом.

«Что же делать дальше? — Крутом кладбищенское безмолвие. Все Ледовитое море покрыто миллионами холодных белых плит и памятников. Царит тишина, тишина мертвая, такая, какой она бывает только в Ледовитом океане. Над застывшим морем распростерлось свинцово-серое небо, поглотившее солнце и свет. Ни малейшего движения в воздухе. Медленно тает снег. Лед рассыпается от удара ноги! — И все-таки он, лед этот, держит нас в плену и не выпускает на волю; сила и разум двадцати трех человек не в состоянии сломить его владычества.

«Они снова попрятались в лодки и заняли в них свои места. Они убежали туда, скрываясь от мокроты на льду. Разлившиеся на поверхности его озера талой воды прозят гибелью сапогам и здоровью людей. Только очередной охотник отсиживает на краю льдины положенное время. Он тупо смотрит на зияющую у его ног небольшую полынью; на-

¹ Гораздо хуже пришлось Франклину во время его обратного похода. Он и его товарищи питались студенистым отваром лишайников, несколько утолявшим мучительный голод, но вызывавшим у многих сильнейшие боли в нижней части живота. Они ели исландский мох, с которого сливался первый горький отвар, сушили на огне оленьи пимы и ремни, толкли их и съедали, в пищу шли кости и оленья падали, гнилое мясо и костный мозг. Отвар из жженой кости и гниющий мозг разъедал пупы людей, иногда вдруг совершенно терявших ощущение голода. Из-за недостатка в лишайниках люди принялись варить лабрадорский дикий чай и болотный чай; в ход пошли кожаные брюки и тому подобные вещи... — Примеч. автора.

пасно надеется он на появление в ней тюленьей головы, зверь не идет в такое маленькое отверстие.

«Все остальные страшно томятся от безделья, сидя каждый в своей шлюпке. Счастлив еще тот, у кого сохранилось немного табаку, счастлив тот, кто, выкурив трубку такого табаку, не падает в обморок. Еще счастливее тот, кому доведется найти где-нибудь в упаковке кусочек газеты хоть бы только с одними объявлениями, или листок, содержащий наставление, как готовить гороховую колбасу. Завидна также судьба того, у кого в одежде обнаружилась дырка, потому что он может ее заштопать. Но самые счастливые из всех те, кто даже в этой обстановке умеет спать как ночью, так и днем. Эти счастливы забрались под лавки. Их не видно, потому что поверх легли другие, тоже хорошие храпуны. От тех и других виднеются только подошвы сапог, остальное утопает во тьме.

«Но вот приходит пора обедать. Каждый получает по горшечку горячего чая, вскипяченного на огне сальной кухни. К чаю подается по горсти сухих крошек. Эта собачья пища строго отмеривается по порциям в присутствии специальной комиссии, состоящей из беспристрастных судей и исполняющей свои обязанности с величайшей добросовестностью. Третье блюдо состоит из тюленьего сала. Оно подается в каждую лодку просто в виде куска (четвертой части) тюленьей шкуры. Но не все удовлетворяются этим обедом, некоторые отправляются в гости к собакам глодать тюленьи ребра, лапы и головы. Собаки сидят, привязанные крепкими веревками к тяжелым ледяным якорям, чтобы они не сорвались и не сожрали вывешенные для сушки сапоги.

«Совсем невдалеке от шлюпок шумит стоя чаек. Они зорко следят за каждым кусочком сала, падающим в их сторону, со страшным криком бросаются к нему, вырывают его друг у друга и ссорятся, будто дело касается целого окорока. Некоторые из нас пробовали ловить чаек сетями, но как только сети были установлены, птицы исчезали.

«Формальность обеда выполнена. Мы дошли до того, что даже простой чай возбуждает бодрое настроение. Из соседней лодки раздается импровизированное пение одного из итальянцев. Песня звучит сильно, в том же бравурном темпе, что и на площади святого Марка.¹ В другой лодке кто-то в десятый раз рассказывает историю конца экспедиции Франклина. Повесть о найденных в лодках двух скеле-

¹ Знаменитая площадь города Венеции. — Примеч. переводчика.

тах производит свое неизменное впечатление. Менее стойкие боязливо жмутся, более крепкие готовы перенести самые ужасные лишения.

«Оживленное всего протекает беседа в палатке, где хозяйничают повара. Собственно это не беседа, а сплошные пререкания по тысяче поводов. Спорят о том, чей черед выкаблывать котел из-под супа; спорят о правильности проведенного накануне сокращения солевого рациона. Спор переходит в иссору при выяснении вопроса, кто догадался давеча разжечь костер на бочке со спиртом или кто поленился связать веревки на нартах и предпочел их перерезать. Со стороны удается не раз уловить хлесткие словечки, полные юмора и остроумия, которыми спорщики награждают друг друга.

«Кроме этого имеется только одно развлечение, это — курение. Многие успели уже исчерпать весь свой запас табака. Те, кто еще располагает наполовину полным кисетом, являются объектами всеобщей зависти и всеобщего внимания. Те же, кто решается изредка пригласить своего соседа раскурить с ним трубку табаку и выпить глоток воды, считаются благороднейшими, но вместе с тем расточительнейшими людьми. Совершаются разнообразные сделки. Съестные припасы меняются на табак. Цена его с каждым днем повышается. — Дня нельзя отличить от ночи. По воскресеньям мачты на лодках украшаются флагами».

В таком вынужденном безделье прошли 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15 июля. Только 14 июля мы передвинулись на каких-нибудь триста шагов. Этот переход был сделан главным образом для того, чтобы сохранить видимость продвижения вперед. Новое место было несколько удобнее с точки зрения охоты на тюленя. Этим путем нам может быть удалось сохранить некоторую иллюзию продвижения, но уж во всяком случае никак не больше этого, потому что в действительности наше положение превратилось из опасного в кошмарное. Ужас этого положения состоял не в каких-нибудь тяжелых внезапных переживаниях, а в простом сокращении срока нашей жизни. Время проходило бесполезно, наши съестные припасы буквально таяли на глазах, и вид этого был для каждого из нас так красноречив, что невольно казалось, будто это стрелка часов, равномерно и неуклонно приближающаяся к роковому часу смерти.

Люди проявили большую стойкость во время бесконечной тяжелой работы по перегрузке из шмюпок и обратно в них экспедиционных материалов и продовольствия, общим весом все еще около семидесяти центнеров. Безропотно вы-

таскивали они из полыньи по несколько раз на день все четыре лодки и столько же раз сталкивали их снова на воду. Часто приходилось каждую вещь в отдельности таскать с места на место и в конце концов возвращаться с нею обратно. Самый незначительный успех радовал нас и наполнял наши сердца благодарностью. Окружавший нас лед лежал плотной массой. Сколько раз приходилось нам доказывать свое многотерпение и неделями спокойно ждать, когда льды пожелают разойтись. Тем временем все больше скапливалось жестяных банок из-под провизии, напоминавших нам с циничной откровенностью об истощении нашего продовольственного запаса.

Два месяца прошло со времени выхода нашего с судна. И вот, мы убедились, что все труды этих двух месяцев были совершенно напрасны. Устойчивые южные ветры спокойно делали свое дело, и в результате мы оказались теперь всего лишь в двух немецких милях от брошенного корабля! Горы на острове Вильчека вырисовывались совершенно ясно перед нашими глазами, — казалось, что освещенные незаходящим солнцем вершины их насмеялись над нашей судьбой. Охваченные сомнениями, мы думали уже о том, что в неравной длительной борьбе со льдом нам придется в конце концов уступить и повернуть обратно на судно. В случае, если бы мы его нашли на прежнем месте, нас ожидала третья, ужасная зимовка безо всякой надежды на спасение, если же нам не удалось бы обнаружить брошенный корабль, тогда нас ожидала верная могила во льдах Ледовитого моря!

Перед нами торчали массы наторошенных друг на друга льдин. Они трескались, распадались и таяли, стекая тысячами ручейков в пресные озерки и трещины с морской водой. Солнце делало свое дело, а теплый дождь (+1° R) помогал ему.

Но для нас в этом было мало утешения. Уж не предстояло ли нам дожидаться момента, когда весь лед кругом растает и смешается с морской водой!?

Принимались все возможные меры для облегчения продвижения на юг и удлинения срока нашего существования. Мы прекратили варку на сале и готовили только на спирте, чтобы по возможности облегчить груз. Ежедневные порции хлеба вот уже несколько недель были заметно сокращены. 7 июля погиб от истощения наш верный товарищ, наш маленький Пекель. На долю тюленей выпадала все большая роль в деле снабжения нас пищей. Все надежды мы возлагали на оставшийся у нас запас из четырехсот пуль.

15 июля невдалеке от лодок вынырнул морж. Он исчез

раньше, чем подоспели охотники, вернувшиеся ни с чем и промокшие под усилившимся дождем.

В этот период, когда казалось, что все надежды рушились, в действительности недалеко был уже час нашего освобождения, поворотный момент, с которого наше поступательное движение вперед стало равномерно и постоянно ускоряться.

Вечером 15 июля, после ужина, мы заметили, что в юго-западном направлении открылась целая сеть узких каналов. Нам удалось пройти по ним против ветра и течения около одной мили. На следующий день (16 июля) ветер переменился на северо-западный, и мы вошли в более широкий канал. Это было большим счастьем для нас, тем более, что мы едва успели избежать опасности оказаться раздавленными вместе со всем своим добром в неожиданно сомкнувшихся соседних маленьких полыньях.

В полдень наша флотилия достигла $79^{\circ}30'$, а затем прошла еще дальше. К концу дня над горизонтом позади нас виднелись только верхушки наиболее высоких гор острова Вильчека и мыса Тегетгоф. Они маячили вдали в виде синеватых теней, окаймленных золотистой полоской.

Наше продвижение приняло неожиданно совсем новый характер. До сих пор нам приходилось постоянно пересаживаться из шлюпок на лед и обратно. При таком способе передвижения люди быстро утомлялись, а шлюпки заметно портились. Малейшие препятствия на нашем пути вызывали длительные остановки; чтобы удалить несколько ледяных глыб, перегородивших канал, приходилось работать в поте лица по несколько часов. Причина этого лежала в плотности сжатых ветрами льдов и в том еще, что отдельные льдины были скреплены между собой ледяными перемычками.

Теперь лед немного разошелся, а перемычки лопнули под действием течений и теплого воздуха. Поэтому мы смогли напряжением собственных мускулов отодвигать в сторону мешающие нам льдины. Обычно льдины поддавались напору пятнадцати—двадцати человек, вооруженных длинными шестами. Этим способом мы раздвигали их и удаляли лежавшие на пути небольшие глыбы. Иногда бывало достаточно прочистить забитый канал от мелкого льда, вслед за которым уходили и более крупные льдины. В узких каналах мы пользовались исключительно шестами. Иногда случалось, что канал вдруг начинал смыкаться. Чтобы избежать опасности оказаться раздавленными, приходилось поспешно выскакивать на лед и вытаскивать вслед за собой и шлюпку.

На прилагаемом рисунке изображена одна из обычных сцен во время обратного похода. Люди расталкивают

Трудности обратного пути.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

льдины, чтобы пропустить оставшиеся по эту сторону шлюпки; тем временем льдина, приведенная во вращательное движение, грозит раздавить последнюю лодку, команда которой спешно вытаскивает ее на лед. Вся поклажа выброшена из шлюпок, частично сложена на нартах, частично прямо на снегу. Весь этот груз предстоит перенести вручную и перевезти с помощью собак и людей к следующему месту посадки в лодки. На рисунке видно, что две шлюпки находятся уже далеко впереди: им повезло, так как канал ко времени прохождения их здесь был еще достаточно широк. Самая первая шлюпка причалила к ледяному полю, через которое ей придется переправлять волоком; она ожидает прибытия остальных.

Все-таки и в последующем периоде нашего путешествия ежедневно приходилось по разу или чаще пересаживаться из шлюпки на лед и грузиться затем обратно в шлюпку — не всегда удавалось раздвинуть сомкнувшиеся льдины. В тех случаях, когда ледяное поле, загородившее нам путь, имело милю или больше в диаметре, нам приходилось возвращаться к прежнему методу санных путешествий. Сначала отвозили провизию на расстояние нескольких тысяч шагов или до ближайшего края поля. Затем брались за переправку шлюпок, оставленных пока-что на попечение более слабых участников экспедиции. Каждую шлюпку в отдельности подымали на нарты, привязывали ее к ним и везли, впрягшись в нее в полном составе. За первой шлюпкой следовала вторая и остальные. Самую маленькую лодку мы тащили без нарт прямо через снег. Собаки перевозили, как всегда, мешки с хлебом и спирт.

Переход по четыре мили в сутки считался в это время вполне удовлетворительным. Экспедиционный аппарат работал с большой точностью. Мы затрачивали на сборы перед отправлением в путь три часа. Этот срок должен считаться слишком длинным для санных экспедиций, имеющих целью производство открытий, но он не велик для группы людей, совершающих в течение суток переходы, продолжительностью не более семи часов. Если сани по пути наталкивались на непроходимый лед, то вперед отправлялись для расчистки дороги пионеры с кирками и лопатами. На встречающиеся нам пресные озера мы не обращали внимания и переходили их поперек, сокращая таким образом путь. С полным равнодушием научились мы относиться к невольным купаниям, нередко случавшимся при работе на берегу каналов посреди льда.

17 июля мы перешли только что описанным способом че-

рез три ледяных поля и три небольших полыньи. 18 июля наше продвижение, несмотря на неоднократные пересадки со льда в лодки и обратно, снова замедлилось. Причиной этого был сильный западный ветер, уплотнивший лед. Тем радостнее было для нас известие о нашем местонахождении; оказалось, что мы достигли уже $79^{\circ}22'$! За такой успех мы должны были благодарить дувшие за последние дни северные ветры. Сознание этого будило в нас, однако, обоснованное опасение, что хороший южный ветер сможет вернуть нас в первоначальное положение.

Мы вступили в район, характерный чрезвычайным изобилием айсбергов. Многие из них были покрыты землей и щебнем, и потому издали напоминали скалы.

Вечером этого дня поблизости от нас был замечен медведь. Он быстро бежал прямо на выскочивших ему навстречу собак. С расстояния в тридцать шагов медведя ранили, и он упал. Поднявшись снова, медведь бросился в сторону ближайшей полыньи, но здесь его настигла еще одна пуля. Смертельно раненый зверь грохнулся в воду. Подоспевшие гарпунеры зажали добычу. Убитая медведица дала нам мяса приблизительно столько же, сколько мы получали от четырех небольших тюленей. Некоторые из нас проявили жадность, достойную серого воронья. Они соскабливали со скелета остатки мяса и укладывали их в платки для своего личного потребления. Эти мешки с мясом составляли подсобный запас для их обладателей, из которого они черпали ежедневно, дополняя наш скудный обед фунтом сырой медвежатины. Перед употреблением в пищу мясо это наскоро обмывалось в морской воде. В супе мы предпочитали тюленину по той простой причине, что она разваривается гораздо скорее медвежатины.

19 июля мы снова перебрались через несколько небольших полей, а 20 и 21 июля пересекли одно поле диаметром в несколько миль. Нас сопровождал благоприятный северо-западный ветер. 20 июля мы оказались на $79^{\circ}11'$ северной широты и $61^{\circ}3'$ восточной долготы. 22 июля наше продвижение вперед было прямо-таки блестящим: только два раза пришлось нам в этот день извлекать из воды наши шлюпки. Весь путь мы прошли, проталкиваясь через узкие каналы или пробираясь по порядочным полыньям, и все наше занятие состояло в этот день в том, что мы наливали в опустевший из-под спирта боченок воды и пили эту воду вместо грога. Наблюденная широта показала $79^{\circ}1'$.

24 июля мы продолжали наш путь с прежним успехом. Не переставая лил сильный дождь. Потоки ниспадавшей воды

совершенно промочили нас, и когда мы вечером ложились на отдых, пар валил от одежды густыми клубами.

В течение трех последующих дней дождь лил непрерывно. Он сильно докучал нам, но мы радовались ему, несмотря на это, так как дождь разъедал лед, помогая, таким образом, успеху нашего предприятия.¹ В течение этих же трех дней нам удалось пройти не малое расстояние. Правда, одежда наша промокла до нитки, и мы ждали солнца, чтобы оно обогрело нас. Нам хотелось немного обсушиться, избавиться от полных воды чулок и размякших сапог.

27 июля мы достигли $78^{\circ}48'$. Но вот задул югозападный ветер, и в течение двух следующих дней, несмотря на беспрепятственные пересадки и переброски груза и шлюпок со льда на воду и опять на лед, мы совсем не продвинулись вперед. Определение широты 29 июля показало, что мы, наоборот, отнесены дрейфом к северу ($78^{\circ}50'$). Унывать нам было некогда, тем более, что следующий день принес неожиданность. Мы убедились в том, как трудно бывает иногда учесть характер ледовой подвижки: 30 июля продолжался тот же югозападный ветер, и несмотря на это мы оказались в этот день отнесенными очень далеко на юг ($78^{\circ}32'$ сев. широты и $61^{\circ}03'$ вост. долготы).

Погода была в этот период пасмурнее обычного. В таких условиях было нелегко ориентироваться и выбирать именно те каналы, которые вернее всего привели бы нас к цели. Видимый горизонт заканчивался в нескольких сотнях шагов от шлюпок. Только с высоты торосов он расширялся иногда до двух миль, но чаще всего и в этом случае небосклон исчезал в клубах близкого тумана.

В ясную погоду мы всегда направляли свои шаги в сторону виднеющегося вдаль водяного неба. При этом мы не боялись небольших обходов в юговосточном или югозападном направлении. Теперь же над каждой небольшой полыней клубился густой туман, скрывавший очертания ее берегов. Сплошь и рядом случалось, что, едва отчалив от одного ледяного берега такой полыни, мы, после нескольких гребков, оказывались уже у противоположного. В сплошном тумане мы отгадывали по ослепительно белой линии, разделяющей воздух и лед, присутствие этого последнего. В тех частых случаях, когда не было возможности ориентироваться в путях, ведущих от полыни, не оставалось ничего другого, как следовать по периферии ее в поисках каких-

¹ Парри совершенно правильно утверждает, что ничто не разрушает льда так быстро и основательно, как именно дождь. — Примеч. автора.

либо ответвлений. В результате мы, конечно, делали много лишних крюков, так как все наше продвижение совершалось наудачу.

В течение следующей недели тоже преобладали южные ветры. 31 июля и 1 августа опять шел сильный дождь, который промочил насквозь почти весь наш хлеб, превратив его в сплошную кашу. 2 августа мы посвятили пол дня сушке хлеба в лучах солнца, выглянувшего наконец из-за туч. Такой день, как этот, был так мало похож на только что миновавшие! Небо сияло солнечным светом и было чисто лазурного цвета. Сверкающие белизной льды купались в темносиних водах открытых каналов и польней.

Во время этой вынужденной остановки свободные от работы люди отправились на тюленью охоту. За последние шесть недель мы убили всего шестнадцать штук этих животных.

2 августа по нескольким тюлям было произведено семнадцать неудачных выстрелов. Только последними двумя удалось подстрелить двух зверей. На этот раз даже собакам досталось немного мяса. Беднягам не раз уже приходилось голодать по два дня сряду. Я отвел для собачьего снабжения одну из пустых жестяных банок, в которую складывались остатки сала, куски шкуры, глаза и другие съедобные отбросы, но, к несчастью, чаще всего эта банка оставалась пустой. На этот раз Юбинал получил обе головы вместе с глазами, а Торос — лапы с когтями. Шкура, с которой был предварительно срезан слой сала для нашего стола, на этот раз не могла быть сохранена в виде запасного фонда для собак, так как она потребовалась сапожнику, снабжавшему Юбинала ежедневно новыми чулочками на каждую из его сильно кровоточащих лап.

Счастливее оказались мы несколько времени спустя при встрече с одним очень крупным медведем. Он был убит как раз в тот момент, как собирался броситься в воду. Мы попробовали медвежье сало и убедились сразу, что оно гораздо ниже качеством, чем тюлень — в нем содержится много прослоек других тканей, тогда как тюлень сало свободно от них. Лишь очень нерешительно пошли мы на эту пробу, между тем как неочищенная от сала тюленья шкура в нашем обиходе никогда больше не залеживалась. К тюленьему салу люди привыкли и ели его охотно, особенно, если в придачу имелось полторшка хлебных крошек и на закуску чарка разбавленного водой спирта.

Такое угощение досталось нам к концу этого дня (2 августа). Это было необходимо, чтобы приободрить команду,

измученную тяжелым днем, насыщенным до отказа суровой борьбой со льдинами, и заставить ее еще раз приняться за спуск лодок в первую порядочную полынь, встреченную за этот день.¹ Спиртовой грог подействовал замечательно на настроение. Если бы кто-нибудь посмотрел сейчас со стороны на четыре шлюпки, быстро передвигающиеся по гладкой поверхности полыни, подгоняемые торопливыми взмахами весел гребцов, то он подумал бы, что эти благодушствующие люди устроили себе для развлечения небольшое состязание. В этот день впервые после многомесячного перерыва показалась на небосводе луна.

Все реже приходилось устраивать пересадки со льда на воду и обратно. Прежний характер нашего путешествия заметно изменился, исчезло также какое-то безразличное отношение к собственной судьбе, владевшее многими из нас еще совсем недавно. Все чаще и дольше плыли мы по каналам, разводьям и полыням, соединенным между собой узкими протоками. В отдельных случаях нам удавалось таким образом проходить от двух до четырех миль. Быстро скользили мы по поверхности воды, старательно работая веслами или подгоняемые ветром. Временами приходилось останавливаться; казалось, что дальше идти некуда. Тогда лейтенант Вейпрехт выходил на лед, взбирался на какой-либо из высоких торосов и с его вершины отыскивал, руководствуясь показанием компаса, ближайшую удобную систему каналов.

Такое ускорение темпа нашего продвижения было следствием разрежения льда, вызванного в свою очередь хоть и медленным, но постоянным действием солнца и дождя. Настало знакомое нам время всеобщего таяния огромных масс снега и льда.

Посреди ледяных полей нередко встречаются отдельные круглые отверстия, представляющие собой тюленьи отдушины. Такие дыры во льду были настоящими ловушками для всякого, кто недостаточно осторожно ступал по поверхности ледяного поля. Между прочими и доктор Кепес испытал на себе предательские свойства тюленьих отдушин. Врачебные обязанности часто задерживали его далеко позади основной группы. Было необходимо осмотреть всех больных и наложить Стиглиху свежую повязку на серьезно пораненную руку.

Закончив свое дело, доктор Кепес отправился вслед за

¹ Здесь маленькое несоответствие: по Пайеру выходит, что 2 августа экспедиция пол дня потратила на сушку хлеба и одежды и одновременно весь день боролась со льдами.—Примеч. переводчика

ушедшими вперед. Он очень спешил и не смотрел себе под ноги. И случилось так, что наш почтенный врач оказался вдруг по грудь в воде. Сам он не мог высвободиться из этого положения и потому остался сидеть в холодной ванне, спокойно ожидая помощи от первого, кто пройдет мимо. Вскоре появился я со своей груженной собачьей упряжкой. Увидев сидящего в воде доктора, я, правда, очень удивился, но, присмотревшись к его спокойному виду, решил, что такое странное положение избрано им добровольно.

«Эй! — крикнул я ему, — что вы здесь потеряли?»

«Раньше вытащите меня, потом все расскажу», — отвечал доктор Кепес.

Тут только я сообразил, что дело не ладно, подобрался возможно ближе к краю лунки и протянул доктору свое ружье.

С моей помощью насквозь промокший и продрогший врач вылез на крепкий лед. Здесь его с ворчанием встретили мои собаки, недолголюбивавшие доктора за то, что он отнимал у них тюленьи черепа ради остававшихся на кости кусочков мяса.

К середине июля окончательно растаял слой прошлогоднего снега, и бесчисленные озера талой воды покрыли все пространство кругом. Теперь же, в начале августа, большая часть этих озер успела уже исчезнуть: вода просочилась сквозь трещины во льду и ушла в море. Края отдельных льдин были разрушены ударами волн и соседних ледяных полей, обломки их плавали всюду в огромном количестве. Одного теплого дня или сильного дождя вполне хватило бы, чтобы совсем растворить эти льдинки в морской воде. К этому времени поверхность льдины состояла из нетолстого слоя фирнового снега, а мощность всей льдины в целом сократилась по вертикали приблизительно вдвое. Благодаря этому стало много легче вытаскивать шлюпки из воды на лед, но вместе с тем значительно увеличилась опасность провалов при переброске лодок и прочего груза по его поверхности. Не раз, бывало, бросались мы к месту, где проломился лед, торопясь спасти утопающие вещи; случалось и так, что подобраться к ним было невозможно, и мы молча наблюдали, как тяжелые продовольственные ящики исчезали в пучине.

В той же мере, как сокращались размеры и толщина ледяных полей, возрастало количество и увеличивалась ширина каналов. Наше продвижение вперед все ускорялось. Этому способствовала частая смена юговосточных ветров и полного штиля. Лед расступался перед нами. В течение 3, 4, 5 (78°19'

сев. широты (и 60°45' вост. долготы), 6 и 7 августа мы из дня в день проходили все большее пространство. Вид Ледовитого моря заметно изменился, оно уже не было забито тяжелым паковым льдом, его покрывали полосы легкого льда, пробиться через которые обычно было не особенно трудно. Только туман вынуждал нас к остановкам: тогда мы пришвартовывались к какой-нибудь более солидной льдине и ожидали здесь перемены погоды. Теперь мы уже не считались со временем, а шли вперед, когда это допускали обстоятельства. Настроение значительно поднялось, люди как-то ожили. Мы казались неустойчивыми в поглотившей все наше внимание работе: без отдыха гребли мы, расталкивали лед и тащили шлюпки бичевой.

Переход от 7 августа составил полных двенадцать миль! Это был первый день, в который нам не пришлось тащить на себе нарты и высаживаться из шлюпок на лед. Когда же мы в полдень остановились на обед среди довольно редких льдов, то заметили, что льды во всей округе лежат не неподвижно, а медленно, равномерно поднимаются и опускаются. С юга шла эта волна... Огромная радость охватила нас:

«Закачало! — воскликнули мы. — Значит, открытое море совсем близко!»

Открытое море означало для нас спасение. Мы никак не ожидали встретить чистую воду уже под 78° сев. широты. Перед нами было неоспоримое доказательство близости ее, и все-таки трудно было поверить в такое счастье. Страшное волнение овладело нами. И вот, когда мы стояли, целиком охваченные мыслью о предстоящем выходе в открытое море, вдруг показались в ста шагах от нас на воде две медвежьи головы. Моментально были спущены на воду две лодки. Команда разместилась и ухватилась за черенки весел. Однако, медведи плыли быстрее, чем лодка с четырьмя дюжими гребцами. По временам они высывались из воды, озираясь на своих преследователей. Вдруг один из медведей куда-то бесследно исчез, другой добрался до ближайшего ледяного поля и взобрался на него. Он оказался недостаточно осторожным, так как, остановившись на краю льдины, повернулся в нашу сторону и стал нас разглядывать. Грянул выстрел: над передней шлюпкой поднялся дымок. Медведь бросился наутек и поплыл по направлению к одной из отдаленных льдин с такой поспешностью и быстротой, что было совершенно бесполезно пытаться его преследовать. На льду не было видно следов крови, поэтому не могло быть уверенности, что медведь ранен. Наши товарищи, оставшиеся для

приготовления чая на одной из далеких льдин, едва лишь виднелись. Было бесполезно и опасно продолжать погоню, и мы повернули обратно.

Вечером этого дня мы причалили к сплоченной группе небольших льдин,¹ отстоявших друг от друга на столь малые расстояния, что протиснуться между ними не было бы никакой возможности. Льдины эти, как и весь лед кругом, были полуразвалившиеся и трухлявые. Порядочная льдина, которую мы избрали для себя местом ночевки, раскололась на несколько кусков под тяжестью наших шлюпок. По счастью нам удалось ухватить и вытащить погибавший было совсем запас провизии.²

В течение последних лет мы привыкли сменять чувство сильнейшего отчаяния на чувство горячей надежды. Так было и сейчас: нам казалось, что в течение ближайших же дней мы окончательно высвободимся из ледяных пут. Мы ожили.

И снова случилось, что надежда нас обманула. Уже 7 августа, не успев еще отправиться на отдых, как нас окружили под напором северного ветра плотные, непроходимые льды. Опять мы были в плену. Следующий день был посвящен попыткам пробиться сквозь массу заключивших нас мелких льдин. Много часов ушло на эту бесполезную работу. Наконец мы должны были признать, что если ветер не переменится на югозападный, то нам не сдвинуться с места. 9 августа все наши попытки тоже оказались тщетными.

¹ Лед в точности походил в это время на тот, что мы встретили в 1871 году, двумя неделями позднее, на 77½° сев. широты к востоку от Шпицбергена.—Примеч. автора.

² Пришвартовываясь к краю льдины, мы всегда должны были быть на чеку перед другой опасностью: одного случайного резкого движения бывало достаточно, чтобы вытолкнуть из-под нашей льдины придавленную ею сверху другую, неожиданно всплывающую на поверхность.—Примеч. автора.

Опасность от таких льдин очень велика для кораблей, плавающих в Ледовитом море. Всплывающая льдина обладает очень большой, пропорционально ее весу, подъемной силой. Выскальзывая из-под лежащей на ней льдины, такая глыба часто всплывает под острым к поверхности воды углом и ударяет со всей силой в приходящийся к ней под прямым углом борт судна. Менее солидные суда могут не выдержать таких ударов и пойти ко дну, корабли с ледовой обшивкой и крепким корпусом могут сильно пострадать от них. Такими ударами часто сносит лопасти винтов пароходов, что вызывает серьезные аварии. Ярким примером такой аварии может служить случившаяся дважды с л/п «Сибиряков» в 1932 году во льдах Чукотского моря: вначале льдом сбило все четыре лопасти винта, а вскоре после этого и весь новый винт вместе с куском вала.—Примеч. переводчика.

Прощание со льдами.

В полном изнеможении.

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Ужасно было то, что нас пленили несчастные мелкие льдинки около 40—60 шагов в поперечнике, притом едва выступающие над водой. Это было совсем не то, что прежде, когда нас окружал мощный лед, между высокими стенами которого мы чувствовали себя точно в тюрьме. Новое препятствие оказалось не менее серьезным, потому что границы этого плотного мелко-битого льда, разъеденного теплом и водой, терялись за горизонтом. К этому времени почти совсем стихло волнение во льдах, а с ним упала и вера в близость несущего нам свободу моря.

Опять пошел дождь. Мы остались лежать в лодках, поджидая момент, когда льды разойдутся. Вне лодок почти невозможно было шевелиться. Толщина окружавших нас льдин была так ничтожна, что ходить по ним было опасно. Везде легко было провалиться в воду, кругом были трещины и щели.

Новый вынужденный отдых в крошечных лодчонках был попросту невыносим. Спать без передышки не хватало сил, а табак почти весь вышел; только самые экономные покупатели еще свои трубочки. Некоторые использовали для этой цели спитой чай. Он свертывался в виде цыгарок из упаковочной бумаги. Бывали и такие, что расщепляли конец фитиля, отрезали его и набивали им свои трубки. Выкурен был, наконец, весь наличный запас трута, дававший настолько едкий дым, что многие из более разборчивых соседей с трудом переносили этот запах. И все-таки Галлер пошел еще дальше: он набивал свою трубку бумагой! У него сохранилось много чистых листков в записной книжке и целая коллекция разных сортов упаковочной бумаги. В интересах общего блага я вынужден был воспретить такой способ использования этой бумаги. Галлеру пришлось подчиниться. Тогда он нашел другое занятие. Он брал свою порцию чая, соли и хлебных крошек, перемешивал все это и варил себе из него суп.

Дни казались бесконечными. Мы только и делали, что сбрасывали и снова надевали сапоги и бессмысленно поглядывали по сторонам. Мы думали только об одном — когда же, наконец, разойдется лед, и с нетерпением ждали только одного — когда же, наконец, подадут обед, ужин или завтрак. От запасов, накопленных некоторыми в дни относительного изобилия, не осталось никаких следов. Прошло время, когда за поясом того или другого из наших товарищей болтался наполненный хлебом чулок, когда в руках его можно было видеть медвежьи ребра с остатками мяса на них. Мы порядочно голодали. Но вынужденное безделье было

хуже голода. Впрочем, несмотря на все это, многие из нас настолько растолстели, что если бы они погибли здесь на льдине и были бы затем обнаружены кем-либо, то несомненно было бы решено, что эти люди умерли от ожорства.

Дни проходили за днями. Положение становилось в высшей степени серьезным. Шел уже август, и времени до наступления зимы оставалось совсем немного. В нашем распоряжении был только месяц. Продуктов у нас тоже сохранилось не более, чем на месяц.

Три недели тому назад началось образование молодого льда на море и на пресноводных озерах на льду. В течение всего лета в ночное время температура часто опускалась до $2-3^{\circ}$ ниже нуля. До сих пор высоко стоявшему солнцу удавалось в дневную пору растопить теплом своих лучей тонкий слой образовавшегося за ночь льда. Но теперь, когда солнце стояло ниже, лед не растаивал, а сохранялся в течение полных суток, нарастая в каждую последующую ночь еще больше и крепко связывая между собой полуразрушенные ледяные глыбы и ледяные поля. В таком положении наша судьба целиком зависела от ветра. Он мог бы легко угнать нас, как два года тому назад, на север... Случись это — гибель наша была бы неминуема.

9 августа мы оказались на широте $78^{\circ}9'$. Это наблюдение нас огорчило, так как мы рассчитывали на более южное положение. Но что пользы от этих рассуждений! Мало радости было бы нам, если бы мы вдруг очутились хотя бы на 77° сев. широты, не будь там чистой воды. Открытое море... в мечтах о нем заключались все наши надежды. Мы вслушивались в шелест льдин, и нам казалось, что оттуда, с юга, доносится шум морского прибоя. Может быть это было воображение, может быть это был подлинный голос моря, подхваченный нашим изощренным слухом.

Так прошли еще четыре дня: 10, 11, 12 и 13 августа. Единственное развлечение состояло за это время в предпринятой шпаклевке шлюпок.

Внимательно и настойчиво следили мы за малейшей подвижкой льдов и за состоянием водяного неба в южной части горизонта. Ветер не переставал дуть в прежнем, западном направлении, а наш дрейф отклонялся вправо от него: 10 августа мы находились на $78^{\circ}6'$ сев. широты и $60^{\circ}45'$ вост. долготы, 11 августа на $78^{\circ}1'$ сев. широты и 13 августа на $77^{\circ}58'$ сев. широты и $61^{\circ}10'$ вост. долготы.

12 августа вечером лед стал немного реже. Нам удалось пройти около мили в южном направлении. Затем мы снова

застряли. Весь день шел дождь. В наступившую ночь температура упала до нескольких градусов ниже нуля. 13 августа ледяная корка на поверхности пресных луж достигла толщины одного дюйма. Перед утренним умыванием нам приходилось взламывать эту ледяную броню, чтобы добраться до воды. По всему было видно, что лето кончилось и что короткая северная осень уже вступила в свои права. Даже днем чувствовался морозный характер воздуха.

Ночью 14 августа лед вдруг немного расступился. Мы получили возможность продолжать наше путешествие. Незадолго перед выступлением удалось подстрелить тюленя — это был восемнадцатый по счету и... последний тюлень, добытый экспедицией на обратном пути в Европу.

Пришлось не мало поработать шестами на пути, состоящем из сложной сети трещин и каналов. В полночь устроили ввиду большой полыньи короткую остановку. Закусив кусочком сала, чаркой разбавленного спирта, водой и хлебными крошками, мы двинулись дальше. Перед нашими глазами развернулась во всей красе картина арктической природы, той, с которой мы всеми силами стремились распрощаться. Полночное солнце освещало желтым огнем покрытое льдом море; черные, как сажа,¹ ледяные глыбы скопились под самым солнцем — правее и левее его они горели мертвым розовым пламенем.

Повсюду виднелся легкий пловучий лед. У всех нас было чувство, что настал час нашего освобождения из царства льда. И вот — ведь лучше всего человек умеет ценить вещи тогда, когда их теряет, — сердца наши вдруг болезненно сжались... нам стало жалко проститься навсегда с этим холодным миром. Нам стало жалко расстаться с Ледовитым морем, сиявшим перед нами во всей своей красе.

Под парусами шли мы вперед, все дальше к югу. Полыньи становились все просторнее, льда становилось меньше, усиливалась зыбь на море. Измеренная в полдень широта места дала 77°49'. Впереди открылась огромная полынья. Волнение было здесь такой силы, что шлюпки сильно черпали воду, пересекая ее. Эта полынья была последней. За ней лежала кромка льда, отделявшая нас от безбрежного открытого моря!

В 6 часов вечера мы достигли кромки, состоявшей из сплошного льда, и в последний раз подняли наши шлюпки на льдину. Ритмический прохот ударявших в кромку волн казался нам голосом жизни. Мы смотрели вперед на эти по-

¹ Эффект освещения.—Примеч. автора.

движные водяные промады и лоскутья пены, носящиеся над ними, и нам казалось, что мы проснулись к новой жизни от долгого сна, проведенного в холодной белой могиле. Нигде на всем небосклоне не было видно страшных признаков ледяного неба. Велика была наша радость, не меньше и удивление по поводу того, что граница льдов оказалась уже здесь, на такой высокой широте — $77^{\circ}40'$ (при 61° вост. долготы). В этом счастливом обстоятельстве нам хотелось видеть залог успешного окончания всего нашего предприятия. Мы находились в 131 миле по прямой линии от брошенного корабля, в действительности же нами было пройдено на нартах и в шлюпках не менее 300 миль.

Решено было устроить небольшой отдых. Но уже в два часа утра вахтенный разбудил нас. Восточный ветер нагнал много тяжелого льда, грузно покачивавшегося на волнах. Кромка опять ушла от нас на несколько сот шагов. Медлить было нельзя, иначе мы рисковали снова застрять, и, может быть, потребовалось бы еще много дней упорной работы, чтобы освободиться из ледяных тисков. Пришлось опять поработать шестами, перегружать из лодок на лед и обратно нашу поклажу, но в конце концов мы все-таки вышли на кромку. Льды остались позади. Здесь, на льдине, у самой кромки, мы в последний раз остановились, чтобы окончательно подготовиться к переходу через открытое море.

В ОТКРЫТОМ МОРЕ

Перед нами лежал безбрежный, всеокружающий океан. Едва ли когда-либо кто бы то ни было испытывал при виде его вод радость глубже и больше той, которая в этот день охватила всех нас. Мы перенесли много страданий и после тяжелой борьбы вырвались наконец из ледового плена, — теперь мы стояли на берегу и протягивали руки к чистой воде, приветствуя ее. Море было блестящим и гладким, оно олицетворяло собой величавое спокойствие. Поверхность его была подобна зеркалу, красноречивому в своем молчании. Только редкие льдины бороздили матовую гладь, своим видом напоминая о том, что тепло, которым веяло с юга, принадлежит иному, далекому миру.

Днем нашего освобождения было 15 августа. Как в праздник разукрасили мы флагами наши лодки и спустили их на воду. С трудом вместили они всю поклажу, анкер с пресной водой и людей. Только наши четыре нарты пришлось к сожалению бросить. Они сослужили нам огромную службу. Загрузка шлюпок была так велика, что мы не знали, куда деть собак.

Троекратным «ура» встретив чистую воду и попрощавшись со льдами, мы начали свой переход через открытое море. Счастливое завершение его зависело от погоды и от неутомимости гребцов; в случае шторма мы несомненно погибли бы.

Но вскоре нам пришлось убедиться, что наибольшую опасность представляют для нас собаки. Они хворали морской болезнью и при этом вели себя очень беспокойно, сильно раскачивая шлюпки. Малейшая волна была бы для нас поэтому гибельной. Кроме того, для собак просто не оставалось места в переполненных посудинах, на их долю совсем не было провизии и не хватало воды. Бросить их мы не могли, и потому не оставалось ничего другого, как убить их! Убийство было единственно возможной, хоть и отчаянной формой нашей благодарности. Одинокая льдина, повстречавшаяся на нашем пути, стала местом вечного отдыха наших собак — этих добрых друзей, верных спутников, помощников в беде и участников наших радостей и успехов!

Огромное чувство удовлетворения испытывали мы, наблюдая, как широкая белая кайма позади нас постепенно сужалась, затем превратилась в линию и, наконец, исчезла. Каждый из нас понимал, что северное положение ледяной кромки в 1874 году было огромным счастьем для нас. Не раз случалось нам попадать в трудные положения, но всегда в конечном итоге все кончалось благополучно — повидимому этой удаче суждено было завершить собой ряд других, имевших место раньше. 1874 год мог считаться благоприятным в ледовом отношении. В этом мы убедились только теперь, достигнув кромки, потому что раньше, т. е. еще вдалеке от нее, у нас были, как известно из описания, все основания считать этот год очень ледовым.

Всего лишь в миле от кромки льда температура воды повысилась до $-0,7^{\circ}\text{P}$, а температура воздуха до $+3^{\circ}\text{P}$. Интенсивность отражения солнечных лучей от гладкой поверхности воды оказалась настолько значительной, что нам, сидящим в лодках, стало жарко. Чувство это было нами совершенно забыто за последнее время, сейчас же мы испытывали потребность избавиться от лишней одежды.

Наш курс пролегал на юго-юго-восток к берегам островов Баренца. Здесь мы рассчитывали пополнить свои продовольственные запасы из склада, заложенного в 1872 году графом Вильчеком. Затем мы предполагали спуститься на юг вдоль берегов Новой Земли, высматривая по пути какое-нибудь рыболовное суденышко. В этом отношении мы возлагали главные надежды на районы полуострова Адмиралтейства, Маточкина Шара и Пухового залива. Встреча с норвежскими зверобоями, промысляющими моржей, могла произойти в северной части Новой Земли и не южнее Маточкина Шара. К югу от этого пролива можно было рассчитывать, по мнению Карлсена, встретиться с русскими промышленниками, добывающими здесь гольца — промысловую рыбу из породы лососей.

Ближайшая земля лежала в пятидесяти милях от нас. Надо было во что бы то ни стало успеть укрыться под защиту ее берегов до перемены погоды. Если бы это не удалось, то у нас остался бы только один выход, а именно — выбросить большую часть съестных припасов в море, чтобы облегчить лодки.

Целыми днями гребли мы изо всех сил, пересекая на шлюпках открытое море. Лейтенант Вейпрехт шел на своей шлюпке впереди, мы следовали за ним, стараясь не отставать. Команда каждой лодки была разбита на две вахты. Каждые четыре часа люди сменялись: одни садились на весла, другие ложились спать. Часто случалось, что та или иная шлюпка отставала и исчезала из виду остальных, скрытая в густом тумане. Тогда все начинали кричать и свистеть, пока шлюпка снова не присоединялась, выгребая из последних сил.

Утром 16 августа подул северный ветерок. Мы поставили паруса и в течение нескольких часов бодро шли вперед. В это же время на горизонте показалась Новая Земля. Сначала мы увидели только несколько отливающих серебром светлых точек над морем. Некоторые из нас сразу решили, что это льды, полосой державшиеся в более южной части моря, но вскоре оказалось, что это настоящая, покрытая снегом земля. Мы увидели перед собой вершины гор окрестности мыса Нассау. Это было как раз то место, где высокая гористая страна вдруг меняет свой облик и, отклоняясь на северо-восток, принимает монотонный характер. Начиная отсюда, уходящая в этом направлении земля оказывается почти лишенной гор; она сплошь покрыта ледниками, достигающими района зимовья и могилы Баренца, выкопанной приста лет тому назад.

Наше продвижение вперед имело теперь совсем иной характер, чем раньше, во льдах.¹ В противовес к прежнему оно было преисполнено стремительности. В полдень наша флотилия достигла широты $76^{\circ}46'$. 17 августа мы увидели сквозь утренний туман живописные линии и краски гористого участка земли к югу от мыса Нассау. Земля вынырнула из мглы совсем недалеко от нас, она заиграла фиолетовыми и розовыми оттенками, над желтым морем вспыхнуло несколько красноватых огоньков. Новая волна тумана скрыла землю с наших глаз. Руководствуясь компасом, мы продолжали грести, закутанные в облака. Все наше окружение стало неузнаваемо, лодки, казалось, плыли по воздуху.

Пока туман не разошелся, мы не знали, что, подхваченные сильным течением, уносившим нас на юго-запад, мы проскочили мимо продовольственного депо. Убедились мы в этом уже после полудня, когда туман рассеялся и можно было определить местонахождение по конфигурации берегов. С помощью карты было установлено, что пройденный только что пункт лежит на $75^{\circ}40'$ сев. широты и 58° вост. долготы. Мы не имели возможности терять время на возвращение к складу; пришлось бы сделать стомильный обход, а это было бы неразумно ввиду того, что много увеличить наши наличные продовольственные запасы мы все равно не могли бы из-за перепруженности шлюпок.

Далеко впереди нас выступили на горизонте вершины пока еще невидимого в целом полуострова Адмиралтейства. Мы направили свой курс прямо на них. По пути сделали неудачную попытку высадиться на берег к северу от бухты Гвоздарева. Все побережье оказалось замороженным скалами, кругом видны были мели и кошки. Сильный прибой не позволил нам пристать к берегу. Повидимому в районе острова Баренца условия высадки были бы не лучше,—возможно, что нам все равно пришлось бы оттуда вернуться с пустыми

¹ Экспедиции Баренца потребовалось на обратный путь от мыса Нассау до Крестовых островов (60 миль) целых 25 дней.—Примеч. автора.

Не ясно, к чему автор приводит эти данные. Едва ли он хочет сделать упрек экспедиции Баренца в медлительности, или хочет этим сравнением подчеркнуть доблестное рвение своей экспедиции. Повидимому смысл этого своеобразного примечания в том, чтобы обратить внимание читателя на трудности, с которыми приходится встречаться морякам в этих водах, на трудности, могущие очень замедлить продвижение вперед. Жаль только, что Пайер не указывает хотя бы кратко на природу этих трудностей, заматчивая главные причины, влиявшие на медленность продвижения экспедиции Баренца.—Примеч. переводчика.

руками. Два года тому назад, при закладке депо, там держалась широкая полоса берегового припая. Тогда было легко доставить весь груз на нартах по ровному льду. Теперь же нигде вдоль всего западного берега Новой Земли не было видно ни единого кусочка льда — к окруженной рифами земле можно было добраться только с помощью лодки.

Климатическое несоответствие между 1872 и 1874 годами сказывалось очень заметным образом и в ряде других признаков. В 1872 году новоземельские горы были в большей своей части покрыты снегом, тогда как теперь в снегу были только вершины их. На 76° северной широты, на том самом месте, где два года тому назад был плотный лед, мы наблюдали теперь температуру морской воды +3° Р; одновременная воздушная температура равнялась +5° Р. Из сопоставления климатических особенностей 1874 года и 1872 года следует, таким образом, глубокое различие их, тогда как тот же 1874 год оказывается во всех отношениях чрезвычайно сходным с 1871 годом. Благоприятные ледовые условия были в текущем году повидимому также у восточных берегов Новой Земли; об этом можно судить по тому, что капитану Виггинсу на пароходе «Диана» удалось проникнуть через Карское море до устья Оби, причем за все время путешествия ему пришлось только несколько недель провести в области устья реки среди льдов.¹

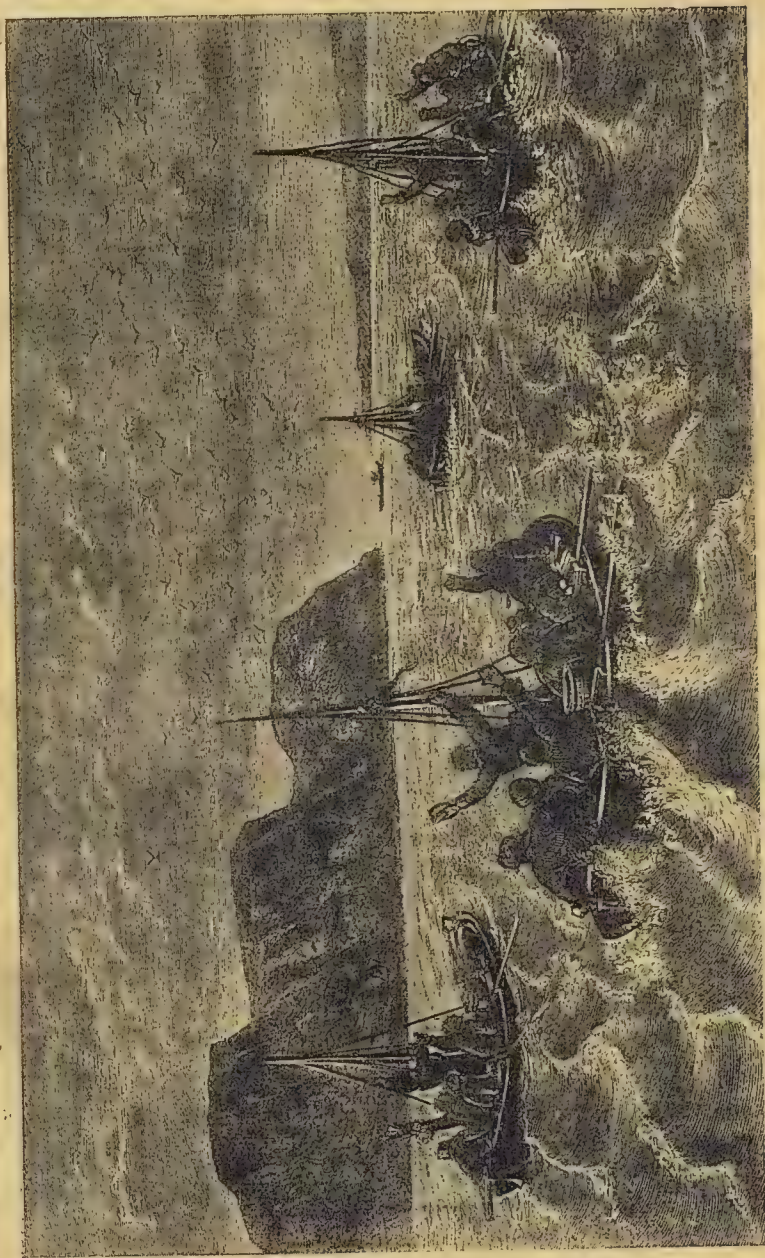
Недоступность большей части побережья Новой Земли вынудила нас продолжать безостановочно наше путешествие несмотря на то, что вследствие длительного напряжения руки гребцов совершенно одеревенели и опухли. Напрасно высматривали мы какой-нибудь корабль — кругом все было пусто. Наступило полное безветрие. Вдруг нам показалось, что вдаль идет судно. Торопливо повернули мы в его сторону, еще энергичнее работая веслами. Мнимый корабль оказался небольшим айсбергом. Не оставалось ничего другого, как продолжать путь вдоль побережья. Искусство продвижения вдоль берегов состояло для нас в том, чтобы пересекать бухты, не удаляясь далеко от берега.

Наступившая ночь застала нас в районе бухты Гвоздарева. Работая веслами, мы пересекли этот широкий залив, окаймленный внушительными горами² и ледниками.

¹ Мы встретились впоследствии с капитаном Виггинсом в Гаммерфесте. Он намеревался усилить наше депо на островах Баренца доставкой туда некоторого количества угля и провизии, переданных ему с этой целью Ли-Смитом. — Примеч. автора.

² Два-три столетия тому назад географы того времени склонны были искать высочайшие горы земли на Новой Земле. — Примеч. автора.

В действительности самые высокие новоземельские горы не превы-

Из-за мыса показалась шлюпка...

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Вид этот несколько разнообразил наше утомительное путешествие. Мы чувствовали себя, впрочем, в роли рабов на галерах, изнывали от работы и ужасно страдали от скуки.

Бухта была полна крошечных льдинок — остатков прежних айсбергов. Мы подняли несколько штук самых маленьких к себе на борт шлюпок, чтобы пополнить почти исчерпавшийся запас пресной воды. С тех пор, как наша экспедиция вошла в прибрежные воды Новой Земли, она вступила одновременно в царство кайр.¹ Эти птицы все время пролетали над нашими головами, с маленькими рачками в клювах, по направлению к своим гнездам на земле. То-и-дело встречали мы кайр, сидящих на воде. Они смотрели с таким равнодушием на приближающиеся лодки, что, казалось, ни за что не сойдут с их дороги. По кайрам стреляли, но при этом не останавливались. Приготовление еды тоже производилось на ходу. Убитые птицы заметно разнообразили наш стол. Лишь два раза в день устраивался десятиминутный перерыв, во время которого производилась раздача пищи. Как только обед бывал закончен, люди немедленно снова хватались за весла и гребли изо всех сил. При этом каждая шлюпка старалась обогнать остальных, чтобы идти впереди.

В ночь с 17 на 18 августа впервые скрылось солнце за горизонтом. После полудня мы подошли к земле и вышли на берег.

Это случилось к югу от мыса Черного. Земля была здесь покрыта ковром разнообразных растений, казавшимся нам настоящим садом. Глаза наши привыкли к белому цвету и никак не могли освоиться с видом разноцветных лепестков.

Ничто не напоминало больше суровую полярную страну — ни земля, ни температура, ни погода. Широкая бухта, открытая на юг в сторону полуострова Адмиралтейства, казалась нам такой приветливой, что, не будь она покрыта ледниками, мы легко приняли бы ее за один из заливов солнечной Италии.

Было время отлива. По колено в воде тащили мы за собой

шают километра к небольшому над уровнем океана. Поднимаясь круто от воды, они производят иногда впечатление очень высоких. — Примеч. переводчика.

¹ Новоземельское море лишено рыбы, которой изобилуют прибрежные воды Шпицбергена. Поэтому мы не имели возможности использовать наши удочки. — Примеч. автора.

Новоземельское море (Баренцево море) в высшей степени богато рыбой в своей западной части. У берегов Новой Земли в самые последние годы была обнаружена в промысловых количествах треска. — Примеч. переводчика.

и толкали вперед наши шлюпки по веслам, положенным в вязкий грунт. Таким образом мы выбрались на сухой берег. Здесь все участники экспедиции помылись в небольшом озерке, потом напились слабого чая и подкрепились остатками спирта.

Много месяцев прошло, как мы не видали земли. Мы ступали без сил, покачиваясь от слабости. У нас было ощущение, будто наши тела подвергались страшному колесованию. Мы расположились на отдых на мягкой зеленой мураве. Лежа на спине, усталые путники прислушивались к ритмическому шуму прибоя. Большой костер из собранного плавника обдавал жаром. Все в лагере отдыхали. Лишь немногие отправились осматривать окрестность, идя вдоль течения спускающихся к морю ручьев. Кое-кто собирал цветы.¹ Кругом росло очень много незабудок и разных трав. Эти травы подсушивались людьми у костра и выкуривались затем в трубках. Вкус курильщиков очевидно сильно притупился, так как сборщики трав утверждали, что нашли прекрасный табак.

Впрочем, некоторые сохранили еще остатки настоящего табака — такие счастливы пользовались среди остальных влиянием в той степени, в которой оно свойственно всякому обладателю в обществе неимущих. Я сам принадлежал к этой категории. В моем дневнике имеется запись торговой сделки с доктором Кепесом: я дал ему трубку табака, а получил взамен три головы убитых кайр.

В лодках не хватало места, чтобы растянуться, и было очень жарко, поэтому многим пришлось спать прямо на земле. Кругом царил молчание. Однако беззаботное времяпрепровождение на зеленой травке не было длительным. Необходимо было во что бы то ни стало скорее отыскать какое-нибудь судно. Мы поднялись от крепкого сна и огляделись по сторонам. Окружающие нас глетчеры непрерывно гремели. В Альпах треск в леднике сигнализирует ухудшение погоды; зная об этом, мы опасались шторма.

Но 19 августа погода продолжала нам благоприятствовать, и мы плыли по морю вдоль берегов полуострова Адмиралтейства при ясном небе и безветрии (температура воздуха $+8^{\circ}$ Р, температура воды $+5^{\circ}$ Р). Террасы полуострова Адмиралтейства говорят о происходящем медленном подъеме

¹ Бэр нашел на Новой Земле девяносто видов явнобрачных растений. Насколько высокой бывает иногда летняя температура на Новой Земле, видно из наблюдений Моисеева: 18 июня 1839 года $+27^{\circ}$ Р на солнце и $+12^{\circ}$ Р в тени. — Примеч. автора.

суши.¹ Воды, омывающие полуостров Адмиралтейства, отличаются малой глубиной и большим количеством рифов и кошек, представляя собой опасный для мореплавания район.

Чем дальше мы продвигались к югу, тем достовернее становились карты. 20 августа мы достигли мыса Черницкого, лежащего на $74^{\circ}21'$ сев. широты. Земля, мимо которой мы проходили, была богата живописными бухтами. Вершины гор прятались в облаках. Берега бухт и подножия гор были покрыты зеленым травянистым покровом. Этот район был излюбленным местом зимовок прежних русских новоземельских экспедиций. Местами на берегу были видны полуразрушенные избушки.

Только 21 августа задул с востока свежий ветер. Море всколыхнулось, пошли волны. Вода захлестывала в шлюпки, шедшие под парусами. Люди совершенно промокли, когда, наконец, удалось добраться до бухты впереди Сухого Носа (полуденная широта — $73^{\circ}47'$). Подгоняемые ветром шлюпки, неслись быстро, но в бухту заходили каждая по одиночке, так как по пути растеряли друг друга. Здесь мы рассчитывали снова соединиться и переждать ветер. В таких случаях хуже всего приходилось маленькой шлюпке с лейтенантом Брошем во главе. У нее борт поднимался при обычной загрузке лишь очень невысоко над водой. На волне шлюпку захлестывало. Поставленный борт из парусины, плохо державшийся и постоянно сбиваемый напором водной массы, также не мог уберечь от волны.

На берегу опять зажгли огонь. Костер состоял из плавника и кусков эрратического бурого угля. Промокшая одежда быстро высохла. Нас очень огорчало, что при высадке на берег нам ни разу не удалось повстречать оленей, несмотря на то, что кругом земля заросла сочными лугами, представлявшими собой прекрасное пастбище для них.² Мы собрали большое количество растущей повсюду ложечной травы и тушили ее вместе с пеммиканом, но разве могло это

¹ На старых картах п-ов Адмиралтейства оказывается отделенным от главного ю-ва Новой Земли проливом. Нахождение многочисленных скоплений плавника на значительной высоте над уровнем моря дает лучшее свидетельство происходящего подъема земли. В столь высоких широтах дерево разрушается крайне медленно, этот процесс требует столетий — поэтому на основании состояния плавника нельзя судить о скорости процесса подъема суши. — Примеч. автора.

Подъем, или, иначе говоря, транспрессия Новой Земли в настоящее время хорошо изучена и получила освещение в ряде специальных работ. — Примеч. переводчика.

² В настоящее время дикий северный олень встречается в порядочном количестве на северном острове Новой Земли, главным образом в северной половине его. — Примеч. переводчика.

нам заменить блюдо из свежей оленины? Кайры пропали. Кругом было много чистиков, но они моментально исчезали в воде при каждой нашей попытке подойти к ним на расстояние выстрела.

Мы двинулись дальше, несмотря на беспокойную погоду и сильное волнение на море. Держаться вместе было невозможно, волна разогнала шлюпки. Вскоре достигли Маточкина Шара на $73^{\circ}20'$ и повернули в пролив в надежде встретить там рыбацье судно. Кругом было пусто, только величественные горы спускались своими крутыми боками к самому морю. Капитан Карлсен, посланный лейтенантом Вейпрехтом для исследования многочисленных поворотов узкого пролива, вернулся тоже ни с чем.

Еще до возвращения Карлсена мы успели укрыться в бухте Староверов.¹ Здесь нами был сооружен на одном из заметных мысов большой гурий из плавника и камней. В него было вложено краткое описание всего хода нашей экспедиции. Сделано это было с той целью, чтобы оставить в этом, ежегодно посещаемом кораблями районе какой-нибудь след пребывания нашей экспедиции, что могло иметь большое значение в случае нашей гибели, так как обнаружение этой записки уже в следующем году прекратило бы все ненужные работы поисковых партий, высланных нам на помощь.

Действительно, перспективы спасения за последние дни серьезно ухудшились. Вся наша надежда состояла в том, что в Маточкином Шаре мы должны будем непременно найти какой-нибудь корабль. Этого не случилось. Карлсен тоже вернулся с печальным известием, что в глубине пролива ему не удалось найти следов человека, если не считать одной китобойной шлюпки, лежавшей в перевернутом виде и окруженной старыми отпечатками ног. Было ясно, что рыбаки и зверобои, промысляющие на дальнем Севере, уже свернули свою работу в этих широтах и отступили на юг.

Ночью редела буря. Штормовой ветер с северо-востока со свистом проносился над скалистыми берегами Поморской губы. С грохотом разбивались волны об размытые морем скалы, засыпая их пеной и подбираясь к нашим лодкам.

Только около полудня 23 августа мы могли продолжать наше путешествие. Оно близилось к своему естественному

¹ Пайер дает Поморской губе это неправильное название, переводя слово «помор» на немецкий язык, как слово «старовер». Идентифицируя эти два далеко не равнозначных понятия, Пайер показывает недостаточную осведомленность по истории и быту современного ему русского Севера.—Примеч. переводчика.

концу, так как провизии у нас оставалось всего лишь на десять дней.

Ждать было нельзя. Последняя надежда наша была на Пуховый залив. Карлсен предсказывал, что здесь мы непременно встретим корабль. Если и эта надежда обманула бы нас, то не оставалось бы иного выхода, как пуститься в путь через бурное море прямо к берегам Лапландии¹ протяжением в 450 миль! Удачное завершение такого перехода по бурному морю казалось крайне сомнительным. Что случилось бы с нашими крошечными открытыми шлюпченками, если бы мы решились на такое дело, об этом мы получили весьма ясное представление всего лишь несколько дней спустя. Все же иного выхода у нас не могло быть, так как совершить огромный обход следуя вдоль берегов мы не имели возможности из-за недостатка съестных припасов и из-за позднего времени года.

Итак, мы отправились дальше вдоль плоских берегов по направлению к Гусиной Земле. Погода стояла бурная, шлюпки то-и-дело наполнялись водой, измученный экипаж едва успевал откачивать их. Силы гребцов исчерпались, ветер и волны опять разъединили нас. Шлюпку лейтенанта Вейпрехта мы потеряли из виду, остальные две исчезли с наших глаз еще вблизи берегов. Шлюпка с лейтенантом Орелом и мной очевидно на этот раз ушла несколько вперед. Поэтому мы решили сделать небольшой привал в ожидании остальных. 24 августа утром наша шлюпка вошла в мрачную, скалистую бухточку.

Напряжением последних сил мы заставили себя выскочить в мелкую воду и вытащить вслед за собой нашу посудину. Промокшие до нитки люди занялись сбором плавника, зажгли костер и состряпали на сковородке нечто вроде клецок. Вконец измученные и изнуренные, заснули мы, лежа на мокрых камнях, закутанные в клубы развеваемого ветром дыма. Так прошло четыре часа. С вершины одного из холмов мы огляделись. Парусов нигде не было видно; ничего, только темные волны. Мы двинулись дальше. Около мыса Бритвина на 72°40' сев. широты все четыре лодки опять встретились. Тем временем ветер стих, наступил штиль. На воде произвели раздел остатков продовольствия. Мы гребли, механически двигая веслами и пробираясь все ближе к раскрытию тайны, приготовленной нам судьбой.

Решительный час настал. Еще один поворот за скалистый мыс, и — одно из двух: или перед нашими глазами предстанет спасительный корабль, или мы будем вынуждены сдаться

¹ Мурманский берег. — Примеч. переводчика.

на милость свирепому океану. Был вечер, когда мы пробирались под черными нависшими стенами мыса Бритвина. Подножья скал были густо усеяны птичьими стаями, купающимися в брызгах набегающей волны.

И вот, в семь часов вечера, вдруг крик радости сорвался одновременно с уст всех участников экспедиции: впереди шла маленькая лодка с двумя гребцами. Это была не наша шлюпка, она была пятой по счету. Сидящие в ней люди были повидимому заняты ловлей птиц и, повстречавшись с нами, не меньше нашего удивились этому. Это были русские. Еще не успели мы с ними объясниться, как повернули вместе за мыс и увидели пред собой два корабля...

С чувством какого-то благоговения приближается потерпевший крушение человек к гордому, стройному корпусу корабля, несущего ему спасение. Корабль не кажется ему бездушной машиной, он представляется ему добрым другом, существом более совершенным, чем он сам. Именно с таким чувством подходили мы к обоим шхунам, скрытым от ветров в глубине окруженной скалами бухты. Эти два корабля были для нас воплощением всего мира!

Мы подняли флаги на шлюпках и пришвартовались к борту шхуны «Николай». На палубу высыпало много народа — все бородатые русские. Они главели сверху на нас. В их взгляде было удивление и участие. Среди них стоял похожий на патриарха капитан шхуны, Федор Воронин.¹ Да, случись эта встреча десятью днями раньше, и наши бедные собаки были бы тоже спасены...

Приняли нас с почетом и радушием. Все, что имелось на корабле лучшего, предоставили в наше распоряжение: голец, оленина, гагачьи яйца, масло, чай, хлеб и водка подавались мисками. Затем явился второй капитан. Он приветствовал нас и просил посетить его корабль. Это приглашение было первым из длинного ряда предстоящих. В особенности горячо звали доктора, так как на соседнем корабле имелся больной. Доктор Кепес вернулся с гонораром в руке, состоявшим из пачки табаку.

Простые русские моряки, жители побережья Ледовитого океана, старались порадовать нас своими подарками, не жалея самого дорогого и необходимого. Один из матросов наблюдал некоторое время за мной и решил, очевидно, что

¹ Капитан Федор Воронин — дед Владимира Ивановича Воронина, известного ледового капитана, руководившего совместно с проф. О. Ю. Шмидтом экспедициями Северовосточного прохода в 1932 году на «Сибирякове» и в 1933 году на «Челюскине». — Примеч. переводчика.

я не достаточно счастлив, так как слишком мало делаю шума. Тогда он отправился к себе, открыл свой сундук и принес мне весь находившийся там запас белого хлеба и табака, сохранившийся еще от Архангельска. Обращенные ко мне русские слова его были несомненно очень сердечны, но я не понял, к сожалению, ничего из сказанного.

Пришло наконец-то избавление от великой беды! Девяносто шесть дней провели мы на обратном пути без крыши над головой, а если прибавить к этому еще предшествовавшие санные поездки, то целых пять месяцев! Радость была безгранична, но высказать ее словами было трудно. О размерах ее свидетельствовала наша молчаливость. С тихим, глубоким чувством блаженства смотрели мы на самые ничтожные предметы, и каждый из нас, наверное, в эти моменты, не раз повторял себе: «да, если бы знали об этом они, там, на родине!»

Лузина был единственный из нас, умевший немного говорить по-русски. Он служил нам переводчиком. От него мы узнали о следующих событиях, случившихся в Европе за время нашего отсутствия. С напряженным вниманием выслушали мы это сообщение:

1) Везде царит мир.

2) В Австро-Венгрии в высшей степени обеспокоены нашим долгим отсутствием, а в России отдано распоряжение всем поморам по мере возможности отыскивать нас и в случае нахождения оказывать посильную помощь.¹

3) Граф Вильчек благополучно вернулся из своего плаванья в Ледовитом море. Капитан лично встретился с ним в устье Печоры, находясь на пути в Обдорск.

4) Умер Наполеон.²

5) Осенью 1872 года в районе островов Баренца, следовательно недалеко от нас, затерло во льдах и раздавило норвежское промысловое судно. Только четверо из экипажа спаслись в одной из шлюпок, впоследствии потеряли ее и направились пешком по земле на юг. Претерпев ужасные лишения и массу приключений, моряки добрались наконец до самоедских поселений на крайнем севере Урала.³

¹ Этот приказ висел на стене капитанской каюты. — Примеч. автора.

² Наполеон III. — Примеч. переводчика.

³ В те времена на Новой Земле не было еще ни одного постоянного поселения. Первое становище было основано в 1878 году в Малых Кармакулах на западном берегу южного острова Новой Земли. — Примеч. переводчика.

Оба корабля, оказавшие нам столь гостеприимный прием, пришли сюда из Архангельской губернии для ловли гольца и охоты на оленя. Их улов был еще невелик, и потому рыбаки намеревались в течение ближайших двух недель пополнить свою добычу и провести с тою же целью приблизительно столько же времени на самом юге Новой Земли. Такая программа действий совсем не улыбалась нам. Казалось немыслимым просидеть целый месяц без дела на рыбацьем судне, теперь, когда мы вдруг с такой силой и ясностью вспомнили о всех удобствах, какими окружается жизнь в цивилизованных странах. Казалось невозможным оставаться здесь дольше, чем это действительно было необходимо. Поэтому мы предложили капитану Воронину заключить с нами договор, по которому он обязался срочно доставить нас в норвежский порт Варде. Промышленники должны были таким образом отказаться от будущей добычи, а имеющиеся при них съестные припасы делить с нами. В награду за понесенные убытки мы дали им три наших шлюпки и два ружья; кроме того промышленникам была гарантирована выдача суммы в 1200 серебряных рублей.

Наконец-то могли мы по-настоящему отдохнуть. Нам нечего было бояться, миновало время постоянного страха перед голодной смертью. Вечером, когда я раскрыл свой дневник, я неожиданно нашел на очередном листке записанные следующие слова:

«Будем ли мы спасены в этот день, будем ли мы все еще живы? — 15 мая, на борту «Тегетгофа»».

Эти слова были написаны мною в то время на первом попавшемся листке записной книжки. Удивительно, что спасение наше пришло в тот именно день, когда настала очередь этого листка.

Долго не мог я уснуть, прислушиваясь к доносившемуся со стороны незнакомого говору и механически повторяя непонятные русские слова. Я лежал вместе со своими товарищами в окружении мертвых гольцов, ворочался, но наконец заснул. Засыпая я чувствовал великое удовлетворение от сознания, что больше не нужно грести. На следующий день капитан Воронин и его верный гарпунер Максим Иванов заставили лейтенанта Вейпрехта и меня перебраться в их каюту. Мы не могли спорить с ними, не зная языка, и отвечали на все их объяснения одним только словом «хорошо». Пришлось подчиниться и перейти в удобное небольшое помещение.

Рыбаки запаслись свежей водой, выбрали поставленные сети и подняли их на судно. Делая эту работу, они пели за-

Спасение экспедиции.

Кабинет Севера
Общественная библиотека
им. А. Н. Добролюбова

мечательные народные песни. Мы прислушивались к этому пению с интересом настоящих варваров, потому что пели они изумительно хорошо.

26 августа мы снялись с якоря. Дул благоприятный северо-восточный ветер. Судно покинуло тихую бухту, спасшую нам жизнь. Полным ходом шел корабль, пересекая белое море¹ в югозападном направлении.

Пришло время писания писем. Кое-кто начал писать еще раньше, во время шлюпочного похода.

27 и 28 августа море было бурным. Ветер с северо-северо-востока гнал огромные валы прямо на наш корабль. При виде их мы пробовали себе представить, что случилось бы с нами в наших маленьких лодчонках, если бы мы отправились в них этим же путем! 29 августа показались берега Мурмана в районе Черного мыса. Последние двести миль мы шли вдоль невысоких, скалистых берегов Лапландии. На этом пути нам не раз попадались корабли, идущие из Архангельска или в Архангельск; мы смотрели им вслед с таким чувством, будто мы какие-то дикари, занесенные случаем в самую гущу цивилизации и в самый перекрест мировых путей. На все встречные суда посылали мы делегатов с поручением выпросить табака или лист писчей бумаги, не выдавая при этом нашего инкогнито. Нам хотелось первыми добраться до телеграфа и дать знать о своем возвращении. В течение последующих дней дули противные ветры, заставившие капитана продвигаться, лавируя против них. Наши тирольцы решили при этом, что капитан потерял дорогу и не сумеет добраться до Варде. Такая задержка в пути была для нас тяжелым испытанием.

3 сентября мы входили в порт Варде. Восемьсот двенадцать дней длилась наша экспедиция.

Фокмачта «Николая» украсилась австро-венгерским флагом. Каждый из нас старался привести в порядок свой костюм. Чтобы скрыть недостатки его, мы надели шубы. Стоя на палубе, мы с волнением ждали момента высадки на берег. Судно вошло в гавань. В 3 часа пополудни мы вступили на почву Норвегии с чувством полного освобождения от всех тяжелых испытаний.

Пока лейтенант Вейпрехт оформлял все денежные дела, я взял на себя передачу телеграмм. Весть о нашем возвра-

¹ Здесь автор во второй раз уже дает Баренцову морю название «белого». Похоже на то, что он точно не знает, как называть участок Ледовитого моря, ограниченный с востока Новой Землей, а с юга — материком, и условно именует его белым (с маленькой буквы). — Примеч. переводчика.

щении быстро распространилась среди жителей местечка. Они выбежали из домов встречать нас. Я поспешил к станционному зданию. Телеграммы были переданы. Мы знали, что электрическая искра уже несет далеким друзьям весть о нашем возвращении и что она скоро-скоро достигнет их и обрадует.

Экспедиция окончилась. Незабываемым остался для нас обратный путь через Гамбург до Вены, но здесь не место говорить об этом. Зато интересным мог бы оказаться рассказ о том, каковы были наши первые впечатления в связи с сознанием, что мы снова приобщились к жизни всего человечества. Когда-то надеялись мы бросить якорь в родной гавани, но судьба захотела иначе. Старая добрая Норвегия приняла нас со всем свойственным ей гостеприимством. Почти сразу после прибытия нас окружили толпы жителей Варде. Они питали к нам самые дружественные чувства и с величайшей готовностью шли навстречу всем нашим пожеланиям. Они приносили нам маленькие книжки отпечатанных писем¹ наших родственников, содержащих радостные вести для одних, известия о смерти для других. Мы направились в предназначенные для нас квартиры. На улицах нас сопровождали толпы людей. Правда, они пришли влекомые любопытством, но приветствовали нас, почтительно обнажая головы. Только несколько лопарей оказались навязчивыми. Они увязались за доктором Кепесом, который им очень понравился в момент передачи телеграфному чиновнику телеграммы на венгерском языке.

Мы вошли каждый в свой дом. Осуществилась давнишняя потребность, годами скрываемое желание остаться наедине. Мы были одни с чувством, что наконец вышли из трудного положения, с чувством свободы от всяких забот и даже желаний, с ощущением всеобъемлющего счастья. И вот, несмотря на это, при каждом взгляде на окружающую обстановку, мы вспоминали о существовании каких-то особых потребностей, вызываемых жизнью в культурных условиях. Эти потребности были нами забыты за долгий период экспедиционной жизни. Мы ощутили вдруг необходимость отрешиться от своего неблагообразного вида и придать своей внешности некоторую аккуратность. Наши сапоги были без подошв, наши шубы и прочая одежда выглядели так, что трудно было бы, пожалуй, найти лучшее вещественное до-

¹ Комитет экспедиции собрал эти письма, отпечатал и разослал по норвежским портам с тем, чтобы они по возможности передавались нам через посредство ли рыбаков или прямо в руки в случае нашего неожиданного возвращения. — Примеч. автора.

казательство преходящести всего материального.¹ Оставить на себе всю эту дрянь могло стать делом более стойких философов, чем были мы. Наши волосы на голове и лице находились в страшно запущенном состоянии, а на руках отражались следы тяжелой работы. Внешность наша была такова, что разве лишь в обществе самоедов мы могли бы показаться достаточно представительными. И все-таки, несмотря на наш непривлекательный вид, мы были в тот же вечер приглашены к германскому консулу. За столом должны были присутствовать дамы! Лишь немногие из нас успели произвести некоторые существенные изменения в своем костюме, остальные явились в тех же одеждах, в которых плавали по Ледовитому морю. Помещение было освещено не сальными фитилями, к которым мы привыкли, а настоящими свечами. В каждом зеркале отражались наши фигуры, как бы упрекая нас за наш вид. Нужда выработала в нас свойственное дикарям тонкое чутье, которым мы улавливали малейшие признаки высшей культуры, безгранично радовавшие нас. Среди открывшегося нашим взорам богатства мы вспомнили о существовании женщин. Окружившие нас женщины были любезны. Они видели, как тяжело приходится нам в толстых шубах в жарко натопленной комнате, за едой, вином и оживленной беседой, и предложили нам снять их. Мы остались сидеть в шерстяном белье, надетом 20 мая — ничего лучшего у нас не имелось. Наши соседки казались растроганными при виде той радости, которую испытывали мы, вспоминая о минувших испытаниях. С участием наблюдали они за нашим восторгом, вызываемым стаканом свежей воды, прислушивались к возгласам, которыми мы встречали появление очередного блюда, и к резким сравнениям, высказываемым при этом никак не в пользу протлоченных бочек гороховой колбасы и ведер тюленьего супа. Они были снисходительны к нам, когда мы говорили все сразу, стараясь перекричать друг друга, и не сердились на нас за то, что мы поддались действию вина. Один только старик Карлсен, которому приходилось в течение последних месяцев труднее остальных, держал себя по-другому. Окруженный избытком яств, он не обнаружил жадности, оставаясь сдержанным в еде и питье. Этот бравый, испытанный полярный путешественник поднимался из-за стола, чтобы напомнить о провидении, взявшем нас под свою защиту и так чудесно спасшем нас.

¹ Год спустя я попробовал однажды извлечь из чулана свою походную одежду и сразу же спрятал ее обратно, испугавшись ее жалкого вида. — Примеч. автора.

Эту ночь мы провели впервые в чистом белье на настоящих постелях, покрытых свежими простынями. Но спали мы хуже, чем тогда, когда подкладывали под тело и голову пару запасных чулок, — мы не спали от волнения, охватившего все наше существо. Следующий день был потрачен на обновление нашей внешности. Начали мы с жаркой бани. Потом отправились покупать одежду. Несколькими часами позднее во всем Варде трудно было найти лучше одетых людей, чем участники австро-венгерской экспедиции. Команда тоже приоделась. Лукинович купил себе бархатные брюки — в его представлении признак величайшей роскоши, а Марола даже обзавелся зонтиком. Только Клотц остался консервативным — никакие уговоры не действовали на него. До самого Гамбурга он не хотел переменить своего костюма; важно шагая в толпе своих товарищей, он презрительно оглядывал их, наблюдая за переменами, происходящими в их внешности.

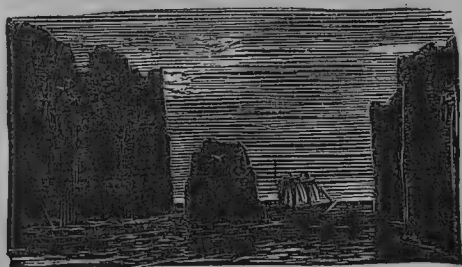
В полдень мы собрались на палубе «Николая», чтобы попрощаться с отправляющимися на родину русскими. Все, от чего мы могли отказаться, — несколько ружей, патроны, старые сапоги, жестяные котелки, резиновая бутылка, железные ложки и прочее — передали мы им в виде подарков. Русские ушли к себе на совещание. Вскоре они вернулись обратно. К нашим ногам они положили шкуры убитых белых медведей. Это был их ответный подарок. С благодарностью и преданностью пожимали они руки тех, кого так недавно спасли от верной смерти. Преподнесенные шкуры были наиболее ценной частью их добычи за все лето. Такой дорогой подарок могли дать только люди, способные на сильный сердечный порыв. Такой порыв свойственен только национальности этих людей, его нельзя было приписать ни религии их, ни воспитанию. Не считая Воронина, никто из наших спасителей несомненно никогда не проходил иной школы, кроме староверческой. А это консервативное религиозное течение обязывало их все приборы, которыми мы, чужеземцы, пользовались для еды на борту «Николая», изъять навсегда из употребления!

Столь же неутомимы были в своих стараниях удовлетворить все наши пожелания и наши норвежские друзья. Нельзя было пройти мимо дома в Варде без приглашения хозяев зайти к ним.

Возвращающийся из Варде в Гамбург почтовый пароход «Финмаркен» прибыл в порт. 5 сентября в полдень мы покинули Варде и прибыли в Тромсе. Здесь экспедиция попрощалась с бравым Карлсеном, вернувшимся на родину. На

борту «Тегеттгофа» он изучил такое количество новых языков, что родственникам его было трудно с ним объясняться. Карлсен когда-то принадлежал к той экспедиционной группировке, которая надеялась на возвращение через Берингов пролив. Судьба захотела иначе. Затеянный и составленный человеком план остался невыполненным, и все, что вывез Карлсен из экспедиции, состояло, не считая его лингвистических достижений и тяжело заработанного жалованья, всего лишь из трех предметов: белой, всегда бережно хранившейся оленьей шубы, старого парика и верного гарпуна.

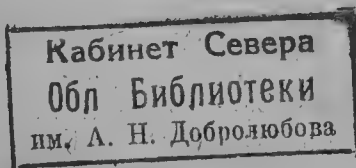
С пересечением полярного круга рассказ об экспедиции должен прерваться сам собой. Мы горели одним только желанием — скорее, возможно скорее добраться до родины. Мы не предполагали еще тогда, что наше возвращение превратится в торжество в честь науки, в котором примет участие все образованное человечество. Мы никогда не забудем той восторженности, с которой приветствовали успех экспедиции, того сердечного участия, которое проявилось в радости по поводу нашего спасения, и тех высоких отличий, которые выпали на долю участников нашего предприятия. Мы знали, что оказанная нам честь во много раз превышает нашу заслугу. Наконец, мы чувствовали, что получили наибольшее, что может дать свет: похвалу людей.

Кабинет Савера
Обл. библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие к русскому изданию	3
Полярная экспедиция 1871 года	
Путешествие на „Исбьерне“	23
Экспедиция 1872—1874 годов. Плавание на „Тегетгофе“	
В открытом море	45
Среди пловучих льдов	50
Дрейф в Новоземельском море	
Начало дрейфа	59
Первые ледовые сжатия	64
Полярная ночь	73
Жизнь на корабле	81
Ледовые сжатия в полярной ночи	92
Конец полярной ночи	94
Возвращение солнца и весна 1873 г.	100
Лето 1873 года	108
Новые земли	117
Охота на медведя	121
Осень и первое посещение земли	129
Вторая полярная ночь	135
Восход солнца в 1874 году. Решение покинуть корабль	142
Северное сияние	144
Санные экспедиции для исследования земли Франца-Иосифа	
Накануне отбытия на землю	151
О санных экспедициях вообще	154
Снаряжение санных экспедиций	160
Первая санная экспедиция	170
Мороз	178
Земля Франца-Иосифа	185
Вторая санная экспедиция	193
На крайнем Севере	208
Обратный путь к судну	220
Третья санная экспедиция	236
Метеорологические наблюдения	241
Возвращение в Европу	
Последние дни на „Тегетгофе“	247
По дрейфующим льдам	253
В открытом море	284

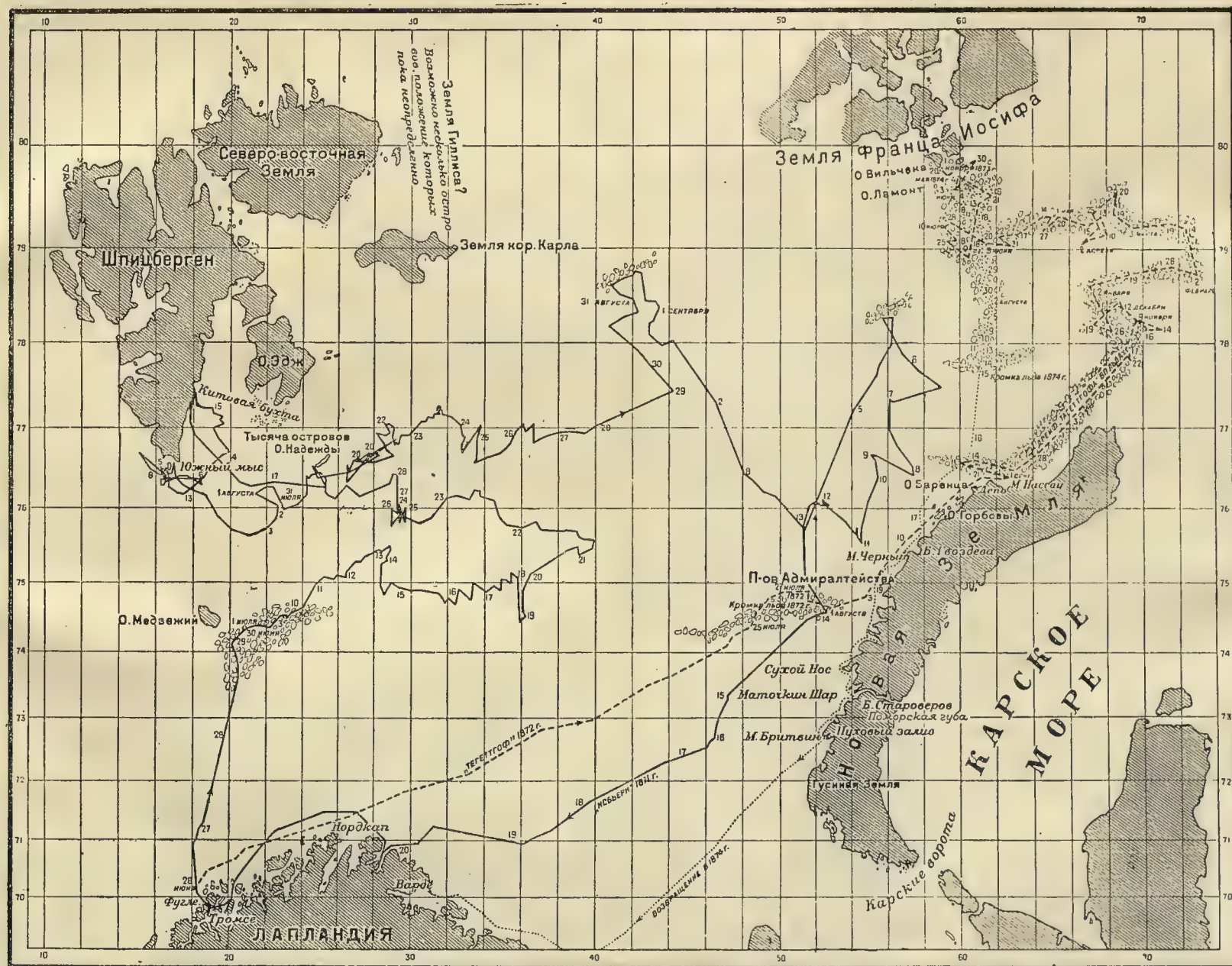

Переплет, супер - обложка,
форзац, заставки и концовки
работы худ. А. В. Каплуна

Отв. редактор И. Г. Ростовцев
Редактор серии М. М. Смирнов
Техн. редактор М. И. Никитин
Сдано в набор 23 февраля 1935 г.
Подписано к печати 13 июня 1935 г.
Формат бумаги 62×94 см. 80 000 зн.
в 1 бум. л. Объем: 22 п. л.; 11 бум. л.;
22 авт. л. Тираж 10 000 экземпляров

Ленгорлит № 15922. Заказ № 726
Изд. № 32

ЛОЦТ НКО СССР им. К. Ворошилова
Ленинград, ул. Герцена, д. 1

Юлиус Пайер

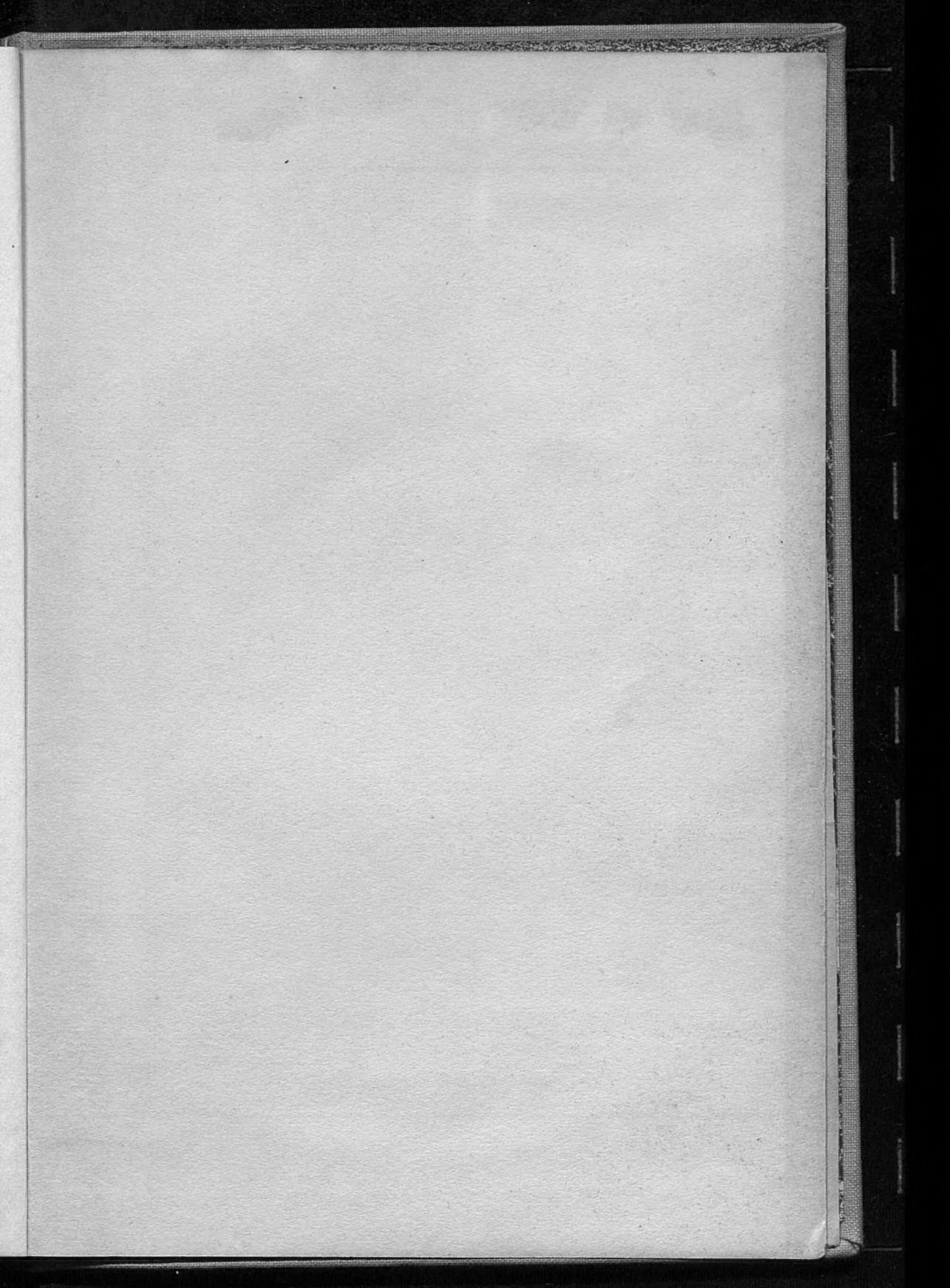
Карта Баренцова (Новоземельского) моря

Каб. т Севера
Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВСЕВМОРПУТИ**

Полярная библиотека

Готовятся к печати:

В. БАРЕНЦ
Путевой дневник
(*Diarium nauticum*)

Л. БЕРГ
Плавание Беринга и открытие
Камчатки

М. и М. УСПЕНСКИЕ
Очерки по истории экспеди-
ции Биллингса

Н. Н. УРВАНЦЕВ
Два года на Северной Земле

Р. ПИРИ
Открытие Северного полюса

Д. МОУСОН
В стране пурги

ЦЕНА 7 р. 50 н.

Переплет 1 р. 50 н.

ERA 7 345

PERMIT 242

PERMIT 242

PERMIT 242